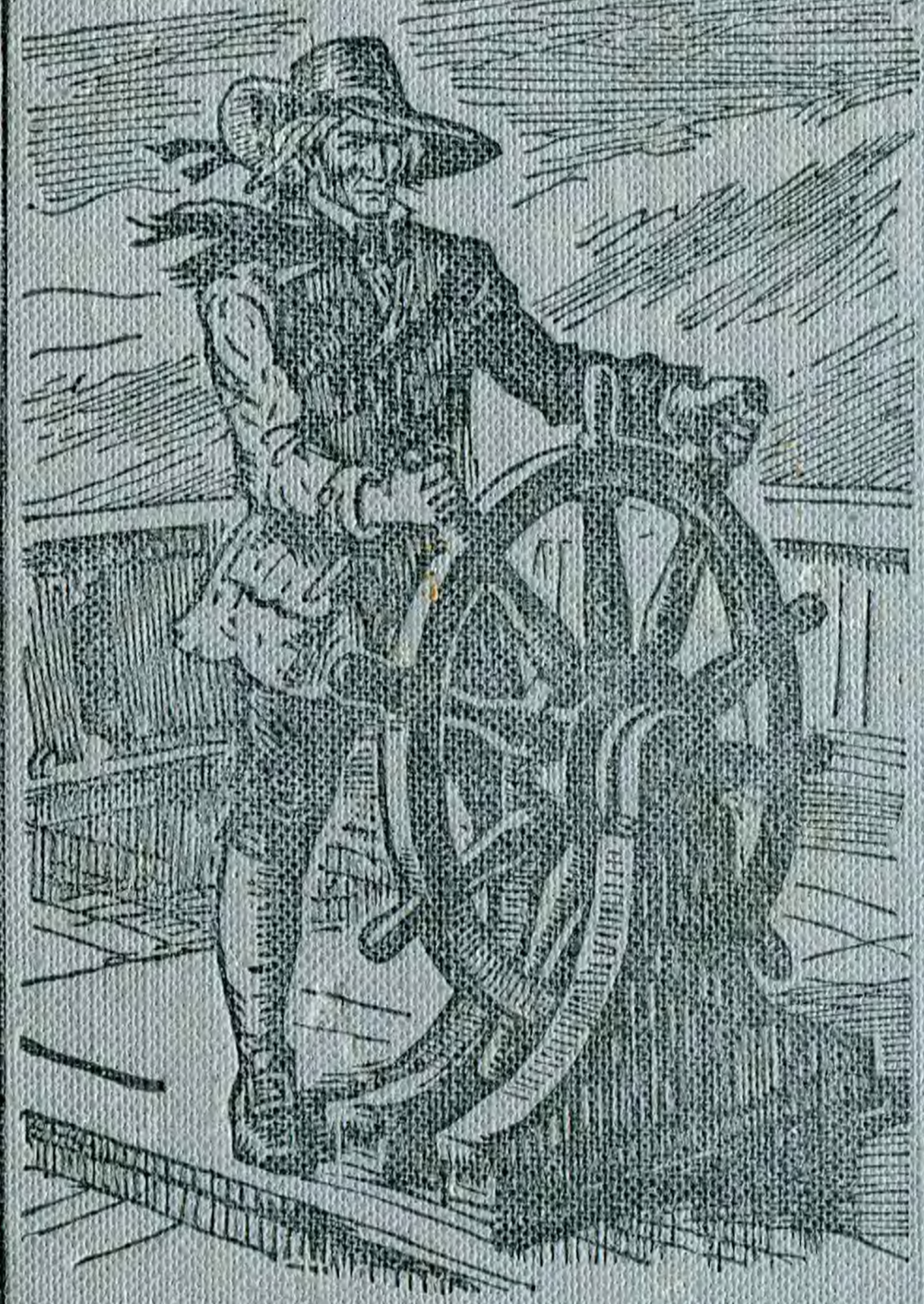


ФЕНИМОР КУПЕР

ЛОЦМАН

ДЕТГИЗ · 1959

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1959

Фенимор Купер

ЛОЦМАН

РОМАН

Рисунки
И. Кускова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Перевод с английского
Н. Емельянниковой

Редактор Д. Горфинкель

Послесловие А. Наркевича

ГЛАВА I

Волны в неустанном беге
Бились о его борта[1].

Песня

Достаточно читателю бегло взглянуть на карту, чтобы уяснить себе, как восточное побережье Англии расположено по отношению к берегам Европейского континента. В совокупности они образуют границы небольшого моря, уже много веков известного миру как арена морских подвигов и как путь, по которому торговля и война водили флоты северных народов Европы. Вопреки здравому смыслу, обитатели Британских островов давно домогались исключительного права на этот общий путь, отчего часто возникали конфликты, которые вели к кровопролитию и издержкам, вовсе не соответствовавшим выгоде, которую можно было извлечь. Через воды этого спорного моря мы и хотим повести читателя, выбрав для нашего рассказа время, особенно интересное для каждого американца не только потому, что это был день рождения его нации, но и потому, что именно в это время разум и здравый смысл начали вытеснять обычаи и пережитки феодализма в управлении судьбами народов.

Однажды, вскоре после того как революционные события вовлекли в наш спор королевства Франции и Испании, а также Голландскую республику, на северо-восточном побережье Англии в поле, открытом морским ветрам, собралась группа сельских жителей. Эти труженики дали себе передышку и пытались разогнать сумрачность декабрьского дня, обмениваясь соображениями по поводу политических новостей. Они и раньше слыхали,

[1] Здесь и далее стихотворные эпиграфы даются в переводе Д. Горфинкеля.

что Англия ведет войну с какими-то колониями [1] по другую сторону Атлантики, но эти слухи мало их интересовали по причине отдаленности и туманности событий. Но, когда против Англии вооружились государства, с которыми она часто воевала и раньше, грохот войны потревожил спокойствие даже этих далеких от общественной жизни крестьян. Главными ораторами на сей раз были гуртовщик-шотландец, поджидавший здесь арендатора близлежащих полей, и работник-ирландец, который пересек пролив и прошел от одного побережья Англии до другого в поисках заработка.

— Если бы не французы да испанцы, старушка Англия сама, и без помощи Ирландии, давно бы расправилась с этими туземцами, — сказал он. — Нам-то уж, во всяком случае, от них одна беда: теперь все время нужно быть трезвым, как священнику за обедней, а то и оглянуться не успеешь — угодишь в солдаты [2].

— Знаем, знаем, что вы там в Ирландии собираетесь на войну только под грохот барабана, сделанного из бочонка с виски! — заметил гуртовщик, подмигивая остальным слушателям. — Вот у нас на севере легко собрать народ: шотландцы пойдут за трубами так же чинно, как воскресным утром в церковь. Мне как-то довелось увидеть список солдат горного полка, и представьте — он уместился на таком клочке бумаги, который могла бы прикрыть ручка благородной дамы. Всё Камероны да Макдональды [3], хотя в строю их насчитывалось целых шестьсот душ... Но взгляните-ка сюда! У этого малыша непозволительная для морского судна любовь к суше, и,

---

[1] Здесь имеется в виду освободительная война английских колоний в Северной Америке за свою независимость в 1775—1783 годах. В этой войне на стороне восставших колоний сражались противники Англии — Франция (с 1778 г.), Испания (с 1779 г.), Голландия (с 1781 г.). Четвертого июля 1776 года была принята Декларация независимости, провозгласившая отделение колоний от Англии и образование независимого государства — Соединенных Штатов Америки.

[2] В Англии в то время не было обязательной воинской повинности; она была введена в 1916 году, во время первой мировой войны. Армия комплектовалась вербовкой рекрутов. Контракт заключался или пожизненно, или на определенный срок (3 или 5 лет), или до окончания войны. Чтобы заставить рекрутов подписать контракт, вербовщики часто спаивали их, и те подписывали его.

[3] Камерон и Макдональд — очень распространенные в Шотландии фамилии.

если дно моря похоже на его поверхность, малыш может разбиться!

Столь неожиданная перемена темы заставила всех обратить взоры в сторону, куда указывал посохом наблюдательный гуртовщик. К своему крайнему удивлению, они увидели небольшое судно; оно медленно огибало мыс, заканчивавший с одной стороны маленькую бухту, на другом берегу которой находилось поле, где трудились наши крестьяне. Внешность нежданного гостя была весьма своеобразна, что не могло не усилить удивления, вызванного его прибытием в эти глухие места. Никакие суда, кроме самых мелких да принадлежащих отчаянным контрабандистам, которые изредка навещали здешние места, не рисковали приблизиться к берегу на этом участке, изобиловавшем подводными камнями и песчаными наносами. Отважные моряки, которые пустились в столь рискованное предприятие и действовали так безрассудно, явились сюда на низкой черной шхуне [1]. Корпус ее, казалось, совсем не соответствовал высоте наклоненных назад мачт, несших еще более легкий рангоут; чем выше, тем он был короче, и самые верхушки были не шире узкого вымпела, который никак не мог развернуться на слабом ветру.

Короткий день этих северных широт уже угасал, и солнце, бросая косые прощальные лучи на поверхность моря, то здесь, то там касалось угрюмых волн полосами бледного света. Штормовые ветры Северного моря, казалось, ушли на покой, и, хотя неумолчный прибой, набегая на берег, придавал еще большую мрачность солнечному закату и окружающей местности, легкая рябь, бороздившая сонные валы, вызывалась лишь тихим ветерком с суши. Несмотря на это благоприятное обстоятельство, море, казалось, таило угрозу. Оно глухо рокотало, как вулкан накануне извержения, усиливая чувство изумления и страха, с которым крестьяне воспринимали необычное явление, нарушившее спокойствие их маленькой бухты. Распустив только огромный грот да легкий кливер, реявший далеко впереди носа судна, шхуна скользила по воде с такой грацией и легкостью, что зрителям это казалось волшебством, и они, оторвав взор от моря, переглядывались в немом изумлении. Наконец гуртовщик тихим, торжественным голосом сказал:

[1] Объяснение морских терминов см. в специальном словаре в конце книги.

— Храбрый малый, должно быть, стоит там у руля! И, если у этой посудины днище деревянное, как у бригантин, что ходят между Лондоном и Лит-портом [1], значит, ее ждет опасность, какой благоразумный человек не должен бы допускать... Смотрите! Она уже у большой скалы, что всегда высовывает голову при отливе. Нет, ни один смертный не может долго идти этим путем: он дойдет до «земли», но она будет под водой!

Однако маленькая шхуна продолжала двигаться среди рифов и мелей, время от времени слегка меняя курс; это доказывало, что ее ведет человек, сознающий опасность. Когда же судно углубилось в бухту, насколько это было возможно без чрезмерного риска, ее паруса, словно сами собой, собрались в складки. Покачавшись несколько минут на длинных валах, набегавших с открытого моря, шхуна развернулась на приливном течении и стала на якорь.

Теперь крестьяне начали более оживленно высказывать свои догадки насчет цели этого визита: одни предполагали, что судно занимается контрабандой, другие приписывали ему враждебные намерения, утверждая, что задача у него военная... Высказывались также смутные намеки, что с этим судном дело не чисто. «Ни одно судно, — настаивали сторонники этой точки зрения, — будь оно построено человеком, не осмелилось бы зайти в такое место да еще в час, когда даже самый неискушенный в морских делах береговой житель мог предсказать шторм». Шотландец, усвоивший от своих земляков не только их сметливость, но и в немалой мере их суеверие, придерживался этой последней теории и начал было с некоторой осторожностью и почтением приводить свои доводы, как вдруг сын Эрина [2], который, видимо, не имел определенного мнения по этому вопросу, перебил его, воскликнув:

— Смотрите! Их, оказывается, два: маленькое и большое. Если это морские духи, они, видать, любят хорошую компанию не меньше, чем прочие добрые христиане!

— Два! — отозвался гуртовщик. — Два! От них мо-

[1] Лит-порт — порт в Великобритании на восточном побережье Шотландии. С 1920 года входит в состав города Эдинбурга.

[2] Сын Эрина — ирландец; от Эрин — древнего названия Ирландии.

жет быть много беды. Два судна сразу, да еще в таком месте, где простым глазом не рассмотришь опасность, и притом они без людей! Жди несчастья, кто смотрит на них... Вот те на! А ведь второе-то совсем не маленькое! Глядите, добрые люди, глядите! Это — отличный, большой корабль!

Он замолчал, поднял с земли свой узелок и, еще раз окинув испытующим взором подозрительные суда, многозначительно посмотрел на слушателей и продолжал, медленно удаляясь от берега:

— Я бы не удивился, если бы оказалось, что это военный корабль нашего короля Георга [1]. Отправлюсь-ка я прямо в город и поговорю со знающими людьми: уж больно подозрительный вид у этих судов; малышу ничего не стоит сцапать человека, а большой проглотит всех нас и сытее не станет.

Это предостережение встревожило присутствующих, ибо в то время ходили усиленные слухи о новом рекрутском наборе. Работники собрали инструменты и ушли домой. И, хотя из-за отдаленных холмов за маневрами судов следила не одна пара любопытных глаз, очень немногие из тех, кто интересовался таинственными посетителями, осмеливались приблизиться к окаймлявшим бухту утесам.

Судно, побудившее местных жителей благоразумно удалиться, было красивым кораблем, огромный корпус, высокие мачты и длинные реи которого неясно вырисовывались в легкой вечерней дымке, спускавшейся над морем. Корабль казался горой, рожденной морской пучиной. Он нес немного парусов и, хотя не решался подойти к берегу так близко, как шхуна, тем не менее производил схожие маневры, подтверждая предположение о том, что цель у них одна. Фрегат — ибо большой корабль принадлежал к этому классу судов — величественно прошел с попутным приливом через вход в маленькую бухту. Он подвигался в воде лишь с той скоростью, какая была необходима, чтобы он слушался руля. Приблизившись к своему спутнику, корабль тяжело развернулся на ветер и, расправляя огромные реи на грот-мачте, чтобы уравновесить действие одних парусов другими, попытался лечь в дрейф. Однако легкий ветер, наполнявший до это-

[1] В Англии в то время правил король Георг III (1760—1820).

го его тяжелые паруса, начал спадать, а береговой бриз перестал рябить длинные волны, катившиеся с открытого моря. Течением и волнами корабль понесло в самую глубину бухты, где из воды высовывались черные головы длинной гряды рифов, уходившей далеко в море. Тогда и на фрегате отдали якорь и взяли паруса на гитовы, притянув их фестонами к реям. Как только судно развернулось по течению, на гафеле бизань-мачты взвился тяжелый флаг, и, когда порыв ветра на мгновение расправил его складки, стал отчетливо виден красный крест на белом поле — эмблема Англии, как успел разглядеть благоразумный гуртовщик, остановившийся на почтительном расстоянии. Но, лишь только с обоих судов спустили по шлюпке, гуртовщик ускорил шаги, заметив своим удивленным товарищам, которых забавляло его поведение, что «на эти суда лучше смотреть издали, чем вблизи».

В катере, спущенном с фрегата, заняла свои места многочисленная команда гребцов, и, после того как к ним сошел офицер, сопровождаемый юношей-гардемарином, катер отвалил от корабля и, подгоняемый мерными ударами весел, направился в сторону берега. Когда катер приблизился к шхуне, от нее отделился легкий вельбот, на веслах которого сидели четыре атлетически сложенных молодца, и, скорее танцуя на волнах, чем разрезая их, с удивительной быстротой двинулся вперед напересечку. Как только шлюпки сблизились, матросы по сигналу офицеров прекратили свои усилия, и в течение нескольких минут, пока они отдыхали, произошел следующий разговор.

— Старик с ума сошел, что ли? — крикнул с вельбота молодой офицер, лишь только его матросы перестали грести. — Он, наверное, полагает, что у «Ариэля» днище железное, так что и скала не сделает в нем пробоины? Или он думает, что на «Ариэле» служат крокодилы, которые и в воде не тонут?

Слабая улыбка на миг озарила красивое лицо молодого человека, который полулежал на кормовой банке катера.

— Ему отлично известна ваша осторожность, капитан Барнстейбл, — ответил он, — и потому он не боится за судьбу вашего судна и команды. Сколько воды у вас под килем?

— Боюсь даже замерить, — ответил Барнстейбл. — Мне страшно взяться за лот при виде скал, которые, как дельфины, выскакивают из воды прямо на глазах.

— Вы все же на плаву! — воскликнул его собеседник со страстью, указывавшей на избыток скрытого в нем огня.

— На плаву! — повторил его друг. — Да маленький «Ариэль» поплывет и по воздуху! — С этими словами он встал, снял с головы кожаную морскую фуражку и, откинув назад густые пряди спустившихся на загорелый лоб черных вьющихся волос, с удовлетворением моряка, который гордится качествами своего судна, оглядел шхуну. — Но не очень-то легко, мистер Гриффит, стоять в таком месте на одном-единственном якоре, да еще когда приближается ночь. Каковы будут приказания?

— Я войду в прибой и стану на якорь. Вы же примете на борт мистера Мерри и постараетесь через буруны прорваться на берег.

— На берег? — повторил Барнстейбл. — Неужели вы называете берегом отвесную скалу, которая торчит из воды на сотню футов вверх?

— Не будем спорить насчет терминов, — улыбаясь, сказал Гриффит. — Ваша задача в том, чтобы добраться до берега. Мы видели сигнал оттуда и знаем, что лоцман, которого мы так давно ждем, готов прибыть к нам.

Барнстейбл с мрачным видом покачал головой.

— Веселенькое у нас плавание, — пробормотал он себе под нос: — сначала вошли в глухой залив, полный скал, песчаных ловушек и банок, а теперь еще должны принять на борт лоцмана. Но как я его узнаю? — добавил он вслух.

— Мерри сообщит вам пароль и укажет место, где вы должны искать этого человека. Я высадился бы сам, но данные мне инструкции это запрещают. Если вы столкнетесь с затруднениями, покажите три весла лопастями вверх, и я тотчас приду вам на помощь. Если увижу три весла в ряд и услышу пистолетный выстрел, я открою огонь из мушкетов, а сигнал, повторенный с катера, приведет в действие орудия фрегата.

— Покорно вас благодарю! — беспечно ответил Барнстейбл. — Я полагаю, что сам справлюсь со всеми врагами, которых мы можем встретить на этом берегу. Но старик, ей-богу, спятил. Я бы...

— Будь он здесь, вы бы выполнили его приказания, а сейчас прошу подчиняться мне, — проговорил Гриффит суровым тоном, которому противоречил его дружеский взгляд. — Отправляйтесь и отыщите человека небольшого роста, в коричневом камзоле. Мерри сообщит вам пароль. Если человек ответит должным образом, доставьте его на катер.

Молодые люди дружески кивнули друг другу, и юноша, которого назвали мистером Мерри, перешел из катера в вельбот. Барнстейбл занял свое место, и по его сигналу матросы снова налегли на весла. Легкий вельбот рванулся прочь от катера и отважно ринулся в сторону скал. Пройдя на некотором расстоянии вдоль берега в поисках благоприятного места для прохода через полосу прибоя, вельбот круто развернулся и, стремительно преодолевая буруны, направился туда, где высадка казалась наиболее безопасной.

Тем временем катер медленно следовал за вельботом. Заметив, что вельбот притянут бортом к одному из камней, Гриффит приказал, как и обещал, отдать шлюпочный якорь, а затем экипаж катера привел в боевую готовность свое оружие. Видно было, что люди заранее получили точные наставления, ибо молодой человек, который был представлен читателю под именем Гриффита, говорил редко и немногословно, как, впрочем, и свойственно тому, кто привык командовать. Как только катер стал на якорь, Гриффит во всю длину растянулся на мягком сиденье и, надвинув шляпу на глаза, с рассеянным видом отдался мыслям, совершенно чуждым его настоящему положению. Однако время от времени он поднимался, отыскивал глазами своих товарищей, высадившихся на берег, а затем обращал выразительный взор в сторону моря, и тогда рассеянный и безучастный вид, который так часто сменял оживленное и одухотворенное выражение его лица, уступал место внимательному и разумному взгляду опытного не по летам моряка. Закаленные и отважные матросы, приготовившись к борьбе, сидели молча, засунув руки в нагрудные карманы курток, но напряженно следя за клубящимися тучами. Вид этих туч становился все более грозным, и люди тревожно переглядывались всякий раз, когда катер подымался выше обычного на длинных, тяжелых валах, которые все чаще и все с большей силой набегали с просторов моря.

ГЛАВА II

...ты лик прелестный свой
И стан девический плащом укрой.
В толпе мужчин пошире делай шаг.
Не трусь, и ты не попадешь впросак.

Прайор

Когда вельбот, о чем мы уже рассказали, подошел к берегу, молодой лейтенант, которого все как командира шхуны называли капитаном, вышел на береговые скалы в сопровождении юноши-гардемарина, пересевшего к нему из катера, чтобы помочь в этой рискованной экспедиции.

— В крайнем случае, нам придется воспользоваться штормтрапом, — сказал Барнстейбл, бросая взгляд на крутой склон, — но это отнюдь не означает, что наверху, когда мы влезем туда, нас примут с распростертыми объятиями.

— Мы под защитой пушек фрегата, — возразил юноша, — и вам следует помнить, сэр, что три весла и выстрел, повторенный на катере, вызовут залп этих пушек.

— Да, на нашу собственную голову! Никогда не будьте таким дураком, мой милый, чтобы доверять дальней пальбе. От нее много дыма и грохота, но это весьма несовершенный способ швырять чугун. В таком деле, как наше, я скорее предпочту положиться на Тома Коффина[1] с его гарпуном, чем на лучший залп, когда-либо прогремевший со всех трех палуб девяностопушечного корабля. А ну, мистер Коффин, соберись-ка с силами и погуляй по этой terra firma![2]

Моряк, носивший такое страшное имя, медленно поднялся с места рулевого вельбота и, казалось, рос в воздухе, распрямляя все сгибы своего тела. Когда он выпрямился окончательно, рост его составил около шести фу-

---

[1] Коффин — в прямом значении — гроб.
[2] Terra firma (лат.) — твердая земля.

тов и примерно столько же дюймов, однако в вертикальном положении он сильно сутулился, потому что привык жить в низких корабельных помещениях. Фигура его отличалась угловатостью, так как сложен он был нескладно, но огромные жилистые руки свидетельствовали о гигантской силе. Островерхая шерстяная шапочка придавала грубым и резким чертам его лица, окаймленного черными бакенбардами с пробивавшейся кое-где сединой, какую-то своеобразную торжественность и степенность. Одной рукой он инстинктивно прижимал к себе сверкавший гарпун. Нижний конец его Том упер в землю, когда, подчиняясь приказу командира, покинул шлюпку, где, принимая во внимание его огромный рост, занимал удивительно мало места.

Как только капитан Барнстейбл получил это подкрепление, он дал матросам, оставшимся в вельботе, несколько указаний о том, какие меры предосторожности следовало принять, и стал с трудом карабкаться на скалу. Несмотря на природную смелость, из попыток Барнстейбла ничего бы не вышло, если бы ему время от времени не помогал рулевой. Невероятная сила и огромная длина рук и ног облегчали Тому задачу, неразрешимую для большинства смертных. Уже находясь в нескольких футах от вершины, они воспользовались выступом скалы, чтобы передохнуть и посоветоваться о дальнейших действиях.

— Неважное здесь место для отступления, если мы натолкнемся на неприятеля, — заметил Барнстейбл. — Где нам искать этого лоцмана, мистер Мерри, и как узнать его? И почему вы уверены, что он не предаст нас?

— Вопрос, который вы должны ему задать, вы прочтете на этом клочке бумаги, — ответил юноша, протягивая Барнстейблу записку со словами пароля. — Мы указали на скалу вон на том мысу, но он, наверное, видел наш вельбот и направится за нами сюда. Что же касается ваших подозрений, то капитан Мансон, по-видимому, доверяет ему, ибо он усиленно разыскивает его, с тех пор как мы приблизились к берегу.

— Да, — пробормотал лейтенант, — а теперь, когда мы уже *на* берегу, усиленно разыскивать его должен я. Не нравится мне такое плавание, когда приходится вплотную жаться к берегу, и не очень-то я доверяю перебежчикам. А ты что думаешь об этом, мистер Коффин?

Старый моряк, услышав свое имя, бросил на командира суровый взгляд и столь же сурово ответил:

— Дайте мне морской простор, сэр, да хорошие паруса, и не нужны мне никакие лоцманы! Я родился на борту судна, возившего табак, и по сей день, если мне нужна земля, то разве какой-нибудь островок, где можно было бы выращивать овощи да вялить рыбу. От одного вида земли у меня, ей-богу, тревожно на душе, пока не подует ветер прямо от берега.

— Ах, Том, какой ты разумный малый! — не то шутливо, не то серьезно сказал Барнстейбл. — Однако нам пора двигаться дальше. Солнце уже садится, и боже упаси нас оставаться тут на якоре всю ночь!

Схватившись рукой за выступ скалы над головой, Барнстейбл мощным рывком поднялся выше и, сделав два-три отчаянных прыжка, очутился на вершине утеса. Рулевой неторопливо подсадил гардемарина после офицера и наконец с осторожностью, но без больших усилий взобрался наверх и сам.

Когда наши смельчаки вступили на ровную землю над утесами и начали с любопытством оглядываться, они увидели вспаханные поля, размежеванные, как обычно, изгородями и заборами. На целую милю вокруг не было видно ни одного человеческого жилья, кроме маленькой полуразвалившейся хижины — люди старались селиться подальше от морских туманов и сырости.

— Тут, кажется, и опасаться нечего и искать некого, — заметил Барнстейбл, осмотрев все кругом. — Пожалуй, мы напрасно высадились на берег, мистер Мерри!.. Что скажешь, Длинный Том? Ты что-нибудь видишь?

— Лоцмана я не вижу, сэр, — ответил рулевой, — зато тут есть кое-что другое, чем было бы неплохо поживиться. Вон под теми кустами я приметил добрый кусок свежего мяса. Он составил бы двойной рацион для всего экипажа «Ариэля».

Гардемарин рассмеялся, указывая Барнстейблу на привлекший внимание рулевого предмет. Это был тучный бык, который жевал жвачку под изгородью в нескольких шагах от них.

— У нас на борту нашлось бы немало голодных молодцов, — заметил гардемарин, — которые охотно поддержали бы предложение Длинного Тома, если бы время и обстоятельства позволили нам убить животное.

— Да это минутное дело, мистер Мерри, — возразил рулевой и, не шевельнув и бровью, с силой вонзил гарпун в землю, а затем взял его наперевес. — Стоит капитану Барнстейблу сказать лишь слово, и я вмиг загарпуню быка. Не раз загонял я это железо в китов... Правда, на них нет такого слоя жира, как на этой скотине.

— Ты сейчас не на китобойном промысле, где годится в добычу все, что попадется на глаза, — возразил Барнстейбл и сердито отвернулся от быка, словно не доверяя собственной воздержанности. — Но погодите! Я вижу — кто-то крадется вдоль изгороди. Будьте начеку, мистер Мерри! Может быть, не говоря ни слова, нам пустят пулю в лоб.

— Но не этот человек, — беспечно ответил юноша. — Он, подобно мне, молод и вряд ли рискнет схватиться с такой грозной силой, как наш отряд.

— Вы правы, — согласился Барнстейбл и перестал сжимать в руке пистолет. — Он идет осторожно, словно чего-то боится. Ростом этот человек мал, и, хотя одет он во что-то коричневое, его одежда мало похожа на камзол. Быть может, это все-таки тот, кого мы ищем. Останьтесь здесь, а я пойду окликну его.

Когда Барнстейбл быстрыми шагами направился к изгороди, отчасти скрывавшей незнакомца, последний остановился и, казалось, колебался, идти ли ему вперед или назад. Но, прежде чем он успел принять решение, энергичный моряк очутился уже в нескольких шагах от него.

— Скажите, сэр, — обратился к нему Барнстейбл, — какая вода в этой бухте?

Услышав этот вопрос, маленький незнакомец вздрогнул и невольно отпрянул в сторону, словно хотел скрыть свое лицо.

— Я думаю, что это воды Северного моря, — едва слышным голосом ответил он.

— Вот как? Сразу видно, что на своем коротком веку вы прилежно изучали географию, раз так хорошо осведомлены, — сказал лейтенант. — Может быть, сэр, вы настолько же сведущи, чтобы ответить мне, сколько времени мы проведем вместе, если я, желая насладиться вашей мудростью, возьму вас в плен?

Юноша, которому были адресованы столь грозные слова, ничего не ответив, отвернулся и закрыл лицо руками, а воинственный моряк, решив, что произвел на со-

беседника достаточно сильное впечатление, приготовился продолжать допрос. Однако сильная дрожь, охватившая все тело незнакомца, так озадачила лейтенанта, что он был вынужден еще немного помолчать, как вдруг, к крайнему изумлению своему, заметил, что юноша дрожит не от страха, а от стараний сдержать овладевший им приступ смеха.

— Клянусь всеми китами в море, — вскричал Барнстейбл, — ваше веселье неуместно, юный джентльмен! С меня хватит и того, что мне приказали стать на якорь в этой проклятой бухте, когда шторм почти на носу! Неужели в ту минуту, когда мне следует позаботиться о том, чтобы поскорее выйти в море и тем спасти душу и тело, я позволю смеяться над собой мальчишке, у которого не хватило бы силы носить бороду, вырасти она у него! Подожди, я познакомлюсь с тобой и твоими шутками поближе, когда притащу тебя в свою каюту! Ты будешь развлекать меня, чтобы я не спал до конца рейса.

С этими словами командир шхуны приблизился к незнакомцу, намереваясь схватить его, но юноша отпрянул в сторону и, протянув руку, воскликнул голосом, в котором теперь подлинный страх победил веселье:

— Барнстейбл! Милый Барнстейбл! Неужели вы способны обидеть меня?

При этих словах изумленный моряк отступил на несколько шагов и, сорвав с головы фуражку, протер глаза.

— Что я слышу? Что я вижу? — воскликнул он. — Там, в бухте, стоит «Ариэль», а подальше — фрегат. Может ли это быть Кэтрин Плауден?

Его сомнения, если таковые еще оставались, вскоре совсем рассеялись, ибо незнакомец — вернее, незнакомка уселась на ближайший пригорок в такой позе, при которой женская робость очаровательно противоречила мужскому наряду, и залилась веселым смехом.

С этой минуты все мысли о полученном поручении, о лоцмане и даже об «Ариэле» исчезли из головы моряка. Подбежав к девушке, он тоже начал смеяться, хотя едва ли сам понимал, почему.

Когда развеселившаяся девушка немного овладела собой, она повернулась к молодому человеку, который, усевшись рядом с ней, добродушно ждал, когда она перестанет над ним смеяться.

— Простите меня, — сказала она. — Глупо и даже жестоко, что я до сих пор не объяснила вам причину моего неожиданного появления, а также этого странного маскарада.

— Я обо всем догадываюсь! — воскликнул Барнстейбл. — Вы узнали о нашем прибытии и спешите выполнить данное мне в Америке обещание. Больше я ни о чем не спрашиваю. Священник фрегата...

— ...может и дальше читать свои бесполезные молитвы, — договорила за моряка девушка. — Никто не произнесет надо мной брачного благословения до тех пор, пока я не достигну цели своего рискованного предприятия. Вы ведь никогда не были эгоистом, Барнстейбл. Неужели вы захотите, чтобы я забыла о счастье других?

— О ком вы говорите?

— О моей бедной, любящей меня кузине. Я узнала, что два судна, отвечающие описанию фрегата и «Ариэля», появились у наших берегов, и тотчас решила увидеться с вами. Целую неделю я, надев это платье, следила за вами, но безуспешно. Сегодня я заметила, что вы подошли к берегу ближе обычного, и, как видите, моя смелость была вознаграждена.

— Да, честное слово, мы стали ближе к берегу, чем это желательно! Но известно ли капитану Мансону о вашем намерении попасть к нему на корабль?

— Конечно, нет. Никто об этом и понятия не имеет, кроме вас. Я думала, что если бы вы с Гриффитом узнали о нашем положении, то непременно попытались бы освободить нас из того рабства, в какое мы попали. На этом листе бумаги я изложила сведения, которые, наверное, возбудят в вас рыцарские чувства. Изложенным здесь вы можете руководствоваться в ваших действиях...

— В наших действиях! — прервал ее Барнстейбл. — Вы сами будете нашим лоцманом.

— Тогда их будет двое! — раздался поблизости хриплый голос.

Испуганная девушка вскрикнула и вскочила на ноги, но инстинктивно прижалась к возлюбленному, ища защиты.

Узнав голос своего рулевого, Барнстейбл гневно взглянул на Коффина, честная физиономия которого виднелась над изгородью, и потребовал от него объяснений.

— Видя, что вы ушли за горизонт, сэр, и опасаясь, что погоня может посадить вас на мель, мистер Мерри решил послать разведчика. Я сказал ему, что вы разбираете почтовые мешки курьера в ожидании новостей, но ведь он офицер, сэр, а я лишь рядовой матрос, и мне пришлось выполнить его приказание.

— Вернитесь, сэр, туда, где я приказал вам оставаться, — сказал Барнстейбл, — и передайте мистеру Мерри, чтобы он ждал моих распоряжений.

— Есть, сэр! — послушно ответил привыкший повиноваться матрос, но, прежде чем уйти, протянул мощную руку в сторону моря и торжественным голосом, который весьма соответствовал его опасениям и характеру, произнес: — Я научил вас вязать риф-штерты и обносить сезни, капитан Барнстейбл, а впервые попав на борт «Спелмэсити», вы, помнится, не могли правильно сделать два простых полуштыка. Этому человека можно обучить довольно скоро, но вот, чтобы научиться распознавать погоду, мало всей жизни. В море заметны полосы штормового ветра, и они, словно команда «убавить паруса», очень понятны всем, кто видит их и умеет читать в облаках волю божью. Кроме того, сэр, разве вы не слышите, как стонет море? Близок час его пробуждения.

— Верно, Том, — ответил офицер, подходя к краю утеса и окидывая опытным взглядом угрюмую стихию. — Ночь действительно будет грозной, но прежде всего надо найти лоцмана и...

— Может, вот это лоцман? — перебил его рулевой, указывая на человека, который стоял неподалеку, наблюдая за их действиями, в то время как за ним, в свою очередь, внимательно следил молодой гардемарин. — Дай бог, чтобы он хорошо знал свое дело, ибо, чтобы выбраться с этой мерзкой стоянки, днищу корабля потребуются глаза.

— Наверное, это он! — воскликнул Барнстейбл, тотчас вспомнив о своих обязанностях.

Он перекинулся еще несколькими словами со своей собеседницей и, оставив ее в тени изгороди, направился к незнакомцу. Подойдя к нему на расстояние голоса, командир шхуны спросил:

— Какая вода в этой бухте?

Незнакомец, который, казалось, только и ждал этого вопроса, ответил, ни секунды не колеблясь:

— Достаточно глубокая для того, чтобы могли безопасно выбраться те, кто ей доверился.

— Вас-то мне и надобно! — воскликнул Барнстейбл. — Готовы ли вы отправиться в путь?

— Готов и буду рад! — ответил лоцман. — Мы должны спешить. Я дал бы сотню лучших из когда-либо отчеканенных гиней, лишь бы солнце, которое только что скрылось, светило еще два часа или, по крайней мере, чтобы сумерки длились половину этого времени.

— Вы считаете наше положение настолько серьезным? — спросил лейтенант. — Тогда прошу вас следовать за этим джентльменом к вельботу. Когда вы спуститесь с утеса, я сейчас же присоединюсь к вам. Кажется, я уговорю еще одного человека отправиться с нами.

— Время дороже, чем лишние люди, — сказал лоцман, бросив нетерпеливый взгляд из-под нависших бровей. — И за последствия задержки ответит тот, кто ее вызвал.

— Я отвечу, сэр, перед теми, кто имеет право требовать с меня отчета в моем поведении! — надменно ответил Барнстейбл.

На этом они расстались. Молодой офицер с нетерпением поспешил обратно к своей возлюбленной, продолжая негодовать и бормоча какие-то проклятия, а лоцман, механическим жестом затянув кожаный пояс вокруг коричневого камзола, в угрюмом молчании последовал за гардемарином и рулевым к вельботу.

Барнстейбл увидел, что Кэтрин Плауден ждет его в большом волнении, отчетливо отражавшемся в каждой черте ее умного лица. Несмотря на свой хладнокровный ответ лоцману, молодой человек прекрасно сознавал всю ответственность даже за малейшую задержку, поэтому, быстро взяв переодетую девушку под руку, он хотел было увлечь ее за собой, совсем позабыв о ее странном наряде.

— Пойдем, Кэтрин, — сказал он, — время не ждет.

— Что за необходимость вам так спешить? — спросила она, останавливаясь и выдергивая свою руку.

— Вы слышали зловещее предсказание моего рулевого по поводу погоды. Должен признаться, что и я того же мнения: нас ждет грозная ночь, но я не могу жалеть о том, что мы пришли к этим берегам, ибо здесь я встретился с вами.

— Упаси боже, чтобы кто-нибудь из нас имел основания жалеть об этом! — сказала Кэтрин, и тревожная бледность прогнала яркий румянец с ее оживленного лица. — Теперь у вас есть бумага — следуйте указаниям и выручите нас. Мы охотно сдадимся в плен, если вы и Гриффит будете нашими завоевателями.

— Что вы хотите этим сказать, Кэтрин? — воскликнул влюбленный лейтенант. — Вы и теперь уже в безопасности. Было бы безумием снова испытывать судьбу. Мой корабль приютит вас, пока мы не освободим вашу кузину. И, кроме того, помните: ваша жизнь принадлежит мне.

— А где вы спрячете меня тем временем? — спросила девушка, уклоняясь от протянутых к ней рук.

— На «Ариэле». Клянусь небом, вы будете командовать шхуной! А я останусь ее командиром только по названию.

— Благодарю вас, благодарю, Барнстейбл, но едва ли я способна занять такой пост! — возразила девушка, заливаясь смехом, и румянец, подобный отблеску заходящего летнего солнца, вновь покрыл ее щеки. Краски его, казалось, отражались даже в ее веселых глазах. — Не ошибитесь во мне, дерзкий! Если я решилась на поступок более смелый, чем дозволено женщине, то, помните, это лишь ради священного дела, и если я предприимчивее многих своих сестер...

— ...то это поможет вам преодолеть слабость вашего пола, — воскликнул Барнстейбл, — и доказать полное ко мне доверие!

— Это поможет мне в один прекрасный день стать для вас достойной женой.

С этими словами она повернулась и исчезла за углом ближайшей изгороди с такой быстротой, что молодой человек не успел ее задержать. Опомнившись, Барнстейбл бросился ее догонять, но успел лишь на мгновение увидеть в вечерних сумерках ее легкую фигурку, а затем она исчезла в густой роще, довольно далеко от места их разговора.

Барнстейбл собрался было вновь помчаться за ней, как вдруг воздух озарился вспышкой, и пушечный выстрел, прогремев в утесах, эхом отозвался в далеких холмах.

— А, заворчал старый хрыч! — пробормотал про се-

бя огорченный молодой человек и нехотя подчинился сигналу. — Теперь ты так же спешишь уйти от опасности, как спешил впутаться в нее!

Немедленный ответ трех мушкетов со шлюпки, находившейся внизу под скалой, заставил лейтенанта ускорить шаги, а когда он, пренебрегая осторожностью, начал быстро спускаться по опасному откосу скал, то опытным глазом уловил знакомые огни фрегата, который сигналил «всем шлюпкам вернуться к борту».

ГЛАВА III

В такие времена нам не к лицу
В обидах пустяковых разбираться.
Шекспир

Падавшая далеко на воду тень утесов и спустившаяся мгла скрыли досаду, омрачавшую обычно открытое чело Барнстейбла, когда он спрыгнул с каменистого берега в вельбот и уселся рядом с хранившим молчание лоцманом.

— Отваливай! — приказал лейтенант. — Пусть будет проклято безрассудство, которое подвергает опасности корабли и человеческие жизни в таком плавании! И все это лишь для того, чтобы сжечь какую-нибудь старую лайбу, перевозящую лес, или захватить врасплох норвежского купца! Шевелись, ребята, шевелись!

Несмотря на сильный прибой, который теперь с грозным грохотом разбивался о скалы, встревоженным морякам все же удалось направить свою легкую шлюпку наперерез волне, и через несколько секунд они ушли от того места, где опасность была особенно велика. Барнстейбл, по-видимому, не обращал большого внимания на шумевшие по обеим сторонам вельбота буруны и сидел, угрюмо созерцая пенистые барашки, мчавшиеся навстречу гряда за грядой. И, только когда вельбот мерно закачался на длинных морских волнах, он оглядел бухту в поисках катера.

— Гриффиту, видно, надоело качаться в своей мягкой колыбели, — пробормотал он. — Теперь нам, вместо того чтобы скорей вытащить шхуну из этого неуютного места,

придется идти к фрегату. А здесь хорошо только вздыхающим влюбленным: кусочек суши, немного воды да пропасть скал. Черт возьми, Длинный Том, теперь я готов согласиться с тобой, что островок на пути — вот и вся terra firma, нужная моряку!

— Справедливо сказано, сэр, вот настоящая философия, — ответил степенный рулевой. — Да и земля эта должна быть мягким грунтом или песчаной тиной, чтобы якорь держал крепко. Сколько глубоководных и простых ручных лотов потерял я на скалистом дне! Я люблю такие рейды, где лот отрывается от грунта легко, а якорь — тяжело... Но впереди по носу шлюпка, капитан Барнстейбл. Взять ее на абордаж, сэр, или просто задержать?

— Это наш катер! — воскликнул офицер. — Значит, Нед все-таки не бросил меня!

Громкое приветствие с приближавшейся шлюпки подтвердило его догадку, и через несколько секунд катер уже покачивался рядом. Гриффит теперь сидел выпрямившись, и в его серьезном тоне слышался легкий упрек.

— Почему вы потеряли столько драгоценного времени, когда каждая минута грозит нам новой опасностью? Я подчинился было сигналу, но, услышав плеск ваших весел, вернулся, чтобы захватить лоцмана. Ну как, удачно сходили?

— Вот ваш лоцман. Если ему действительно удастся найти проход через эти отмели, он оправдает свое имя. Ночь обещает быть такой, что без подзорной трубы не отыщешь и луны. Но, если бы вы знали, кого я встретил на этих проклятых скалах, вы простили бы мне задержку, мистер Гриффит!

— Надеюсь, вы встретили нужного человека, иначе мы совершенно напрасно подвергаемся опасности.

— Да, я встретил нужного нам человека, но, кроме того, я встретил еще одного! — с горечью ответил Барнстейбл. — Спросите у вашего юноши, Гриффит, спросите, что видели его молодые глаза!

— Рассказать? — со смехом воскликнул молодой гардемарин. — Я видел маленький замаскированный клипер, который еле удрал от видавшего виды линейного корабля, а еще я видел закутанного в плащ пирата, который был очень похож на мою кузину...

— Замолчите, болтун! — громовым голосом остановил

его Барнстейбл. — Этакой чепухой вы задерживаете нас в столь опасный час! Отправляйтесь на катер, сэр, и там на досуге можете изложить мистеру Гриффиту, если он захочет вас слушать, свои глупые догадки.

Юноша проворно перешагнул из вельбота на катер, где уже находился лоцман, и, с обиженным видом усевшись подле Гриффита, вполголоса сказал ему:

— Ну что ж, мистер Гриффит меня выслушает, если мысли и чувства его здесь, у английских берегов, остались те же, что и дома.

Лейтенант ответил ему молчаливым пожатием руки, а затем попрощался с Барнстейблом и приказал матросам грести к фрегату.

Катер и вельбот разошлись, и уже послышался равномерный плеск весел, когда лоцман впервые нарушил молчание.

— Весла в воду! — крикнул он. — Табань, приказываю я вам!

Матросы исполнили его распоряжение, и тогда, обернувшись в сторону вельбота, лоцман продолжал:

— Вы должны вывести шхуну в открытое море, капитан, и сделать это надо как можно скорее. Держитесь подальше от северного мыса и, когда поравняетесь с нами, подойдите на расстояние человеческого голоса.

— Инструкции ваши по выходу в море исчерпывающи и ясны, мистер лоцман, — ответил Барнстейбл, — но кто оправдает меня перед капитаном Мансоном, если я двинусь с места стоянки, не получив на то его указания? Мне было велено, черным по белому, привести «Ариэль» в это райское место, поэтому, прежде чем форштевень шхуны снова вспенит волну, я должен, по крайней мере, услышать или увидеть моего командира. Выйти из этой бухты, наверное, так же трудно, как и войти сюда, а ведь входили мы при дневном свете, располагая, кроме того, вашими письменными инструкциями для прокладки курса.

— Значит, вы останетесь здесь, где в такую ночь вас ждет неминуемая гибель? — сурово спросил лоцман. — Еще два часа, и лишь тяжелые волны будут играть на том месте, где сейчас мирно качается ваша шхуна.

— Я тоже так думаю. Но, если мне суждено на этот раз погибнуть, я погибну, следуя приказу моего командира; если же я последую вашим наставлениям и из днища шхуны вылетит хоть одна доска, через пробоину ворвется

не только морская вода, а еще и бунт. И почем я знаю — может, старик ждет еще лоцмана или двух?

— Вот это настоящая философия, — пробормотал рулевой вельбота так, что каждому были все же слышны его слова. — Но это тяжелое испытание совести — оставаться на такой стоянке.

— Тогда стойте на своем якоре, скоро сами пойдете за ним на дно! — вполголоса проворчал лоцман. — Спорить с дураком труднее, чем со штормом, но, если...

— Нет, нет, он вовсе не дурак! — перебил его Гриффит. — Барнстейбл не заслуживает такого эпитета, хотя, конечно, он настоящий фанатик в исполнении служебного долга... Снимайтесь немедленно с якоря, мистер Барнстейбл, и как можно скорее выходите из бухты!

— Ах, вы даже не представляете себе, с каким удовольствием я выполню это приказание!.. Весла на воду, ребята! «Ариэль» не оставит своих костей на таком жестком ложе, если я могу этому помешать.

Слова командира шхуны были встречены одобрительными восклицаниями, и вельбот, стрелой отлетев от катера, тотчас пропал в тени мрачных утесов.

Гребцы на катере тоже не теряли времени даром. Энергичными усилиями они погнали тяжелую шлюпку по волнам, и через несколько минут она уже шла вдоль борта фрегата. За это время лоцман, утратив необычайную суровость и властность, проявленные в коротком разговоре с Барнстейблом, попросил Гриффита перечислить ему поименно офицеров фрегата. Исполнив эту просьбу, молодой лейтенант добавил:

— Все они хорошие и честные люди, мистер лоцман, и, хотя ваши обязанности несколько рискованны для англичанина, тем не менее среди нас не найдется человека, способного предать вас. Нам нужна ваша помощь, мы ожидаем, что вы будете нам верны, и в обмен обещаем вам нашу верность.

— А откуда вы знаете, что мне нужна ваша верность? — спросил лоцман тоном, в котором звучало лишь холодное безразличие к словам лейтенанта.

— Да потому, что вы хотя и говорите на слишком правильном для местного жителя английском языке, — ответил Гриффит, — тем не менее произносите «р» совсем не так, как человек, родившийся по ту сторону Атлантики.

— Не все ли равно, где человек родился и как он говорит? — холодно возразил лоцман. — Лишь бы только он смело и честно выполнял свой долг.

Темнота, сменившая сумерки, пришла весьма кстати, для того чтобы эта беседа и дальше протекала мирно, ибо она скрыла выражение презрительной иронии на красивом лице молодого моряка, когда он ответил:

— Правильно, правильно, человек обязан честно выполнять свой долг. Но, как заметил Барнстейбл, вы должны хорошо знать фарватер, если беретесь провести корабль через эти отмели, да еще в такую ночь. Вы представляете, какая у нас осадка?

— Осадка фрегата, и я постараюсь провести вас по глубинам в четыре сажени. Меньше было бы опасно.

— Наш фрегат — чудесное судно! — сказал Гриффит. — Он слушается руля, как солдат морской пехоты — своего сержанта на учениях. Но для лавирования против ветра ему нужен простор, потому что скорость у него такая, будто он идет прямо по ветру.

Лоцман внимательно выслушал это описание качеств судна, которое готовился вывести из крайне опасного положения. Он не упустил ни единого слова и, когда Гриффит закончил свою речь, заметил так же хладнокровно, как и раньше:

— При узком фарватере это одновременно и достоинство и недостаток. Боюсь, что как раз сегодня, когда нам необходимо держать корабль в узде, оно обернется недостатком.

— Нам, наверное, придется все время нащупывать проход с помощью лота? — спросил Гриффит.

— Нам пригодятся и глаза и лот, — ответил лоцман, а потом добавил, словно обращаясь к самому себе: — Мне доводилось входить и выходить отсюда и в более темные ночи, но никогда еще осадка не бывала больше двух с половиной саженей.

— Тогда, клянусь, вам не провести наш фрегат через эти рифы и буруны! — воскликнул Гриффит. — Плавая на судах с малой осадкой, вы не можете знать здешних вод; изучить проходы можно только при низко сидящем киле. Берегитесь шутить с опасностью, лоцман! Не играйте так рискованно перед лицом врага!

— Молодой человек, вы не знаете, чем и кому вы грозите, — сурово сказал лоцман, оставаясь по-прежнему

спокойным. — Вы забываете, что над вами здесь есть начальник, а надо мной — нет.

— Это будет зависеть от того, как вы исполните свои обязанности!— вскричал Гриффит. — Потому что, если...

— Тише! — прервал его лоцман. — Мы подходим к фрегату, поднимемся на борт его в добром согласии.

С этими словами он откинулся на подушки сиденья, а Гриффит, хотя и ожидал всяких бед из-за неопытности своего спутника или предательства с его стороны, все же заставил себя подавить свои чувства настолько, чтобы замолчать, и они поднялись на борт корабля с виду в полном согласии.

Фрегат уже покачивался на длинных волнах, которые катились с открытого моря, непрерывно следуя одна за другой и вздымаясь все выше и выше. Однако марсели все еще безжизненно свисали с рей, ибо порывы ветра, время от времени долетавшие с берега, не могли надуть тяжелую ткань этих парусов.

Поднимаясь по трапу, Гриффит и лоцман слышали только, как угрюмо шумели волны, разбиваясь о высокие борта корабля, и как пронзительно свистала боцманская дудка, призывая фалрепных, поставленных по обе стороны трапа приветствовать первого лейтенанта и лоцмана.

И, хотя глубокая тишина царила на огромном судне, на борту которого находилось несколько сот человек, свет десятка боевых фонарей, расположенных в разных частях палубы, позволял не только различать лица матросов, но и читать на них озабоченность и любопытство.

Люди собрались большими группами на трапах, вокруг грот-мачты и на вантах судна, и в тени можно было заметить матросов, примостившихся на нижних реях и склонившихся с марсовых площадок. Все эти люди проявляли одинаково жадный интерес к прибытию катера.

Офицеры фрегата собрались на шканцах. Они расположились в порядке старшинства и были столь же молчаливы и внимательны, как и остальные члены экипажа. Впереди стояло несколько молодых людей — судя по их нашивкам, одного чина с Гриффитом, но ниже его по должности. А у противоположного борта видна была совсем зеленая молодежь — приятели мистера Мерри. Наконец, близ кормового шпиля стояло еще три-четыре человека. На одном из них был синий мундир с алыми нашивками офицера морской пехоты, а на другом — черная

сутана корабельного священника. Сзади них, у прохода в каюту, появился командир корабля — высокий, стройный старик.

Быстро обменявшись приветствиями с младшими офицерами, Гриффит в сопровождении лоцмана направился к ожидавшему их капитану фрегата. Молодой человек обнажил голову и поклонился ниже, чем обычно.

— Мы выполнили поручение, сэр, — сказал он, — хотя нам пришлось потратить больше труда и времени, чем полагалось.

— Но я не вижу лоцмана, — заметил капитан,—а без него вся ваша отвага и труды были напрасны.

— Вот он, — ответил Гриффит, отступая в сторону и указывая на человека, который стоял за его спиной, закутавшись до подбородка в свой грубый коричневый камзол и прикрыв лицо широкими полями шляпы, по всей видимости много и честно послужившей ему.

— Этот? — воскликнул капитан. — Значит, произошла печальная ошибка: передо мной не тот человек, который мне нужен и которого никто не может заменить.

— Не знаю, кого вы ждали, капитан Мансон, — сказал незнакомец,—но, если вы не забыли день, когда впервые на ветру затрепетал флаг, совсем не похожий на эту эмблему тирании, которая полощется над вашим гакабортом, вы, вероятно, вспомните и руку, поднявшую его.

— Принести огня! — поспешно приказал капитан.

Когда яркий свет фонаря осветил черты лоцмана, капитан Мансон вздрогнул, встретив решительный взгляд светлых глаз и увидев бледное, но спокойное лицо. Невольно сорвав с головы шляпу, покрывавшую его серебряные кудри, старик воскликнул:

— Это он! Но как изменился...

— Чтобы враги не могли узнать его, — тотчас договорил за него лоцман. Взяв капитана под руку, он отозвал его к борту и шепотом продолжал: — И друзья тоже, пока не пробьет нужный час.

Гриффит отошел в сторону, отвечая на жадные расспросы товарищей, и поэтому ни один из офицеров не слышал этого короткого разговора. Впрочем, все тотчас поняли, что их командир увидел свою ошибку и что доставленный на борт корабля лоцман был тот самый, кого он ждал. Некоторое время капитан и лоцман прохаживались по шканцам, сосредоточенно о чем-то беседуя.

Так как Гриффит быстро исчерпал свои новости, любопытство слушателей было скоро утолено, и взоры всех присутствующих снова обратились на таинственного лоцмана, который должен был вывести их из этих мест, где опасность, возрастая с каждой минутой, становилась все более грозной.

ГЛАВА IV

...смотри на паруса,
Невидимым наполненные ветром,
Влекут они суда по бурным водам,
Прибой встречая грудью...

Шекспир

Читателю уже известно, что небо и море вокруг наших героев были насыщены всеми тревожными признаками, способными зародить дурные предчувствия в груди моряка. Посреди бухты ночь казалась не такой тревожной, как в тени утесов, однако видимость оставалась плохой, хотя в восточной части горизонта над угрюмым морем появилась полоса зловещего света, которая позволяла отчетливо различать вздыбленную поверхность высоких волн, с каждым мгновением приобретавших все более грозный вид. Над кораблем, почти касаясь его высоких мачт, нависли черные тучи, и лишь в полосе света на краю небосклона чахлыми огоньками мерцали редкие звезды. Время от времени над бухтой пролетал легкий ветерок, донося свежие запахи суши, но сама неравномерность подобных порывов доказывала, что это было предсмертное дыхание берегового бриза. Рокот прибоя, набегавшего на берега залива, порождал тупой, монотонный шум, который превращался в глухой рев, когда более мощная волна с силой разбивалась в расселинах скал. Словом, все объединилось, чтобы сделать окружающую картину мрачной и зловещей, не вызывая, однако, непосредственного чувства страха, ибо корабль продолжал легко подниматься и опускаться на длинных волнах, даже не натягивая при этом тяжелого якорного каната.

Офицеры собрались у шпиля, обсуждая серьезность

положения и возможные перспективы, в то время как некоторые матросы, старые служаки, пользовавшиеся особым расположением начальства, осмеливались лишь приблизиться к священным пределам шканцев, чтобы подслушать высказывания старших. И офицеры и рядовые матросы то и дело бросали тревожные взгляды на капитана и лоцмана, которые, стоя поодаль, продолжали свою таинственную беседу. Но, когда один из юных гардемаринов, движимый неудержимым любопытством и легкомыслием, свойственным его возрасту, подошел к ним поближе, капитан сурово отчитал его, и сконфуженный юноша был вынужден скрыть свое смущение в кругу товарищей. Этот выговор старшие офицеры поняли как намек, что совещанию, которое они наблюдали, никоим образом нельзя мешать. И, хотя они вполголоса продолжали выражать свое нетерпение, тем не менее никто уже не решался прерывать беседу, которая, по общему мнению, на этот раз неразумно затянулась.

— Не время сейчас вести разговоры о пеленгах или дистанциях, — заметил офицер, следующий по старшинству за Гриффитом.—Следовало бы свистать всех наверх и пытаться верповать фрегат, покуда шлюпки еще могут держаться на воде.

— Тяжело, да и, пожалуй, бесполезно верповать корабль против встречной волны на целые мили, — возразил первый лейтенант. — Но вот береговой ветер еще не совсем стих, и если поставить верхние паруса, то с помощью отлива нам бы удалось уйти от берега...

— Окликните марсовых, Гриффит, — посоветовал второй лейтенант, — спросите их, есть ли наверху ветер. Может быть, ваши слова заставят старика и этого неповоротливого лоцмана сдвинуться с места.

Гриффит, рассмеявшись, согласился выполнить просьбу и, когда в ответ на обращение услышал привычное «Есть, сэр!» — громко спросил:

— Каково направление ветра поверху?

— Слабые порывы ветра с берега, сэр! — ответил старший из марсовых. — Однако марсели висят на гитовых без движения.

Капитан Мансон и его собеседник, прекратив разговор, внимательно выслушали вопрос Гриффита и ответ матроса, но затем с прежним пылом как ни в чем не бывало возобновили беседу.

— Да хоть бы движение и было, все равно наш намек не произвел бы никакого впечатления на начальство, — сказал командир морской пехоты. Незнание им морского дела увеличивало в его глазах опасность, но, оставаясь поневоле праздным, он острил чаще кого-либо другого на судне. — Уши этого лоцмана нечувствительны к тонким намекам, мистер Гриффит, — не подергать ли вам его за нос?

— Мы еще в катере немного повздорили, — ответил первый лейтенант, — и я убедился, что он не из тех людей, которые легко проглатывают подобные шутки. Хотя он на вид такой тихий и скромный, однако я сомневаюсь, чтобы он уделял много внимания книге Иова [1].

— А зачем это ему? — воскликнул корабельный священник, который трусил не меньше, чем командир морской пехоты, и поэтому пребывал в большом унынии. — Надеюсь, он не тратил времени попусту, когда существует столько карт побережья и наставлений для плавания в этих морях, которые он обязан был изучить.

Эти слова, встреченные громким смехом, казалось, произвели давно желанное действие: таинственный разговор между капитаном и лоцманом закончился. Капитан подошел к поджидавшим его офицерам и со свойственными ему сдержанностью и степенностью сказал:

— Мистер Гриффит, велите приступить к подъему якоря и поставить паруса! Пора выходить в море!

Едва успел молодой лейтенант радостно ответить: «Есть, сэр!» — как послышались крики гардемаринов, призывавших боцмана и его помощников к выполнению их обязанностей.

Среди людей, столпившихся у грот-мачты, на реях и на трапах, произошло движение, хотя привычка к дисциплине заставила их еще миг оставаться в неподвижности. Тишина была нарушена свистом боцманской дудки, за которым раздался крик: «Все наверх! С якоря сниматься!» Первый звук вырос в ночном воздухе от низких густых нот до пронзительной резкости и постепенно замер в волнах; а второй прогрохотал в каждом отсеке фрегата, как глухой раскат отдаленного грома.

Перемена, вызванная этими привычными сигналами,

[1] Книга Иова — одна из книг библии, получившая свое название по имени мифического «праведника» Иова. Основная ее идея — проповедь покорности судьбе, посылаемой богом человеку.

казалась поистине волшебной. Матросы появлялись из-за пушек, выскакивали из люков, с неустрашимой беспечностью бросались вниз по вантам и с такой поспешностью сбегались со всех сторон, что через мгновение палуба фрегата запестрила людьми. Глубокая тишина, которую до сих пор нарушали только тихие переговоры офицеров, теперь уступила место шумным приготовлениям и всеобщей суете, среди которой все же отчетливо были слышны суровые приказания лейтенантов со вторившими им резкими выкриками гардемаринов да хриплая команда боцмана и его помощников.

Только капитан и лоцман не принимали участия в общих напряженных усилиях. Зато на сей раз опасность заставила шевелиться тех офицеров, которые по роду своей службы не были обязаны принимать участие в подобных работах, за что их обычно называли «лодырями». И, хотя более опытные их товарищи не раз повторяли им, что они скорее мешают, чем помогают, их усердие от этого не уменьшалось. Однако мало-помалу суматоха улеглась, и через несколько минут на судне снова воцарилась полная тишина.

— Все готово, сэр! — доложил Гриффит, держа в одной руке небольшой рупор, а другой ухватившись за ванты, чтобы удержаться на пушке, куда он влез, наблюдая за происходящим.

— Пошел шпиль, сэр, — раздался спокойный ответ.

— Пошел шпиль! — громко повторил Гриффит.

— Пошел шпиль! — тотчас отозвался десяток нетерпеливых голосов, и снова громкие звуки дудки, разрезая окружающий мрак, огласили воздух.

Шпиль тотчас был приведен в движение, и послышалась мерная поступь ходивших вокруг него матросов. Несколько минут слышны были лишь эти звуки да голос офицера, время от времени подбадривавшего матросов, а затем объявили, что «канат подобран», или, другими словами, что фрегат находится почти над самым якорем.

— Взять шпиль на пал! — крикнул Гриффит, когда вслед за пронзительным свистом дудки снова наступила тишина. — Что теперь прикажете делать, сэр? — продолжал лейтенант. — Отделять ли якорь от грунта? В воздухе нет ни малейшего ветерка, а отлив так слаб, что, боюсь, не выкинет ли нас море на берег...

Это предположение показалось столь правдоподоб-

ным, что взоры всех присутствующих обратились к морю, тщетно пытаясь проникнуть сквозь тьму и прочесть в волнах судьбу, казалось, обреченного корабля.

— Я передаю все на усмотрение лоцмана, — сказал капитан. Стоя рядом с Гриффитом, старик уже несколько минут с тревогой всматривался в небо и море. — Что вы скажете, мистер Грэй?

Человек, впервые названный по имени, стоял, опираясь на фальшборт и устремив взгляд в том же направлении, что и остальные. Услышав вопрос, он обернулся к капитану, и свет палубных фонарей упал на его спокойное лицо. Невозмутимость лоцмана, учитывая его положение и лежавшую на нем ответственность, казалась почти сверхъестественной.

— Сильный накат очень опасен для нас, — ответил он с таким же хладнокровием, какое проявлял и раньше. — Однако значительно более серьезную угрозу представит надвигающийся с востока шторм, если он застанет нас на этой незащищенной стоянке. Любой канат из самой лучшей пеньки быстро перетрется об эти скалы и не удержит корабль и часа при таком яростном норд-осте. Если это в человеческих силах, мы должны немедленно выйти в море.

— Все это, сэр, прекрасно знает каждый юнга, — заметил Гриффит. — Ага! Вот идет шхуна!

И действительно, теперь уже отчетливо слышался плеск весел, и во мгле, медленно подвигаясь вперед, показался маленький «Ариэль». Когда он проходил под кормой фрегата, раздался бодрый голос Барнстейбла.

— В такую ночь, капитан Мансон, нужны очки, чтобы что-нибудь разглядеть! — крикнул он. — Но мне казалось, что я слышал дудку вашего боцмана, сэр! Надеюсь, вы не собираетесь стоять здесь до утра?

— Мне эта стоянка нравится не больше, чем вам, мистер Барнстейбл, — спокойно ответил старый моряк, но чувствовалось, что его все больше охватывает тревога. — Мы уже подобрали канат, но боимся оторвать якорь от грунта — нас может выкинуть на берег. Каков, по-вашему, ветер?

— Ветер? — повторил Барнстейбл. — Да таков, что не шевельнет и женского локона. Если вы намерены ждать, покуда береговой ветер наполнит ваши паруса, сэр, вам придется стоять здесь целый месяц. Свою скор-

лупу я уже вывел из этого скопища рифов, но как это мне удалось в темноте, я и сам не мог бы объяснить.

— Получите дальнейшие указания от лоцмана, мистер Барнстейбл, — отозвался капитан, — и выполняйте их точнейшим образом.

После этого приказания на обоих судах воцарилась мертвая тишина, ибо все с волнением ждали слов человека, от которого, как они чувствовали, зависит их спасение. И вскоре раздался тихий, как и раньше, но отчетливый голос лоцмана:

— Весла ваши вскоре станут бесполезны. Однако под парусами, в помощь веслам, вы сумеете выбраться отсюда. Вам следует идти на ост-тень-норд; держите так, пока не откроется огонь на северном мысу, а затем ложитесь в дрейф и дайте выстрел из пушки. Но, если, паче чаяния, вас отнесет назад до появления огня, тогда при следовании левым галсом положитесь на лот, но ни при каких условиях не уклоняйтесь к зюйду, ибо тогда никакой лот вам не поможет.

— Над одним и тем же местом все равно как ходить: левым или правым галсом, — ответил Барнстейбл, — да и галсы можно делать равной длины.

— Нет, — возразил лоцман. — Если вы хоть на один румб отклонитесь вправо от курса ост-тень-норд, то, следуя дальше, выскочите на скалы и мели. Остерегайтесь, говорю я вам, долго идти правым галсом!

— Но чем же я должен руководствоваться? Ведь вы не позволяете доверять ни времени, ни лоту, ни лагу.

— Вы должны доверять зоркому глазу и твердой руке. Буруны предупредят вас об опасности, если вы не сможете ориентироваться по пеленгам береговых предметов. Лавируйте своевременно, сэр, да почаще пользуйтесь лотом.

— Есть, сэр! — пробормотал Барнстейбл. — Это называется плыть «на авось», и я не вижу, как это нам поможет! Не вижу! Черт возьми, глаза здесь так же полезны, как нос для чтения библии...

— Тише, тише, мистер Барнстейбл, — прервал его капитан. Ибо такая тревожная тишина стояла на обоих судах, что слышался даже скрип снастей качавшейся на волнах шхуны. — Дело, на которое послал нас Конгресс, должно быть выполнено, если даже нам придется расстаться с жизнью.

— Я готов отдать свою жизнь, капитан Мансон, — ответил Барнстейбл, — но как можно было завести судно в такое место? Впрочем, сейчас время действовать, а не болтать. Но, если проход здесь настолько опасен для судна с малой осадкой, что же станется с фрегатом? Может быть, мне пойти вперед и разведать для вас проход?

— Благодарю вас, — ответил лоцман, — ваше предложение весьма великодушно, но для нас бесполезно. К счастью, я хорошо знаю грунт в этих местах и должен довериться своей памяти и милости божьей. Ставьте паруса, ставьте паруса, сэр, и если вам улыбнется удача, то и мы рискнем сняться с якоря!

Тотчас приступили к выполнению команды, и вскоре над «Ариэлем» взвились паруса. Хотя на палубах фрегата не чувствовалось ни дуновения ветра, маленькой шхуне, удивительно легкой, удалось с помощью еще заметного отлива преодолеть вздымавшиеся навстречу волны, и через несколько минут ее низкий корпус уже едва был заметен на фоне светлой полосы над горизонтом. Еще немного, и темные силуэты парусов с их причудливыми верхушками потерялись в черноте туч.

Гриффит, как и все остальные младшие офицеры, слушал этот разговор молча, но, как только «Ариэль» скрылся из виду, он спрыгнул с пушки на палубу и воскликнул:

— Он пошел так же легко, как судно сходит со стапелей! Должен ли я приступить к подъему якоря, сэр, и последовать примеру шхуны?

— У нас нет другого выбора, — ответил капитан. — Вы слышали вопрос, мистер Грэй? Должны ли мы освободить якорь?

— Ничего другого не остается, капитан Мансон. Но на таком слабом отливе трудно нам будет уйти от опасности, — ответил лоцман. — Я отдал бы пять лет жизни, которая, я знаю, и так будет короткой, чтобы фрегат стоял хоть на милю ближе к открытому морю.

Это замечание услышал только командир фрегата, который снова подошел к лоцману, после чего они возобновили свою таинственную беседу. Но, как только согласие было получено, Гриффит поднес ко рту рупор и подал команду: «Поднять якорь». Снова послышались свистки дудки и топот матросских ног у шпиля. Одновременно были отданы паруса, и, свисая с рей, они как бы пригла-

шали береговой бриз надуть их. В продолжение этих маневров первый лейтенант отдавал в рупор приказания, исполнявшиеся с быстротой мысли. Люди — расплывчатые пятна в лившемся с неба туманном свете — виднелись повсюду: они облепили реи, висели на вантах, как в воздухе, и со всех сторон, с каждой снасти, неслись странные крики. «Фор-бом-брамсель готов!» — кричал пронзительный голос словно из облаков. «Фока-рей готов!» — ревел хриплый голос пониже. «На корме все в порядке, сэр!» — кричал третий. Через несколько минут было отдано приказание: «Вступить под паруса!»

Тусклый свет неба теперь был скрыт свисавшей сверху парусиной, и на палубах судна стало еще темнее, отчего фонари как будто загорелись ярче, а за бортом все приобрело еще более зловещий вид.

Теперь все, кроме командира и лоцмана, были заняты тем, чтобы быстрее привести корабль в движение. Возглас: «Пошел! Пошел!» — подхваченный ревом пятидесяти глоток, и быстрые повороты шпиля свидетельствовали о том, что якорь отделился от грунта и поднимается. Визг и скрип блоков при выборке снастей смешивались с резкими выкриками боцмана и его помощников, и, хотя человеку, незнакомому с морской службой, все это, наверное, показалось бы только суматохой и спешкой, в действительности, благодаря многолетней практике и строгой дисциплине, экипаж поставил все паруса от палубы до клотиков быстрее, чем мы об этом рассказали.

Первые несколько минут офицеры были довольны результатами этих маневров, ибо хотя тяжелые нижние паруса и продолжали лениво хлопать по мачтам, зато верхние, более легкие, надулись, уловив ветер, и корабль заметно начал поддаваться их воздействию.

— Идет! Идет! — радостно воскликнул Гриффит. — Экий плут! Он любит сушу не больше, чем любая рыба! Значит, наверху все же дует легкий ветерок...

— Это лишь его предсмертное дыхание, — раздался рядом тихий, спокойный голос лоцмана, но слова его были так неожиданны, что Гриффит вздрогнул. — Забудем, молодой человек, все, кроме людей, чья жизнь в эту ночь зависит от вашего усердия и моих знаний.

— Если вы хоть наполовину готовы исполнить свои обязанности так, как я жажду исполнить свои, дело пойдет на славу, — тоже тихо ответил лейтенант. — Каковы

бы ни были ваши чувства, помните, что мы находимся у вражеского берега, который любим не настолько, чтобы сложить здесь свои головы.

После этого короткого объяснения они расстались, ибо маневры судна требовали со стороны лейтенанта постоянного и тщательного внимания.

Радость, пробужденная первым движением фрегата по волнам, была непродолжительной, так как ветер, который, казалось, оживил корабль, заставив его пройти с четверть мили, еще несколько минут порхал среди верхних парусов, а затем окончательно стих. Унтер-офицер, обязанный присматривать за рулевыми, вскоре известил, что теряет управление, так как судно не слушается руля. Гриффит тотчас передал капитану эту неприятную весть и предложил снова отдать якорь.

— Обратитесь к мистеру Грэю, сэр, — ответил капитан. — Он лоцман и от него зависит безопасность судна.

— Лоцманы не всегда спасают корабли, сэр, — возразил Гриффит. — Иногда они губят их. Капитан Мансон, хорошо ли вы знаете человека, от которого зависит наша жизнь и который держится так равнодушно, будто ему и дела мало до нашего спасения?

— Я знаю его, мистер Гриффит. Мне известно, что он весьма опытный и честный человек. Я говорю вам это, чтобы вас успокоить. Больше вы ни о чем не спрашивайте... Что это? Как будто с этой стороны подул ветер...

— Упаси господь! — воскликнул лейтенант.—Если на мелях нас застигнет норд-ост, наше положение поистине будет отчаянным!

Фрегат тяжело закачался, паруса его то надувались, то так же быстро сникали, и даже самые опытные моряки не могли сказать, в каком направлении движутся потоки воздуха и не было ли вызвано это движение колебанием самой парусины. Однако нос корабля заметно покатился в сторону берега, и вскоре, несмотря на темноту, всем стало ясно, что судно сносит на скалы.

В эти минуты тягостной неизвестности Гриффит, подчиняясь одной из тех внезапных смен настроения, которые часто сочетают совершенно противоположные чувства, утратил было охватившее его воодушевление и впал в тупую апатию, как это иногда бывало с ним в самые критические моменты испытаний и опасности. Он стоял, облокотившись на шпиль и отвернувшись от света висев-

шего поблизости боевого фонаря, когда почувствовал легкое пожатие руки. Он очнулся от задумчивости и, бросив ласковый, хотя все еще рассеянный взгляд на стоявшего рядом юношу, сказал:

— Печальная музыка, мистер Мерри!

— Такая печальная, сэр, что даже танцевать под нее не хочется, — ответил гардемарин. — На всем фрегате, наверное, не найдется человека, который не предпочел бы послушать «Я милую мою покинул» вместо этих отвратительных звуков.

— Каких звуков, юноша? На судне так же тихо, как, бывало, на собрании джерсейских квакеров, пока ваш почтенный дед не разрушал чары молчания своим звонким голосом.

— А! Смейтесь, если вам угодно, над моей миролюбивой кровью, мистер Гриффит, — сказал лукавый юноша, — но помните: примесь ее можно найти в жилах всех людей. Хотелось бы мне послушать сейчас псалмы старика, сэр! Я засыпáл под них, как чайка под звуки прибоя. Но кто заснет под сегодняшнюю колыбельную, будет спать недолго.

— Колыбельную? Я не слышу ничего, кроме хлопанья парусов. Даже лоцману, который прохаживается по шканцам с важностью адмирала, нечего сказать.

— А к шуму прибоя разве не должен прислушиваться каждый моряк?

— Да, действительно, прибой могуч, но тяжко нам слушать его. Вы уже научились различать шум прибоя, юноша?

— Даже очень хорошо, мистер Гриффит, и не хочу уметь лучше... Как быстро нас относит к берегу, сэр?

— Я думаю, что мы почти удерживаем свое положение, — выпрямляясь, ответил Гриффит, — хотя лучше бы нам стать на якорь... Эй, приятель, — обратился он к рулевому, — держи круче! Не видишь, нас развернуло бортом к волне?

Рулевой повторил, что фрегат не слушается руля, и добавил, что судно, видимо, «намерено пойти назад».

— Подберите нижние паруса, мистер Гриффит,—сказал капитан Мансон, — и проверьте, каков ветер.

Послышался скрип блоков, и огромные полотнища парусов, растянутых на нижних реях, были мгновенно взяты на гитовы. Пока производился этот маневр, весь эки-

паж стоял молча и, затаив дыхание, ждал, словно от этой минуты зависела судьба фрегата. Лишь несколько офицеров рискнули высказать свои весьма разноречивые мнения. Наконец Гриффит вскочил на пушку и высоко поднял в воздух свечу, взятую им из фонаря. Сначала маленькое пламя заколебалось, изгибаясь то в ту, то в другую сторону, а затем выпрямилось. Гриффит собирался было опустить руку, но, ощутив вдруг легкую прохладу, помедлил, и огонек, медленно наклонившись в сторону от суши, ярко вспыхнул, дрогнул и оторвался от фитиля.

— Не теряйте ни минуты, мистер Гриффит! — громко крикнул лоцман. — Возьмите на гитовы и уберите все паруса, кроме ваших трех марселей, да возьмите на них по два рифа! Пришла пора исполнить ваше обещание!

Услышав столь звучный и твердый голос незнакомца, молодой человек на миг остолбенел от удивления, но, окинув взглядом море, соскочил на палубу и приступил к исполнению приказания с такой поспешностью, словно за ним гналась смерть.

ГЛАВА V

И вот мы в пути, берег, прощай!

Песня

Причиной необычайного оживления Гриффита, тотчас передавшегося всей команде, была внезапная перемена погоды. Вместо уже описанной нами светлой полосы на горизонте над открытым морем появилось огромное мглистое светящееся облако, быстро приближавшееся к фрегату, а отдаленный, но отчетливый гул свидетельствовал о скором начале шторма, который уже гнал перед собой свирепые валы. Даже Гриффит, отдавая в рупор приказания и поторапливая матросов, то и дело останавливался, чтобы бросить тревожный взгляд в ту сторону, откуда надвигалась угроза. И матросы, расположившиеся на реях, не спускали глаз с этой части неба, хотя ни на минуту не забывали о своих обязанностях обносить и вязать сезни, чтобы уменьшить площадь непослушных парусов до необходимых пределов.

Только лоцман в этой беспорядочной, но занятой делом толпе, где все, казалось, хотели перекричать друг друга, как будто не проявлял должного интереса к общей лихорадочной деятельности. Устремив взор на клубившийся все ближе туман и скрестив на груди руки, он стоял неподвижно, спокойно ожидая окончания работ.

Став бортом к волне, корабль не слушался руля. Лишние паруса уже были убраны и прихвачены к реям, как того требовала безопасность фрегата, как вдруг по воде снова донесся быстрый и тяжелый трепет парусов. И невольно всеми овладели уныние и ужас, ибо там, где моряку грозят мрак и опасность, звуки эти вещают беду.

— Это борется со штормом шхуна!—вскричал Гриффит. — Барнстейбл, вероятно, не убирал парусов до последней минуты. Дай бог, чтобы шквал не выкинул его на берег!

— Им легко было убрать паруса, — возразил командир, — и они, должно быть, уже вышли из зоны прямой опасности... Мистер Грэй, фрегат не слушается руля. Не замерить ли нам глубину?

Лоцман словно очнулся, но, прежде чем дать ответ, прошелся по палубе с видом человека, который не только чувствует, что все зависит от его умения, но и знает, что в силах вступить в поединок с опасностью.

— Не нужно, — наконец ответил он. — Было бы очень неприятно убедиться в малой глубине, да и трудно точно сказать, с какой стороны может ударить ветер.

— Это уже нетрудно, — крикнул Гриффит, — ибо вот он задул!

Не успели эти слова слететь с уст молодого лейтенанта, как в снастях засвистел стремительный порыв ветра. Судно тяжело накренилось на один борт, а затем, по мере движения по волне, величаво выпрямилось, как бы приветствуя поклоном могучего противника, с которым ему предстояло вступить в схватку. Не прошло и минуты, как, разрезая носом волну, быстрый и послушный рулю корабль лег на нужный курс, насколько позволяло направление ветра. Суета и спешка на реях постепенно улеглись, и матросы один за другим спускались на палубу, с тревогой вглядываясь во мрак; многие из них в грустном сомнении покачивали головой, боясь высказать вслух свои опасения. Весь экипаж со страхом ждал минуты, когда ветер задует в полную силу, ибо на доблестном

корабле не было ни одного человека, настолько несведущего и неопытного, чтобы не знать, что настоящий шторм еще впереди. И действительно, ветер с каждой минутой крепчал, хотя сила его нарастала так постепенно, что не раз моряки готовы был вздохнуть с облегчением и отказаться от своих предчувствий. В эти минуты неизвестности не было слышно ничего, кроме свиста ветра в снастях да грохота водяных брызг, которые проносились над палубой подобно пене водопада.

— Ветер свежий, — первым прервал Гриффит полное сомнения и тревоги молчание, — однако не так уж он силен. Дайте фрегату немного простору да нужные паруса, мистер лоцман, и я при таком ветре поведу корабль, как яхту для увеселительных прогулок.

— Сможет ли он лавировать под оставшимися парусами? — тихо спросил незнакомец.

— Он сделает все, чего может требовать от дерева и железа разумный человек. Но нет на океанах такого судна, которое могло бы делать повороты при подобном волнении только под марселями, на которых взято по два рифа. Позвольте нам поставить нижние паруса, лоцман, и вы увидите — наш фрегат начнет скользить с ловкостью танцмейстера.

— Давайте сначала проверим силу ветра, — возразил человек, которого называли мистером Грэем, и, остановив Гриффита, он направился к наветренному борту, где молча, с удивительным спокойствием и отрешенностью, устремил взгляд вперед.

Как только якорь был убран и принайтовлен по-походному, на палубе фрегата погасили все фонари, и, когда шквал разогнал мглу, забрезжил слабый свет, усиленный отблесками морской пены, окружавшей теперь корабль со всех сторон. Вдали тяжелой грядой черного тумана над полосой воды неясно проглядывали очертания берега; он отличался от неба только большей мрачностью и тьмой. Был свернут и уложен на место последний трос, и в течение нескольких минут мертвая тишина стояла на заполненной людьми палубе. Все знали, что корабль с огромной скоростью несется по волнам, приближаясь к той части бухты, где находились мели и подводные скалы, и только строгая дисциплина заставляла офицеров и матросов подавлять чувство тревоги в собственной груди. Наконец раздался голос капитана Мансона.

— Может быть, нам все-таки послать человека на руслени, мистер Грэй, и замерить глубину? — спросил он.

Хотя вопрос этот был задан громким голосом и интерес, который он вызвал, собрал вокруг того, к кому он был обращен, офицеров и матросов, нетерпеливо ожидавших ответа, лоцман не обратил на него внимания. Подперев голову рукой и облокотившись на одну из коек, уложенных по фальшборту, он глядел перед собой с видом человека, мысли которого далеки от требований минуты. Гриффит тоже подошел к лоцману и, не дождавшись ответа на вопрос командира, решился превысить свои права. Он вышел из круга людей, остановившихся на некотором расстоянии от лоцмана, и приблизился к таинственному охранителю их жизни.

— Капитан Мансон желает знать, нужно ли бросить лот? — с некоторым нетерпением спросил молодой лейтенант.

Лоцман все еще не отвечал. Прежде чем заговорить снова, Гриффит решительно положил ему на плечо руку, с намерением вывести его из задумчивости, и тогда незнакомец так сильно вздрогнул, что лейтенант онемел от удивления.

— Отойдите, — сурово сказал лейтенант людям, которые сгрудились вокруг них. — Займитесь своим делом и подготовьте все к повороту оверштаг.

Толпа отхлынула, как волна, уходящая в море, и лейтенант остался наедине с лоцманом.

— Сейчас не время размышлять, мистер Грэй, — продолжал Гриффит, — вспомните наше соглашение и выполните ваш долг. Не пора ли ворочать оверштаг? О чем вы задумались?

Лоцман схватил лейтенанта за руку и, судорожно сжав ее, ответил:

— Я думал о действительности, мистер Гриффит! Вы молоды, да и я еще не стар. Но проживи вы еще пятьдесят лет, вам никогда не увидеть и не пережить того, что довелось испытать мне в мои тридцать три года!

Изумленный столь неожиданным и неуместным в этот момент излиянием чувств, молодой моряк не нашел даже, что ответить, но, не забывая ни на минуту о своих обязанностях, он снова обратился к предмету, заботившему его более всего.

— Я надеюсь, что ваш жизненный опыт связан имен-

но с этим берегом, — сказал он. — Корабль идет с большой скоростью, а при дневном свете нам довелось разглядеть так много страшного, что в темноте мы не чувствуем себя слишком уверенно. Долго ли мы будем идти еще этим курсом?

Лоцман медленно отошел от борта и направился к командиру фрегата, но прежде он ответил Гриффиту, и в голосе его слышалась взволнованность, вызванная печальными воспоминаниями:

— Да, могу подтвердить, что действительно почти вся моя молодость прошла на этом опасном берегу. То, что для вас лишь мрак и тьма, для меня день, освещенный лучами солнца... Но ворочайте, ворочайте, сэр, мне нужно посмотреть, как управляется ваш корабль: скоро мы достигнем места, где он *должен* нас слушаться, иначе мы все погибнем.

Гриффит с удивлением смотрел вслед лоцману, медленно удалявшемуся в сторону шканцев. Затем, очнувшись от оцепенения, молодой лейтенант бодро отдал приказ, чтобы каждый занял свое место для выполнения необходимого маневра, и экипаж фрегата тотчас же принялся за дело. Молодой офицер не напрасно гордился высокими качествами фрегата, о которых он говорил лоцману, и собственным умением управлять кораблем, ибо успех был налицо. Стоило лишь повернуть штурвал, как огромное судно начало быстро разворачиваться против ветра и ринулось наперерез волне, разбрасывая во все стороны пену и смело глядя ветру в лицо. Затем, изящно уклоняясь от его силы, оно легло на другой галс, чтобы уйти прочь от опасных мелей, к которым только что приближалось с огромной скоростью. Тяжелые реи повернулись, словно флюгера, указывающие направление ветра, и через несколько мгновений фрегат, полный достоинства, снова двинулся вперед по волнам, оставляя за кормой скалы и мели, которыми был усеян один берег бухты, но приближаясь к не меньшим опасностям другого.

Между тем море все больше и больше волновалось, а ветер с каждой минутой крепчал. Он уже не свистел в корабельных снастях, а казалось, сердито ревел, встречая на своем пути сопротивление сложной системы рангоута и такелажа. Тяжелые лавины воды были покрыты бесконечной цепью белых гребней, и сам воздух был напоен блеском, исходившим от поверхности моря. Фрегат посте-

пенно уступал натиску шторма, и менее чем через полчаса после поднятия якоря разбушевавшаяся стихия, казалось, овладела кораблем, увлекая его за собой. Однако отважные и опытные моряки, управлявшие фрегатом, удерживали его на необходимом для их спасения курсе. Гриффит передал полученные им от таинственного лоцмана приказания, и корабль направился в узкий проход прочь от неминуемой гибели.

До сих пор незнакомец, казалось, с легкостью исполнял свои обязанности: спокойным, невозмутимым тоном, который составлял удивительный контраст с лежавшей на этом человеке ответственностью, назначал он курс. Но, когда берег из-за расстояния и мрака стал почти невидим и перед взором оставались только мчавшиеся мимо пенистые валы, он словно стряхнул свою апатию, и его голос загремел, перекрывая однообразный рев бури.

— Настало время быть особенно внимательным, мистер Гриффит! — воскликнул он. — Здесь против нас вся сила прилива, и опасность очень велика. Пошлите лучшего на корабле старшину к русленям, да пусть рядом с ним постоит офицер и проследит, чтобы он правильно мерил глубину.

— Я возьму это на себя! — вызвался капитан. — Поднесите свет к наветренным грот-русленям.

— На брасах стоять! — крикнул лоцман с молниеносной быстротой. — Накинуть лот!

По этим приготовлениям весь экипаж догадался, что наступила решительная минута. Офицеры и матросы молча стояли на своих постах, ожидая, что покажет лот. Даже штурман отдавал приказания людям у штурвала более тихим и поэтому более хриплым, чем обычно, голосом, словно боясь нарушить царившее на корабле безмолвие.

Среди этой общей настороженности резкий выкрик лотового: «Семь сажен!» — заглушая бурю, пронесся над палубами и умчался во мрак, будто слова эти были предупреждением какого-то морского духа.

— Хорошо, — спокойно сказал лоцман. — Промерьте еще раз.

Последовало короткое молчание, а затем снова раздался крик: «Пять с половиной!»

— Судно идет прямо на мели! — воскликнул Гриффит. — Приготовиться к повороту!

— Да, теперь будьте наготове, — сказал лоцман с тем хладнокровием, которое не кажется странным в минуту опасности, ибо свидетельствует о крайнем напряжении внимания и воли.

После третьего крика: «Глубина четыре!» — лоцман немедленно велел повернуть на другой галс.

Гриффит, казалось, превзошел даже лоцмана в хладнокровии, когда отдавал команду, необходимую для выполнения этого маневра.

Корабль, накрененный ветром, медленно выпрямился, паруса его затрепетали, словно стараясь сорваться с креплений, но, как только нос его вновь начал разрезать водяную лавину, с бака донесся голос штурмана:

— Буруны! Прямо по носу буруны!

Этот грозный крик, казалось, еще висел в воздухе, когда послышался другой голос:

— Буруны с подветра!

— Вокруг нас мели, мистер Грэй, — сказал командир. — Корабль не может идти дальше; прикажете отдать якорь?

— Отдать правый якорь!—гаркнул в рупор Гриффит.

— Отставить! — закричал лоцман голосом, проникшим в сердца тех, кто его слышал. — Отставить!

Молодой человек с гневом повернулся к смелому незнакомцу, нарушившему дисциплину на корабле, и спросил:

— По какому праву вы осмеливаетесь отменять мои приказания? Мало того, что вы завели корабль в опасное место, теперь вы намерены еще мешать нам? Еще одно слово...

— Молчите, мистер Гриффит! — вмешался капитан, склонившись с русленей. Седые кудри его развевались по ветру, придавая безумный вид изможденному и озабоченному лицу, освещенному светом фонаря. — Передайте рупор мистеру Грэю. Только он может спасти нас.

Гриффит швырнул рупор на палубу и с гордым видом пошел прочь, ожесточенно бормоча себе под нос:

— Тогда, значит, все кончено! Погибли и глупые надежды, которые я питал, приближаясь к этим берегам...

Никто ему не ответил, ибо ветер продолжал гнать корабль вперед, а так как действия команды были парализованы противоречивыми приказаниями, судно сбилось с курса, и через несколько секунд все его паруса были об-

стенены. Но не успел еще экипаж фрегата осознать новую опасность, как лоцман, схватив рупор, таким громким голосом, что его не мог заглушить даже рев ветра, отдал необходимые распоряжения. Каждая команда подавалась отчетливо и с точностью, свидетельствовавшей о том, что он прекрасно знает свое дело. Быстро овладели рулем, передние реи удалось, хотя и с трудом, развернуть против ветра, и корабль, двигаясь назад, начал делать поворот.

Гриффит как хороший моряк тотчас увидел, что лоцман почти инстинктивно избрал единственное средство, способное вызволить судно из создавшегося положения. Лейтенант был молод, пылок, заносчив, но вместе с тем великодушен. Забыв свой гнев и перенесенное унижение, он подбежал к матросам и, увлекая их своим присутствием и примером, немало способствовал успеху маневра. Корабль под напором ветра медленно накренился, почти касаясь реями поверхности воды, в то время как угрюмые волны с силой бились о его корму, словно в отместку за то, что он изменил своему прежнему курсу движения.

Голос лоцмана, уверенный, спокойный и вместе с тем такой звучный, что слышен был всем, еще не умолк. Послушные приказаниям матросы, забыв о шторме, с такой легкостью брасопили реи, будто это были детские игрушки. Когда корабль, ложась на фордевинд, преодолел наконец мертвую точку, передние паруса его заполоскались, реи задних мачт были выровнены, а руль повернут в нужную сторону, прежде чем судно успело встретить опасность, которая ему угрожала как с подветренной, так и с наветренной стороны. Великолепный корабль, покорный рулю, вторично сделал грациозный поворот по ветру и, поскольку паруса его были расположены наивыгоднейшим образом, двинулся прочь от окружавших его опасных мелей с такой же скоростью и равномерностью хода, как и приблизился к ним.

Затаив дыхание, моряки следили за выполнением этого искусного маневра, но выражать удивление им было некогда. Незнакомец не оставлял рупора, и голос его гремел среди рева шторма, когда благоразумие или опыт требовали каких-либо перемен в положении парусов или руля. Еще с час шла страшная борьба за спасение. Фарватер с каждым шагом становился все более извилистым,

— По какому праву вы осмеливаетесь отменять мои приказания? — с гневом спросил Гриффит.

а мели плотнее обступали моряков со всех сторон. Лот непрерывно находился в действии, а зоркий взгляд лоцмана, казалось, проникал сквозь тьму с остротой, превосходившей человеческие возможности. Все люди на фрегате чувствовали, что ими руководит человек, который досконально знает науку мореплавания, и, по мере того как оживала надежда моряков, возрастало и их усердие. Не раз казалось, что фрегат слепо летит на покрытые пеной мели, где гибель была бы быстрой и несомненной, но звонкий голос незнакомца вовремя предупреждал о близкой опасности и вдохновлял на поспешное выполнение долга. Все безропотно подчинялись ему, и в тревожные минуты, когда корабль, рассекая пенистые волны, вздымал брызги выше огромных рей, все жадно внимали словам лоцмана, который своим сверхъестественным спокойствием и непревзойденным умением совершенно покорил экипаж фрегата.

Корабль только что стал набирать ход после перемены курса во время одного из ответственных поворотов, которые ему приходилось так часто выполнять, когда лоцман впервые обратился к командиру фрегата, все еще продолжавшему наблюдать за весьма важными в эти минуты действиями лотового.

— Наступает решительная минута, — сказал он. — Если фрегат будет нам послушен, мы спасены; в противном случае все наши старания были напрасны.

Старый моряк, к которому он обратился, услышав это многозначительное известие, покинул руслени и, подозвав первого лейтенанта, попросил лоцмана высказаться обстоятельнее.

— Видите свет на южном мысу? — спросил лоцман.— Его легко заметить по находящейся рядом звезде и по тому, что он время от времени заслоняется волнами. Теперь взгляните на бугор, немного к северу оттуда, он как тень на горизонте — это холм, который находится далеко от берега. Если мы пойдем так, что не допустим створа огня с бугром, все будет в порядке; в противном случае мы наверняка разлетимся на куски.

— Давайте снова делать поворот! — воскликнул лейтенант.

— На сегодня довольно поворотов и оверштаг и через фордевинд. Здесь места в обрез, чтобы миновать мели, не изменяя галса. Если мы сможем обойти Чертовы Кле-

щи с наветренной стороны, значит, наибольшая опасность позади. Иначе будет так, как я уже сказал. Выбора у вас нет.

— Если бы мы пошли тем же курсом, каким входили в бухту, — не удержался Гриффит, — все было бы в порядке.

— Добавьте, если бы течение нам позволило, — спокойно возразил лоцман. — Джентльмены, мы должны спешить. Нам осталось пройти не более мили, а корабль летит, как на крыльях. Марселя недостаточно, чтобы держать круто к ветру. Нужно поставить кливер и грот.

— Опасно отдавать с реев и ставить паруса в такую бурю, — нерешительно заметил капитан.

— Это надо сделать, — хладнокровно ответил незнакомец. — Иначе — гибель. Смотрите! Свет уже касается края бугра. Нас сносит под ветер...

— Будет сделано! — воскликнул Гриффит, выхватывая рупор из рук лоцмана.

Приказания лейтенанта были выполнены с такой же быстротой, как и отданы, и вот все было готово, и огромное полотнище грота затрепетало на ветру. Была минута, когда исход этого маневра казался сомнительным. Оглушительные удары крыльев тяжелого паруса, казалось, сокрушат все на свете. Они сотрясали корабль до самого киля. Но умение и ловкость взяли верх, и постепенно паруса были выправлены и наполнились ветром, уступив усилиям сотни матросов. Корабль ощутил гигантское прибавление мощи и склонился под ней, как тростник под ветерком. Успех маневра исторг даже у незнакомца радостный крик, который, казалось, вырвался из глубины его души.

— Ага, почувствовал! Смотрите, он приводится к ветру! — воскликнул лоцман. — Свет снова показался из-за бугра. Если только выдержат паруса, мы проскочим...

Треск, похожий на пушечный залп, прервал его восклицание, и что-то, напоминавшее белое облако, промелькнув по ветру перед носом корабля, исчезло во мраке с подветренной стороны.

— Это кливер, его сорвало с ликтроса, — заметил командир фрегата. — Мы не успеем поставить другой кливер, но грот еще может выдержать.

— Парусу этот шквал нипочем, — возразил лейтенант, — а вот мачта гнется, как тростник.

— Молчите все! — закричал лоцман. — Джентльмены, сейчас решается наша судьба. Держать круче к ветру, как можно круче!

Это приказание прекратило дальнейшие разговоры. Отважные моряки, зная, что сделали все возможное для своего спасения, теперь, затаив дыхание, стояли в ожидании результата. Впереди, на некотором расстоянии, все море шипело белой пеной, и волны, вместо того чтобы катиться ровной чередой, состязались в безумных прыжках. Единственная полоса правильно чередующихся темных валов, шириной не более полкабельтова, тоже устремлялась в этот водяной хаос и скоро скрылась из глаз в неистовстве разгневанной стихии. Фрегат с еще большим трудом, чем прежде, шел по этому узкому проходу, держась так круто к ветру, что паруса его заполаскивали. Лоцман молча шагнул к штурвалу и сам повел судно. Только грохот бури был слышен на палубе фрегата, когда он вошел в проход между бурунами: молчание людей было подобно спокойствию отчаявшихся. Десятки раз, когда пена исчезала в подветренной стороне, моряки уже готовы были закричать от радости, полагая, что опасность миновала. Но снова на их пути вздымались буруны, и снова отчаяние сменяло радость. Иногда слышался трепет заполаскивавших парусов; испуганные моряки устремляли взоры на лоцмана и видели, как он еще сильнее сжимал рукоятки штурвала и переводил быстрый взгляд с моря на паруса. Наконец корабль достиг такого места, где его, казалось, ждала неминуемая гибель, но курс его внезапно изменился, и нос покатился под ветер. В ту же секунду послышалась команда лоцмана:

— Отбрасопить грота-реи!

Моряки, как эхо, повторили: «Есть отбрасопить реи!» — и фрегат быстро заскользил по фарватеру, идя на фордевинд. Глаз едва успевал различать быстрые потоки пены, струившиеся за бортом. Клочья ее казались облаками, несущимися по небу. А прекрасное судно, счастливо избежав опасности, уже поднималось и опускалось на тяжелых волнах открытого моря.

Моряки едва перевели дух и смотрели друг на друга, будто пробудясь от страшного сна, когда Гриффит приблизился к человеку, который спас их от страшной гибели. Молодой лейтенант схватил незнакомца за руку и промолвил:

— Лоцман, этой ночью вы доказали свою преданность! И нет во всем мире моряка, равного вам!

Незнакомец тепло ответил на рукопожатие лейтенанта и сказал:

— Я хорошо знаю море, и мне, наверное, даже покой свой суждено обрести на дне морском. Но и вы удивили меня, молодой человек. Вы действовали отважно, и Конгресс...

— Что Конгресс? — спросил Гриффит, заметив, что лоцман остановился.

— Конгресс можно поздравить, если у него много таких судов, — холодно ответил незнакомец и направился к командиру.

Гриффит удивленно посмотрел ему вслед. Но, так как обязанности его требовали постоянного внимания, он вскоре забыл об этом разговоре.

Был дан отбой тревоги. И, хотя шторм сохранял свою силу и даже еще крепчал, бояться было нечего, ибо перед фрегатом лежало открытое море. Корабль медленно шел вперед, а на борту его производились дальнейшие работы для обеспечения безопасности плавания. Еще до полуночи все было приведено в порядок. Пушка с «Ариэля» возвестила, что и шхуна цела. Она прошла другим, более легким путем, которым не мог пройти фрегат. Командир приказал выставить обычную вахту, а остальные члены экипажа отправились на столь необходимый всем отдых.

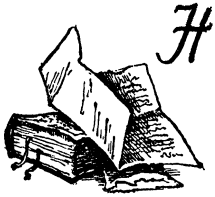
Капитан вместе с таинственным лоцманом удалился к себе в каюту. Гриффит отдал последнее приказание и, повторив свои инструкции офицеру, которому было доверено заботиться о судне, и пожелав ему приятной вахты, улегся на койку. В течение часа молодой лейтенант раздумывал над событиями минувшего дня. Он припомнил слова Барнстейбла и насмешки юноши-гардемарина, затем мысли его перенеслись к лоцману, которого приняли на борт с неприятельского берега — он и слова́ произносил, как настоящий англичанин, — и который так искусно и верно им послужил. Он вспомнил настойчивое желание капитана Мансона заполучить этого незнакомца, даже ценой той опасности, от которой они только что избавились, и задумался над тем, почему надо было искать именно этого лоцмана, идя ради него на такой риск. Затем на ум ему пришли его личные дела; его вообра-

жению представилась Америка, любимая девушка и отчий дом, где он мирно провел свою юность. Однако грохот бьющих в борта тяжелых волн, скрип орудий и переборок, рев бури постепенно теряли отчетливость, усталость взяла свое, и молодой человек, забыв даже романтические образы своей любви, уснул глубоким сном моряка.

ГЛАВА VI

...ах, письма! Эти письма!
Любовью страждущая дева им охотно
Свои мечты вверяет не краснея.
Здесь, что ни слог, — улыбка иль намек.

Дуэт



На следующее утро Гриффит проснулся довольно поздно; его разбудил выстрел из пушки, раздавшийся с палубы над самой его головой. Он не спеша поднялся с койки, но, заметив у двери каюты, когда вестовой отворил ее, офицера морской пехоты, спросил его с некоторым беспокойством: не гонится ли их фрегат за неприятельским кораблем, раз открыта пальба?

— Это не более, как напоминание «Ариэлю» повнимательнее следить за нашими сигналами, — ответил офицер. — На шхуне, по-видимому, все заснули, потому что вот уже десять минут, как мы подняли для них сигнал, а они и внимания не обращают. Верно, принимают нас за угольную лайбу!

— Лучше скажите, что они принимают нас за неприятеля и поэтому настороже, — возразил Гриффит. — Дик сыграл с англичанами столько шуток, что теперь ему приходится очень их опасаться.

— Но ведь мы выкинули общий сигнал и показали желтый флаг над синим, а это в любой из наших сигнальных книг означает «Ариэль». Не думает же Барнстейбл, что англичанам известны американские сигналы!

— Я знавал немало янки, которые прекрасно разбирались и в более трудных английских сигналах, — улыбаясь, ответил Гриффит. — Но, по правде говоря, я тоже

полагаю, что Барнстейбл просто последовал моему примеру и отправился спать, а его люди воспользовались этим благоприятным обстоятельством. Шхуна, наверное, лежит на дрейфе?

— Конечно; качается, как поплавок у мельничной запруды. Вы, несомненно, правы. Пустите Барнстейбла в открытое море при хорошем ветре, да еще под зарифленными парусами, и он немедленно отправит людей вниз, поставит на руль этого дылду, которого называет Длинным Томом, а потом сам пойдет в каюту и будет спать так крепко, как я, бывало, спал только в церкви.

— У вас, я вижу, сонное благочестие, капитан Мануэль! — смеясь, сказал молодой моряк, надевая форменную куртку с золотыми нашивками, присвоенными его рангу. — Сон, конечно, — естественное состояние для всех вас, лодырей. Однако позвольте мне пройти; я поднимусь наверх, и вы увидите: не успеют еще перевернуть склянки, как шхуна явится сюда.

Праздный воин, прислонившийся к двери каюты, лениво подался в сторону, и Гриффит, пройдя через каюткомпанию, поднялся по узкому трапу на главную батарейную палубу, а затем, воспользовавшись другим, более широким трапом, очутился на верхней палубе.

Все еще дул сильный, но ровный ветер; синие волны поднимались, как холмы, увенчанные белой пеной, которую ветер временами подбрасывал вверх и мчал в тумане с вершины на вершину. Но корабль легко резал носом валы, свидетельствуя об искусстве человека, который командовал им. День выдался ясный и светлый; ленивое зимнее солнце, казалось, неохотно поднималось по меридиану, пересекая небо так низко над горизонтом, что его лучи едва ли могли согреть влажный морской воздух своим благодатным теплом. На расстоянии мили прямо против ветра виднелся «Ариэль», который повиновался сигналу, послужившему темой только что изложенного разговора. Лишь в те мгновения, когда шхуна поднималась на гребень особенно большой волны, можно было — и то с трудом — различить ее низкий черный корпус; зато белое пятно ее парусов, подставленных ветру, было видно издалека, и, когда маленькое судно качалось на неспокойной воде, казалось, будто они то с одной, то с другой стороны касаются волн. Иногда шхуна совсем скрывалась из виду, но вот из моря появлялись еле заметные

наклонные мачты; они росли, росли, затем из пены выходил корпус, и казалось, что он вот-вот понесется по воздуху, покинув морскую стихию.

Гриффит с минуту любовался этим прекрасным зрелищем, которое мы попытались описать, а затем, бросив проницательный взгляд моряка на небо, обратил взор на тех, кто находился на палубе фрегата.

Командир корабля стоял спокойно, как всегда, и терпеливо ожидал, когда «Ариэль» выполнит его приказание, а рядом с ним находился незнакомец, который недавно сыграл столь значительную роль в судьбе фрегата. Пользуясь дневным светом, Гриффит с того места, где он стоял, старался разглядеть необыкновенного человека лучше, чем это было возможно среди мрака и сумятицы прошлой ночи. Лоцман был ростом чуть ниже среднего, но мускулистая фигура его отличалась исключительной соразмерностью и мужественной красотой. Чертам его были свойственны скорее грусть и задумчивость, чем решительность и твердость, столь ярко проявленные им в минуты крайней опасности, но Гриффит хорошо знал, что это лицо может выражать и яростный гнев. Сейчас любопытному молодому человеку, помнившему, каким он видел это лицо в тревожном свете фонарей, оно казалось гладью морской в сравнении с волнением, все еще владевшим могучей стихией. Глаза лоцмана были опущены, но иногда он бросал вокруг себя беспокойные быстрые взгляды. Просторный коричневый камзол, скрывавший бóльшую часть его одежды, был сшит неумелыми руками из самого дешевого материала — такой носят самые захудалые матросы на корабле. И все же от внимательного взгляда молодого лейтенанта не ускользнуло, что незнакомец носит эту одежду с аккуратностью и изяществом, совсем не свойственным людям его профессии. На этом наблюдения Гриффита окончились, ибо к фрегату приближался «Ариэль», и все присутствующие готовились внимательно слушать беседу, которая вот-вот должна была начаться между командирами обоих судов.

Пока маленькая шхуна огибала высокую корму корабля, капитан Мансон приказал Барнстейблу подняться на борт фрегата. Как только приказ был передан, «Ариэль» сделал поворот и укрылся от вспененных волн в полосе более спокойной воды под защитой борта огром-

ного корабля. С палубы шхуны был снова спущен на воду вельбот, в котором заняли места те же самые гребцы, какие накануне ходили на нем к берегу, теперь едва различимому в подветренной стороне в виде полосы синих туч на горизонте.

Когда Барнстейбл спустился в вельбот, шлюпка, танцуя, рванулась вперед, и через несколько секунд удары весел доставили ее к борту фрегата. Офицер в сопровождении своих матросов поднялся на борт величественного корабля, а маленькое суденышко было приспущено на фалине на некотором расстоянии от фрегата, где оно покачивалось на привязи под присмотром дневального.

Как только Барнстейбл ступил на палубу, Гриффит и другие офицеры приветствовали его по строгим правилам церемониала, хотя каждый от души готов был обнять отважного моряка. Никто не посмел нарушить правила официального этикета, пока с прибывшим не переговорил сам капитан.

Тем временем матросы с вельбота прошли на бак и смешались с моряками фрегата. Только рулевой шхуны невозмутимо расположился на одном из ведущих вниз трапов и, подняв голову, начал осматривать сложную систему корабельных снастей, с явным неудовольствием покачивая головой. Это зрелище собрало вокруг него несколько молодых людей, во главе с мистером Мерри, которые намеревались развлекать гостя так, чтобы и самим позабавиться на славу.

Разговор между Барнстейблом и его начальником вскоре окончился, и молодой человек, кивком позвав за собой Гриффита с такой непринужденностью, которая доказывала, что он не чужой на фрегате, первым направился в кают-компанию. При этом он даже не взглянул на офицеров, собравшихся вокруг шпиля в ожидании, когда их товарищ освободится, чтобы более сердечно с ним поздороваться. Подобная сухость никак не была свойственна природному нраву и обычному поведению Барнстейбла. Поэтому, когда первый лейтенант один последовал за ним, офицеры решили, что Барнстейбл, вероятно, хочет поговорить с ним о служебных делах наедине. Командир шхуны действительно имел это намерение, ибо, схватив со стола в кают-компании лампу, он проследовал в сопровождении своего приятеля в его каюту и, затворив

дверь, повернул ключ в замке. Удостоверившись, что никто не может им помешать, командир шхуны, верный долгу службы и поэтому не способный отнестись пренебрежительно к рангу Гриффита, предложил ему единственный стул, а сам, поставив лампу на стол, небрежно уселся на рундук и начал разговор:

— Ну и ночь выдалась нам! Мне раз двадцать казалось, что под вами разверзлось море, и я уже считал вас погибшими, или, еще хуже, прибитыми к берегу, где власти запрятали бы вас в плавучие тюрьмы. Но внезапно в ответ на мой пушечный выстрел я увидел ваши огни. Если у злодея отнять его совесть, то и ему, наверное, не станет так легко, как мне, когда я увидел свечной огарок в вашем фонаре. Однако, Гриффит, я должен рассказать вам совсем о другом...

— О том, как вы спали, когда очутились в открытом море, и о том, как ваша команда пыталась даже превзойти своего командира в умении спать, наконец о том, как это ей удалось в такой мере, что наш старик только головой качал, — перебил его Гриффит. — Ей-богу, Дик, вы скоро совсем забудете мореходство на вашей скорлупе, где матросы укладываются спать вместе с курами!

— Что вы, Нед, дела наши далеко не так плохи! — смеясь, возразил Барнстейбл. — У меня дисциплина не слабее, чем на флагмане. Конечно, сорок человек не такой внушительный экипаж, как триста или четыреста, но, если придется поставить или убрать паруса, я, пожалуй, выполню этот маневр быстрее вас.

— Еще бы, ведь носовой платок легче развернуть и сложить, чем скатерть! Но я считаю, что плох тот моряк, кто оставляет корабль без присмотра и не следит даже, куда он идет: к северу или югу, к востоку или западу.

— И кого же вы обвиняете в таком недостойном поведении?

— У нас, знаете ли, говорят, что при сильном ветре вы ставите к румпелю вашего Длинного Тома, приказываете ему держать курс прямо, а остальных отправляете спать, и команда остается на койках, пока вас не разбудит храп рулевого.

— Бесстыдная ложь! — закричал Барнстейбл с негодованием, которое он тщетно пытался скрыть. — Кто позволяет себе распускать такие сплетни, мистер Гриффит?

— Я слышал это от командира морской пехоты, — ответил лейтенант, теряя охоту дразнить приятеля и напуская на себя рассеянный вид человека, которому все безразлично. — Но я сам мало этому верю. Не сомневаюсь, что прошлой ночью вы все не смыкали глаз, а вот что вы делали утром, этого я не знаю.

— Утром? Да, сегодня я малость зазевался! Но я был занят, Гриффит, изучением нового свода сигналов, который для меня в тысячу раз интереснее, чем все ваши флаги, развешанные на мачтах сверху донизу!

— Что? Неужели вы узнали тайные сигналы англичан?

— Нет-нет, — ответил Барнстейбл, хватая за руку своего приятеля. — Вчера вечером на тех утесах я встретил девушку, которая еще раз доказала, что я не ошибся в ней и не напрасно полюбил ее, такую сообразительную и смелую.

— О ком вы говорите?

— О Кэтрин...

Услышав это имя, Гриффит невольно вскочил со стула. Лицо его сначала покрылось мертвенной бледностью, а затем вспыхнуло, словно к нему стремительно прихлынула кровь из глубин сердца. Стараясь побороть волнение, которое он, по-видимому, стыдился обнаружить даже перед самым близким другом, молодой человек сел и, несколько овладев собой, с трепетом спросил:

— Она была одна?

— Да, но она передала мне это письмо и вот эту чудесную книгу, которая стóит целой библиотеки.

Гриффит кинул рассеянный взгляд на книгу, так высоко ценимую его приятелем, но нетерпеливо схватил распечатанное письмо, которое было положено на стол для его просмотра. Читатель уже догадался, что письмо это, написанное женской рукой, было то самое, которое Барнстейбл получил от своей нареченной во время их встречи на прибрежных скалах. Вот его содержание:

«Веря, что провидение доставит мне случай свидеться с вами или переслать вам это письмо, я приготовила краткий рассказ о том, в каком положении находимся мы с Сесилией Говард. Я сделала это, однако, не для того, чтобы толкнуть вас и Гриффита на какой-нибудь опрометчивый, безрассудный поступок. Я лишь хочу, чтобы

вы могли вместе подумать и решить, что можно сделать для нашего освобождения.

Вы, вероятно, уже достаточно знакомы с характером полковника Говарда: он никогда не согласится отдать руку своей племянницы мятежнику. Во имя верности королю, как говорит он (а я говорю на ухо Сесилии: «Во имя измены отечеству»), он уже пожертвовал не только своей родиной, но и немалой долей своего состояния. Со свойственной мне откровенностью (вы ее хорошо знаете, Барнстейбл!) я после дерзкой и неудачной попытки Гриффита увезти Сесилию там, в Каролине, призналась полковнику, что имела глупость подать некоторую надежду офицеру, сопровождавшему молодого моряка во время его вероломных визитов на плантацию. Ах, иногда мне кажется, что для всех нас было бы лучше, если бы ваш корабль никогда не появлялся на нашей реке или, если уж это было суждено, чтобы Гриффит не пытался возобновить знакомство с моей кузиной! Полковник принял мое признание, как и можно было ожидать от опекуна: он понял, что его воспитанница собирается отдать свою руку и тридцать тысяч долларов приданого изменнику короля и отечества. Я защищала вас как могла: говорила, что у вас нет короля, ибо узы, связывавшие вас с Англией, расторгнуты, что теперь отечеством вашим стала Америка и что призвание ваше почетно. Но все было напрасно. Он называл вас мятежником — это я слышала и раньше. Он утверждал, что вы изменник — в его устах это одно и то же. Он даже осмелился намекнуть, что вы будто бы трус. Я не побоялась высказать ему напрямик, что это ложь. Он ругал вас как мог. Не помню уж сейчас всех оскорблений, которыми он вас осыпал, но среди них были такие прекрасные выражения, как «дезорганизатор», «левеллер» [1], «демократ» и «якобинец» [2] (надеюсь,

---

[1] Левеллеры — мелкобуржуазная демократическая партия в Англии в период английской буржуазной революции XVII века. Левеллеры, выражавшие интересы мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства, ремесленников, требовали установления демократической республики с широким избирательным правом, с полной религиозной свободой, равенством на суде, некоторых социальных реформ, направленных на улучшение положения народных масс.

[2] Якобинцы — во время французской буржуазной революции члены Якобинского клуба, собиравшегося в здании монастыря Святого Якова в Париже. Якобинцы представляли революционно-демократическое направление в революции.

он не имел в виду монашеский орден!). Одним словом, он пришел в ярость, достойную полковника Говарда. Но его права не переходят из поколения в поколение, как у излюбленных им монархов, и через какой-нибудь год я уже выйду из-под его власти и стану сама хозяйкой своей судьбы. Конечно — если вы сдержите все свои заманчивые обещания! Я держусь стойко, решив вытерпеть все эти муки, лишь бы не покидать Сесилии. Ее положение значительно горше моего: она не только воспитанница полковника Говарда, но и его племянница, его единственная наследница. Я убеждена, что это последнее обстоятельство никак не влияет ни на поведение, ни на чувства моей кузины, но полковник, по-видимому, считает, что это дает ему право изводить ее по каждому удобному поводу. При всем том, полковник Говард, если его не гневить, настоящий джентльмен и, думается мне, исключительно честный человек. Сесилия даже любит его. Однако нельзя ожидать от человека, который шестидесяти лет от роду стал изгнанником и лишился почти половины состояния, чтобы он склонен был восхвалять людей, вызвавших такой переворот в его судьбе.

Сто лет назад, когда Говарды еще жили в Англии, их земли находились в Нортумберлендском графстве. Поэтому сюда и привез нас полковник, когда политические события и страх оказаться дядей мятежника вынудили его покинуть Америку, как он говорит, навсегда. Уже три месяца как мы здесь. Два месяца мы жили более или менее спокойно и привольно, но недавно газеты сообщили о прибытии во Францию вашего фрегата и шхуны, и с этой минуты за нами начали так строго следить, словно мы замышляем повторить каролинский побег. По прибытии сюда полковник нанял старинное здание, которое можно почесть и за дом, и за аббатство, а может быть, и за замок, но больше всего за тюрьму. Как говорят, его прельстило то, что дом этот когда-то принадлежал одному из его предков. В этом восхитительном жилище есть много клеток, из которых не вырвутся и более беспокойные птички, чем мы. Недели две назад в соседней деревне, расположенной на побережье, подняли тревогу из-за того, что у берега появились два американских судна. По описанию они похожи на ваши. А так как у нас в окру́ге все только и думают, что о страшном Поле Джонсе, то теперь начали говорить, будто он находится на борту од-

ного из этих судов. Мне кажется, что полковник Говард все точно знает, ибо в своих расспросах, насколько мне известно, он интересуется самыми мелкими подробностями. Он завел в доме нечто вроде гарнизона, под предлогом защиты нашего жилья от мародеров, подобных тем, какие, рассказывают, ограбили на приличную сумму денег леди Селкерк.

Поймите меня правильно, Барнстейбл: я ни в коем случае не желаю, чтобы вы отважились высадиться на берег, и заклинаю вас нашей любовью не проливать крови. Однако, для того чтобы вы лучше представляли себе место, где мы томимся, и людей, которые нас окружают, я опишу вам и тюрьму и гарнизон. Здание целиком построено из камня, поэтому вторгнуться в него с малыми силами невозможно. В нем столько поворотов и закоулков, что рассказать о них я просто не в силах. Комнаты, которые мы занимаем, находятся наверху, на третьем этаже флигеля, который, если вы настроены романтически, можно назвать башней. В действительности это просто крыло замка. Ах, если б я могла улететь с помощью этого крыла! Если вы случайно окажетесь поблизости, то узна́ете наши комнаты по трем закопченным флюгерам, которые вертятся над остроконечной крышей, а также по обычно открытым окнам. Напротив наших окон, на расстоянии полумили, находятся какие-то необитаемые развалины, почти скрытые от взоров небольшой рощей. Под сводами этих развалин можно найти если не слишком комфортабельное, но все же убежище. Пользуясь объяснениями, которые вы когда-то мне дали, я приготовила набор сигнальных флажков из шелка различных цветов и небольшой разговорник, который, мне кажется, может нам пригодиться. Эти фразы тщательно пронумерованы соответственно сочетаниям флажков. Прилагаю этот сборник сигналов к письму. У меня остается комплект флажков вместе с ключом к ним, а вы должны приготовить себе второй комплект. Если представится возможность, мы, по крайней мере, проведем несколько минут в приятной беседе: вы — с крыши старой башни в развалинах, а я — из восточного окна моего будуара!

Теперь я расскажу вам о гарнизоне. Кроме коменданта, должность которого исполняет сам полковник Говард со всем пылом своей прежней военной профессии, есть

еще его помощник, Кит Диллон, несчастье жизни Сесилии. У него длинная физиономия с черными глазами, полными презрения ко всему на свете, и кожа такого же цвета. Этот джентльмен, как вам известно, — дальний родственник Говардов, а теперь он возымел желание породниться с ними ближе. Он, правда, беден, зато, как ежедневно повторяет полковник, добрый верноподданный, а не мятежник. Когда я поинтересовалась, почему в эти тревожные времена Диллон не поднял оружие в защиту любимого венценосца, полковник ответил, что это не его обязанность, ибо он воспитан для служения закону и готовится занять одно из самых важных судейских мест в колониях. Полковник добавил, что надеется дожить до тех времен, когда многообещающий молодой человек приговорит некоторых джентльменов (имен он не назвал) к достойному наказанию. Это, конечно, было весьма утешительно, и я смолчала. Однако Диллон вместе с нами покинул Каролину и сейчас находится в аббатстве, намереваясь и впредь оставаться здесь, если вы не поймаете его и не произнесете над ним приговора, которым он грозит вам. Именно этого джентльмена полковник хочет видеть мужем Сесилии, и, с тех пор как до нас дошли слухи о вашем прибытии к английским берегам, осада почти перешла в штурм. Это привело к тому, что кузина сначала сама заперлась в своей комнате, а потом ее там запер полковник. И сейчас ей даже не разрешают выходить из флигеля, в котором мы живем. Кроме этих двух главных тюремщиков, нас охраняют четверо слуг мужского пола: двое негров и двое белых, и офицер с двадцатью солдатами, присланный к нам из соседнего города по особому приглашению полковника. Они останутся здесь до тех пор, пока берег не будет очищен от «пиратов»! Да, так сладкозвучно они именуют вас, а когда их собственные солдаты высаживаются на берег, грабят, разбойничают, убивают мужчин и оскорбляют женщин, их называют героями! Очень интересно придумывать клички и составлять словари. Ваша вина, если окажется, что мой словарь был составлен напрасно. Когда я припоминаю все оскорбления и ругательства, которыми здесь, в Англии, осыпают мою родину и мой народ, я выхожу из себя и забываю о том, что я женщина. Но я не хочу, чтобы мое раздражение привело вас к какому-нибудь необдуманному поступку. Помните о собственной жизни, помните об их тюрь-

мах, помните о вашем добром имени и не забывайте, не забывайте вашу

Кэтрин Плауден.

P. S. Я чуть не забыла сказать вам, что в сборнике сигналов вы найдете более подробное описание нашей тюрьмы, сведения о ее расположении и план всей местности».

Дочитав послание, Гриффит возвратил его тому, кому оно было адресовано, и, откинувшись на спинку стула, глубоко задумался.

— Я знал, что она здесь, иначе я принял бы пост, который мне предлагали наши комиссары в Париже, — наконец промолвил он. — Я надеялся, что счастливый случай поможет мне встретиться с ней, но никак не ожидал, что окажусь в такой близости от нее! Раз у нас есть эти сведения, мы должны действовать быстро и решительно. Бедняжка! Что только ей приходится сейчас испытывать!

— Какой у нее прекрасный почерк! — воскликнул Барнстейбл. — Четкие буквы, изящные и маленькие, как ее пальчики. Грифф, вот если бы ей вести вахтенный журнал!

— Сесилии Говард прикасаться к грубой бумаге вахтенного журнала? — удивленно воскликнул Гриффит, но, заметив, что Барнстейбл углубился в письмо возлюбленной, понял, что каждый из них думает о своей любимой, и, улыбнувшись, замолчал.

После нескольких минут хладнокровного размышления Гриффит попросил друга рассказать ему, как и при каких обстоятельствах он встретился с Кэтрин Плауден. Барнстейбл кратко изложил все события, уже известные читателю.

— Значит, — сказал Гриффит, — Мерри — единственный, кроме нас, кто знает об этой встрече. Думаю, что, дорожа честью своей родственницы, он не будет болтать.

— Ее честь не нуждается в защите, мистер Гриффит! — вскричал Барнстейбл. — Она такая же незапятнанная, как паруса над вашей головой, и...

— Тише, милый Ричард! Прошу прощения: вероятно, мои слова можно истолковать несколько иначе, чем

я предполагал. Но очень важно, чтобы все наши шаги были осторожны и оставались тайной.

— Мы должны увезти их обеих, — сказал Барнстейбл, уже забыв о минутном недоразумении, — и сделать это раньше, чем нашему старику заблагорассудится покинуть эти берега. Вам что-нибудь известно о его инструкциях или он молчит о них?

— Он безмолвен как могила. Впервые мы покинули порт без того, чтобы он откровенно поговорил со мной о целях нашего плавания. И с тех пор, как мы вышли из Бреста, он еще ни слова мне не сказал.

— Причиной этому ваша застенчивость — все вы такие в Джерси! Подождите, пока я с моим восточным любопытством подойду к нему. Клянусь честью, через час мне все будет известно!

— Коса найдет на камень — вот и все, чем это кончится, — засмеялся Гриффит. — Увидите, он будет увертываться так же ловко, как вы — допрашивать его.

— Во всяком случае, у меня нынче будет возможность попытаться. Он послал за мной для участия в офицерском совете — вероятно, по какому-то важному вопросу.

— Ничего не слышал, — ответил Гриффит, подняв пытливый взгляд на приятеля. — Что он собирается объявить?

— Об этом вам придется спросить у вашего лоцмана, потому что во время разговора со мной старик каждую минуту посматривал на него, словно ожидая команды для маневра.

— Вокруг этого человека и в наших отношениях с ним есть какая-то тайна, постичь которую я не в силах, — сказал Гриффит. — Но я слышу — меня зовет Мануэль. Нас ждут в капитанской каюте. Помните, вы не должны покинуть фрегат, не повидавшись со мной еще раз!

— Нет-нет, мой дорогой друг, после общего совета у капитана мы удалимся на частный совет!

Молодые люди встали, и Гриффит, сбросив куртку, в которой выходил на палубу, надел парадный сюртук. Взяв шпагу, он направился вслед за товарищем по проходу, уже нами описанному, на батарейную палубу, откуда они вошли, приветствуя собравшихся, в командирский салон.

ГЛАВА VII

Семпроний, говори!
Аддисон, «Катон»

Приготовления к совету были скоры и просты. Старый командир фрегата с безукоризненной вежливостью принял офицеров и, указав им на стулья вокруг стола, привинченного посреди салона, молча занял председательское место. За ним без дальнейших церемоний уселись и все остальные. Занимая свои места, они, однако, внимательно и строго соблюдали порядок старшинства и чинов. Гриффит, как следующий по должности за командиром фрегата, поместился по правую руку от него, а по левую руку сел командир шхуны. Командир морской пехоты, который также принимал участие в совете, расположился подле Гриффита, а за ним — по старшинству — все остальные офицеры. На нижнем конце стола занял место штурман — атлетически сложенный, широкоплечий человек с грубыми чертами лица. Как только все уселись за столом и установилась тишина, командир, собравший своих подчиненных на совет, изложил им существо дела и просил высказать свое мнение.

— В силу данных мне инструкций, джентльмены, — начал он, — по прибытии к берегам Англии я должен был их обследовать...

Гриффит почтительно поднял руку, призывая к молчанию, и старый ветеран умолк, вопросительно глядя на лейтенанта.

— Мы не одни, — объяснил молодой человек и бросил взгляд в ту часть салона, где, облокотясь на орудие, в спокойной и непринужденной позе стоял лоцман.

Незнакомец и бровью не повел, услышав этот явный намек, и не поднял глаз от лежавшей перед ним прямо на палубе карты, которую он внимательно разглядывал.

— Здесь присутствует только мистер Грэй, — тихо и с явным уважением произнося это имя, ответил капитан. — Нам понадобятся его услуги, поэтому мы ничего не должны скрывать от него.

Молодые люди удивленно переглянулись, и, когда Гриффит безмолвным поклоном выразил свое согласие с решением командира, последний продолжал:

— Мне было приказано наблюдать за определенными сигналами с мысов, мимо которых мы шли. С этой целью мне были переданы лучшие карты и инструкции, что дало нам возможность вчера войти в бухту. Теперь у нас есть лоцман, который представил такие доказательства своего искусства, что ни один из вас, джентльмены, не должен колебаться, в случае необходимости, положиться на его честь и знания.

Старик умолк и оглядел своих офицеров, словно желая прочесть на их лицах, как они приняли это важное заявление. Слушатели молча наклонили головы, и капитан, заглядывая в бумагу, которую он держал в руках, продолжал свои объяснения:

— Всем вам известно, джентльмены, что злополучный вопрос об обмене пленными не раз возбуждался обоими правительствами — нашим и английским. По этой причине, а также по некоторым политическим соображениям наши комиссары в Париже признали необходимым захватить в плен нескольких видных деятелей враждебной стороны, которые могли бы послужить заложниками на случай дальнейших козней врага. В то же время это заставит Англию испытать на себе тяготы войны, которые до сих пор были только нашим уделом, пока она шла исключительно на нашей территории. Сейчас нам представляется удобный случай привести этот план в исполнение, и я собрал вас для того, чтобы посоветоваться, как это сделать.

Это неожиданное сообщение о цели плавания было встречено мертвой тишиной. Подождав с минуту, капитан, обращаясь к штурману, спросил:

— Что вы посоветуете мне предпринять, мистер Болтроп?

Потрепанный бурями моряк, которому было предложено своим советом распутать этот трудный узел, положил на стол короткую костистую руку и начал с большим старанием вертеть чернильницу, а другой рукой он поднес ко рту перо и стал жевать его с таким увлечением, словно это был лист славного виргинского табаку. Но, заметив, что от него ждут ответа, он поглядел сначала направо, потом налево и наконец заговорил хриплым густым голосом, потерявшим из-за морских туманов и постоянной простуды всякую мелодичность:

— Я думаю так: приказано — значит, надо сделать,

ибо старинное правило гласит: «Получил приказ — выполняй враз!» Однако не худо и другое правило: «Волю начальства твори, да и себя не смори!» Оно спасло многих ребят от промашки, закрывающей реестр казначея. Я не хочу сказать, что книги казначея хуже других книг, но, когда человек умер, его счет закрывают, иначе выйдет ошибка. Итак, если дело должно быть сделано, встает вопрос: каким образом? Всем известно, что на корабле много парусов, но не всякий скажет, как убрать лишние. Так вот, если дело действительно должно быть сделано, нам следует либо высадить отряд и захватить этих людей, либо ложными сигналами и флагами заманить их на фрегат. Что касается высадки, капитан Мансон, — я говорю только о себе, — то, если вы проткнете бушпритом окна гостиной английского короля, я согласен на этот маневр, и мне неважно, сколько дворцовой посуды при этом будет побито. Что же до того, чтобы оставить след моих сапог на здешнем прибрежном песке — я все время говорю только о себе, — то, извините за выражение, лучше пусть черт меня унесет.

Молодые офицеры с улыбкой выслушали чистосердечное изложение мыслей старого морского волка, который, по-видимому, полагал, что достаточно осветил то основное, ради чего был собран совет.

Но командир, который тоже был — правда, более утонченным — воспитанником старой школы, как будто понял все доводы штурмана и, не изменив бесстрастного выражения лица, попросил высказаться самого молодого из лейтенантов.

Молодой человек говорил скромно, но все же решительно. Однако речь его в целом была не менее расплывчатой, чем речь штурмана. Он сказал то же самое, с той лишь разницей, что не испытывал подобного отвращения к высадке на берег.

Высказывания других офицеров, более высокого чина, становились все яснее и вразумительнее, пока не дошла очередь до капитана морской пехоты. Он излагал свои соображения, явно гордясь тем, что предполагаемое предприятие гораздо более соответствовало его профессии, чем обычные действия фрегата.

— Мне кажется, сэр, что успех этой экспедиции зависит в первую голову от способа ее выполнения... — После этих общепонятных вступительных слов офицер помед-

лил, как бы собираясь высказать такой убедительный аргумент, который сразу смёл бы все возражения, а затем продолжал: — Высадка, конечно, должна быть произведена в удобном месте, под прикрытием пушек фрегата, а шхуну, если можно, следует поставить на якорь таким образом, чтобы в случае нужды она могла открыть фланкирующий огонь по месту десанта. Приготовления к походному маршу во многом зависят от расстояния, которое предстоит пройти. Я полагаю, сэр, что следует выслать вперед группу моряков, которая должна прокладывать путь для колонны морской пехоты, а обоз и его охранение могут оставаться на фрегате до тех пор, пока неприятель не отступит в глубь территории; только тогда они могут спокойно двинуться вперед. Необходимо также образовать фланговые отряды под командой двух старших гардемаринов, а из марсовых следует создать небольшой отряд для содействия морской пехоте. Мистер Гриффит, конечно, сам поведет матросов, вооруженных мушкетами и длинными пиками, — это будет резерв, поскольку, я думаю, мои военные заслуги и опыт дают мне право принять командование над главными силами.

— Великолепно, фельдмаршал! — воскликнул Барнстейбл, в своем кипучем веселье редко считавшийся с местом и временем. — Напрасно вы допустили, чтобы ваши пуговицы ржавели от морской воды. Вы уберегли бы их от этого, оставаясь в лагере Вашингтона. Лучше вам повесить свою койку в его палатке. Вы, кажется, думаете, сэр, что мы намерены завоевать всю Англию?

— Я знаю, что всякий военный маневр должен быть выполнен точно и четко, капитан Барнстейбл, — возразил командир морской пехоты. — Но я слишком привык к насмешкам морских офицеров, чтобы прислушиваться к тому, что проистекает от их невежества. Если капитану Мансону угодно будет использовать меня и моих людей в этой экспедиции, он убедится, что морская пехота годится не только для того, чтобы нести караул и отдавать честь. — Высокомерно отвернувшись от своего противника, он продолжал говорить, обращаясь уже только к их общему начальнику и как бы пренебрегая дальнейшим разговором с человеком, неспособным понять всю силу его слов. — Было бы весьма благоразумно, капитан Мансон, выслать вперед разведывательный отряд. И, поскольку мы можем встретить отпор, я советовал бы сфор-

мировать вооруженный шанцевым инструментом саперный отряд. Такой отряд был бы чрезвычайно полезен для возведения полевых укреплений. Впрочем, сэр, нужные орудия найдутся в изобилии у местного населения, а для работ мы в случае нужды привлечем и крестьян.

Барнстейбл не выдержал и громко расхохотался, причем никто не счел нужным его остановить. Но Гриффит, отвернув голову, скрыл улыбку, которая было расплылась по его лицу. Он заметил, что лоцман бросил на веселого моряка гневный взгляд, и не знал, как его истолковать. Когда капитан Мансон решил, что Барнстейбл насмеялся досыта, он мягко осведомился, почему предложение командира морской пехоты кажется ему столь смешным.

— Да ведь это план целой кампании! — вскричал Барнстейбл. — Его следует тотчас, пока еще не выступили французы, отправить с нарочным в Конгресс!

— Может быть, вы предложите лучший план, мистер Барнстейбл? — терпеливо спросил командир.

— Лучший? Да любой, какой можно выполнить быстро и без затруднений! — воскликнул командир шхуны. — Это дело для моряков, сэр, и поручить его следует морякам...

— Извините меня, капитан Барнстейбл, — перебил его командир морской пехоты, воинское честолюбие которого подавило в нем всякое чувство юмора, — но, поскольку дело это должно быть выполнено на суше, я думаю, что имею полное право участвовать в нем.

— Думайте что хотите, капитан, но не знаю, как вы собираетесь воевать с помощью людей, которые не умеют отличить нос корабля от кормы, — ответил моряк. — Или вы полагаете, что подойти к берегу на веслах или под парусом так же легко, как по команде положить на землю ваши кремневые ружья? Нет-нет, капитан Мануэль, я уважаю ваше мужество, ибо не раз видел вас в минуты опасности, но, черт меня побери, если...

— Мы ждем, что предложите вы, мистер Барнстейбл! — напомнил ему старик командир.

— Прошу прощения, сэр! Ни в каком плане нет необходимости. Укажите, где находятся нужные вам лица, а также расстояние, и я, как только шторм немного стихнет, поведу шхуну к берегу в таком месте, где достаточно глубоко и нет подводных камней... Мистер лоцман, вы

будете сопровождать меня, ибо у вас в голове хранится такая точная карта морского дна и этих берегов, какой никогда не существовало и для суши. Я поищу удобную якорную стоянку или, если ветер будет дуть с берега, шхуна может ждать в отдалении, пока нам не удастся снова выйти в открытое море. Я высажусь на берег с вельбота, взяв с собой Длинного Тома и команду гребцов, а затем мы отыщем указанное вами место, возьмем в плен нужных вам людей и доставим их на борт фрегата. Все пойдет как по маслу, только надо десант высадить ночью, поскольку эти места густо заселены.

— Мистер Гриффит, — сказал капитан, — нам осталось услышать только ваше мнение, а затем, сопоставив все соображения, мы выработаем наиболее благоразумный способ действий.

Первый лейтенант в течение всего совета был очень задумчив и, по-видимому, достаточно подготовился к своему выступлению. Указывая на человека, который по-прежнему стоял позади, опираясь на пушку, он спросил.

— Вам угодно, чтобы лоцман сопровождал нашу экспедицию?

— Да.

— И он располагает необходимыми сведениями, чтобы руководить нашими действиями?

— Именно так.

— Если, сэр, он будет действовать на суше так же искусно, как на море, я ручаюсь за наш успех, — сказал лейтенант, слегка кланяясь незнакомцу, который поблагодарил его холодным кивком. — Прошу мистера Барнстейбла и капитана Мануэля извинить меня, — продолжал он, — но, полагаю, командовать этой экспедицией надлежит мне, как старшему по рангу.

— Это дело шхуны! — с жаром возразил Барнстейбл.

— Здесь хватит работы для всех, — ответил Гриффит. Он поднял палец, призывая приятеля к молчанию, и бросил на него выразительный взгляд, который был тотчас понят. — Я не могу вполне согласиться ни с одним из этих джентльменов. Говорят, что со времени появления наших судов у побережья дома́ знатных людей охраняются небольшими отрядами солдат из соседних городов.

— Кто это говорит? — спросил лоцман, неожиданно выступив вперед с такой живостью, которая заставила всех умолкнуть.

— Я говорю это, сэр, — ответил лейтенант, придя в себя от удивления.

— Вы можете ручаться за свои слова?

— Да.

— Назовите мне лицо или укажите дом, находящийся под такой охраной.

Гриффит смотрел на человека, который настолько забылся, что позволил себе прервать военный совет, и по свойственной ему гордости медлил с ответом. Однако, припомнив слова капитана и недавние услуги, оказанные лоцманом, он наконец с некоторым замешательством промолвил:

— Мне доподлинно известно, что дом некоего полковника Говарда, находящийся в нескольких милях к северу от нас, охраняется подобным образом.

Услышав это имя, незнакомец слегка вздрогнул и пристально посмотрел на молодого человека, словно желая прочесть его мысли на выразительном лице. Но тотчас губы его искривились в еле уловимой усмешке, и, возвратившись на свое место возле пушки, он спокойно заметил:

— Возможно, вы правы, сэр. И, если капитан Мансон соблаговолит выслушать мой совет, я предложил бы ему обратить особое внимание на ваши слова.

Гриффит обернулся, надеясь в самих движениях незнакомца угадать то, что он не договаривал словами, но тот снова прикрыл лицо рукой и опустил взор на карту, приняв прежний рассеянный вид.

— Я сказал, сэр, что не могу вполне согласиться ни с мистером Барнстейблом, ни с капитаном Мануэлем, — продолжал после короткого молчания лейтенант. — Возглавить экспедицию должен я как старший офицер, и я оставлю за собой это право. Приготовления, предложенные капитаном Мануэлем, я считаю излишними, но я предлагаю действовать осторожнее, нежели рекомендует мистер Барнстейбл. Если нам случится встретить солдат, у нас тоже должны быть солдаты для отпора. Но, поскольку речь идет о десанте и вместо регулярных передвижений нужно проворство моряков, командовать этой экспедицией должен морской офицер. Согласны ли вы с моим предложением, капитан Мансон?

— Безусловно, сэр, — ответил, не колеблясь, старый моряк. — Я сам намеревался предложить вам эту задачу и рад, что вы с такой охотой ее принимаете.

Услышав слова командира, Гриффит едва мог скрыть свою радость, и довольная улыбка озарила его бледное лицо, когда он сказал:

— Итак, отныне на мне лежит вся ответственность. Я прошу передать в мое распоряжение капитана Мануэля — разумеется, если он не возражает, — с двумя десятками солдат. (Командир морской пехоты поклонился и бросил торжествующий взгляд на Барнстейбла.) Я возьму свой личный катер с опытными гребцами, перейду на шхуну, и, когда ветер спадет, мы подойдем к берегу, а там будем действовать, сообразуясь с обстоятельствами.

Командир шхуны, в свою очередь, с торжеством взглянул на командира морской пехоты и весело воскликнул:

— Вот отличный план, достойный морского офицера, мистер Гриффит! Да-да, шхуну непременно надо использовать. Вы увидите, что при нужде она может стать на якорь и в садовом пруду, а орудия ее будут направлены на окна гостиной лучшего дома в Англии! Но двадцать солдат! Они создадут толчею на моем суденышке.

— Взять менее двадцати человек было бы неблагоразумно, — возразил Гриффит. — У нас может оказаться больше дела, чем мы ожидаем.

Барнстейбл прекрасно понял намек, но все же ответил:

— Пусть это будут моряки, и я найду место даже для тридцати. Но солдаты вне строя не знают, куда девать свои ружья и ноги. Каждый из них займет место, рассчитанное на двух матросов. Они развесят свои койки поперек корабля, изголовьем в подветренную сторону, и по свистку вскочат не на ноги, а на голову. Черт возьми, сэр, от грязи и вони двадцати солдат нам некуда будет деться!

— Дайте мне открытую шлюпку, капитан Мансон, — вскричал возмущенный командир пехотинцев, — и я последую в ней за мистером Гриффитом, так как не желаю подвергать капитана Барнстейбла таким неудобствам!

— Нет-нет, Мануэль, — воскликнул Барнстейбл, дружески протягивая капитану свою мускулистую руку, — не то вы окажетесь Ио́нами [1] в мундирах, да и рыбе-то труд-

---

[1] По библейскому преданию, матросы бросили пророка Иону с корабля в море, где его проглотила рыба и потом извергла невредимого на сушу.

но будет переварить ваши патронные сумки и штыки. Вы пойдете со мной и своими глазами убедитесь, так ли мы крепко спим на «Ариэле», как вы изволили шутить.

Все присутствующие, кроме лоцмана и командира фрегата, потешались над Мануэлем. Лоцман молчал и, хотя со стороны казалось, что он погружен в свои мысли, в действительности с интересом прислушивался к разговору. Иногда он поднимал взгляд на офицеров, как бы стремясь глубже узнать их характер, скрытый под минутным весельем. Выражение невозмутимого спокойствия редко покидало морщинистое лицо капитана Мансона, и, хотя по своему положению командира фрегата он должен был сдерживать неуместную веселость подчиненных, врожденное добродушие не позволяло ему мешать их невинным развлечениям. Он объявил, что вполне согласен с предложенным планом, и велел вестовому принести ром, обычно подававшийся по окончании подобных совещаний.

Штурман, по-видимому, считал, что теперь должен соблюдаться тот же порядок, что и при опросе мнений, и потому первым бесцеремонно налил себе в стакан столько рому, что тот сохранил свой цвет даже после добавления воды. Поднеся его к свету, моряк заметил:

— Вода на корабле почти одного цвета с ромом. Вот если бы и вкус у них был одинаковым, какие бы мы тогда были храбрецы! Мистер Гриффит, я вижу, вам очень хочется поскорей попасть на берег. Что ж, вполне естественно, что молодежь любит землю. Но один человек, штурман этого корабля, прошлой ночью достаточно нагляделся на землю — ему хватит на целый год. Однако, раз уж вы решили отправиться, позвольте мне выпить за удачную высадку да за то, чтобы море было поспокойнее. Капитан Мансон, ваше здоровье! Я считаю, что, если бы вы держали южнее — это мое личное мнение, сэр, — мы непременно встретились бы с каким-нибудь возвращающимся из Вест-Индии в Англию неприятельским судном, где нашли бы средства для поддержания духа до тех пор, пока нам самим не придет охота ступить на землю.

И так как этот старый, но еще крепкий моряк одной рукой то и дело подносил ко рту стакан, а другой продолжал крепко держаться за графин, товарищам его не оставалось ничего иного, как наслаждаться его красноречием либо уйти, не утолив жажды. Наконец Барнстейбл невоз-

мутимо отобрал у него графин и, приготовляя себе смесь, в которой вода и ром были в более приличной пропорции, заметил:

— Какой у вас замечательный стакан с грогом, Болтроп! Я, сколько ни плаваю, такого еще не видел! Воды в нем не больше, чем вытесняет «Ариэль» с его малой осадкой, а до дна не дойти. Если у вас в винной кладовой есть такое же устройство для бесконечного пополнения запаса, наш фрегат не разорит Конгресса.

Остальные офицеры проявили еще большую умеренность, Гриффит вообще только пригубил вино, а лоцман совсем отказался от предложенного стакана. Капитан Мансон пил стоя, и офицеры, заметив, что в их присутствии больше не нуждаются, раскланялись с командиром и вышли. Гриффит, уходя последним, почувствовал на своем плече чью-то руку и, обернувшись, увидел перед собой лоцмана.

— Мистер Гриффит, — сказал тот, когда они остались одни с командиром фрегата, — события прошлой ночи должны были научить нас взаимному доверию. Без этого экспедиция наша окажется опасной и бесполезной.

— Разве наше положение одинаково? — возразил молодой человек. — Все знают меня таким, каков я есть: я служу отечеству, принадлежу к семье, имя которой — залог моей верности делу родины. Тем не менее я рискую высадиться на неприятельскую землю без больших воинских сил и при таких обстоятельствах, когда предательство означало бы мою гибель... Кто этот человек, который пользуется у вас таким доверием, капитан Мансон? Не ради себя я задаю этот вопрос, а ради тех отважных людей, которые без страха и сомнения пойдут за мной, куда бы я их ни повел.

Тень неудовольствия омрачила лицо незнакомца при этих словах и сменилась глубокой задумчивостью.

— Ваш вопрос не лишен оснований, мистер Гриффит, — ответил командир, — но вам ли я должен напоминать о безусловном повиновении, которого я вправе требовать от своих подчиненных? Хотя, быть может, мое происхождение и образование не дают мне тех преимуществ, какими располагаете вы, но, по-видимому, Конгресс не счел возможным пренебречь моими сединами и заслугами. Я командую этим фрегатом...

— Не продолжайте! — прервал его лоцман. — Сомне-

ния мистера Гриффита понятны, и следует их рассеять. Мне нравятся гордость и смелый взгляд молодого человека. И, если он боится попасть из-за меня на виселицу, я покажу ему пример благородного доверия... Прочтите, сэр, и скажите, можете ли вы и теперь не доверять мне?

С этими словами незнакомец вынул спрятанный у него на груди пергамент, украшенный лентами и массивной печатью, развернул его и положил на стол перед молодым человеком. Он указывал пальцем на некоторые места текста, и глаза его зажглись необычайным огнем, а когда он заговорил, на бледных щеках его появился слабый румянец.

— Вы видите, — сказал он, — сам король не поколебался поручиться за меня, а его имя не должно внушать страха американцу.

Гриффит с удивлением взглянул на размашистую подпись Людовика, украшавшую пергамент. Но, проследив взглядом за пальцем лоцмана и прочитав написанное, он поднялся из-за стола и, устремив на лоцмана восторженный взор, воскликнул с воодушевлением, ясно отразившимся на его лице:

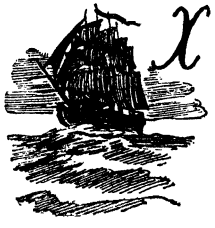
— Ведите! За вами я пойду хоть на край света!

Улыбка удовлетворения скользнула по губам незнакомца. Взяв молодого человека под руку, он направился вместе с ним в кают-компанию, и командир, безмолвный и невозмутимый свидетель всей этой сцены, остался один.

ГЛАВА VIII

Корабль, волну опережая,
Вперед помчался, как борзая
Стремится за добычей.

Вальтер Скотт, «Владыка островов»



Хотя участникам совещания было приказано хранить строжайшую тайну, однако через младших офицеров вскоре кое-что стало известно и матросам, и весь экипаж пришел в большое волнение. По палубам фрегата со скоростью боевой тревоги распространились слухи, что по секретному приказу самого Конгресса будет

предпринят десант. Поэтому совершенно естественно, что люди, которым предстояло, рискуя жизнью и свободой, принять в нем участие, строили различные предположения насчет цели экспедиции и численности ее состава. Стремление проявить доблесть, а также испытать нечто новое, определяло в основном настроение экипажа, который с не меньшим восторгом встретил бы и приказ о том, что их кораблю следует атаковать весь английский флот. Лишь несколько старых и, следовательно, более осторожных матросов не разделяли общего безрассудного восторга, а два-три человека, среди которых самым заметным был рулевой вельбота, рискнули даже высказать свое неодобрение по поводу предстоящих сухопутных операций, каковыми, по их мнению, не пристало заниматься морякам.

Капитан Мануэль выстроил своих солдат у трапа и, обратившись к ним с краткой речью, направленной на то, чтобы разжечь в них воинственный пыл и патриотические чувства, заявил, что ему требуется двадцать добровольцев — по правде говоря, это составляло добрую половину морских пехотинцев — для участия в опасном деле. На миг воцарилась тишина, потом весь отряд, как один человек, шагнул вперед, изъявляя готовность следовать куда угодно за своим командиром. Польщенный столь единодушным порывом, Мануэль оглянулся в надежде, что где-нибудь поблизости окажется Барнстейбл, но, заметив, что командир шхуны, расположившись на шканцах, углубился в какие-то бумаги, приступил к беспристрастному отбору будущих героев, предварительно наметив для этого наиболее бравых молодцов и, следовательно, оставляя на корабле тех, кто похуже.

В то время как шла эта подготовка и экипаж находился в состоянии необычайного возбуждения, Гриффит появился на палубе. Лицо его горело небывалым энтузиазмом, а глаза сверкали от радости и воодушевления — чувств, которых давно уже нельзя было увидеть на лице молодого человека. Он отдавал необходимые распоряжения матросам, которых собирался взять с собой, но в это время Барнстейбл знáком позвал его и снова повел в каюту.

— Придется ждать, пока спадет ветер, — сказал командир «Ариэля», когда они уселись. — Все равно при такой волне на восточном побережье Англии высадиться

нельзя... Но, ей-богу, Гриффит, Кэтрин прямо создана быть женой моряка! Посмотрите, какой сборник сигналов придумала ее хитрая головка!

— Надеюсь, что ваше мнение подтвердится и что именно вы окажетесь тем счастливцем, которому суждено стать ее мужем, — ответил лейтенант. — Девушка действительно проявила в этом деле удивительное искусство. Где она могла так хорошо обучиться системе сигнализации?

— Где? Да она научилась и бóльшему: например, как ценить чистосердечную любовь моряка. Неужели вы думаете, что я молчал, когда мы, бывало, сидели рядом на берегу реки в Каролине? Разве нам не о чем было говорить?

— Вы развлекали возлюбленную трактатами об искусстве мореплавания и наукой о сигнализации? — с улыбкой спросил Гриффит.

— Я отвечал на ее вопросы, мистер Гриффит, как сделал бы всякий благовоспитанный человек, разговаривая с девушкой, которую он любит. Кэтрин обладает не меньшим любопытством, чем те женщины из нашего города, которые обогнули мыс Сорокалетия, так и не найдя себе мужа... Но вот составленный ею список фраз. Согласитесь, Гриффит, оставив в стороне полученное вами в колледже образование и сантименты, что такая умная и находчивая девушка может быть отличным помощником моряку!

— Я никогда не сомневался в достоинствах мисс Плауден, — произнес Гриффит с комической важностью, которой часто прикрывалось более глубокое чувство. В этом сказывались и привычки моряка и свойства характера лейтенанта. — Но это поистине превосходит все мои ожидания! Какой удачный подбор фраз: номер сто шестьдесят восемь — неизгладимо, сто шестьдесят девять — до могилы, сто семьдесят — боюсь в вас обмануться, сто семьдесят один...

— Перестаньте! — воскликнул Барнстейбл, выхватывая книгу из рук улыбающегося Гриффита. — Зачем сейчас терять время на такую ерунду? Скажите лучше, что вы думаете о нашей экспедиции на берег?

— Я думаю, что, если даже нам не удастся захватить нужных людей, мы, по крайней мере, освободим наших дам.

— Но этот лоцман! Не забудьте, что он держит всех нас за горло, и стоит ему проболтаться под угрозой или при виде золота, как нас повесят на реях первого же английского корабля.

— Почему же он не завел наш корабль на берег, когда мы блуждали среди скал и мелей? В этом случае нам даже в голову не пришло бы заподозрить его в измене, — возразил Гриффит. — Нет, я всей душой доверяю ему и считаю, что при нем мы в большей безопасности, чем без него.

— Тогда пусть он и идет к тому дому, где соберутся для охоты на лисицу министры! — воскликнул Барнстейбл, пряча на груди сборник сигналов. — А мы воспользуемся этой картой — она укажет нам путь в ту гавань, которую мы хотим посетить. Назовите меня болваном, если эта проказница, доведись мне еще раз ступить на terra firma, снова ускользнет из моих рук, как летающая рыбка от дельфина! Мистер Гриффит, нам надо взять с собой на берег корабельного священника.

— Безумие любви заставляет вас забыть долг солдата. Можете ли вы лежать в дрейфе и слушать проповеди во время нашей летучей экспедиции?

— Нет-нет, мы можем ложиться в дрейф только при крайней необходимости. Но в подобных предприятиях всегда приходится лавировать, а это значит, что будут и передышки, и тогда священник может нас обвенчать. Он отлично управляется с молитвенником и сделает свое дело не хуже епископа. Хотелось бы мне знать, что милые имя и фамилия, которыми подписано письмо, в последний раз стоят вместе...

— Это не годится, — сказал Гриффит, покачивая головой и улыбаясь, хотя на душе у него было тяжело. — Нельзя этого делать, Ричард! Мы должны забыть о наших душевных склонностях ради служения отечеству, да и лоцман не такой человек, которого можно уговорить отказаться от намеченной цели.

— Тогда пусть он сам и идет к своей цели! — воскликнул Барнстейбл. — Ни один человек, кроме командира, не волен помешать моей беседе с черноглазой Кэт с помощью этих флажков. Подумаешь, какой-то там лоцман! Пусть он отправляется куда хочет, а я прямо, как по компасу, буду держать курс на старые развалины, откуда увижу романтический флигель и три закопченных флюге-

ра. Не подумайте, что я пренебрегаю своим долгом. Нет! Я помогу вам поймать англичан, но, когда с этим будет покончено, да здравствует Кэтрин Плауден и верная любовь!

— Молчите, безумный! У кают-компании длинные уши, а наши переборки от износа стали тонкими. Прежде всего следует помнить о наших обязанностях. Это — не детская игра, и не напрасно наши комиссары в Париже нашли нужным послать в эту экспедицию фрегат.

Серьезность, с какой говорил Гриффит, несколько умерила пыл расходившегося Барнстейбла, но, поразмыслив минуту, он вскочил и направился к выходу.

— Куда? — спросил Гриффит, мягко удерживая нетерпеливого друга.

— К старому скромнику. Я придумал, как устранить все затруднения.

— Сначала скажите мне. Я посвящен в его намерения и могу избавить вас от напрасного унижения в случае отказа.

— Сколько англичан он хочет взять для украшения своей каюты?

— Лоцман назвал мне шестерых — все это люди знатные, занимающие у врага высокое положение: два пэра, два члена палаты общин, один генерал, а шестой, как и мы, — моряк в чине капитана. Они съехались на охоту в поместье, недалеко от моря, и, поверьте мне, все благоприятствует нашим намерениям.

— Что ж, значит, по два на каждого из нас. Вы, если хотите, следуйте за лоцманом, но мне позвольте с моим рулевым и командой гребцов отправиться к полковнику Говарду. Я сделаю внезапный наскок на его дом, освобожу девушек, а на обратном пути возьму в плен первых же двух лордов, которых мне доведется повстречать. Я считаю, что для нашего дела все они одинаково хороши.

— Хотя они называют друг друга пэрами, то есть равными, — ответил Гриффит, не в силах сдержать смех, — тем не менее, я думаю, разница между ними все-таки есть. И Англия, может быть, только поблагодарит нас, если мы избавим ее от кое-кого из них. К тому же и встретить их не так легко: они не валяются, как нищие, под каждым забором. Нет-нет, люди, которых мы ищем, должны представлять для нас интерес не только своей знатностью... Однако давайте получше рассмотрим план

и карту, сделанные мисс Плауден. Вдруг случится нечто непредвиденное, что позволит нам совершить столь желаемый поход...

Барнстейбл весьма неохотно отказался от своего легкомысленного плана, уступая более трезвым рассуждениям приятеля, и они посвятили целый час изысканию возможности осуществить свои личные намерения, не забывая при этом служебного долга.

Почти все утро дул сильный ветер, но к полудню появились признаки улучшения погоды. В течение этих часов вынужденного бездействия солдаты морской пехоты, назначенные для участия в десанте, расхаживали по кораблю с важным и озабоченным видом, как будто готовясь к славной и опасной кампании, объявленной их командиром. Матросы же, которые должны были сопровождать экспедицию, твердым шагом мерили палубу, засунув руки в нагрудные карманы аккуратных синих курток. Время от времени они поглядывали на горизонт и указывали менее опытным товарищам на признаки, предвещавшие перемену погоды к лучшему. Уже последний солдат с ранцем на спине появился на трапе, где собрались вооруженные и снаряженные для боя его товарищи, когда на шканцы, в сопровождении незнакомца и первого лейтенанта, поднялся капитан Мансон. Лейтенант шепнул что-то гардемарину, который весело помчался по палубе, и в ту же минуту послышался свист боцманской дудки и хриплый возглас:

— Спускать на воду «Тигра»!

Забил барабан, солдаты морской пехоты выстроились шеренгой, а шесть матросов, приставленные к носившему столь грозное имя катеру, приготовились спустить маленькое судно с борта фрегата в волнующееся море. Все действия выполнялись в самом строгом порядке и с таким хладнокровием и ловкостью, словно люди не желали считаться с разгневанной стихией. Солдат в полной сохранности переправили с фрегата на шхуну, и, хотя корабль прикрывал катер от порывов ветра, тем не менее иногда казалось, будто шлюпка на пути от одного судна к другому то погружается в морскую пучину, то летит в облака.

Наконец было объявлено, что катер ждет участвующих в экспедиции офицеров. Лоцман отошел в сторону и минуту беседовал наедине с командиром фрегата, кото-

рый внимательно прислушивался к каждому его слову. Когда их беседа закончилась, старик, несмотря на ветер, обнажил седую голову и с чистосердечием моряка и уважением подчиненного протянул лоцману руку. Незнакомец вежливо ответил на его приветствие, быстро повернулся на каблуках и, жестом пригласив офицеров спускаться в шлюпку, направился к трапу.

— Идем, джентльмены, пора! — сказал Гриффит, очнувшись от задумчивости и торопливо прощаясь со своими собратьями по оружию.

Когда стало известно, что офицеры готовы спуститься на катер, юноша, которого все, по правилам морской учтивости, называли мистером Мерри и который раньше получил приказание быть наготове, перепрыгнул через фальшборт фрегата и с ловкостью белки соскользнул на катер. Но капитан морских пехотинцев задержался и многозначительно взглянул на лоцмана, которому следовало спуститься на катер раньше него. Незнакомец, замешкавшись на палубе и глядя на небо, по-видимому, не замечал, что его ждет офицер, и тот, не в силах сдержать нетерпение, после секундного колебания решился напомнить:

— Мы ждем вас, мистер Грэй!

Услышав свое имя, лоцман бросил быстрый взгляд на капитана пехотинцев, но, вместо того чтобы направиться к трапу, лишь жестом пригласил офицеров спускаться на катер. К удивлению не только капитана морской пехоты, но и всех, кто видел это нарушение флотского этикета, Гриффит низко поклонился и сошел на катер с таким проворством, будто за ним должен был следовать сам адмирал. Возможно, что незнакомец заметил свою невежливость или же он был слишком безучастен к окружающему, чтобы обращать внимание на мелочи, во всяком случае он спустился в шлюпку тотчас же вслед за лейтенантом, уступив почетную последнюю очередь командиру пехотинцев. Отличавшийся строгостью в соблюдении флотского и воинского этикета, капитан Мануэль решил в удобное время извиниться перед первым лейтенантом, которому по праву старшинства надлежало спуститься на катер последним. Однако, рассказывая об этом обстоятельстве впоследствии, храбрый капитан с торжеством вспоминал, как ловко он проучил надменного лоцмана.

Барнстейбл уже несколько часов находился на борту своей маленькой шхуны и подготовился принять на нее людей с фрегата. Поэтому, как только тяжелый катер фрегата был поднят на борт шхуны, он объявил, что «Ариэль» готов двинуться в путь. Мы уже говорили, что «Ариэль» принадлежал к классу самых малых морских судов, и, поскольку конструкция его была настолько пропорциональна, что он казался размерами значительно меньше, чем был на самом деле, это судно как нельзя лучше годилось для предпринятой экспедиции. Удивительно легкая шхуна обладала плавучестью пробки и временами, казалось, не плыла, а только скользила по пенистым гребням. Ее низкая палуба непрерывно омывалась волнами, которые то и дело ударяли в ее хрупкие борта. Маленькое суденышко так бросало и швыряло в бороздах между огромными водяными валами, что даже опытные моряки вынуждены были ходить по его палубе с большой осторожностью. Тем не менее на шхуне царили строгий порядок и чистота, присущие флотской службе, и все было расположено таким образом, чтобы оставить свободным как можно больше места.

Но, несмотря на свои малые размеры, судно с такой гордостью несло свое боевое вооружение, что его орудия казались опаснее, чем были в действительности. Смертоносная пушка, введенная вскоре после описываемого нами периода на всех судах малого класса, тогда еще только что была изобретена, и американские моряки знали о ней лишь понаслышке. Это орудие, известное впоследствии под страшным названием «сокрушителя», имело короткий ствол очень большого калибра, легко управлялось и сразу же было оценено по заслугам. Считалось, что большие суда прекрасно вооружены, если среди прочих средств нападения у них на борту установлены две-три именно такие пушки. Позднее эти «каронады», названные так по имени реки Карон, на берегах которой их впервые отлили, были несколько видоизменены и сделались необходимой принадлежностью судов определенного размера. Вместо таких каронад к бульверкам «Ариэля» были крепко принайтованы шесть легких бронзовых пушек, почерневших от морской воды, которая так часто заливала эти орудия разрушения. Посредине судна между фок- и грот-мачтами находилось еще одно орудие, также из бронзы, но примерно в два раза большей длины. Его ста-

нок отличался своеобразной новой конструкцией, позволявшей поворачивать пушку на полный оборот, что делало ее полезной при любом стечении обстоятельств.

Лоцман внимательно осмотрел вооружение судна, а затем с явным удовольствием окинул взглядом чисто прибранную палубу, аккуратный и прочный такелаж и открытые лица молодцов, составлявших экипаж шхуны. Отбросив замкнутость, которую проявлял с первой минуты своего появления на берегу, он вслух выразил свое удовлетворение.

— У вас славное судно, мистер Барнстейбл, — сказал он, — и мужественный экипаж. Вы можете сослужить добрую службу в час нужды, и думаю, что этот час недалек.

— Чем скорее, тем лучше! — ответил лихой моряк. — С тех пор как мы вышли из Бреста, у меня ни разу не было повода прочистить пушки, хотя мы встретили несколько вражеских судов, с которыми наши бульдоги жаждали побеседовать. Мистер Гриффит подтвердит вам, лоцман, что шестерка моих малышей при случае может кричать почти так же громко, как восемнадцатифунтовое орудие фрегата.

— Но не столь красноречиво, — заметил Гриффит. — Vox et praeterea nihil [1], как мы говаривали в школе.

— Я не знаю ни греческого, ни латыни, как вы, мистер Гриффит, — ответил командир «Ариэля». — Но если вы хотите сказать, что эти медные игрушки не могут бросать ядра на такое расстояние, на какое положено орудиям их размера и при их высоте над водой, или рассыпáть картечь, как ваши бомбарды, то я надеюсь, что, прежде чем мы расстанемся, вы успеете убедиться в обратном.

— Эти орудия обещают многое,— сказал лоцман, по-видимому не знавший о приятельских отношениях между двумя офицерами и желавший их примирить. — Не сомневаюсь, что в бою они будут действовать весьма убедительно для неприятеля. Я вижу, что вы им всем дали названия — наверное, по заслугам. Имена у них на редкость выразительные!

— Плоды досужей фантазии, — со смехом заметил Барнстейбл, глядя на пушки, на которых красовались

[1] Голос мало значит (лат.).

странные названия: «Боксер», «Сокрушитель», «Гонитель», «Покоритель», «Истребитель» и «Гвоздильщик».

— Почему же у вас осталась безымянной та пушка, которая стоит на миделе? — спросил лоцман. — Или вы называете ее, как принято, «старушкой»?

— Нет-нет, у нас на борту нет таких бабьих названий, — ответил Барнстейбл. — Пройдите дальше к корме, и вы увидите на лафете вполне достойное имя.

— Странное название, хотя, быть может, в нем есть некоторый смысл!

— Больший, чем вы думаете, сэр! Тот замечательный моряк, что сейчас стоит у фок-мачты и в случае нужды может заменить собой любую часть рангоута, командир этого орудия и не раз при его помощи выдерживал горячие споры с Джоном Булем [1]. Ни один солдат не наведет свой мушкет более метко, чем мой рулевой свою девятифунтовую пушку. Вот почему, а кроме того, из-за некоторого сходства между ними — оба они долговязы — мы и назвали это орудие тем именем, которое на нем написано: «Длинный Том».

Лоцман с улыбкой выслушал объяснение, но, когда он отвернулся, лицо его снова приняло выражение глубокой задумчивости, которое ясно показывало, что он шутил, лишь уступая минутной слабости. Поэтому Гриффит поспешил заметить Барнстейблу, что, поскольку ветер значительно спал, они могут следовать по назначению.

Призванный к своим обязанностям, командир шхуны прекратил столь приятное для него перечисление достоинств своего судна и отдал необходимые приказания. Маленькая шхуна, повинуясь рулю, легла на фордевинд и, распустив паруса, на которых из благоразумия было взято по одному рифу, со скоростью метеора понеслась на волнах, удаляясь от фрегата. Черная громада корпуса могучего корабля вскоре скрылась вдали, и еще задолго до того, как солнце опустилось за холмы английского берега, высокие мачты стали уже едва заметны, да и то лишь благодаря облачку парусов, помогавших кораблю лежать в дрейфе. И, по мере того как исчезал из виду фрегат, из пучины морской поднималась земля. Вскоре

[1] Джон Буль — сатирический образ, ставший нарицательным для обозначения буржуа-англичанина. Создан английским писателем Д. Арбетнотом (1675—1735) в его сатире «История Джона Буля» (1712).

отважные моряки уже отчетливо различали помещичьи дома, скромные фермерские коттеджи и даже смутные линии изгородей, но вот и они скрылись в покрывшей землю вечерней мгле. Теперь только контур берега смутно маячил впереди да угрюмые волны грозно ревели за кормой.

Все же маленький «Ариэль», скользя по волнам, как водяная птица в поисках места для ночлега, продолжал свой путь и так бесстрашно мчался к берегу, словно пережитые накануне опасности были забыты подобно прошлому, о котором не хочется вспоминать. Ни мели, ни скалы, казалось, не могли остановить его. И здесь, в ту минуту, когда он скользнул в тень высоких утесов, образовывавших глубокую бухту, где моряки часто находили убежище от опасностей Северного моря, мы покинем его.

ГЛАВА IX

Подлец! Налопался ячменной каши
И вилы поднял против короля!

Драма

Большое, неправильной формы здание, занимаемое полковником Говардом, полностью соответствовало тому описанию, какое вышло из-под пера Кэтрин Плауден. Несмотря на отсутствие архитектурного единства — различные части усадьбы строились в разное время, — внутренние помещения не были лишены комфорта, столь характерного для домашней жизни англичан. Лабиринты галерей и комнат были обставлены красивой, прочной мебелью. И, каково бы ни было первоначальное их назначение, теперь они мирно служили тихому и благонравному семейству.

С этим жилищем было связано немало грустных преданий о разлученных сердцах и разбитой любви, которые, как паутина, всегда вьются по стенам старых домов. Под более искусной рукой, чем наша, эти легенды могли бы превратиться в занимательные и трогательные истории, но наши скромные усилия ограничиваются стремлением описывать человека, каким его создал господь, низмен-

ного и малодостойного в глазах высоко парящих умов. Обладателям такого завидного ума нам хочется заранее сказать, что мы решительно отрекаемся от всего сверхъестественно утонченного, как от дьявола, и уведомляем всех, кому скучно в обществе себе подобных, что, чем скорее они забросят эту книгу и примутся за чтение произведений более высокоодаренного барда, тем скорее расстанутся с землей, хотя, быть может, и не достигнут небес. Мы будем изображать только человека и те благородные подмостки, на которых он выступает, но не во мгле отвлеченностей и мегафизических противоречий, а лишь в его осязаемой природе, дабы все могли понять нас, как мы сами себя понимаем. Тем самым мы решительно отклоняем великое преимущество прослыть гением, отказываясь — возможно, неразумно — от могущественной помощи непонятного в обретении такого звания.

Покинув мрачные утесы, под сень которых, как мы видели, вошел маленький «Ариэль», и хаос ревущего прибоя вокруг него, мы попытаемся перенести читателя в трапезную аббатства Святой Руфи, избрав вечер того же дня, чтобы представить группу других действующих лиц, чьи поступки и характеры мы взяли на себя описать.

Комната эта, не слишком больших размеров, была ярко освещена огнем свечей и веселым пламенем угля в камине. Отражаясь в резьбе панелей из темного дуба, лучи падали пятнами на массивный стол красного дерева и преломлялись в искристом вине, образуя на дереве стен светлые и темные круги. Картину комфорта дополняли темно-красные занавеси из камчатной ткани, огромные дубовые кресла с кожаными спинками и мягкими сиденьями, и казалось, будто комната наглухо отделена от внешнего мира и его холодной суеты.

За столом, который, как и в прежние времена, стоял посредине комнаты, сидело три джентльмена, только что окончивших сытную и вкусную трапезу. Скатерть была уже снята, и бутылка неторопливо переходила из рук в руки, словно те, кто вкушал ее содержимое, были уверены, что никакие случайности не помешают их обычному послеобеденному развлечению.

На одном конце стола сидел пожилой человек, исполнявший те несложные обязанности, которые остаются за хозяином даже в компании, где все чувствуют себя одинаково свободно. Этот джентльмен был уже на склоне

лет, но прямая осанка, быстрые движения и твердая рука свидетельствовали о том, что он далек от обычной старческой немощи. Судя по платью, можно было заключить, что он принадлежит к классу людей, которые всегда следуют моде предыдущего века, то ли по недостатку склонности к быстрым переменам, то ли из любви к прошлому, полному мыслей и чувств, которые не в силах оживить холодный закат жизни. Старость, возможно, и покрыла инеем его редеющие локоны, но искусству удалось скрыть следы опустошения. Голова его была аккуратно напудрена не только там, где еще оставались волосы, но и в тех местах, где природа требовала, чтобы волосы росли. Правильные черты и в особенности покатый высокий лоб в общем не очень выразительного лица говорили о честности и благородстве характера старого воина. Белоснежная седина еще больше подчеркивала смуглость его кожи с красными прожилками на щеках.

Напротив хозяина, в котором нетрудно было бы угадать полковника Говарда, сидел худой, желтолицый Кристофер Диллон, тот самый, кто, по словам мисс Плауден, составлял несчастье ее кузины.

Между этими двумя джентльменами помещался средних лет мужчина с грубым лицом, облаченный в мундир войск короля Георга. Цвет лица его мог соперничать с его же алым кафтаном, а главное занятие в данный момент состояло в том, чтобы отдавать должное угощению гостеприимного хозяина. Время от времени в комнате появлялся безмолвный слуга, который затем быстро исчезал, однако всякий раз, когда он отворял дверь, в помещение врывался ветер, и было слышно, как он выл по углам и в высоких трубах обители.

Перед креслом полковника Говарда стоял человек в платье селянина, и в минуту поднятия занавеса, скрывавшего сцену от глаз читателя, между этим человеком и хозяином дома шла беседа, которая закончилась следующим образом:

— Ты говоришь, что шотландец своими глазами видел эти суда? — спросил полковник.

Фермер ответил утвердительно.

— Что ж, — заключил полковник, — можешь идти.

Фермер, выходя, неуклюже поклонился, и старый вояка ответил на его поклон вежливым кивком, затем, обратившись к своим друзьям, возобновил разговор.

Перед креслом полковника Говарда стоял человек в платье селянина...

— Если эти безрассудные юнцы действительно уговорили старого дурака, который командует фрегатом, сунуться в здешние мели накануне такого шторма, их песенка спета! Что ж, этим лишь свершится над бунтовщиками и изменниками справедливый суд провидения! Я не удивлюсь, джентльмены, если узнаю, что страна, где я родился, охвачена землетрясением или поглощена морем — так ужасны и непростительны ее грехи! А все же юноша, который занимает на этом корабле первый пост после капитана, был когда-то гордым и смелым! Я хорошо знал его отца, он был отважным воином, но, как и мой брат, отец Сесилии, предпочел морскую службу сухопутной. Сын унаследовал храбрость отца, но не его преданность королю. Жаль все же, если такой юноша утонул!

Эта речь, похожая, особенно в конце, на монолог, не требовала немедленного ответа, но офицер, подняв бокал к огню, чтобы полюбоваться алым оттенком напитка, а затем так усиленно глотнув, что ему после этого оставалось любоваться лишь прозрачностью хрусталя, спокойно поставил пустой бокал на стол и, потянувшись за бутылкой, промолвил рассеянным тоном человека, мысли которого заняты совсем другим:

— Сущая правда, сэр! Хорошие люди редки, и, как вы говорите, нельзя не пожалеть об их судьбе, даже если они гибнут славной смертью. Смею сказать, что это большой урон королевской службе.

— Урон королевской службе? — повторил хозяин. — Славная смерть? Нет, капитан Борроуклиф, смерть мятежника не может быть славной. И, признаюсь, я не совсем понимаю, какой от этого урон королевской службе.

В голове офицера царила та счастливая путаница, когда трудно отыскать нужную мысль, но благодаря давней привычке к дисциплине он все же умел в минуту необходимости вернуться к действительности и поэтому тотчас ответил:

— Урон в том, что пропадет ценный пример. Многих устрашило бы, если бы молодой человек был казнен, а не пал в бою.

— Он утонул, сэр!

— Ну, это почти все равно, что быть повешенным. Я упустил из виду это обстоятельство.

— Однако совсем не достоверно, сэр, что замеченные

гуртовщиком большой корабль и шхуна — те самые корабли, о которых вы говорите, — резким, гнусавым голосом возразил Диллон. — Едва ли они осмелились так близко подойти к берегам, где постоянно крейсируют наши военные корабли.

— Эти люди — наши соотечественники, Кристофер! — воскликнул полковник. — Они смелы и отважны, хотя и мятежники. Когда я лет двадцать назад имел честь служить в армии его величества, мне посчастливилось встретиться лицом к лицу с врагами моего короля в нескольких небольших столкновениях, — например, при осаде Квебека [1], в сражении под стенами этого города и в стычке при Тайкондироге [2]. Мне довелось также быть при злополучном разгроме генерала Брэддока [3]. Должен сказать, сэр, в защиту колонистов, что они смело вели себя в этом последнем деле. И тот самый джентльмен, который теперь стоит во главе мятежников, приобрел почетную известность своим поведением во время той несчастной битвы. Это был скромный и смелый молодой человек и настоящий джентльмен. Я никогда не отрицал, что мистер Вашингтон [4] — весьма благородный человек.

— Да, — заметил, зевая, капитан Борроуклиф, — он получил воспитание в войсках его величества и поэтому

---

[1] Во время Семилетней войны (1756—1763) Квебек, находившийся, как и вся Канада, под властью Франции, был осажден английскими войсками, которыми командовал генерал Джемс Вулф (1727—1759). Французскими войсками, защищавшими Квебек, командовал генерал Монкальм (1712—1759). Восемнадцатого сентября Квебек капитулировал, после чего англичане завладели всей Канадой, которая была включена в состав Великобритании.

[2] Тайкондирога — деревня в штате Нью-Йорк (США). Место это имело большое стратегическое значение, и в 1755 году французы основали форт под Тайкондирогой. Во время Семилетней войны под Тайкондирогой произошли значительные сражения: 8 июля 1758 года французы под командой Монкальма разбили англичан, которыми командовал генерал Эберкромби; 26 июля 1759 года англичане захватили форт и разрушили его укрепления.

[3] Брэддок Эдуард (1695—1755) — английский генерал, главнокомандующий британских сил в Америке. 9 июля 1755 года был разбит французами и индейцами под фортом Дюкен (сейчас Питтсбург), смертельно ранен и 13 июля 1755 года умер от ран.

[4] Вашингтон Джордж (1732—1799) — американский государственный деятель эпохи борьбы за независимость североамериканских колоний Англии. В 1775—1783 годах был главнокомандующим армии восставших колонистов в войне за независимость и проявил выдающиеся организаторские и стратегические способности. В 1789—1797 годах был первым президентом США.

не мог быть иным. Но мне грустно, полковник Говард, что мятежники утонули. Теперь, вероятно, кончится и мое пребывание у вас, а я далек от того, чтобы отрицать, что ваше гостеприимство сделало этот дом весьма для меня приятным.

— Я рад, сэр, что мне удалось хоть чем-нибудь отблагодарить вас за вашу любезность, — учтиво кланяясь, ответил хозяин. — Но джентльменам, которые, как мы, живали и в лагерях, не пристало обмениваться комплиментами по поводу подобных пустяков. Другое дело — мой родственник Диллон, чьи мысли больше заняты комментариями Кока на Литтлтона [1], чем весельем за столом и солдатской жизнью; он мог бы счесть эти формальности столь же необходимыми, как и все мудреные слова, которыми полны его акты. Эх, Борроуклиф, дорогой мой друг, мы, кажется, уже поднимали тосты за всех членов королевской семьи — да благословит их господь! — давайте же выпьем бокал в память бессмертного Вулфа!

— Славное предложение, мой достойный хозяин! От такого не откажется ни один солдат, — ответил капитан и поднялся с места. — Да благословит их всех господь, повторяю я за вами, и, если наша милостивая королева кончит столь же славно, как начала, у нас будет такая плеяда принцев, какой не может похвастаться за столом ни одна армия в Европе!

— Да-да, эта мысль хоть немного утешает нас в дни ужасного мятежа моих земляков. Но я не буду более волновать себя неприятными воспоминаниями. Войска моего государя скоро смоют с дерзкой страны позорное пятно!

— Нечего и сомневаться, — подтвердил Борроуклиф, мысли которого все еще оставались затуманенными искристой мадерой, созревшей под солнцем Каролины. — Эти янки бегут от регулярных войск его величества, как грязная лондонская чернь при виде конной гвардии.

— Извините меня, капитан Борроуклиф, — сказал хозяин сурово, выпрямляясь, — они могут быть введены в

[1] **Литтлтон** Томас (ок. 1407—1481) — английский юрист, автор «Трактата о владениях» — первой напечатанной в Англии книги об английском законодательстве. Комментарии на книгу Литтлтона английского политического деятеля и юриста Эдуарда **Кока** (1552—1634), составившие первую часть его «Институтов английского права», были известны под названием «Кок о Литтлтоне» и в течение долгого времени являлись важнейшим источником подготовки английских юристов.

заблуждение, обмануты, преданы, но ваше сравнение несправедливо. Дайте им оружие, приучите их к дисциплине, и тогда каждая пядь отнятой у них земли, как она ни обширна, оросится кровью победителей.

— Самый последний трус на свете стал бы сражаться в стране, где выделывают такое чудесное вино, укрепляющее сердце, — хладнокровно ответил офицер. — Я живое доказательство того, что вы неправильно меня поняли, ибо, если бы эти бесцеремонные джентльмены, вермонтцы и хемпширцы — да простит их господь за это дело! — не прикончили две трети моего отряда, я был бы назначен не сюда для рекрутского набора, а в действующую армию. Да и договором я не был бы связан, как законом Моисеевым [1], если бы Бургойн [2] сумел устоять против них с их огромными маршами и контрмаршами. Сэр, я от всего сердца пью за их здоровье! И, видя перед собой бутылку этого золотистого солнечного напитка, я готов пить за всю армию Гейтса, за каждый полк, за каждую роту и, если вы потребуете, даже за каждого солдата!

— О, я ни в коем случае не решился бы подвергать вас столь тяжкому испытанию, — возразил полковник, умиротворенный уступчивостью капитана. — Я и так в неоплатном долгу перед вами, капитан Борроуклиф, за то, что вы столь охотно согласились защищать мой дом от этих пиратов и бунтарей, какими, к сожалению, стали мои сбитые с толку соотечественники.

— Бывают обязанности и потруднее, а наград за них не ждут, мой почтенный хозяин, — ответил воин. — На постое в деревне обычно очень скучно, да и вино всегда отвратительное. А в таком доме, как ваш, можно сказать, как сыр в масле катаешься. И все же у меня к вам есть претензия. Рад бы молчать, да не могу. Я обязан говорить как человек и как солдат — иначе я обесчестил бы свой мундир.

— Скажите, сэр, и причина вашего неудовольствия

---

[1] Моисей — по библии, пророк, которому приписывается освобождение древних евреев от преследований со стороны египетских фараонов и составление так называемого Пятикнижия Моисеева, включающего древнейший свод законов в библии.

[2] Бургойн Джон (1722—1792) — английский генерал и популярный в свое время драматург. Во время войны за независимость США командовал английскими войсками, был окружен американцами, которыми командовал Гейтс (1728—1806), под Саратогой и капитулировал.

тотчас будет устранена, — ответил хозяин несколько удивленный.

— Вот мы трое, сэр, сидим здесь с утра до ночи, — продолжал офицер. — Народ мы холостой, вкусно едим, славно пьем — все по вашей милости, но живем как откормленные отшельники, а в это самое время две прекраснейшие девицы изнывают от одиночества в двух шагах от нас, не слыша даже наших почтительных вздохов. Это упрек нам обоим, полковник Говард: вам — как старому солдату, и мне — как молодому. Что же касается нашего приятеля Кока с его комментариями на Литтлтона, то пусть он, знаток юридических ухищрений, сам защищает свое дело.

Полковник на миг нахмурил брови, а желтые щеки Диллона, который в продолжение всего разговора сидел в угрюмом молчании, казалось, еще побледнели. Но понемногу морщины на лбу полковника снова разгладились, а губы Диллона растянулись в иезуитской усмешке. Впрочем, капитан, всецело занятый вином, которое он прихлебывал маленькими глотками, словно желая по достоинству оценить каждую каплю, оставил ее без внимания.

— Борроуклиф, — сказал полковник Говард, прерывая стеснительное молчание, — пожалуй, имел основание сделать такой намек...

— Это была формальная претензия, — перебил его офицер.

— И справедливая! — продолжал полковник. — Согласитесь, Кристофер, что дамы из-за страха перед нашими соотечественниками-пиратами отнюдь не должны лишать нас своего общества, хотя, возможно, осторожность требует, чтобы они оставались у себя в комнатах. Из уважения к капитану Борроуклифу мы должны по крайней мере пригласить его вечером на чашку кофе.

— Именно это я и хотел сказать, — подтвердил капитан. — Что касается обеда, то он и так очень хорош, но по-настоящему умело разливать кофе может только женщина. Итак, вперед, мой дорогой и уважаемый полковник! Предпишите им дать приказ вашему покорному слуге и мистеру Коку с его комментариями на Литтлтона выступить с галантными речами.

Диллон скорчил гримасу, которая должна была изображать саркастическую улыбку, и ответил:

— Разве вы не знаете, почтенный полковник Говард и храбрый капитан Борроуклиф, что легче победить врагов его величества на поле брани, чем сломить упрямство капризной женщины. За эти три недели не было дня, чтобы я не посылал весточку мисс Говард, желая, по долгу родственника, успокоить ее страх перед пиратами, но она удостаивала меня лишь такими изъявлениями благодарности, без которых ее пол и благовоспитанность не позволяли ей обойтись.

— Что ж, значит, вы были так же счастливы, как и я, и не вижу причин, почему бы вам быть счастливее! — вскричал офицер, бросая на Диллона взгляд, полный холодного презрения. — От страха люди бледнеют, а дамы любят бывать в обществе, когда у них на щеках цветут розы, а не лилии.

— Женщина никогда не бывает так привлекательна, капитан Борроуклиф, — сказал галантный хозяин, — как в ту минуту, когда она ищет покровительства мужчины, и тот, кто не считает это честью для себя, позорит наш пол.

— Браво, почтенный сэр, так и пристало говорить настоящему солдату! Но, с тех пор как нахожусь здесь, я столько слышал о прекрасной внешности обитательниц аббатства, что испытываю законное нетерпение увидеть красоту, увенчанную такими верноподданническими чувствами, что они заставили этих девиц скорее покинуть родину, чем доверить свое благополучие грубым мятежникам.

Тут полковник помрачнел и даже как будто был рассержен, но выражение неудовольствия вскоре исчезло за принужденной веселой улыбкой, и, бодро поднявшись с места, он воскликнул:

— Вы будете приглашены сегодня же вечером, сейчас же, капитан Борроуклиф! Мы в долгу, сэр, перед вашими заслугами как здесь, так и на поле битвы. Нечего больше потакать этим упрямым девчонкам. Прошло уже две недели с тех пор, как я сам в последний раз видел мою воспитанницу, да и племянница попадалась мне на глаза не больше двух раз... Кристофер, поручаю капитана вашим заботам, а сам попытаюсь проникнуть в «монастырь». Мы называем так ту часть здания, где живут наши затворницы, сэр! Извините, что я так рано поднялся из-за стола, капитан Борроуклиф.

— Помилуйте, сэр, незачем даже говорить об этом, тем более что вы оставляете прекрасного заместителя! — вскричал офицер, одновременно окидывая взглядом и долговязую фигуру Диллона и графин с вином. — Засвидетельствуйте мое почтение вашим затворницам, дорогой полковник, и скажите им все, что подскажет вам острый ум, чтобы оправдать мое нетерпение... Мистер Диллон, выпьем бокал за их честь и здоровье!

Это предложение было принято довольно холодно, и, в то время как джентльмены подносили бокалы к губам, полковник Говард, низко кланяясь и бормоча тысячи извинений по адресу своего гостя и даже Диллона, хотя тот постоянно жил в аббатстве, покинул комнату.

— Неужели страх так властен в этих старых стенах, — спросил офицер, когда за хозяином затворилась дверь, — что ваши дамы считают необходимым прятаться, когда еще ничего неизвестно о высадке неприятеля?

— Имя Поля Джонса наводит такой страх на это побережье, — холодно ответил Диллон, — что не только обитательницы аббатства Святой Руфи боятся его.

— А! Этот пират завоевал себе отчаянную репутацию после дела при Флэмборо-Хед. Но пусть он попробует вторично затеять Уайтхевнскую экспедицию[1] на эти берега, покуда они охраняются моим отрядом, даром что он составлен из рекрутов!

— Согласно последним донесениям, он благополучно пребывает при дворе Людовика, — ответил Диллон. — Но, кроме него, есть еще головорезы, которые разгуливают по морям под флагом мятежников, и от двух-трех таких неудачников мы имеем основания бояться личной мести. Именно они, мы надеемся, погибли во время вчерашней бури.

— Хм! Надеюсь, они отпетые негодяи, иначе ваши надежды противоречили бы христианскому учению и...

Он хотел было продолжать, но отворилась дверь, и вошел сержант, который доложил, что часовой задержал проходивших по дороге мимо аббатства трех человек, по одежде похожих на моряков.

— Пропустить их! — сказал капитан. — Неужто нам

[1] Флэмборо-Хед — см. послесловие. Уайтхевнская экспедиция была предпринята Полем Джонсом в 1778 году. Высаженный им десант привел в негодность пушки в двух фортах, но не успел сжечь стоявшие в гавани суда.

нечего больше делать, как останавливать прохожих, словно разбойников на королевских дорогах! Дайте им хлебнуть из ваших фляг, и пусть эти болваны проваливают! Вам было приказано бить тревогу, если какой-нибудь неприятельский отряд высадится на берег, а не задерживать мирных подданных, направляющихся по своим законным делам.

— Прошу прощения, ваша честь, — возразил сержант, — но эти люди вроде чего-то высматривали вокруг аббатства. При этом они подальше обходили то место, где до нынешнего вечера стоял наш часовой. Даунингу это показалось подозрительным, и он задержал их.

— Даунинг — дурак, и пусть он лучше так не усердствует. Что вы сделали с этими людьми?

— Я отвел их в караульную, в восточном флигеле.

— Тогда накорми их, слышишь! И хорошенько напои, чтобы не было жалоб, а потом отпусти!

— Слушаю, ваше благородие! Но среди них есть один такой бравый... ну, настоящий солдат! Может, мы уговорим его завербоваться, если продержим здесь до утра... Судя по выправке, сэр, он уже служил.

— Что ты говоришь? — воскликнул капитан, настораживаясь, словно гончая, учуявшая след.— Служил уже, говоришь?

— По всему видно, сэр! Старого солдата не проведешь. Я чую, что он только переодет под матроса. Да и место такое, где мы его поймали... Хорошо бы нам задержать его да привязать к себе по законам королевства!

— Замолчи, мошенник! — сказал Борроуклиф, вставая с места и нетвердыми шагами направляясь к двери. — Ты говоришь в присутствии будущего верховного судьи и поэтому не должен легкомысленно упоминать о законах. Но в твоих словах есть смысл. Дай мне руку, сержант, и веди меня в восточный флигель. Я ничего не вижу в такую темную ночь. Боевой офицер всегда должен проверить свои посты, прежде чем играть вечернюю зорю.

После попытки превзойти в учтивости хозяина дома капитан Борроуклиф удалился на выполнение своей патриотической миссии, с дружеским снисхождением опираясь на руку подчиненного.

Диллон остался за столом один, пытаясь отразить таившиеся в его груди злобные чувства насмешливо-

презрительной улыбкой, которую увидел только он сам, когда в большом зеркале отразились его угрюмые и неприятные черты.

Но мы должны поспешить за стариком полковником в «монастырь».

ГЛАВА X

Они светились тихой добротой —
Лучистые и нежные глаза.
Их взор, казалось, все кругом ласкал.
То Гебы он веселием сиял,
То грусть ложилась тенью меж бровей,
То заблестят они, то вновь темней,
И каждый взгляд всех прежних был милей.

Кэмпбелл, «Гертруда Вайомингская»

Западное крыло обители Святой Руфи, или аббатства, как все называли это здание, сохранило мало признаков своего первоначального назначения. В верхнем этаже по обеим сторонам длинной, низкой и темной галереи было множество комнатушек, которые прежде, вероятно, служили кельями монахинь, обитавших, как рассказывали, именно в этой части аббатства. Но первый этаж еще лет сто назад был перестроен на новый лад с сохранением, правда, кое-каких черт старины, дабы удовлетворить всем требованиям комфорта, как его понимали в начале царствования Георга III. Поскольку с тех давних пор, как здание сменило свой духовный характер на светский, это крыло было предназначено для хозяйки дома, и полковник Говард, вступив во временное владение аббатством, сохранил такое распределение, пока в ходе событий покои, отведенные его племяннице, не превратились в ее тюрьму. Но так как суровость старого солдата столь же часто вытекала из его благородных качеств, как и недостатков, это ограничение свободы, угнетавшее молодую девушку, было единственным предметом ее жалоб. А чтобы наш читатель сам мог судить, в каких условиях жили затворницы, которых, пожалуй, нам пора представить, мы без лишних слов перенесем его в занимаемое ими помещение.

Гостиная аббатства Святой Руфи, по преданию, была прежде трапезной маленького собрания прекрасных грешниц, искавших в этих стенах убежища от мирских соблазнов. По-видимому, число их не было велико, а пиршества их не были пышными, в противном случае они не могли бы здесь разместиться. Все же комната была немалых размеров, уютно обставлена, хотя и без особой роскоши; глубокие складки занавесей из синего узорчатого шелка почти скрывали стены, где находились глубокие окна; кожа с затейливым золотым тиснением украшала две другие стены. Широкие диваны красного дерева и кресла, обитые тем же шелком, из которого были сшиты занавеси, вместе с турецким ковром, бархатистая поверхность которого играла всеми цветами радуги, оживляли мрачное великолепие огромного камина, тяжелых карнизов и замысловатой резьбы массивных панелей на стенах. В камине ярко пылали дрова — это был каприз мисс Плауден, которая со свойственной ей живостью утверждала, что «уголь годится только для кузнецов да англичан». Кроме веселого пламени в камине, комнату освещали еще две восковые свечи в тяжелых серебряных шандалах. Одна из них стояла прямо на пестром ковре, мигая от проворных движений расположившейся подле нее девушки. Поза этой девушки, ползавшей на коленях по ковру, приличествовала грациозному ребенку, и человек, не осведомленный о цели ее занятий, нашел бы ее поведение в высшей степени странным. Вокруг нее в беспорядке валялись шелковые лоскутки самых различных цветов, и она ловко перекладывала их, образуя всевозможные контрастные сочетания, словно выбирала в лавке торговца материю, идущую к ярким краскам ее смуглого лица. Темное атласное платье плотно облегало ее тонкий стан, подчеркивая изящество маленькой фигурки, черные глаза блеском и живостью могли посрамить кисть итальянского живописца. Несколько розовых лент, приколотых с кокетливой небрежностью, казалось, были всего лишь отражением румянца.

На диване, несколько поодаль, полулежала другая девушка, одетая во все белое. Возможно, что временное заточение сделало ее несколько равнодушной к своей внешности, а быть может, просто гребень не мог сдержать все богатство ее волос, соперничавших по цвету и блеску с вороновым крылом, ибо они вырвались на волю

и, окутав плечи блестящей шелковистой волной, рассыпались по платью и узорчатой обивке дивана. Маленькая ручка, которая, казалось, сама стыдилась своей прекрасной наготы, поддерживала голову, тонувшую в пышных прядях волос, подобно алебастру в окаймлении черного дерева. Из массы темных локонов, венчавших весь этот скромный шлейф волос, который окутывал девушку с головы до пят, выступал покатый, ослепительно белый лоб, оттененный двумя изогнутыми стрелами бровей столь тонкого и безупречного рисунка, будто их создало волшебное прикосновение искусства. Опущенные веки с длинными шелковыми ресницами скрывали глаза, устремленные в пол, словно владелица их предавалась грустному раздумью. Остальные черты девушки трудно описать, ибо они не были ни правильными, ни совершенными, все же, отличаясь гармоничностью, в целом составляли образец женской нежности и изящества. На ее щеках то чуть проступал, то вновь исчезал легкий румянец, меняясь вместе с волновавшими ее чувствами, и, даже когда она спокойно размышляла, он, казалось, украдкой скользил по ее вискам, а потом снова оставлял лицо пугающе бледным. Роста она была несколько выше среднего, сложения весьма приятного, а ее маленькая нога, покоившаяся на шелковой подушке, имела приятную округлость, которой могла бы позавидовать любая представительница прекрасного пола.

— О, теперь я так же искусна в этом деле, как сигнальщик самого лорда-адмирала английского! — смеясь, воскликнула девушка, сидевшая на полу, и с детской радостью захлопала в ладоши. — Ах, как мне хочется, Сесилия, поскорее показать свое умение!

При этих словах кузины мисс Говард подняла голову, и на лице ее, когда она взглянула на Кэтрин, появилась легкая улыбка. Тот, кому довелось бы увидеть ее в этот миг, может быть, испытал бы удивление, но не имел бы причины жалеть о перемене, которая произошла в выражении ее лица. Вместо жгучих черных глаз, какие должна была бы иметь девушка, судя по цвету ее темных волос, он узрел бы большие кроткие голубые глаза, которые как бы плавали в столь чистой влаге, что она была почти невидимой. Эти глаза поражали своей нежностью и силой чувств больше, чем полные живости и веселья искрометные очи подруги.

— Успех твоей безумной экскурсии на берег моря, моя дорогая, кажется, помутил твой разум, — заметила Сесилия. — Но я не знаю, как иначе излечить твой недуг, если не дать тебе попить соленой воды, как полагается в случаях безумия.

— Ах, боюсь, твое средство окажется бесполезным! — воскликнула Кэтрин. — Оно не помогло почтенному Ричарду Барнстейблу, который, наверное, не раз принимал его во время сильных штормов, но по-прежнему остается первым кандидатом в сумасшедший дом. Подумай только, Сесилия, этот сумасшедший во время нашего вчерашнего десятиминутного разговора на скалах осмелился предложить мне свою шхуну в качестве убежища!

— Я думаю, что твоя смелость способна вдохновить его на многое, но не мог же он все-таки серьезно сделать тебе такое предложение!

— Справедливости ради следует сказать, что он упоминал о священнике, который освятил бы это безумство, но я считаю, что в самой мысли его была безграничная дерзость. Я никогда этого не забуду, и если прощу ему, то лет через двадцать. Но каково бедняге, должно быть, пришлось потом на его крошечном «Ариэле» среди ужасных волн, которые с такой силой бились ночью о берег! Надеюсь, они излечили его от самоуверенности. Наверное, от захода солнца и до зари на нем не было сухой нитки. Будем считать это наказанием за его дерзость, и, будь уверена, я еще потолкую с ним об этом. Сейчас приготовлю десяток сигналов, чтобы посмеяться над промокшим поклонником.

Довольная своей выдумкой и радостная от тайной надежды, что ее смелое намерение в конце концов увенчается успехом, веселая девушка тряхнула черными локонами и живо разбросала вокруг себя флажки, а затем принялась складывать их в новые сочетания, чтобы подшутить над бедственным положением возлюбленного. Но лицо ее двоюродной сестры при этих словах омрачилось, и, когда она заговорила, в ее голосе звучал упрек:

— Кэтрин, Кэтрин! Как ты можешь забавляться, когда кругом столько опасностей! Разве ты забыла, что нам рассказывала о нынешнем шторме Элис Данскомб? Ведь она говорила о двух кораблях, о фрегате и шхуне, которые с безрассудной отвагой пытались пробиться через мели в шести милях от аббатства, и, если только богу не

было угодно явить им милосердие, их гибель почти несомненна! Как можешь ты, зная, кто эти отважные моряки, шутить о буре, столь для них опасной?

Эти увещевания образумили ветреную хохотушку. Она вдруг вспомнила о тяжелом положении друзей и побледнела как смерть, крепко стиснув руки и устремив рассеянный взор на разбросанные вокруг нее в беспорядке яркие шелковые лоскутки. В эту критическую минуту дверь комнаты медленно отворилась, и вошел полковник Говард. Вид его являл забавную смесь сурового негодования и привычного рыцарского уважения к прекрасному полу.

— Прошу простить меня, сударыни, за мое вторжение, — начал он. — Однако, я полагаю, присутствие старика в комнатах его воспитанниц не может быть совсем непозволительным.

Поклонившись, полковник уселся на диван, на другом конце которого раньше сидела его племянница, ибо при его появлении мисс Говард встала и оставалась на ногах до тех пор, пока ее дядя не уселся поудобнее. Бросив самодовольный взгляд на убранство покоев, старик прежним тоном продолжал:

— В этой комнате вполне можно принимать гостей, и я не вижу оснований для того постоянного затворничества, на которое вы сами себя обрекли.

Сесилия с робким удивлением взглянула на дядю и ответила:

— Мы, конечно, весьма обязаны вам за доброту, дорогой сэр, но разве наше затворничество вполне добровольное?

— Что вы хотите этим сказать? Разве не вы хозяйки этого дома? Выбрав эту резиденцию, где долго жили в почете ваши и, разрешите мне добавить, мои предки, я руководствовался не столько фамильной гордостью, которую я, естественно, не могу не испытывать, сколько желанием окружить вас комфортом и счастьем. И моим старым глазам кажется, что у нас нет причин стыдиться принять в этих стенах наших друзей. Стены монастыря Святой Руфи, мисс Говард, не совсем голы, да и тем, кто живет в них, тоже не стыдно показаться на людях.

— В таком случае, отворите двери аббатства, и ваша племянница постарается поддержать гостеприимство хозяина этого дома.

— Вот так, честно и благородно, и должна говорить дочь Гарри Говарда! — воскликнул старый солдат, незаметно для себя подвигаясь ближе к племяннице. — Если бы мой брат вместо морской службы избрал сухопутную, Сесилия, он был бы одним из самых храбрых и доблестных генералов в армии его величества. Бедный Гарри! Он мог бы дожить до сего дня и в эту минуту вел бы победоносные войска своего короля против возмутившихся колонистов. Но он умер, Сесилия, и оставил тебя для продолжения нашего рода и для владения тем малым, что осталось нам в эти смутные времена.

— Мне кажется, дорогой сэр, — сказала Сесилия, взяв его руку и прикоснувшись к ней губами, — у нас нет причин жаловаться на судьбу, сохранившую нам достаточное состояние, как бы горько мы ни сожалели, что нас, способных воспользоваться им, осталось так мало.

— Нет-нет, — тихо и с волнением промолвила Кэтрин, — Элис Данскомб, несомненно, ошиблась. Провидение никогда не осудит отважных людей на столь жестокую участь!

— Элис Данскомб здесь и может искупить свою ошибку, если она действительно ошиблась, — произнес спокойный, приглушенный голос с едва заметным провинциальным акцентом, который на низких нотах был лишен серебристости, придававшей женственную прелесть голосу мисс Говард и мелодичное звучание живым переливам голоса ее кузины.

Неожиданность этого появления заставила всех замолчать. Кэтрин Плауден, которая еще оставалась на ковре в прежней позе, поднялась с колен, и, пока она в минутном замешательстве оглядывалась, щеки ее вновь покрылись ярким румянцем. Женщина, произнесшая приведенные нами слова, твердыми шагами вышла на середину комнаты и, ответив с изысканной вежливостью на низкий поклон полковника Говарда, молча опустилась на другой диван. По ее появлению, по оказанному ей приему и по ее туалету можно было понять, что присутствие ее не было событием необычным и что в этом доме она свой человек. Элис была одета с подчеркнутой простотой, но свидетельствовавший о хорошем вкусе покрой ее платья возмещал отсутствие украшений. На вид ей было немногим более тридцати лет, однако, судя по одежде, можно было догадаться, что она хотела казаться

старше. Ее прекрасные светлые волосы были обвиты темной повязкой, какую носят молоденькие девушки на далеком севере, и только несколько вырвавшихся из-под нее локонов показывали, что их владелица стремится скрыть их природную пышность. Ее лицо уже утратило свежесть первой молодости, но сохранило прежнюю красоту и ясность черт. К этому описанию можно добавить прекрасные синие глаза, несколько крупные зубы ослепительной белизны и правильную лепку лица. Темно-серое шелковое платье удивительно ловко сидело на ее изящной фигуре.

После того как вошедшая села, полковник Говард еще немного помолчал, затем обратился к Кэтрин. Он старался говорить непринужденно, но именно из-за этого его речь звучала еще более чопорно и натянуто:

— Не успели вы, мисс Плауден, призвать мисс Элис, как она уже явилась с намерением и — смею сказать, мисс Элис, — готовностью защитить себя от таких обвинений, какие могут возвести на нее лишь самые жестокие ее враги.

— Я не собираюсь возводить никаких обвинений на мисс Данскомб, — обидчиво возразила Кэтрин. — И не желаю, чтобы меня ссорили с моими друзьями, даже если это делает сам полковник Говард.

— Полковник Говард постарается впредь остерегаться таких промахов, — кланяясь, ответил старик и, церемонно повернувшись к остальным, продолжал: — Как раз, когда вы вошли, мисс Элис, я говорил с племянницей о том, что незачем ей запираться в четырех стенах подобно самым набожным монахиням, какие жили в этом монастыре. Я говорю ей, что ни ее годы, ни мое состояние, ни ее собственное, — ибо Гарри Говард кое-что оставил своей дочери, — не требуют того, чтобы мы жили так, будто двери всего мира затворены перед нами и будто в аббатство можно проникнуть только через эти старинные окна... Мисс Плауден, я считаю своей обязанностью узнать, для чего лежат здесь в таком изобилии эти странные шелковые лоскутки?

— Я выбираю себе наряд к балу, который вы собираетесь дать, сэр! — быстро ответила Кэтрин с дерзкой улыбкой, исчезнувшей лишь под укоризненным взглядом кузины. — Вы человек со вкусом, полковник Говард, и разбираетесь в дамских туалетах. Скажите, пойдет ли

этот ярко-желтый цвет к моему смуглому лицу? Белый с черным также прекрасно гармонируют друг с другом... Розовый, кажется, чудесно отвечает черным глазам? Это будет такой ток, какой пристало бы носить императрице!

Не переставая болтать, молодая девушка проворными пальцами в беспорядке сплела флажки, а потом накинула их себе на голову подобно украшению, для которого, по ее словам, они были предназначены. Старик был слишком учтив, чтобы противоречить женщине в выборе туалета, а потому вернулся к прежнему разговору, ибо его подозрения, возникшие было при виде этих флажков, были полностью рассеяны находчивостью и ловкостью Кэтрин. Но если полковника Говарда нетрудно было обмануть в отношении женских туалетов, то совсем по-другому дело обстояло с Элис Данскомб. Эта дама так упорно и неодобрительно разглядывала фантастический ток, что Кэтрин поспешила подсесть к ней и, потихоньку задавая ей шутливые вопросы, постаралась отвлечь ее внимание от флажков.

— Я говорил, мисс Элис, — продолжал полковник, — что, хотя времена и причинили ущерб моему состоянию, все же мы не настолько обеднели, чтобы не могли принимать наших друзей, как приличествует потомкам древних владельцев аббатства Святой Руфи. Сесилия, дочь моего брата Гарри, такая девица, какую любой дядя был бы горд вывести в свет, и она докажет вашим английским дамам, что наша порода не стала хуже по другую сторону Атлантики.

— Сто́ит вам сказать только слово, милый дядя, — промолвила мисс Говард, — и ваше желание тотчас будет исполнено.

— Скажите, чем мы можем угодить вам, сэр, — подхватила Кэтрин, — и, если это в какой-либо степени разгонит скуку в этом старом доме, я обещаю вам полное содействие в вашем намерении.

— Вы говорите правильно, — воскликнул полковник, — как и подобает умным и скромным девушкам! В таком случае, давайте начнем с того, что пошлем за Диллоном и капитаном и попросим их выпить с нами чашку кофе. Мне кажется, что час уже настал.

Сесилия в замешательстве опустила глаза и ничего не ответила. Но мисс Плауден тотчас возразила:

— Нет, сэр, пусть они подадут пример. Так как вы

предложили, чтобы первый шаг был с нашей стороны, не лучше ли нам всем собраться на вашей половине и быть хозяйками за вашим столом? Я знаю, сэр, что вы отделали одну из комнат для подобных церемоний. Может быть, женский вкус тоже окажется полезен.

— Мисс Плауден, — с неудовольствием отозвался полковник, — мне кажется, некоторое время назад я сообщил вам, что до тех пор, пока неприятельские суда не удалятся от наших берегов, я предпочитаю, чтобы вы и мисс Говард не покидали этого крыла здания.

— Тогда не говорите, что мы не покидаем его по доброй воле, — возразила Кэтрин. — Давайте говорить прямо: вы заперли нас здесь.

— Разве я тюремщик, сударыня, что вы так определяете мое поведение? Мисс Элис сделает странный вывод из ваших удивительных замечаний. Я...

— Теперь можно отказаться от всех тех мер, которые были приняты из страха перед фрегатом и шхуной, проникшими вчера в Чертовы Клещи, — задумчиво и грустно прервала его мисс Данскомб. — Мало кому известны полные опасностей пути, по которым можно вывести невредимым в открытое море даже самое малое судно при дневном свете и попутном ветре. Но в темную ночь и при такой непогоде один только бог может спасти моряков.

— Да, на самом деле приходится верить, что они погибли, — ответил старик, но в голосе его не слышалось никакого злорадства.

— Они не погибли! — с неожиданной силой воскликнула Кэтрин. Она поднялась с места и, пройдя по комнате, остановилась подле двоюродной сестры. Голова ее была высоко поднята, и казалось, что они одного роста, хотя в действительности Кэтрин была значительно ниже Сесилии. — Эти люди искусны и отважны, они сделают все, на что способны храбрые моряки, и преодолеют препятствия. А кроме того, кому скорее провидение ниспошлет благодать свою, как не отважным сынам угнетенной страны, которые борются с деспотизмом и бесчисленными несправедливостями?

При этих словах с лица полковника исчезло миролюбивое выражение. Его черные глаза сверкнули необычайно ярко для его лет, и только из вежливости он не перебил речь своей воспитанницы.

— Какой грех, сударыня, — наконец не выдержал

он, — какое подлое преступление более достойно справедливого гнева небес, чем этот предательский акт мятежа? Мятеж затопил кровью Англию и царствование Карла Первого [1]; мятеж породил гораздо больше битв, нежели все остальные человеческие пороки, вместе взятые.

— Я не знаю, имеете ли вы право считать мятеж таким чудовищным преступлением, полковник Говард, — сказала мисс Данскомб, желая предупредить резкий ответ Кэтрин. Она помолчала, а затем, глубоко вздохнув, снова заговорила, и голос ее с каждым словом звучал все мягче. — Конечно, это большое преступление, такое, перед которым, можно сказать, бледнеют все иные человеческие прегрешения. Сколь многие порывают теснейшие в своей жизни связи, бросаясь в этот греховный водоворот! Люди становятся равнодушными к виду тяжких бедствий, нечувствительными к несчастьям, ими причиняемым. Это особенно ужасно, когда они вымещают свои обиды на близких и друзьях, забывая о том, кто страдает от их поступков. Кроме того, полковник Говард, внезапно оказаться у власти — опасное искушение для людей, мало знакомых с жизнью большого мира, и если это не ведет к совершению больших преступлений, то, во всяком случае, готовит путь к ним, ожесточая человеческие сердца.

— Я вас терпеливо слушаю, мисс Элис, — заметила Кэтрин, с притворным равнодушием покачивая маленькой ножкой, — ибо вы не знаете, о ком и кому вы это говорите. Но полковнику Говарду это не может служить извинением... Молчи, Сесилия, теперь буду говорить я! Не верь никому, дорогая сестра, эти люди чисты... А вы, полковник Говард, должны помнить, что сын нашей с Сесилией тетки тоже служит на борту этого фрегата. Как вы можете говорить с такой жестокостью?

— Мне жаль этого юношу! Мне от всего сердца жаль его! — вскричал старик. — Он еще дитя, он увлечен тем разрушительным потоком, в котором гибнут наши несчастные колонии. Но на этом корабле есть другие; они не могут привести в оправдание свою неопытность. Напри-

---

[1] Карл I — английский король в 1625—1649 годах. Проводил реакционную феодально-абсолютистскую политику, вызвавшую недовольство значительной части дворянства, буржуазии и протест широких масс народа. Во время английской буржуазной революции, после продолжавшейся с 1642 по 1648 год гражданской войны, был свергнут с престола и казнен 30 января 1649 года.

мер, сын моего старого знакомого и сердечного друга моего брата Гарри, отца Сесилии, лихого Хью Гриффита, как мы его называли. Мальчишками Хью и Гарри вместе ушли из дому и в один и тот же день зачислились в экипаж одного из судов его величества. Бедный Гарри дослужился только до широкой нашивки, а Хью умер командиром фрегата. И вот этот мальчик! Он был воспитан на борту отцовского судна и научился на службе его величества владеть оружием, которое он теперь поднял против своего короля. В этом обстоятельстве есть что-то противоестественное, мисс Элис: сын поднимает руку на отца! И вот такие люди, во главе с Вашингтоном, и поддерживают дерзостный мятеж.

— Среди них есть люди, которые никогда не носили холопского мундира Британии, сэр, и именами этих людей Америка гордится не меньше, чем другими героями! — гордо заявила Кэтрин. — Да, сэр, эти люди с радостью выступят против храбрейших офицеров британского флота.

— Я не стану оспаривать ваши заблуждения, — вежливо, но холодно сказал полковник. — Молодая девушка, которая осмеливается сравнивать мятежников с отважными джентльменами, находящимися на службе короля, может найти извинение только в том, что ее ум был введен в заблуждение. Ни один мужчина — я не говорю о женщинах, которые, вероятно, не очень хорошо понимают природу человеческую, — ни один мужчина, достигший поры, когда его уже можно называть этим именем, не должен иметь ничего общего со смутьянами, которые стремятся уничтожить все святое, с этими левеллерами, которые готовы свалить великого, чтобы вознести ничтожного, с этими якобинцами, которые... которые...

— Если вам, сэр, не хватает оскорбительных эпитетов, — с вызывающей холодностью сказала Кэтрин, — позовите на помощь мистера Кристофера Диллона. Вот он стоит у дверей, ожидая вашего зова.

При этом внезапном сообщении полковник Говард, забыв о своих гневных выкриках, с удивлением обернулся и действительно увидел угрюмое лицо родственника, который стоял у порога, придерживая отворенную дверь, причем Диллон был, по-видимому, не меньше изумлен тем, что очутился в присутствии дам, чем они сами — его необычным визитом.

ГЛАВА XI

Прошу тебя, Кэт, станем в сторонке и посмотрим, чем кончится эта кутерьма.

Шекспир, «Укрощение строптивой»

В продолжение бурной сцены, описанной в предыдущей главе, мисс Говард, склонясь на подлокотник дивана, с большим огорчением следила за пререканиями между ее дядей и кузиной. Но, когда в комнату вошел человек, который, по ее мнению, совсем не имел права являться ей на глаза без особого на то разрешения, в ней возмутилась вся ее женская гордость, и она дала ему такой же решительный отпор, какой последовал бы от Кэтрин, только, может быть, проявив при этом бóльшую сдержанность.

— Чему мы обязаны этим неожиданным визитом мистера Диллона? — спросила она вставая. — Ему, конечно, известно, что нам запрещено ходить в ту половину здания, где живет он, и, я думаю, полковник Говард предложит ему, чтобы он, справедливости ради, не тревожил и нас в наших покоях.

Тонко рассчитанное смирение не могло скрыть злобного гнева в словах этого джентльмена, когда он ответил:

— Мисс Говард не будет сердиться на мое вторжение, когда узнает, что я пришел с важным делом к ее дяде.

— А! Это меняет дело, Кит. Но дамы все-таки имеют право на уважение к их полу. Я, правда, и сам забыл доложить о себе — это все оттого, что я, по милости Борроуклифа, пью теперь мадеры больше, чем с тех пор, как мой бедный брат Гарри и его достойный приятель Хью Гриффит... К черту Хью Гриффита и весь его род! Извините меня, мисс Элис... Какое у вас дело ко мне, мистер Диллон?

— Я с поручением от капитана Борроуклифа. Вы, наверное, помните, сэр, что по вашему настоянию каждую ночь меняется расположение постов стражи.

— Да, мы применяли такую меру в кампании против Монкальма. Это было необходимо, чтобы перехитрить индейцев, которые, мисс Элис, всякий раз приканчивали

часового, если он, бывало, две ночи подряд стоял на одном и том же месте.

— Ваша благоразумная предосторожность, сэр, принесла пользу и на этот раз, — продолжал Диллон, проходя в комнату, словно чувствовал себя теперь более желанным гостем. — Мы захватили в плен трех человек.

— Ну конечно, настоящий политический заговор! — презрительно воскликнула Кэтрин. — Я думаю, что раз мистер Кристофер Диллон в таком восторге, значит, эти шаги, несомненно, связаны с защитой закона. Итак, неустрашимый гарнизон аббатства Святой Руфи готов стяжать себе высокую славу, поймав трех мошенников.

Желтое лицо Диллона стало багрово-синим, а сам он затрясся от гнева, который тщетно старался скрыть.

— Здесь дело, возможно, даже более тесно касается законности и ее слуг, чем может пожелать мисс Плауден, — ответил он, — ибо мятеж редко находит оправдание в христианском кодексе законов.

— Мятеж! — воскликнул полковник. — А что общего вы видите между мятежом и задержанием трех бродяг, Кит? Неужели проклятая отрава нашла путь через Атлантику?.. Извините, мисс Элис, но я уверен — и вы мыслите так же. Я слышал ваши слова о преданности нашему королю, помазаннику божию... Говорите, мистер Диллон! Неужели мы окружены новой бандой дьяволов? Если так, мы должны немедленно приняться за дело и сплотиться вокруг нашего короля, ибо этот остров — главная опора его престола.

— Не могу сказать, чтобы на нашем острове в настоящее время приметно было какое-нибудь намерение поднять восстание, — с напускной мрачностью сказал Диллон, — хотя волнения в Лондоне требуют, чтобы министры его величества приняли необходимые меры предосторожности, вплоть до прекращения действия habeas corpus [1]. Но у вас, кажется, были подозрения насчет тех двух кораблей, которые в последние дни угрожали побережью, как самые настоящие пираты?

---

[1] Habeas corpus act — изданный в 1679 году английским парламентом закон, обязывающий суд по жалобе лица, считающего неправильным лишение свободы себя или кого-нибудь другого, требовать срочного представления задержанного в суд для проверки законности задержания. Постановлением парламента действие habeas corpus act может быть в чрезвычайных случаях приостановлено.

Кэтрин, нетерпеливо постукивая ножкой о пушистый ковер, сумела удержаться от реплики и удовольствовалась тем, что бросила на говорящего взгляд, полный самого холодного презрения. Однако полковника эти слова тронули за живое, и он ответил тоном, достойным значительности предмета разговора:

— Вы говорите, как разумный человек и верный подданный, мистер Диллон!.. Этот закон, мисс Элис, был издан по требованию баронов вместе с «Великой хартией вольностей» [1] для укрепления трона. В ту пору царствовал король Иоанн. Среди баронов были и мои предки, и это одно могло бы свидетельствовать о том, что честь короны была должным образом ограждена... Что же касается наших пиратствующих соотечественников, Кристофер, то есть все основания полагать, что месть разгневанного провидения их уже настигла. Знающие этот берег люди говорили мне, что ни одному судну не под силу выбраться из этих мелей, а в такую темную ночь, при встречном ветре да без хорошего лоцмана это совсем немыслимо. А где враги могли найти такого лоцмана? И действительно: наступило утро, а их больше не видно!

— Друзья они или враги, сэр, — почтительно сказал Диллон, — однако есть причины подозревать, что те люди, которых мы задержали и привели в аббатство, могут рассказать нам кое-что об их истинных намерениях, ибо, судя по их внешности, они только что высадились на берег, и у них не только одежда, но и вид моряков.

— Моряков! — повторила Кэтрин, и мертвенная бледность разлилась по ее лицу, на котором до этого горел яркий румянец негодования.

---

[1] «Великая хартия вольностей» была подписана 15 июня 1215 года английским королем Иоанном (Джоном) Безземельным (царствовал с 1190 по 1216 год). Она ограничивала права короля в пользу крупных феодалов и рыцарей. Так как статья 39-я «Великой хартии вольностей» говорит о том, что ни один свободный человек (то есть феодал; на основное население тогдашней Англии — крепостное крестьянство — «Великая хартия вольностей» не распространялась) не может быть взят, или посажен в тюрьму, или объявлен стоящим вне закона, или подвергнут конфискации имущества иначе как по приговору себе равных и по закону страны, то полковник Говард, весьма произвольно толковавший значение «Великой хартии вольностей», в действительности не укреплявшей, а ограничивавшей власть короля, имел некоторые основания считать, что главные принципы habeas corpus act были заложены в «Великой хартии вольностей».

— Моряков, мисс Плауден, — подтвердил Диллон со злобной радостью, но стараясь скрыть ее под видом смиренного почтения.

— Благодарю вас, сэр, за такое мягкое обозначение, — сказала молодая девушка, опомнившись и мгновенно овладев собой. — Воображение мистера Диллона настолько склонно изображать все с самой дурной стороны, что он заслуживает особой похвалы, если на этот раз принял во внимание нашу слабость и не напугал нас, назвав этих людей пиратами.

— Может быть, мисс, они и заслуживают этого названия, — холодно возразил Диллон, — но меня научили сначала выслушивать показания, а потом уже произносить приговор.

— А! Малый выискал это у Кока и Литтлтона! — воскликнул полковник. — Закон есть благотворное лекарство от человеческих слабостей, мисс Элис, и, помимо всего прочего, он приучает необузданный нрав к терпению. Если бы не богопротивный мятеж, мисс, этот молодой человек в настоящее время раздавал бы благословения закона с судейского кресла в одной из колоний. Да! И даю слово — всем одинаково: черным и белым, красным и желтым, лишь с теми различиями, какие сама природа установила между офицером и солдатом. Держитесь, родственник, будет и на нашей улице праздник! В королевской армии немало солдат, а из последних донесений известно, что дела наши поправились... Но пойдем в караульную, допросим бродяг. Я уверен, что это просто дезертиры с одного из крейсеров его величества или честные подданные, которые занимаются вербовкой. Пойдем, Кит,-и...

— Неужели мы так скоро лишимся общества полковника Говарда? — спросила Кэтрин, с ласковым и просительным видом приближаясь к своему опекуну. — Я знаю, вы скоро забываете горячие слова, какие я иной раз допускаю в наших маленьких спорах, и не расстанетесь с нами в гневе, не отведав даже нашего кофе.

Старик при этом неожиданном обращении обернулся к ней и внимательно ее выслушал. Когда она замолкла, он ответил ей с большой мягкостью в голосе:

— А! Негодная! Вы знаете меня слишком хорошо, чтобы сомневаться в моем прощении. Но долг зовет меня, и я не могу пренебречь им даже ради улыбки молодень-

кой девушки. Да-да, дитя мое, вы тоже дочь весьма храброго и достойного моряка, но слишком далеко заходите в своей привязанности к этой профессии, мисс Плауден, да, слишком далеко!

Кэтрин, возможно, немного покраснела, но легкая улыбка, скользнувшая по ее полному раскаяния лицу, придала ее чертам лукавый вид. Она притронулась к рукаву опекуна, чтобы задержать его, и сказала:

— Но почему все же вы покидаете нас, полковник Говард? Мы уже давно не видели вас в нашей обители, а ведь вы знаете — мы считаем вас отцом. Подождите — и скоро вы, вероятно, сможете считать себя и нашим духовником.

— Я уже знаю твои грехи, дитя! — сказал почтенный полковник, бессознательно уступая ее усилиям и возвращаясь на место. — На душе твоей страшный грех возмущения против твоего короля, глубоко укоренившееся пристрастие к морской воде и большое неуважение к советам и пожеланиям старика, которому воля твоего отца и закон поручили опекать тебя и твое состояние.

— Нет-нет, последнего греха на мне нет, дорогой сэр! — воскликнула Кэтрин. — Я никогда не пренебрегла ни единым вашим словом насчет того глупого дела... Не присядешь ли ты снова, Сесилия? Полковник Говард согласен выпить с нами кофе.

— Но вы забыли о трех арестованных, о честном Ките и нашем уважаемом госте, капитане Борроуклифе.

— Пусть честный Кит, если ему угодно, останется здесь, а капитану Борроуклифу можно послать приглашение присоединиться к нам. Мне, как женщине, любопытно увидеть этого офицера. Что же касается тех трех человек... — Она замолчала, будто на минуту задумалась, а потом продолжала, словно осененная самой естественной мыслью: — Да, этих людей тоже можно привести сюда и здесь допросить. Кто знает... быть может, они потерпели крушение во время последней бури и более нуждаются в нашем участии и помощи, чем заслуживают ваших подозрений.

— Благородная мысль мисс Плауден, несомненно, найдет отклик у всех, кто обитает на этом суровом берегу, — сказала Элис Данскомб. — Я видела много печальных крушений на скрытых мелях, когда дул слабый ветер по сравнению со вчерашней бурей. Войны и нена-

дежные времена вместе со злыми страстями человеческими погубили многих из тех, кто знал проходы между здешними рифами. Некоторые из этих людей были способны даже, как я слышала, пройти Чертовы Клещи в самую темную ночь. Но сейчас все они сошли со сцены: одних скосила смерть, другие, что еще более печально, были осуждены на изгнание из страны своих отцов.

— Вероятно, большинство из них ушло на войну, ибо ваши воспоминания должны быть совсем недавними, мисс Элис, — сказал старик. — И, так как многие из них занимались контрабандой, страна в некоторой степени вознаграждена за их прежние деяния их нынешними услугами и в то же время, к счастью, избавлена от их присутствия. Ах, сударыня, у нас славный государственный организм! В нем все так удачно уравновешено, как в теле здорового человека, пищеварительные органы которого сами очищаются своими усилиями.

При этих словах полковника бледные черты лица Элис Данскомб покрылись легким румянцем.

— Возможно, среди них были люди, которые не уважали законов страны; такие всегда встречаются. Но были и другие, быть может виновные в ином, но не причастные к этому постыдному ремеслу и все же умевшие находить проходы, скрытые волнами от глаз обыкновенных смертных, с такой же легкостью, с какой вы могли бы найти дорогу среди залов и галерей аббатства, когда полуденное солнце бросает свои лучи на флюгеры и высокие печные трубы.

— Не хотите ли вы, полковник Говард, чтобы мы допросили этих трех человек и выяснили, не принадлежат ли они к числу таких одаренных лоцманов? — спросил Кристофер Диллон, который, не участвуя в разговоре, чувствовал себя неловко и тем не менее едва ли считал необходимым скрывать свое презрение к Элис. — Может быть, мы выведаем у них такие сведения, которые помогут нам начертить карту побережья и тем заслужить одобрение лордов адмиралтейства.

Мисс Говард залилась краской, услышав этот незаслуженный выпад по адресу кроткой и скромной гостьи. Она встала и с видом явного неудовольствия обратилась к своему родственнику:

— Если бы мистер Диллон уважил желания полковника Говарда, уже известные со слов моей кузины, нам

не пришлось бы, по крайней мере, обвинять себя в том, что мы без надобности задерживаем людей, быть может более несчастных, чем виновных.

С этими словами Сесилия прошла по комнате и села подле Элис Данскомб, с которой начала беседовать мягким, успокаивающим тоном. Мистер Диллон почтительно поклонился и, окончательно убедившись, что полковник Говард намерен выслушать арестованных в этой комнате, удалился выполнить поручение, втайне радуясь, что затворничеству обеих сестер, по-видимому, приходит конец и что он сможет чаще видеться с гордой красавицей, благосклонности которой он до сих пор так тщетно добивался.

— Кристофер — толковый, усердный и вообще достойный молодой человек, — сказал полковник, когда затворилась дверь, — и я надеюсь дожить до того времени, когда увижу его облаченным в мантию. Я говорю, конечно, в переносном смысле, а не в буквальном, ибо не очень приятно ходить в мехах под знойным солнцем Каролины. Я надеюсь, министры его величества посоветуются со мной, когда будут производиться новые назначения в усмиренные колонии, поэтому он может всецело положиться на меня, а я уж не премину замолвить за него доброе слово. Разве он не будет замечательным украшением независимого суда, мисс Плауден?

— Я должна, сэр, воспользоваться его же осторожными правилами и сначала выслушать присяжных, а потом уж решать, — ответила, поджав губы, Кэтрин. — Но слушайте! — Молодая девушка изменилась в лице и устремила лихорадочно горящий взор на дверь. — Однако он не терял времени! Я слышу, к нам приближаются тяжелые шаги.

— А! Это, конечно, он. Правосудие, чтобы его признали совершенным, должно быть быстрым и решительным, как барабанная дробь военного трибунала. Вот, кстати, орган законности, под сенью которого всякий счастлив был бы жить. Если бы министров его величества можно было убедить ввести в восставших колониях...

— Прислушаемся! — прервала его Кэтрин голосом, выдававшим ее глубокую тревогу. — Они уже близко!

Приближавшиеся шаги действительно были слышны так ясно, что это заставило полковника отложить изложение своего плана управления укрощенными колониями.

Длинная, низкая галерея была вымощена каменными плитами, и поэтому шаги двигавшихся по ней людей звучали все громче и громче, пока, наконец, тихий стук в дверь не известил об их прибытии. Полковник Говард поднялся с видом человека, которому надлежит играть главную роль в предстоящем допросе, и пригласил всех войти. Сесилия и Элис Данскомб равнодушно смотрели на отворившуюся дверь; их мало волновало то, что должно было произойти, но Кэтрин одним взглядом рассмотрела каждого из вошедших. Глубоко и судорожно вздохнув, она откинулась на спинку дивана, в ее глазах снова появилось игривое выражение, и она начала даже вполголоса напевать какую-то бравурную мелодию.

Первым вошел Диллон, за ним капитан Борроуклиф, который уже твердо держался на ногах. Глаза его, раньше отупело смотревшие перед собой, теперь вновь обрели осмысленное выражение. Одним словом, что-то явно заставило его собраться с мыслями, хотя он, быть может, еще не совсем протрезвел. Прочие оставались пока в галерее. Мистер Диллон подвел Борроуклифа к полковнику, а тот, в свою очередь, представил его дамам.

— Мисс Плауден, — сказал старик, ибо Кэтрин сидела к нему ближе других, — это мой друг капитан Борроуклиф. Он уже давно добивался чести быть представленным вам, и, надеюсь, вы окажете ему такой прием, что он не будет сожалеть о знакомстве с вами.

Кэтрин, улыбнувшись, ответила несколько двусмысленно:

— Не знаю, как и благодарить капитана за ту заботу, которой он нас, бедных, окружил!

Капитан бросил на нее взгляд, который, казалось, грозил отплатой, но ответил весьма любезно:

— Ваша улыбка, мисс, будет достойным вознаграждением как за оказанные услуги, так и за те, что существуют пока только в намерениях.

Кэтрин поклонилась ему более благожелательно, чем обычно кланялась людям, носившим британскую форму, и полковник подвел его к Элис.

— Вот, капитан Борроуклиф, мисс Элис Данскомб, дочь почтенного пастора, который прежде служил в нашем приходе. Эта леди доставляет нам удовольствие своими посещениями, хотя визиты ее все же не так часты, как нам бы хотелось.

Капитан ответил на скромный поклон Элис, и полковник продолжал:

— Мисс Говард, разрешите мне представить вам капитана Борроуклифа, джентльмена, который в эти тяжелые времена добровольно взял на себя обязанности по охране аббатства и поэтому заслужил благосклонность его хозяйки.

Сесилия грациозно поднялась и приняла гостя весьма любезно. Офицер ничего не ответил на ее приветственные слова — мгновение он оставался неподвижным, не сводя глаз с ее выразительного лица, а затем невольно прижал руку к груди и поклонился, склонив голову чуть ли не до эфеса шпаги.

Когда все формальности были должным образом соблюдены, полковник изъявил готовность принять арестованных. Лишь только Диллон снова отворил дверь, Кэтрин устремила спокойный и внимательный взгляд на незнакомцев и увидела блеск оружия охранявших их солдат. Моряки вошли в комнату одни, но бряцание оружия и тяжелый стук мушкетов о каменный пол возвестили, что солдаты остались у дверей, дабы следить за таинственными пришельцами.

ГЛАВА XII

Пушечное мясо! Могилу они наполнят не хуже других.

Шекспир, «Король Генрих IV»

Три человека, вошедшие в комнату, казалось, нисколько не оробели перед присутствующими. Они были одеты в грубую, поношенную одежду моряков, которая, несомненно, еще недавно подвергалась воздействию суровой погоды. Молча проследовали они к указанному капитаном месту и остановились в дальнем конце комнаты с видом людей, разбирающихся в чинах и побывавших во всяких переделках, которые приучили их считаться с превратностями жизни. Как только воцарилась тишина, полковник Говард незамедлительно начал допрос.

— Надеюсь, вы честные и верные подданные его ве-

личества, — начал старик, считаясь с возможной невиновностью арестованных, — но в нынешние времена даже самые почтенные люди легко могут навлечь на себя подозрение. Поэтому, если наши предположения на ваш счет окажутся ложными, вам следует простить нашу ошибку, ибо она вызвана тем ужасным состоянием, в какое мятеж поверг государство. У нас есть большие основания опасаться, что неприятель замыслил какие-то действия у побережья, так как недавно в наших краях появились вражеские фрегат и шхуна, а дерзость мятежников можно сравнить только с их нечестивым неуважением к правам нашего государя.

В то время как полковник Говард произносил эту речь, трое арестованных с большим интересом смотрели на него, но, когда он упомянул о предполагающемся нападении, взгляд двоих из них стал особенно внимательным, и они украдкой многозначительно переглянулись между собой. Однако ни один из них ничего не ответил, и после короткой паузы, которую старик намеренно сделал, чтобы слова его произвели большее впечатление, он продолжал:

— У нас нет никаких доказательств того, что вы хоть в малейшей степени были связаны с врагами нашего государства, но, поскольку вас встретили не на большой королевской дороге, а на обходной тропинке, — которой, я должен признаться, часто пользуются местные жители, но которая, тем не менее, всего лишь тропинка, — мы вынуждены из предосторожности задать вам несколько вопросов, и я уверен, что вы дадите на них удовлетворительные ответы. Пользуясь вашим же морским языком: откуда вы и куда держите курс?

Один из задержанных низким, глухим голосом ответил:

— Мы из Сандерленда и держим курс на Уайтхевн.

Едва лишь был произнесен этот ясный и прямой ответ, как внимание присутствующих привлекла Элис Данскомб: тихо вскрикнув, она невольно привстала с места, а взор ее растерянно заметался по комнате.

— Вы нездоровы, мисс Элис? — участливо обратилась к ней Сесилия Говард. — Да, вам в самом деле дурно. Обопритесь на мою руку, я отведу вас в вашу комнату.

— Вы слышали тоже или мне только показалось?.. —

спросила Элис, смертельно побледнев и дрожа всем телом, словно в конвульсиях. — Скажите, вы тоже слышали?

— Я ничего не слышала, кроме голоса моего дяди, который сейчас стоит возле вас, встревоженный, как и все мы, вашим ужасным волнением.

Элис все еще дико озиралась кругом. Она не успокоилась, оглядев тех, кто стоял возле нее, и начала жадно всматриваться в лица трех незнакомцев, которые терпеливо стояли, молчаливо и безучастно наблюдая эту странную сцену. Наконец она закрыла лицо руками, как бы отгоняя какое-то страшное видение, а затем, опустив руки, слабо улыбнулась и знáком показала Сесилии, что хочет выйти из комнаты. Жестом и взглядом Элис также выразила благодарность и отклонила услуги, вежливо предложенные ей джентльменами. Но, когда женщины прошли мимо стоявших в галерее часовых и остались наедине, она глубоко вздохнула и сказала:

— Это был голос из безмолвной могилы! Очевидно, мне только почудилось. Нет-нет, это мне справедливая кара за то, что некое создание занимает в сердце моем место, принадлежащее только создателю! Ах, мисс Говард, мисс Плауден, — вы обе молоды, вы находитесь в самом расцвете юности и красоты, вам неведомы и потому не страшны искушения и заблуждения нашего грешного мира!

— Она бредит, — с тревогой и участием прошептала Кэтрин. — Какое-то ужасное бедствие помутило ее разум!

— Да, должно быть, мои грешные мысли блуждали, и мне почудился голос, который было бы ужасно услышать, да еще в этих стенах, — несколько успокоившись, сказала Элис, со слабой улыбкой глядя на красивых девушек, которые с двух сторон заботливо ее поддерживали. — Минутная слабость прошла, мне стало лучше. Помогите мне дойти до моей комнаты и возвращайтесь в гостиную, чтобы не нарушать согласия, воцарившегося между вами и полковником Говардом. Мне, право, лучше, я совсем здорова!

— Не говорите так, мисс Элис, — возразила Сесилия. — Ваш вид противоречит тому, что вы говорите по доброте своей к нам. Вы больны, очень больны, и поэтому я, несмотря на ваше приказание, вас не оставлю.

— Тогда оставайтесь со мной в роли доброй сестры милосердия, — сказала мисс Данскомб, кидая на Сесилию благодарный взгляд. — А мисс Кэтрин пусть вернется в гостиную, чтобы угостить джентльменов кофе.

К этому времени они уже дошли до комнаты Элис, и Кэтрин, пособив Сесилии уложить Элис в кровать, возвратилась в гостиную исполнять обязанности хозяйки.

При ее появлении полковник Говард приостановил допрос арестованных и с изысканной учтивостью осведомился о состоянии мисс Данскомб. После ответа Кэтрин он продолжал:

— Все ясно, как божий день, Борроуклиф. Оказавшись в Сандерленде без работы, они отправились к своим знакомым и родственникам в Уайтхевн, где, надеются, им помогут устроиться. Все это очень правдоподобно и совершенно невинно.

— Конечно, конечно, мой уважаемый хозяин, — весело ответил офицер, — но мне представляется печальной несправедливостью то, что трое таких здоровенных молодцов заняты поисками места, где бы они могли приложить свои силы. Разве мало судов флота его величества бороздят моря в поисках врагов Англии?

— Ваши слова основательны, очень основательны! — воскликнул полковник. — Что скажете вы, молодцы? Нет ли у вас желания подраться с французами, испанцами или даже с моими соотечественниками-бунтовщиками? Нет, клянусь небом, наш государь должен воспользоваться услугами таких трех героев! Каждый из вас получит вот эти пять гиней, как только ступит на борт тендера «Быстрый», а сделать это совсем не трудно, потому что тендер вечером отдал якорь в двух милях к югу от нас, в маленькой бухте, где он укрыт от бури не хуже, чем в углу этой комнаты.

Один из мужчин притворился, будто бросает жадные взгляды на деньги, и спросил, словно оценивая условия предлагаемой ему службы:

— А доброе ли судно этот «Быстрый» и хорошо ли на нем живется экипажу?

— Хорошо ли? — повторил Борроуклиф. — Еще бы! Недаром его считают лучшим тендером во всем флоте. Вы, наверное, много бродили по белому свету, но доводилось ли вам видеть такое место, как Морской арсенал в Картахене, в старой Испании?

— Я бывал там, сэр, — холодным, сдержанным тоном ответил тот же моряк.

— Так, бывали! А видели ли вы в Париже дворец, который называется Тюильри? Так вот, этот дворец — собачья конура по сравнению с «Быстрым».

— Мне приходилось бывать и в этом дворце, сэр, — ответил моряк. — Что ж, если ваш тендер и вправду так хорош, как вы говорите, наверное, служить на нем совсем неплохо.

— Черт бы побрал эти синие куртки! — пробормотал Борроуклиф, бессознательно обращаясь к мисс Плауден, близ которой он в это время очутился. — Они суют свои смоленые рожи во все уголки света, так что, право, не знаешь, как с ними говорить. Ну кто бы, черт возьми, подумал, что этот малый когда-либо пялил свои зеленые глаза на дворец короля Людовика?

Но Кэтрин не слышала его слов; она сидела, не сводя глаз с арестованных, и на лице ее снова появилось смущенное и обеспокоенное выражение.

— Подождите, подождите, Борроуклиф! — воскликнул полковник Говард, возобновляя разговор.—Не будем рассказывать этим молодцам сказки для новобранцев, а поговорим с ними на добром, ясном, честном английском языке. Да благословит бог этот язык и землю, для которой он впервые был создан! Какой смысл уверять людей, если они, как мы предполагаем, настоящие моряки, будто десятипушечный тендер по просторности и удобству помещений не уступает дворцу?

— А разве английский дуб и английский комфорт ничего не стоят, мой дорогой хозяин? — невозмутимо спросил капитан. — Неужели вы думаете, добрый сэр, что я измерял достоинства «Быстрого» циркулем и линейкой, будто я вновь проектирую дворец царя Соломона? Я хотел лишь сказать, что «Быстрый» — судно исключительно продуманного устройства и что все там распределено удивительно искусно. Смотря по надобности, он становится то большим, то маленьким, как шатер феи из «Тысячи и одной ночи». А теперь пусть меня повесят, если я не сказал в пользу этого тендера больше, чем сумел бы сказать сам его капитан, чтобы дать мне новобранца, даже если бы во всех трех королевствах не нашлось ни одного парня, который захотел бы посмотреть, пойдет ли алый мундир к его мужицкой фигуре!

— Нет, такая пора еще не наступила, и господь бог не даст ей наступить, пока наш государь нуждается в солдатах для защиты его прав на поле боя. Но что скажете вы, друзья мои? Вы слышали, что говорил капитан Борроуклиф о «Быстром»? Его слова справедливы... ну, может, он только чуточку преувеличил. Согласны вы поступить на службу? Значит, я могу приказать слуге подать вам по стакану вина да велеть отложить ваши деньги до тех пор, пока мне не сообщат с катера, что вы стали под знамена лучшего из королей?

Кэтрин Плауден, которая, затаив дыхание, с огромным вниманием следила за моряками, показалось, что она уловила промелькнувшую на их лицах усмешку. Однако веселость моряков дальше этого не пошла, и старший из них снова ответил так же спокойно, как и прежде:

— Простите нас, сэр, но у нас нет охоты поступать на тендер. Мы привыкли к дальним плаваниям и большим судам, а «Быстрый» несет береговую службу, да и не тех он размеров, чтобы справиться с французами или испанцами, у которых пушки стоят в два яруса.

— Если так, — ответил полковник,—ложитесь на другой галс и ступайте в Ярмут. Там вы найдете суда, которые не побоятся встретиться со всем, что бывает на плаву.

— Может быть, джентльмены предпочтут сменить тревоги и опасности морей на жизнь легкую и веселую?— вмешался капитан. — Рука, привыкшая владеть абордажным крюком, может быстро научиться спускать курок так же легко, как дамы касаются клавиш рояля. Одним словом, жизнь моряка и похожа и не похожа на жизнь солдата. Солдаты не знают ни штормов, ни половинных рационов, они не берут рифов на марселях и не терпят кораблекрушений. При этом они не меньше, а то и больше, знакомы с грогом, с беззаботным весельем вокруг фляги и открытого ранца, чем на любом корабле в субботний вечер, даже когда котел полон и дует легкий бриз. Я сам не раз пересекал океан и знаю, что корабль в хорошую погоду очень похож на лагерь или теплый барак, но повторяю: только в хорошую погоду!

— Мы не сомневаемся в справедливости ваших слов, сэр, — ответил тот же моряк. — Но то, что вы считаете трудностями, для нас лишь удовольствие. Мы видели слишком много штормов, чтобы бояться их, и считали бы

себя в штилевой полосе в ваших казармах, где только и дела, что есть свой паек да маршировать взад и вперед по зеленой лужайке. К тому же мы едва ли отличим дуло мушкета от его приклада.

— Да! — задумчиво произнес Борроуклиф, а затем, шагнув в сторону, внезапно гаркнул: — Смирно! Равнение направо!

Тот моряк, который перед этим говорил, и стоявший рядом с ним не шелохнулись и только удивленно взглянули на капитана, но третий из их компании, стоявший немного поодаль, словно он хотел остаться незамеченным, а может быть, просто задумался о своей участи, при этой неожиданной команде невольно вздрогнул и, выпрямившись, словно на плацу, мгновенно повернул голову направо.

— Ого! Вы, джентльмены, я вижу, способные ученики, вы скоро всему обучитесь, — продолжал Борроуклиф. — Полагаю, полковник Говард, будет правильно, если я задержу этих людей до завтрашнего утра. Но мне хотелось бы поместить их удобнее, чем на жестких скамьях караульного помещения.

— Действуйте, как вам угодно, капитан Борроуклиф, — ответил хозяин, — и как вам подсказывает долг перед нашим королем. Их накормят и отведут в комнату на южной стороне аббатства, над помещениями для прислуги.

— Три комнаты, полковник, нужны три комнаты, хотя бы мне пришлось отказаться от моей собственной!

— У нас есть несколько небольших пустых комнат, куда можно принести одеяла и, если вы считаете необходимым, можно поставить в коридоре охрану, хотя мне кажется, что это добрые, законопослушные люди, которые жаждут послужить своему королю и мечтают лишь о том, чтобы сойтись лицом к лицу с каким-нибудь доном или мосье.

— Поговорим об этом немного позже, — сухо сказал Борроуклиф. — Я вижу, мисс Плауден недовольна, что мы так долго злоупотребляем ее терпением, и знаю, что холодный кофе, как и остывшая любовь, превращается в безвкусный напиток. Итак, джентльмены, en avant! [1] Если вам приходилось бывать в Тюильри, значит, вы долж-

[1] En avant (франц.) — вперед.

ны немного понимать по-французски... Мистер Кристофер Диллон, знаете ли вы, где «находятся, расположены и помещаются», как говорится в ваших пергаментах, эти три каморки?

— Да, сэр, — с готовностью ответил будущий судья,— и с большим удовольствием провожу вас туда. Я нахожу ваше решение достойным благоразумного и проницательного офицера и не удивлюсь, если вскоре наиболее подходящим местом для их содержания признают Даргемский замок или иную крепость.

Он произнес эти слова как раз, когда моряки выходили из комнаты, и потому нельзя было видеть, какое впечатление они произвели на незнакомцев. Но Кэтрин Плауден, которая на минуту осталась одна, глубоко задумалась над тем, что она видела и слышала, и была так озабочена, как это редко бывало при ее веселом и жизнерадостном нраве. Однако мало-помалу гул удаляющихся шагов затих, а возвращение полковника напомнило молодой девушке о ее обязанностях.

Хозяйничая у чайного стола, Кэтрин не раз украдкой бросала взгляды на старика. Но, хотя он казался задумчивым, на его честном, открытом лице не было ни малейших следов суровости или подозрительности.

— Совершенно напрасно, сэр, вы возитесь с этими моряками, странствующими по своим делам, — наконец сказала она. — По-видимому, это специальность мистера Кристофера Диллона — причинять неприятности всем, с кем он соприкасается.

— А какое отношение имеет Кит к их аресту?

— Что? Разве не он взялся опекать этих людей в их заключении? Уверяю вас, полковник, что эта история еще принесет плохую славу аббатству Святой Руфи. Его и так уже называют и аббатством, и монастырем, и замком. Дайте волю мистеру Диллону — и через месяц прибавится еще название тюрьмы.

— Киту не посчастливилось завоевать благосклонность мисс Плауден! Тем не менее, Кит—достойный юноша, толковый малый и разумный человек! И что еще более ценно, мисс Кэтрин, — это что мистер Кристофер Диллон верный и честный подданный своего короля. Его мать была моей двоюродной сестрой, мисс, и я надеюсь, что скоро назову его своим племянником. В жилах Диллонов течет добрая ирландская кровь, и, полагаю, даже

мисс Плауден согласится, что Говарды тоже могут претендовать на доброе имя.

— Именно о вашем добром имени я и забочусь, — быстро ответила Кэтрин. — Только час назад вы были возмущены, мой дорогой опекун, заподозрив в моих словах намек на то, что после имени «Говард» вам следовало бы писать слово «тюремщик», а теперь вы сами добровольно соглашаетесь на эту обязанность.

— Вы забываете, мисс Кэтрин Плауден, что эти люди задержаны по приказу офицера его величества...

— Но я думала, что славная британская конституция, о которой вы так часто упоминаете, — прервала его находчивая молодая девушка, — гарантирует свободу всем, кто пребывает в этой благословенной стране. Вы сами знаете, что из двадцати негров, привезенных вами из Америки, при вас осталось лишь несколько. Остальные улетели на крыльях британской свободы!

Это означало разбередить незажившую рану в душе полковника, и коварная воспитанница хорошо знала, какое впечатление произведут ее слова. Однако ее опекун на этот раз не разразился бурной вспышкой гнева, как это случалось и в менее значительных случаях. Он поднялся, бросил на Кэтрин взгляд, в котором отразилось все его самоуважение, и, сделав над собой огромное усилие, чтобы сдержать свои чувства в пределах, необходимых для соблюдения приличий, ответил:

— То, что британская конституция — славная конституция, мисс, не подлежит никакому сомнению. То, что этот остров единственное убежище, где свобода может найти себе дом, столь же справедливо. Деспотизм и гнет Конгресса, который вверг колонии в состояние опустошения и нищеты, не позволяют найти для него достойное название. Мятеж загрязняет все, чего он касается, мисс. И, хотя вначале он зачастую прикрывается именем священной свободы, однако кончается он всегда тиранией. Анналы мировой истории, начиная со времен греков и римлян и до наших дней, доказывают это на многочисленных примерах. Что же до того обстоятельства, о котором вы изволили упомянуть, касающегося... касающегося моих частных дел, я могу только сказать, что о делах государственных нельзя судить по домашним происшествиям, так же как и домашние обстоятельства нельзя оценивать с точки зрения государственной политики. — Пол-

ковник, подобно многим более сильным в логике ораторам, ошибочно счел свое противопоставление за доказательство и на миг замолчал, восхищаясь собственным красноречием, однако стремительный поток мыслей, всегда неистощимый при рассмотрении этой темы, увлек его за собой, и он продолжал: — Да, мисс, здесь, и только здесь, можно найти истинную свободу! И с этим торжественным заверением, которое не брошено наугад, но опирается на мой шестидесятилетний жизненный опыт, я покидаю вас, мисс Плауден! Вы должны как следует поразмыслить над моими словами, ибо я слишком хорошо понимаю ваши заблуждения, чтобы не знать, что политические ошибки проистекают из ваших сердечных слабостей. Подумайте об этом ради собственной вашей пользы, если вы заботитесь не только о личном благе, но и о том, чтобы заслужить почтение и добрую славу в свете. Что же касается этих черных собак, о которых вы говорили, то они просто неблагодарные скоты и мятежники. И если мне когда-либо доведется встретить кого-либо из этих проклятых...

Полковник сумел все же сдержаться и покинул даму, прежде чем закончил свою обличительную речь, а Кэтрин стояла с минуту на месте и, прижав палец к губам, прислушивалась к его голосу, рокотавшему в галерее, пока звуки окончательно не замерли за отдаленной дверью. Своенравная девушка тряхнула темными локонами, и лукавая улыбка, смешанная с выражением сожаления, играла на ее лице, пока она, что-то шепча, проворными руками сдвигала прочь принадлежности чайного стола.

— Может быть, это был жестокий эксперимент, но он удался. Хотя и сами под арестом, все же мы, по крайней мере, свободны ночью. К этим таинственным морякам следует присмотреться получше. Если не гордый взгляд Эдуарда Гриффита сверкал под черным париком одного из них, я ничего не смыслю в лицах. Но куда же мистер Барнстейбл скрыл свои очаровательные черты? Ни один из этих людей не похож на него... Однако я должна спешить к Сесилии!

С этими словами она легко выскользнула из комнаты и, пробежав по освещенным тусклым светом коридорам, исчезла за одним из поворотов, который вел к более интимным помещениям аббатства.

ГЛАВА XIII

Как, Люция? Велишь ты мне уйти
С мечтой о счастье, грезой о любви?
Аддисон, «Катон»

Пусть читатель не думает, что, пока происходили описанные нами эпизоды, мир остановился в своем движении. К тому времени, когда трое моряков были размещены по отдельным комнатам и в галерее, куда выходили эти три комнаты, был поставлен часовой, чтобы одновременно следить за всеми, уже наступила глубокая ночь. Капитан Борроуклиф явился на зов полковника, который, весьма неопределенно извинившись по поводу перемены в программе вечерних развлечений, предложил своему гостю возобновить атаки на мадеру. К этому делу капитан отнесся весьма серьезно, и часы аббатства уже не раз печально напоминали об истекшем времени, а приятели и не думали расставаться. Мистер Диллон меж тем куда-то исчез. Слуга, когда полковник стал расспрашивать его, ответил, что «мистер Кристофер, наверное, отправился верхом в ***, чтобы поспеть к завтрашней охоте, которая начнется на заре». Но, пока джентльмены потягивали в столовой вино, развлекаясь рассказами о былых временах и жестоких сражениях, две совсем иные сцены разыгрались в других частях здания.

Как только в аббатстве воцарилась глубокая тишина, прерываемая лишь воем ветра да раскатистым хохотом полковника и капитана, уютно устроившихся за бутылкой вина, дверь одной из комнат «монастыря» тихонько отворилась, и из нее выскользнула Кэтрин Плауден в темном плаще и с ночником в руках, тусклый свет которого едва освещал мрачные стены впереди, оставляя все позади в непроницаемом мраке. За ней вскоре последовали две другие женщины в такой же одежде и с такими же ночниками в руках. Когда они все грое очутились в галерее, Кэтрин осторожно затворила дверь комнаты и двинулась вперед.

— Тсс! — робко прошептала Сесилия. — В той половине дома не все еще спят. И, если твои подозрения справедливы, мы своим посещением можем выдать наших друзей и бесповоротно погубить.

— Разве смех полковника Говарда, когда он сидит за бутылкой вина, так непривычен для твоего слуха, Сесилия, что ты не узнаешь его? — насмешливо возразила Кэтрин. — Или ты забыла, что в подобных случаях он редко бывает способен что-нибудь слышать или видеть? Идите за мной: мои подозрения основательны, иначе и быть не может. И, если мы не предпримем что-либо для спасения пленников, они погибли. Разве только их затея лучше продумана, чем мне кажется!

— Вы вступили на опасный путь, — спокойно заметила Элис Данскомб. — Но вы молоды и потому склонны верить в успех.

— Если вы не одобряете нашего намерения, — сказала Сесилия, — значит, оно действительно дурно, и нам следует вернуться.

— Нет-нет, я не хотела сказать о вашем намерении ничего плохого. Если бог вручил вашей защите жизнь тех, к кому вы питаете чувства любви и уважения, какие женщине суждено дарить лишь одному мужчине, у него были на это свои основания. Ведите нас, Кэтрин! По крайней мере, мы избавимся от наших сомнений!

Пылкой девушке не нужно было повторять просьбу: легкими быстрыми шагами она тотчас двинулась вперед по галерее. Дойдя до конца, подруги по узенькой лестнице спустились в первый этаж и, тихонько отворив маленькую дверь, очутились на лужайке между домом и садом. Они перебежали через нее, укрывая от яростных порывов ветра, доносившегося с моря, свои ночники. Вскоре они уже были возле большого, наспех пристроенного флигеля, простая архитектура которого не выдерживала сравнения с красивым главным зданием, и вошли туда через массивную дверь, которая стояла полуоткрытой, словно сжидая их.

— Хлоя в точности исполнила мои приказания,— прошептала Кэтрин, когда они укрылись от холода и ветра. — Теперь, если все слуги спят, мы можем наверняка пройти незамеченными.

Им следовало еще миновать людскую, что они и сделали без затруднений, так как здесь находился только один старик негр, спавший глубоким сном в двух шагах от колокола. Проскользнув через это помещение, они долго шли по длинным и извилистым коридорам, по-видимому хорошо знакомым Кэтрин, хотя и неведомым ее

спутницам, а затем поднялись по другой лестнице. Они были уже близки к цели и теперь остановились, чтобы убедиться, не возникают ли какие-либо препятствия на их дальнейшем пути.

— Ну, вот наша затея вдруг оказывается безнадежной! — прошептала Кэтрин, скрытая мраком, царившим в длинном узком коридоре. — Часовой стоит в галерее, а я думала — его поставили под окнами. Что нам теперь делать?

— Давайте вернемся,— тоже шепотом ответила Сесилия. — Дядя очень считается со мной, хотя иногда и бывает с нами строг. Утром я постараюсь уговорить его отпустить арестованных, взяв с них обещание не повторять подобных попыток.

— Утром уже будет поздно, — возразила Кэтрин. — Я видела, как этот дьявол Кит Диллон уехал куда-то верхом, сказав, что отправляется на завтрашнюю охоту, но я по глазам его знаю, что он задумал какую-то пакость. Он молчит просто для большей уверенности. И, если утро застанет Гриффита в этих стенах, он будет осужден на смерть.

— Молчите! — воскликнула Элис Данскомб со странным волнением. — Может быть, счастливый случай поможет нам договориться с часовым!

С этими словами она двинулась вперед. Не прошли они и нескольких шагов, как их окликнул суровый голос часового.

— Теперь поздно колебаться,—прошептала Кэтрин.— Мы хозяйки этого дома и смотрим, все ли у нас в порядке, — продолжала она уже вслух. — И мы удивлены тем, что встречаем в своем доме вооруженных людей.

Солдат отсалютовал мушкетом и ответил:

— Мне приказано охранять двери этих трех комнат. Там помещены арестованные. Во всем прочем я был бы рад вам услужить.

— Арестованные?! — с притворным изумлением воскликнула Кэтрин. — Разве капитан Борроуклиф превратил аббатство Святой Руфи в тюрьму? В чем же обвиняют этих бедных людей?

— Не знаю, миледи! Но раз они моряки, я думаю, они сбежали со службы его величества.

— Странно, право! А почему их не отправили в тюрьму графства?

— Это дело надо расследовать, — сказала Сесилия, открывая лицо. — Как хозяйка дома, я имею право знать, кто находится в его стенах. Потрудитесь отпереть двери — я вижу, у вас на поясе висят ключи.

Часовой колебался. Он был смущен присутствием и красотой девушек, но внутренний голос напоминал ему о его обязанностях. Тут в голову ему пришла счастливая мысль, которая избавляла его от затруднений и в то же время позволяла согласиться с просьбой или скорее приказанием мисс Говард. Он передал ей ключи и сказал:

— Вот они, миледи! Мне велено не выпускать арестованных, но не сказано, чтобы я никого не впускал к ним. Когда вы покончите с вашими делами, прошу возвратить мне ключи. Вы должны пожалеть меня: пока двери не заперты, я ни на миг не могу спустить с них глаз.

Сесилия обещала возвратить ключи и уже дрожащей рукой вставила один из них в замок, но Элис Данскомб остановила ее, обратившись к солдату:

— Ты сказал, что их трое? Они все люди пожилые?

— Нет, миледи! Все добрые, здоровые молодцы, им только и служить его величеству, а не бегать со службы.

— Неужели они все одинаковы по годам и по внешности? Я спрашиваю потому, что у меня был друг, который когда-то в юности напроказил и, как говорили, помимо прочих глупостей, ушел в море.

— Среди них нет юноши. В дальней комнате слева находится здоровенный малый, с солдатской выправкой, лет тридцати. Наш капитан полагает, что он раньше носил мушкет. Мне велено присматривать за ним особенно строго. Рядом с ним сидит на диво красивый молодой человек. Грустно подумать, куда мы идем, если такие в самом деле убегают с кораблей! А в этой комнате находится невысокий, спокойный человек, которому скорее пристало бы пойти в пасторы, а не в моряки или солдаты — уж такой у него скромный вид.

Элис на мгновение закрыла руками лицо, но затем, отняв их, продолжала:

— Мягкостью всегда можно добиться гораздо большего, чем угрозами. Вот тебе гинея. Ступай в дальний конец коридора, ты можешь оттуда следить за дверями не хуже, чем отсюда. А мы войдем к этим бедным людям и постараемся убедить их сознаться, кто они на самом деле и что им нужно.

Солдат взял деньги и, неуверенно оглядевшись вокруг, наконец сообразил, что и вправду убежать можно только, минуя его, по лестнице. Дождавшись, пока он удалился на такое расстояние, что уже ничего не мог слышать, Элис Данскомб повернулась к своим спутницам. Лихорадочный румянец пятнами выступил у нее на щеках.

— Напрасно было бы скрывать от вас, что я надеюсь встретить человека, голос которого я, должно быть, действительно слышала вечером, когда подумала, что мне это померещилось. Да, это был его голос, и я теперь знаю, что он заодно с мятежными американцами в этой противоестественной войне... Нет, не обижайтесь на меня, мисс Плауден! Вспомните, что я родилась на этом острове. И привело меня сюда не тщеславие или слабость, мисс Говард: я хочу предупредить кровопролитие... — Она замолчала, как бы стараясь успокоиться. — Но свидетелем нашего разговора должен быть только бог.

— Так ступайте! — сказала Кэтрин, втайне радуясь решительности Элис. — А мы тем временем посмотрим, кто сидит в двух других комнатах.

Элис Данскомб повернула ключ в замке. Осторожно отворив дверь, она попросила спутниц, чтобы они, уходя, постучали ей, и тотчас вошла в комнату.

Сесилия и ее кузина подошли к следующей двери, молча отворили ее и осторожно проникли в комнату. Кэтрин Плауден была достаточно осведомлена относительно распоряжений полковника Говарда и знала, что, отправив арестованным одеяла, он не счел нужным позаботиться о каких-либо дальнейших удобствах этих людей, которые, по его мнению, бóльшую часть жизни спали на голых досках.

Поэтому девушки нашли молодого моряка на полу, где он, растянувшись во всю длину и закутавшись в грубое покрывало, спал крепким сном. Шаги девушек были столь робки, а их появление столь бесшумно, что они приблизились к нему, даже не потревожив его. Голова пленника покоилась на деревянной плашке. Он подложил руку, чтобы защитить лицо от прикосновения к шершавому дереву, а другую руку сунул за пазуху, где она свободно лежала на рукоятке кинжала. И, хотя он был в забытьи, сон его был ненадежен и беспокоен. Он дышал тяжело и быстро, а порой что-то невнятно и глухо бормотал. Настало время и Сесилии Говард проявить силу характе-

ра. До сих пор она шла на поводу у кузины, чья живость и предприимчивость делали ее прекрасным проводником. Но теперь она опередила Кэтрин и, осветив ночником лицо спящего, наклонилась к нему, внимательно и тревожно его разглядывая.

— Я права? — прошептала Кэтрин.

— Да защитит его милосердный господь! — пробормотала Сесилия, невольно содрогнувшись, когда уверилась, что видит перед собой Гриффита. — Да, Кэтрин, это он. Дерзость и безумие привели его сюда. Но время не ждет, его следует разбудить и во что бы то ни стало помочь ему бежать.

— Тогда не медли и разбуди его!

— Гриффит! Эдуард Гриффит! — мягко позвала его Сесилия. — Гриффит, проснитесь!

— Так ты не разбудишь моряка, который привык спать под рев бури и волн, — сказала Кэтрин. — Но я слыхала, что даже легкое прикосновение заставляет их тотчас вскочить на ноги.

— Гриффит! — повторила Сесилия, робко коснувшись его руки.

Вспышка молнии не может быть более мгновенной, чем был прыжок молодого человека, вскочившего на ноги. При свете ночников сверкнул выхваченный им кинжал, в то время как в другой руке угрожающе блеснул пистолет, направленный на людей, потревоживших его сон.

— Прочь! — закричал он. — Умру, но не сдамся!

Ярость, отразившаяся на его лице, и свирепый взгляд напугали Сесилию. Она отпрянула, уронив плащ, съежилась, но не сводила с моряка нежного доверчивого взгляда.

— Эдуард, это я, Сесилия Говард! — сказала она. — Я пришла спасти вас от гибели. Вас узнали, несмотря на искусное переодевание.

Пистолет и кинжал упали на одеяло, в которое прежде был закутан молодой моряк, и на лице его вместо тревоги теперь отразилась большая радость.

— Наконец-то счастье улыбнулось мне! — воскликнул он. — Как вы добры, Сесилия! Больше, чем я заслуживаю, и гораздо больше, чем я ожидал. Но вы не одна...

— Со мной моя кузина Кэт. Это ее проницательные глаза узнали вас, и она любезно согласилась сопровож-

дать меня, чтобы уговорить вас... нет, чтобы помочь вам бежать! Ибо это просто безумие, Гриффит, так испытывать свою судьбу!

— Разве я напрасно испытывал ее?.. Мисс Плауден, к вам обращаюсь я за ответом и оправданием.

Лицо Кэтрин отразило неудовольствие, но после минутного колебания она ответила:

— Готова служить вам, мистер Гриффит! Я вижу, что ученый капитан Барнстейбл не только сумел разобрать мои каракули, но и счел возможным показать мое письмо всем желающим.

— Теперь вы несправедливы к нам обоим, — сказал Гриффит. — Разве он мог не показать мне план, в котором мне суждено было играть главную роль!

— Ах! Видно, ваши оправдания так же послушно являются на ваш зов, как и ваши матросы, — ответила молодая девушка. — Но как это вышло, что герой «Ариэля» посылает заместителя, чтобы выполнить долг, лежащий на нем самом? Разве он имеет обыкновение довольствоваться второй ролью?

— Боже упаси, чтобы вы так дурно подумали о нем хотя бы на миг! Мы в большом долгу перед вами, мисс Плауден, но у нас есть и другие обязанности. Вы знаете, что мы служим нашему общему отечеству и у нас есть начальник, воля которого для нас закон.

— Тогда возвращайтесь, мистер Гриффит, пока можно, на службу нашей истекающей кровью стране, — сказала Сесилия. — И, после того как общие усилия ее храбрых сынов изгонят из ее пределов врагов, будем надеяться, что наступит время, когда мы с Кэтрин вернемся в наши родные дома.

— А подумали вы, мисс Говард, насколько могущественная армия английского короля может растянуть это время? Мы победим! Народ, который борется за самые священные свои права, не может не победить. Но разбить Англию — это не одного дня дело для бедного, разбросанного по обширной территории и разоренного народа. Конечно, вы забыли, мисс Говард, что, уговаривая меня покинуть вас при таких обстоятельствах, вы отнимаете у меня всякую надежду.

— Мы должны положиться на волю божью, — ответила Сесилия. — Но у вас есть руки и опыт, Гриффит, которые могут сослужить нашей родине большую службу.

Не растрачивайте же свои силы в призрачных заботах о личном счастье, пользуйтесь минутой возможности и возвращайтесь на корабль, если действительно он еще в безопасности. Забудьте на время это безумное предприятие и ту, для кого вы на него решились!

— Я не ожидал такого приема, — сказал Гриффит. — Хотя я сегодня оказался в вашем присутствии случайно, а не намеренно, я все-таки надеялся, что, когда мне будет суждено вновь увидеть фрегат, вы, Сесилия, будете рядом со мной.

— Вы не должны упрекать меня, мистер Гриффит, за свое разочарование, ибо я никогда не говорила ни слова, которое дало бы вам право думать, что я согласна покинуть моего дядю.

— Мисс Говард не найдет меня дерзким, если я напомню ей, что было время, когда она не считала меня недостойным заботы о ней и ее счастье.

Яркий румянец залил лицо Сесилии, когда она ответила:

— Я и сейчас не считаю этого, мистер Гриффит. Но вы поступили хорошо, указав мне на мою прежнюю слабость, потому что воспоминание о былом безрассудстве только укрепляет меня в моей решимости...

— Нет! — прервал ее пылкий влюбленный. — Если я хотел упрекнуть вас или питал хвастливую мысль, гоните меня как недостойного вашей благосклонности навсегда!

— Я прощаю вам эти грехи легче, чем себе свое легкомыслие, — сказала Сесилия, — но, с тех пор как мы виделись в последний раз, произошло слишком много такого, что не позволяет мне повторить столь опрометчивый поступок. Во-первых, — продолжала она, приветливо улыбаясь, — я стала на целый год старше и умнее. Во-вторых, и это, возможно, самое главное, тогда мой дядя был окружен своими старинными друзьями и родственниками, а здесь он совсем одинок. И, хотя он находит некоторое утешение в том, что поселился в доме, где обитали его предки, все же он бродит по мрачным коридорам, как чужой, и за все это ему остается лишь слабая замена утраченного — ласка и привязанность той, кого он любит и растит с детства.

— Однако он противится вашему сердечному влечению, Сесилия, если только мое глупое тщеславие, позволявшее мне надеяться, не обмануло меня — о, я мог бы

сойти от этого с ума! В ваших политических взглядах вы тоже с ним резко расходитесь. А мне кажется, что не может быть счастья там, где нет общих чувств.

— Есть одно, очень сильное, — возразила мисс Говард, — это родственная любовь. Он добрый, любящий и, когда не гневается на какой-нибудь дурной поступок, снисходительный дядя и опекун, а я дочь его брата Гарри. Нелегко разорвать такую связь, мистер Гриффит. И, так как мне не хочется видеть вас безумным, я не добавлю, что ваше тщеславие вас обмануло. Да-да, Эдуард, вполне возможно питать двойную привязанность и выполнять свой долг перед двумя людьми. Я никогда не соглашусь покинуть дядю одного в стране, образ правления которой он так слепо чтит. Вы не знаете Англии, Гриффит! Она смотрит на своих детей, явившихся из колоний, с холодным недоверием и надменностью, как ревнивая мачеха, которая редко ласкает неродных детей.

— Я знал Англию в мирное время, знаю ее и во время войны! — гордо ответил молодой моряк. — И могу добавить, что она надменный друг и непримиримый враг. А сейчас она вступила в борьбу с теми, кто требует у нее только открытого моря. Однако ваше решение заставляет меня явиться к Барнстейблу с худыми вестями.

— Нет, — сказала Сесилия улыбаясь, — я не хочу говорить за других, которые не связаны с полковником узами близкого родства и одержимы неприязнью к этой стране, ее народу, ее законам, хотя совсем в них не разбираются.

— Разве мисс Говард наскучило видеть меня в стенах аббатства Святой Руфи? — спросила Кэтрин. — Но тише! Кажется, кто-то идет по галерее...

Затаив дыхание, они прислушались, и действительно, вскоре до их слуха донеслись приближавшиеся шаги. Раздались голоса, а затем завязался разговор, отчетливо слышный в каморке Гриффита.

— Да, у него военная осанка, Питерс, из него выйдет славный солдат. Ну-ка, отвори дверь!

— Это не его комната, ваша честь, — ответил напуганный часовой. — Он находится в последней комнате по коридору.

— Откуда тебе это известно? Ну-ка, достань ключ и открой! Мне все равно, кто где спит. Может быть, я завербую всех троих.

Последовала страшная минута неизвестности, затем часовой ответил на этот властный приказ:

— Я думал, ваша честь хочет видеть того, кто в черном галстуке, и поэтому оставил все остальные ключи в том конце коридора, но...

— Экий дуралей! Часовой, как и тюремщик, всегда обязан иметь ключи при себе. Ну, ступай, отвори дверь того, кто так хорошо равнялся направо!

Когда у Кэтрин сердце стало биться немного ровнее, она сказала:

— Это Борроуклиф. Он так пьян, что даже не заметил ключа, оставленного нами в дверях. Но что теперь делать? В нашем распоряжении не больше минуты.

— На заре, — быстро сказала Сесилия, — я пришлю сюда мою служанку под предлогом передачи вам еды...

— Ради меня не нужно рисковать,—прервал ее Гриффит. — Едва ли нас задержат, а если это и сделают, Барнстейбл находится неподалеку с такими силами, что все эти рекруты разбегутся на все четыре стороны.

— Но это приведет к кровопролитию и ужасным сценам! — воскликнула Сесилия.

— Тише! — предупредила Кэтрин. — Они опять идут сюда!

Кто-то остановился возле их двери и тихонько отворил ее; показалось лицо часового.

— Капитан Борроуклиф делает обход, и я даже за пятьдесят гиней не согласился бы оставить вас здесь хоть на минуту.

— Еще одно слово, — сказала Сесилия.

— Ни полслова, миледи, ради бога! — взмолился солдат. — Леди, которая была в соседней комнате, ждет вас. Пожалейте мою бедную голову и уходите туда, откуда пришли!

Отказать ему было невозможно. Они направились к двери.

— Молодой человек, — громко сказала Сесилия Гриффиту, покидая комнату, — я пришлю вам утром еду и указания, как принимать лекарство, необходимое для вашего исцеления.

В коридоре они встретили Элис Данскомб. Ее лицо было скрыто плащом, но по тяжким вздохам, вырывавшимся из ее груди, можно было понять, что она очень взволнована недавним разговором.

А так как читателю, вероятно, любопытно узнать, что расстроило эту спокойную даму, мы ненадолго задержим повествование и расскажем, что произошло между ней и человеком, которого она искала.

ГЛАВА XIV

Как лев, когда заслышит он
Охотничьи рога,
Так Дуглас, грозен, скор и смел,
Поднялся на врага.

Перси

Когда Элис Данскомб вошла в комнату, где помещался второй из задержанных моряков, он не был погружен, подобно Гриффиту, в глубокий сон, а сидел на одном из сохранившихся здесь старых стульев спиной к двери и, казалось, смотрел сквозь маленькое окошко на темную и унылую местность, где все еще свирепствовала буря. Он не слышал, как Элис вошла и приблизилась к нему, пока по глазам его не скользнул отсвет ее ночника. Сразу очнувшись от задумчивости, он поднялся ей навстречу.

— Я ждал, что ты придешь, — первым заговорил он, — с тех пор как убедился, что ты узнала мой голос. И я был глубоко уверен, что Элис Данскомб никогда меня не предаст.

Элис, хотя и предвидела это подтверждение своих догадок, не была в состоянии ответить. Она опустилась на стул, с которого он только что встал, и молчала, словно собираясь с силами.

— Значит, эти звуки не игра моего воображения! Значит, то был в самом деле твой голос, то была ужасная действительность! — наконец вымолвила она. — Зачем ты явился сюда, где на тебя может обрушиться законный гнев твоего отечества? Какие еще коварные намерения внушил тебе твой неукротимый нрав?

— Ты говоришь со мной жестоким языком, Элис Данскомб, — с холодной суровостью ответил незнакомец, — а ведь было время, когда меня после недолгих отлучек встречали более ласковыми словами.

— Я этого не отрицаю. Я не могу, если бы и хотела, скрыть мою слабость от себя самой или от тебя. Я даже хотела бы, чтобы она стала известна всему миру. Было время, когда я глубоко уважала тебя, доверилась тебе и в безрассудстве своем забыла свои самые священные обязанности. За эту слабость господь жестоко покарал меня твоими дурными делами.

— Зачем отравлять нашу встречу бесполезными взаимными упреками? — спросил он. — У нас есть много что сказать друг другу, прежде чем ты сообщишь, с каким милосердным делом ты сюда явилась. Хорошо тебя зная, Элис, я понимаю, что ты чувствуешь опасность, мне угрожающую, и отважишься на все для моего спасения. Твоя мать... она еще жива?

— Нет, она последовала за покойным отцом, — ответила Элис, закрывая руками бледное лицо. — Я осталась одна, совсем одна. Ибо тот, кто был для меня всем, изменил своей стране и стал недостойным моего доверия.

Эти слова чрезвычайно взволновали моряка. Он поднял взор, дотоле спокойный, на лицо собеседницы и начал быстро ходить взад и вперед по комнате.

— Я многое мог бы сказать в свое оправдание, — наконец ответил он, — многое, чего ты не знаешь. Я покинул родину, потому что не встречал в ней ничего, кроме угнетения и несправедливости, и, конечно, не мог просить тебя связать свою судьбу с судьбой беглеца без имени и состояния. А сейчас я могу доказать тебе свою преданность. Ты говоришь, что осталась одна. Но тебе незачем оставаться одной! Убедись, насколько ты была неправа, когда сомневалась, что в один прекрасный день я смогу заменить тебе отца и мать.

Подобное предложение, сделанное даже с некоторым опозданием, всегда звучит приятно для слуха женщины, и Элис несколько смягчилась, хотя слова ее оставались столь же суровыми.

— Ты говоришь совсем не так, как человек, жизнь которого висит на волоске. Куда же ты поведешь меня? В лондонский Тауэр? [1]

— Не думай, что я уж настолько безразличен к себе и не принял достаточных мер предосторожности, — с большим хладнокровием ответил незнакомец. — Отряд

[1] Тауэр — крепость-тюрьма в Лондоне.

храбрых молодцов только и ждет моего сигнала, чтобы раздавить, как червяка под ногой, жалкие силы вашего офицера.

— Значит, предположение полковника Говарда было справедливо! Теперь понятно, как неприятельские суда прошли через мели! Ты был их лоцманом!

— Да.

— Что? Неужели ты используешь знания, приобретенные тобой в расцвете невинной юности, на то, чтобы принести горе и опустошение на порог тех, кого ты когда-то знал и почитал! Джон, Джон! Неужели образ девушки, которую ты на заре ее юности и невинной красоты как будто любил, так слабо запечатлелся в сердце твоем, что его не смягчают несчастья тех, среди кого она была рождена и кто составляет ее маленький мир?

— Ни один волос их не будет тронут, ни одна соломинка на их крышах не будет сожжена, и даже самый подлый из них может спать спокойно — и все это ради тебя, Элис! Англия начала эту войну с нечистой совестью и окровавленными руками, но сейчас все это будет забыто, хотя именно сейчас у нас есть возможность и сила дать ей испытать нашу месть на ее собственной земле. Нет, не ради этого явился я сюда.

— Зачем же тогда ты, зажмурив глаза, бросился в эту западню, где вся твоя хваленая охрана не выручит тебя? Ибо, стоит лишь громко назвать твое имя даже здесь, в темных и унылых коридорах этой уединенной обители, как эхо еще до утра разнесет его далеко кругом и целый народ поднимет оружие, чтобы наказать тебя за дерзость.

— Имя мое уже не раз повторялось здесь и не с любовью, — презрительно ответил лоцман. — Все население дрожало при звуках его, и трусливые негодяи бежали от человека, который был жертвой их несправедливости. Я гордо поднял знамя новой республики на виду у трех королевств, и ни сила их оружия, ни долговременная опытность не могли вырвать его из моих рук. Да, Элис, эхо ваших восточных холмов еще повторяет залпы моих пушек, и это делает имя мое еще более грозным для слуха ваших сонливых иоменов [1].

---

[1] Иомены — средние и зажиточные крестьяне в Англии конца XIV—XVIII веков.

— Не хвались минутным успехом, — сказала Элис,— ибо наступит день сурового и тяжкого возмездия. И не льсти себя пустой надеждой, что имя твое, которое наводит ужас на честных подданных, способно изгнать мысли о доме, родине и близких из разума всех, кто его слышит. Я сама начинаю сомневаться, не изменяю ли я священному долгу, слушая тебя, вместо того чтобы оповестить всю Англию об угрозах ее преступного сына.

Лоцман, все это время ходивший по комнате, быстро обернулся и, взглянув Элис в лицо, ответил ей мягким тоном человека, который знает, что ему нечего бояться:

— Неужели это Элис Данскомб? Та добрая, великодушная девушка, которую я знавал в юности? Но повторяю: твоя угроза не испугала меня, даже если бы ты была способна ее выполнить. Я сказал, что стóит мне дать сигнал — и сюда прибегут люди, которые легко справятся со здешними солдатами.

— Правильно ли ты оценил свои силы, Джон? — спросила Элис, невольно выдавая глубокую заботу о его безопасности. — Учел ли ты, что с восходом солнца может появиться мистер Диллон с отрядом кавалерии? Ни для кого в аббатстве не тайна, что он уехал за подкреплением.

— Диллон! — с удивлением воскликнул лоцман. — Кто это? И почему это он вдруг решил отправиться за этим усилением здешней охраны?

— Не смотри на меня так, Джон, будто хочешь проникнуть во все тайны моего сердца! Не я подсказала ему этот шаг. Неужели ты способен даже подумать, что я могу тебя предать? Но он действительно уехал, и, так как ночь на исходе, тебе следует воспользоваться оставшимся часом и всерьез позаботиться о своей безопасности.

— Не бойся за меня, Элис! — гордо ответил лоцман, и слабая улыбка скользнула по его плотно сжатым губам. — Но, по правде говоря, его отъезд мне не нравится. Как ты назвала его? Диллон? Он из фаворитов короля Георга?

— Он, в отличие от тебя, верный подданный своего государя и, хотя родился в восставших колониях, сохранил свою добродетель незапятнанной среди преступлений и искушений нынешних времен.

— Американец! И предатель свобод рода человеческого! Клянусь небом, ему лучше не встречаться со мной,

ибо, если он попадет мне в руки, наказание его будет примером для других изменников!

— А разве ты сам не изменник? Разве у тебя даже сейчас, когда ты дышишь воздухом родной страны и бродишь по ней под покровом ночного тумана, нет отчаянного намерения нарушить ее мир и счастье?

Гордость, гнев и негодование заблистали в глазах лоцмана, а железное тело его задрожало от волнения, когда он ответил:

— Можешь ли ты сравнивать его подлую и эгоистичную измену, цель которой поистине в том, чтобы возвеличить кучку людей за счет миллионов, с благородным порывом, заставляющим человека бороться в защиту священной свободы? Я мог бы сказать тебе, что я поднял оружие за общее дело моих сограждан и соотечественников, что, хотя нас разделяет океан, все мы дети одного народа и что рука, угнетающая одних, наносит вред и другим. Но я презираю подобные мелочные оправдания. Я был рожден в этой стране и хочу быть ее гражданином. Моя душа не может подчиниться произволу тиранов и наемников, и я готов бороться с угнетением, чьим бы именем оно ни прикрывалось и какими пустыми словами оно ни оправдывало свои преступления.

— Ах, Джон, Джон! Хотя слова твои могут пленять мятежный слух, мне они кажутся бредом безумия. Напрасно создаете вы новые системы правления, или скорее разорения, противные всему тому, что до сих пор почиталось людьми и что приносит им мир и счастье. Чего стоят твои тонкие соображения и ложные доказательства против призывов сердца? Это оно говорит нам, где наш родной дом и как мы должны его любить.

— Ты рассуждаешь, как слабая, подвластная предрассудкам женщина, — более спокойно сказал лоцман, — как женщина, готовая заковать народы в кандалы, которыми скованы вы, женщины, и молодые и старые.

— А какими же более священными или более тесными узами, чем семейные, могут быть соединены люди? — спросила Элис. — Разве не сам бог создал семью и разве народы не берут начало от семьи, как ветви от ствола, пока дерево не раскинет вершину над всей страной? Узы, связывающие человека с его народом, — старинные и священные, их нельзя разорвать, не покрыв себя позором.

Лоцман презрительно улыбнулся и, распахнув на груди свой грубый камзол, извлек одну за другой несколько вещей, которые с гордостью показал Элис.

— Смотри, Элис! — сказал он. — Это ты называешь позором! Этот широкий пергамент с большой печатью подписан рукой короля Людовика! А этот крест, украшенный драгоценными камнями, подарок той же царственной руки! Станут ли делать такие подарки людям, покрытым позором? И прилично ли бесчестить именем «шотландского пирата» — человека, которого удостаивали своим обществом короли и знатнейшие люди?

— А разве ты не заслужил это прозвище, Джон, своей безжалостностью и злобным нравом? Я могла бы целовать безделушки, которые ты показал мне, будь они в тысячу раз менее прекрасны, но возложены на твою грудь твоим законным государем; теперь же они кажутся мне лишь несмываемым пятном на груди осужденного преступника. Что же касается твоих благодетелей, то я слышала о них: мне кажется, что королева могла бы заниматься более почтенным делом, чем поощрять улыбками неверных подданных других монархов, хотя бы ее врагов. Один лишь бог знает, когда он отвратит от нее свое лицо и не поднимется ли дух недовольства среди ее собственного народа! Горько будет ей вспомнить тогда, как она сама когда-то поддерживала мятеж!

— То, что прекрасная королева Антуанетта удостоила мои услуги своим августейшим одобрением, для меня не последняя награда, — ответил лоцман с притворной скромностью, хотя затаенная гордость сквозила во всей его позе. — Но не произноси ни слова ей в порицание, ибо ты не знаешь, кого судишь. Она прославлена не столько высоким происхождением и положением, сколько добродетелью и красотой. Какая другая женщина в Европе может сравниться с ней? Дочь императора, супруга могущественнейшего из королей, настоящий кумир своего народа, который лежит у ее ног! Воля провидения вознесла ее на высоту вне пределов всех человеческих бедствий.

— Но разве ей не свойственны заблуждения, Джон? И, если ей не дана какая-то не доступная прочим людям чистота, ей еще, быть может, придется испытать на себе карающую десницу того, в чьих глазах весь ее блеск и власть невесомы, как воздух, которым она дышит, и ни-

чтожны в сравнении с его собственным справедливым законом! Однако признайся, Джон, если ты гордишься тем, что был допущен поцеловать подол платья французской королевы, и тем, что был принят в общество высокорожденных придворных дам, разодетых в самые богатые наряды, — признайся хоть самому себе: нашел ли ты среди них такую, чей язык оказался достаточно смелым, чтобы сказать тебе правду, и чье сердце было в истинном согласии с ее устами?

— Разумеется, ни одна из них не осыпала меня теми упреками, какие я сегодня выслушал от Элис Данскомб, встретившись с ней после долгих шести лет разлуки, — ответил лоцман.

— Я высказала тебе святую правду, Джон, и мне очень хочется, чтобы ты прислушался к моим словам, хотя и не привык к подобным разговорам. О! Помни, что женщина, осмелившаяся упрекать человека, чье имя наводит ужас на обитателей берегов этого острова, руководствуется только заботой о твоем вечном спасении.

— Элис, Элис! Ты сводишь меня с ума своими речами! Разве я чудовище, которым пугают беззащитных женщин и беспомощных детей? Что означают эти эпитеты в соединении с моим именем? Неужели ты поверишь подлой клевете, к которой всегда прибегают ваши правители, стараясь подорвать славу тех, кто выступает против них, а особенно — тех, кто выступает успешно? Мое имя может наводить страх на офицеров королевского флота, но почему и когда оно стало грозой для беспомощных мирных людей?

Элис украдкой бросила на лоцмана робкий взгляд, который был красноречивее ее слов, и ответила:

— Не знаю, все ли правда в том, что рассказывают о тебе и о твоих поступках. В горечи и печали своей я часто молилась, чтобы в день страшного суда ты не отвечал даже за десятую часть того, в чем тебя обвиняют. Но я давно и хорошо знаю тебя, Джон, и не дай господь, чтобы в эту торжественную минуту, может быть, последнего нашего свидания на этом свете слабость женщины заставила меня забыть о долге христианки. Слыша злобные слова и чудовищные обвинения, нагромождаемые против твоего имени, я часто думала, что люди, говорящие столь опрометчиво, мало знают человека, которого они поносят. Но, хотя временами, или почти всегда, ты бываешь мягок

и спокоен, как самое тихое море, по которому тебе доводилось плыть, все же бог наделил тебя кипучими страстями, которые, разыгравшись, подобны южным водам, разбуженным ураганом. Мне трудно сказать, куда этот неистовый дух может завести человека, раздраженного мнимыми обидами, если он уже забыл свою родину и свой дом и внезапно обрел силу, чтобы проявлять свой яростный гнев.

Лоцман слушал ее с глубоким вниманием, и острый взор его, казалось, проникал до самых истоков ее мыслей, которые она не решалась высказать полностью. Тем не менее он вполне владел собой и ответил тоном, в котором было больше печали, чем возмущения:

— Если что-либо может привести меня к твоему миролюбивому и отвергающему сопротивление образу мыслей — это что и тебя гнусные языки моих трусливых врагов заставили усомниться в благородстве моего поведения. Что значит слава, если человека можно до такой степени очернить даже перед лицом его ближайших друзей?.. Но хватит этих ребяческих рассуждений! Они недостойны ни меня самого, ни моих трудов, ни священного дела, которому я обещал служить!

— Нет, не отвергай их, Джон, — сказала Элис, бессознательно кладя руку на его плечо. — Они подобны росе для опаленной травы и могут пробудить твои юношеские чувства и смягчить сердце, зачерствевшее скорее из-за дурных привычек, чем из-за низменных побуждений.

— Элис Данскомб, — сказал лоцман, приближаясь к ней с серьезным и торжественным видом, — я многое узнал сегодня, хотя явился сюда совсем не за этим. Ты показала мне, сколь ядовито дыхание клеветы и сколь трудно сохранить доброе имя. Не менее двадцати раз встречал я наемников твоего короля в открытом бою, мужественно сражаясь под флагом, который впервые был поднят моей рукой и который мне еще ни разу не довелось видеть спустившимся хоть на дюйм. За всю эту службу я не могу упрекнуть себя ни в одном трусливом или бесчестном поступке. И чем же я вознагражден? Язык гнусного клеветника острее шпаги воина и оставляет неизгладимый шрам.

— Ты никогда не говорил более справедливо, Джон! — промолвила с большим чувством Элис. — Ты сказал, что в двадцати боях рисковал своей драгоценной

жизнью. Теперь ты видишь, сколь мало небо благоприятствует участникам мятежа! Говорят, что никогда еще мир не видел более отчаянной и кровавой борьбы, чем эта последняя, гул которой донес имя твое до самых отдаленных уголков нашего острова...

— Оно будет славным везде, где станут говорить о морских битвах! — прервал ее лоцман с гордым волнением, которое начало сменять грусть, появившуюся было на его лице.

— И все же эта неверная слава не убережет имени твоего от бесчестья, и мирские награды победителя не будут равны наградам побежденных. Известно ли тебе, что наш милостивый монарх, считая дело твоего последнего противника священным, осыпал его своими королевскими милостями?

— Да, он посвятил его в рыцари! — с презрительным и горьким смехом воскликнул лоцман. — Что ж, пусть ему снова дадут корабль, а мне другой, и я обещаю ему титул графа, если новое поражение даст ему на это право!

— Не говори так опрометчиво и не хвались, что тебя охраняют какие-то силы. Они могут изменить тебе, Джон, как раз тогда, когда ты в них будешь особенно нуждаться и меньше всего ожидать, что счастье тебе изменит, — возразила Элис. — Бой не всегда выигрывает сильнейший, так же как бег — быстрейший.

— Не забывай, что твои слова имеют двоякий смысл, милая Элис! Действительно, бой не всегда выигрывает сильнейший, зато в беге неукоснительно побеждает быстрейший. Да-да, очень часто трусов спасало от меня только их проворство! Элис Данскомб, ты не знаешь и тысячной доли тех мучений, которые меня заставляли терпеть высокорожденные негодяи, завидуя заслугам, на которые они не способны, и умаляя славу деяний, которые им недоступны! Меня бросали в океаны, как негодный корабль, которому дают отчаянное поручение, с тем чтобы он сам потом погиб в им же вызванной катастрофе! Сколько коварных сердец ликовало, увидев мои пробитые паруса, в надежде, что они примчат меня к виселице или к могиле на дне морском! Но я их разочаровал! — Взгляд лоцмана, уже не пронизывающий и твердый, теперь горел огнем восторженного экстаза, и он более громко продолжал: — Да, я горько их разочаровал! О,

торжество над побежденными врагами ничто по сравнению с радостью, которой наполнилось мое сердце, когда судьба вознесла меня так высоко над этими подлыми и жалкими лицемерами! Я просил, я умолял французов дать мне хотя бы самое плохое судно, лишь бы оно обладало качествами военного корабля. Я доказывал им необходимость такого шага. Но интриги и зависть лишили меня моих законных прав и отняли у меня более половины моей славы. Меня называют пиратом? Если я и заслужил это название, то обязан им скорее скаредности моих друзей, чем моим действиям против неприятеля!

— И разве эти мысли не убеждают тебя возвратиться на путь верности твоему государю и родине, Джон? — глухо спросила Элис.

— Отбрось эту глупую мысль! — воскликнул лоцман, словно опомнившись и укоряя себя за минутную слабость. — Так всегда бывает с людьми, если они выделяются своими деяниями. Но вернемся к твоему визиту, Элис! Я могу спасти себя и товарищей из этой нелепой тюрьмы, но ради тебя я хотел бы избежать кровопролития. Не знаешь ли ты средства, как это сделать тихо?

— Когда наступит утро, вас отведут в комнату, где мы впервые увиделись. Это будет сделано по просьбе мисс Говард. Она скажет, что ею движут жалость и сострадание к вам и что ей хочется выведать действительное ваше положение. Ей не откажут в такой просьбе. И, в то время как стража останется за дверью, вас проведут через другую дверь в покои того же крыла, откуда через окно вам легко будет выпрыгнуть на землю, где растет кустарник. А дальше мы доверим вашу безопасность вашему собственному благоразумию.

— А если этот Диллон, о котором ты говорила, подозревает правду, как ты ответишь перед законом за то, что помогла нашему бегству?

— Я думаю, он не знает, кто находится среди задержанных, — задумчиво ответила Элис, — хотя, возможно, одного из твоих товарищей он узнал. Но им движет личное чувство, а не общественный долг.

— Я это подозревал, — ответил лоцман с улыбкой, которая скользнула по его лицу, еще так недавно отражавшему борьбу неукротимых страстей. Эту улыбку можно было бы сравнить с пламенем пожара, которое, затихая,

вспыхнуло, чтобы в последний раз осветить окружающие развалины. — Этот молодой Гриффит своей безрассудной опрометчивостью свел меня с прямого пути, и будет справедливо, если его возлюбленная пойдет ради него на некоторый риск. Но от тебя нельзя этого требовать, Элис! Ты лишь гостья в их доме, и не нужно тебе быть замешанной в этом злополучном деле. Если мое имя станет известно этому американскому отступнику, полковнику Говарду, ему понадобится вся благосклонность короля, которую он купил, отстаивая дело тирании, чтобы защитить себя от взбешенных министров.

— Я боюсь доверить столь тонкое дело моей юной приятельнице, — проговорила Элис, покачивая головой.

— Помни, она может сослаться на свою привязанность. А ты разве можешь сказать всему миру, что все еще с добрыми чувствами вспоминаешь человека, которого сама клеймила такими позорящими словами?

Легкий румянец покрыл щеки Элис Данскомб, и она чуть слышно ответила:

— Больше нет надобности оповещать мир об этой слабости, хотя она действительно существовала. — Затем румянец исчез, и лицо ее стало мертвенно бледным, а глаза заблистали необычным огнем. — У меня можно взять только жизнь, Джон, — добавила она, — и ради тебя я готова ею пожертвовать!

— Элис! — воскликнул тронутый лоцман. — Моя добрая, милая Элис!

В этот критический миг в дверь постучал часовой и, не дожидаясь ответа, поспешно вошел в комнату. Он заявил, что Элис должна тотчас же уйти. Элис и лоцман, которым хотелось точнее договориться о подробностях предполагаемого бегства, запротестовали, но солдат, опасаясь наказания, остался непоколебим, и страх, что ее здесь обнаружат, заставил Элис уйти. Она встала и медленными шагами направилась было к двери, когда лоцман, дотронувшись до ее руки, выразительно прошептал:

— Элис, мы еще увидимся, прежде чем я навсегда покину этот остров.

— Мы увидимся утром, Джон, — тоже шепотом ответила она, — в комнате мисс Говард.

Он отпустил ее руку, и Элис выскользнула из комнаты, а нетерпеливый часовой сейчас же затворил дверь и молча повернул ключ в замке. Лоцман остановился, при-

слушиваясь к их шагам, а когда все стихло, снова начал ходить взад и вперед по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы взглянуть на несущиеся по небу облака и стонущие дубы, огромные ветви которых дрожали и качались под порывами ветра.

Через несколько минут буря страстей в его душе сменилась обычным для него спокойствием неустрашимого человека. Он снова сел там, где застала его Элис, и начал размышлять над событиями разных времен, а затем, по обыкновению, перешел к обдумыванию новых смелых и широких планов, всегда легко зарождавшихся в его неутомимо деятельном уме.

ГЛАВА XV

Сэр Эгьючик: Мой разум не такой уж основательный, но основание у меня разумное.

Шекспир, «Двенадцатая ночь»

На лице капитана Борроуклифа, когда часовой ввел его в комнату третьего арестанта, было выражение того полусознания, когда взгляд, особенно пытливый, чередуется со взглядом пустым — в такую минуту человеческое лицо очень похоже на апрельский день, то ясный и приветливый, то облачный и мрачный. Важный и торжественный вид, с каким капитан приступил к делу, свидетельствовал о том, что этот неожиданный визит имел совершенно определенную цель. Величественным жестом Борроуклиф приказал часовому удалиться и, пока солдат затворял дверь, оставался на месте, покачиваясь из стороны в сторону и с напряжением нетрезвого человека прислушиваясь к скрипу двери. При этом он устремлял на то место, откуда доносился звук, тот глубокомысленный взгляд, который у многих людей скрывает отсутствие мыслей. Убедившись, что его уже никто не потревожит, он быстро, по-военному повернулся кругом, дабы встретиться лицом к лицу с тем, кого искал. Гриффита, как мы знаем, нашли погруженным в сон — правда, неспокойный и настороженный. Лоцман спокойно ждал посещения, которое он, по-видимому, считал несомненным. Но их това-

рищ — не кто иной, как командир отряда морской пехоты капитан Мануэль — пребывал в совершенно ином состоянии. Хотя ночь была холодная и бурная, он, сбросив с себя камзол и бóльшую часть маскировки, с унылым видом сидел на одеяле, одной рукой вытирая катившиеся по лбу крупные капли пота, а другой то и дело судорожным, машинальным движением хватаясь за горло. Мануэль бессмысленно уставился на вошедшего и, хотя почти не изменил своих занятий, более усердно стал прикладывать ко лбу носовой платок да чаще хвататься за шею, как бы желая убедиться на опыте, какое давление она может выдержать без чрезмерного неудобства.

— Приветствую вас, друг! — сказал Борроуклиф, нетвердым шагом приближаясь к арестованному и без церемонии усаживаясь подле него. — Приветствую вас, друг! Неужели королевство находится в такой опасности, что джентльмены бродят по острову в мундире полка incognitus, incognitii, 'torum... [1] Черт побери, я совсем позабыл латынь! Скажите, мой друг, вы не из числа этих torum?

Мануэль дышал тяжело, чего и следовало ожидать, после того как он с такой силой хватался за горло. Но, отбросив свои предчувствия, он ответил с большей горячностью, чем того требовали благоразумие или сложившиеся обстоятельства:

— Говорите про меня все, что хотите, и обращайтесь со мной, как вам угодно, но я не желаю, чтобы меня называли тори! [2]

— А, значит, вы не torum! Что ж... видно, военное министерство ввело новую форму! Ваш полк, должно быть, заслужил эти нашивки, штурмуя какую-нибудь плавучую батарею? А то, быть может, вы служили в морской пехоте? Ну как, я прав?

— Ваша правда, — более решительно ответил Мануэль. — Я два года прослужил в морской пехоте, а до этого я служил...

— ...в сухопутных частях, — подсказал Борроуклиф,

[1] Incognitus (лат.) — неизвестный. Борроуклиф склоняет это слово, и получается игра слов.

[2] Тори — английская реакционная партия, возникшая в конце 70-х — начале 80-х годов XVII века. Выражала интересы крупных землевладельцев и высшего духовенства англиканской церкви. В середине XIX века была преобразована в консервативную партию, которую и сейчас иногда называют партией тори.

весьма кстати перебив Мануэля, чуть было не признавшегося, в какой армии он служил. — Я и сам когда-то нес «собачью вахту» на корабле эскадры милорда Гоу [1], но такой службе, право, не позавидуешь. На дневной поверке было чертовски трудно стоять, потому что после обеда, вы сами понимаете, человеку нужна твердая земля. Однако на перепавшие мне призовые деньги [2] я купил командование ротой и теперь с удовольствием вспоминаю службу в морской пехоте. Нашу беседу, я полагаю, следует размочить. У меня в кармане есть бутылочка искристой мадеры да пара бокалов. Разопьем-ка ее да потолкуем о более важных делах! Засуньте-ка руку в мой задний карман. Я так привык равняться по фронту, что мне самому уже трудно извернуться.

Мануэль, которому было неясно, что означают все эти шуточки капитана, его просьбу, высказанную на чистом английском языке, понял с первого слова и тут же с большой ловкостью вытащил из кармана собеседника одну из запыленных бутылок полковника Говарда. Борроуклиф достал бокалы и, по всем правилам науки выбив из бутылки пробку, передал своему пленнику бокал вина. Ни тот, ни другой не произнесли при этом ни слова. Оба джентльмена единым духом осушили свои бокалы и прищелкнули языком так, что звуки эти напомнили пистолетные выстрелы завзятых дуэлистов, хотя и не были столь тревожными и грозными. А затем хозяин возобновил прерванную беседу.

— Люблю, когда бутылка засплесневела и покрыта пылью с паутиной,—это верный признак, что содержимое великолепно, — сказал он. — Такое вино не застаивается в желудке, оно идет прямо к сердцу и тотчас превращается в кровь. Но как быстро я вас узнал! Такое распознавание—франкмасонство нашего ремесла. Я сразу угадал,

[1] Гоу Ричард — английский адмирал.

[2] В случае захвата корабля, принадлежавшего враждебной державе, он отводился в английский порт, где суд адмиралтейства решал, является ли законным произведенный захват. Если решение суда было положительным, захваченный торговый корабль продавался, а в случае захвата военного корабля, он становился собственностью государства, выплачивавшего за него определенную сумму. Деньги распределялись среди команды судна, захватившего трофей, соответственно рангам членов его экипажа. В английской армии до 1 ноября 1871 года существовал порядок продажи патентов на офицерские чины, стоимость которых была установлена в соответствии с рангом покупаемой должности.

что вы за человек, как только увидел вас в нашем караульном помещении. Но я решил доставить удовольствие старому воину, хозяину этого дома, позволив ему, из уважения к его старости и бывшему чину, провести допрос. Я узнал вас, как только увидел. Я встречал вас прежде!

Теория Борроуклифа насчет превращения вина в кровь, по-видимому, полностью оправдалась на примере командира морских пехотинцев. Пока он и капитан пили мадеру, а это, как читатель легко поверит, продолжалось, пока в бутылке оставалась хоть капля вина, с пленником происходила какая-то чудесная перемена. Пот больше не катился с его лба, а неприятное ощущение в горле исчезло. Поэтому он перестал судорожно хвататься за горло. На лице его появилось выражение холодного и пытливого интереса, который в какой-то степени был естественным для его положения.

— Весьма возможно, что мы и встречались прежде, потому что я служу давно. Тем не менее я не знаю, где вы могли меня видеть, — сказал Мануэль. — Случалось ли вам попадать в плен?

— Хм! Нет, такого несчастья со мной, собственно, не было, но я считался как бы отпущенным на честное слово. Я разделял лишения, славу, сомнительные победы нашей армии, когда мы убивали и обращали в бегство бесчисленных мятежников, — а кого только не считали ими! — и, о горе, капитуляцию Бургойна. Но что об этом говорить? Оставим янки в покое! Вы не догадываетесь, где я вас видел? Я видел вас на смотру, в бою, на отдыхе, в лагере, в казарме — одним словом, везде, но только не в гостиной. Да-да, до нынешнего вечера в гостиной я вас не встречал!

Мануэль с удивлением и беспокойством слушал эти уверения, которые, казалось, сулили подвергнуть его жизнь немалой опасности, и надо предположить, что сжатие у него в горле возобновилось, ибо он сделал большой глоток и лишь после этого спросил:

— Вы готовы поклясться? Можете ли вы назвать мое имя?

— Готов присягнуть перед любым христианским судом, — решительно ответил Борроуклиф, — вас зовут... вас зовут... Фаглмен.

— Будь я проклят, если это так! — тотчас же радостно воскликнул Мануэль.

— Не клянитесь! — с торжественным видом остановил его Борроуклиф. — Ибо что значит любое имя? Называйте себя как хотите — все равно я вас узнал. На мужественном лице вашем написано, что вы солдат и колени ваши не дрожат. Сомневаюсь даже, сгибаются ли эти мятежные части тела для молитвы...

— Послушайте, сэр,— сурово прервал его Мануэль,— полно забавляться пустяками! Скажите, чего вы хотите? «Мятежные колени»! Скоро будут называть даже небо над Америкой мятежным небом!

— Мне нравится ваша горячность, приятель, — спокойно отозвался Борроуклиф. — Она так же идет солдату, как его шарф и нагрудник. Но на старого вояку она не производит впечатления. Удивляюсь, однако, чего это вы так взъерепенились при столь слабой атаке на вашу веру? Боюсь, крепость ваша довольно слаба, если ее передовые укрепления защищаются с излишней отвагой!

— Я не знаю, почему и для чего вы пожаловали ко мне, капитан Борроуклиф,— если по чину вы действительно капитан и фамилия ваша Борроуклиф, — осторожно сказал Мануэль. Он сообразил, что следует разведать мысли собеседника, прежде чем открывать свои. — Зато я хорошо знаю, что вы поступаете недостойно солдата и мужчины, если пришли только посмеяться надо мной в моем нынешнем положении. При других обстоятельствах это могло бы привести к неприятностям.

— Хм! — с тем же непоколебимым хладнокровием повторил капитан. — Вы, я вижу, не ставите ни во что это вино, хотя сам король не пивал лучшего по той простой причине, что солнце Англии не может проникнуть сквозь стены Виндзорского дворца с той же легкостью, с какой солнце Каролины нагревает покрытую кедровым гонтом мансарду. Но мне все больше и больше по душе ваш нрав. Итак, приведите себя в боевую готовность, и давайте еще раз атакуем эту черную бутылку, а затем я открою вам весь план моей кампании.

Мануэль внимательно посмотрел на своего компаньона и, убедившись, что лицо его не выражает ничего, кроме желания хитрить, быстро уступавшего место тупому опьянению, спокойно исполнил приказание капитана.

Когда вино было выпито, Борроуклиф повел переговоры более прямо:

— Вы солдат, и я солдат. Даже мой денщик мог бы

сказать, что вы солдат, ибо этот пес тоже бывал в походах и нюхал мерзкий порох, к которому, как того требует чье-то дьявольское изобретение, что-то примешивают. Но только офицер мог распознать в вас офицера. Рядовые не носят такого белья — по правде говоря, довольно холодного по погоде, не бывает у них и бархатных галстуков с серебряными пряжками, а их волосы не распространяют запаха душистой помады. Одним словом, вы не простой солдат, вы офицер.

— Правильно, — сказал Мануэль. — У меня чин капитана, и надеюсь — со мной будут обращаться соответствующим образом.

— Мне кажется, что вино, которым я вас угостил, годится и для генерала, — ответил Борроуклиф. — Впрочем, не будем об этом спорить. Даже людям, умственные способности которых никогда не проясняются при помощи таких средств, какими изобилует этот дом, было бы ясно, что, коль скоро офицеры разгуливают по острову, одетые в мундир incognitorum, что в данном случае соответствует морской пехоте, значит, предстоят какие-то события. Солдаты должны быть верны, во-первых, своему королю, во-вторых, военному начальству и, далее, женщинам и вину. О войне тут ничего не слыхать, женщин — множество, а что касается вина, то, к сожалению, хорошее вино стало редкостью, да оно и дорого. Понятно я говорю, приятель?

— Продолжайте, — сказал Мануэль, не сводя глаз с капитана и внимательно прислушиваясь к каждому его слову, чтобы понять, разгадал ли Борроуклиф в нем американца.

— En avant! На простом английском языке — вперед, марш! Итак, значит, выбирать нужно между женщинами и вином. Выбирать между первыми, когда они хорошенькие, и вторым, когда оно вкусное, очень приятно. Но вы не вина ищете, я думаю, мой друг капитан, иначе вы не пустились бы в путь в таком неряшливом виде. Извините меня, но кому придет в голову поставить перед человеком в измазанных дегтем штанах что-либо лучше портвейна? Нет, даже не портвейн! Голландская водка, зелено-желтая голландская водка — вот напиток, который вы можете надеяться получить в вашем нынешнем одеянии.

— И все же мне удалось встретиться с человеком, который угостил меня мадерой с южных склонов гор!

— А, так вы знаете даже, с каких склонов эта драгоценная влага! Что ж, это еще больше говорит в пользу вина. Но дело все-таки в женщине, милой, капризной женщине, которой кажется героем сегодня солдат в мундире, а завтра— святой в сутане. Коли мужчина приударит за ней, женщине все равно, одет ли он в рогожу или бархат. Женщина — вот причина вашего таинственного маскарада! Прав я, приятель?

К этому времени Мануэль понял, что жизни его ничто не угрожает, и стал оживленно поддерживать разговор, на что раньше был совершенно неспособен из-за непорядка в горле. Хитро подмигнув собеседнику и бросив на него лукавый взгляд, достойный, пожалуй, самого́ мудрого Соломона, он ответил:

— Ах, дело, конечно, не без женщины!

— Я так и знал! — воскликнул Борроуклиф. — Ваше признание только подтверждает мое доброе мнение о самом себе. Если его величество имеет особое желание поскорее закончить американскую кампанию, пусть он сожжет некую конвенцию, повысит в должности некое лицо, которое не станем называть, и тогда мы посмотрим! Но скажите мне правду: разговор идет о священном браке или это одни только амуры?

— О самой настоящей свадьбе! — ответил Мануэль с таким серьезным видом, словно он уже пребывал в узах Гименея.

— Честно? А есть ли у нее деньги?

— Деньги? — с некоторым возмущением повторил Мануэль. — Разве солдат расстанется со свободой раньше, чем с жизнью, если цепи не будут из золота?

— Вот это настоящая точка зрения воина!—вскричал Борроуклиф. — Ей-богу, я вижу, в вашем полку не такие уж дураки! Но к чему этот маскарад? Может быть, «старшие» неумолимы и могущественны? К чему этот маскарад, спрашиваю я?

— К чему маскарад? — повторил Мануэль. — Да разве настоящая любовь обходится без маскарада в вашем полку? У нас это обычный признак такого заболевания.

— Вот самое точное и самое скромное описание любовной страсти, мой земноводный товарищ! — воскликнул английский офицер. — И все же в вашем случае болезнь сопровождается очень неприятными явлениями. Неужто возлюбленная ваша любит запах дегтя?

— Нет, но она любит меня. И, конечно, рада меня видеть в любом костюме.

— Снова скромно и мудро! И все же — только явный маневр, чтобы уклониться от моей атаки. Вам известно такое место к северу отсюда, как Гретна Грин [1], мой земноводный друг?

— Гретна Грин? — повторил Мануэль, слегка встревоженный своим незнанием.— Место смотров, я полагаю?

— Да, для тех, кто страдает от стрел господина Купидона. Место смотров! Искусно вы притворяетесь! Ну, да старого вояку вам не провести. Нелегко запираться перед старым солдатом, водяная батарея! А теперь слушайте и отвечайте — вы увидите, что значит обладать проницательностью, — поэтому ничего не отрицайте. Вы влюблены!

— Я ничего не отрицаю, — сказал Мануэль, тотчас сообразив, что такой путь лучше всего.

— Возлюбленная ждет вас, и деньги есть, но старики говорят: «Стоп!»

— Я молчу.

— Правильно. Вы говорите себе: «Вперед на Гретна Грин!» А бежать вы намерены водным путем.

— Если мне не уйти водным путем, я пропал! — подтвердил Мануэль, снова хватаясь рукой за горло.

— Молчите! Вам незачем объяснять мне. Сегодня я способен разгадывать тайны, глубокие, как колодец. Ваши спутники — люди наемные. Может быть, они ваши товарищи по службе или выполняют обязанности лоцманов в этой экспедиции.

— Один из них служит вместе со мной на корабле, а другой — наш лоцман, — совершенно правдиво ответил Мануэль.

— Вы славно снаряжены! Еще один вопрос, потом я замолчу. Предмет ваших поисков находится в этом доме?

— Нет. Но это близко отсюда, и я был бы счастлив, если бы мне удалось...

— ...взглянуть на нее. Теперь слушайте внимательно, и ваше желание сбудется. Вы еще крепко держитесь на ногах, а это в такую позднюю пору достойно уважения.

---

[1] Гретна Грин — деревня в Шотландии, где можно было совершать бракосочетание без всяких формальностей, кроме уплаты известного вознаграждения лицу, соединявшему брачными узами желающих.

Откройте-ка окно. Можете вы спуститься через него на землю?

Мануэль поспешил воспользоваться предложением, но отошел от окна с недовольным видом.

— Прыгать отсюда — верная смерть. Это дьяволу впору!

— Так я и думал, — сухо подтвердил Борроуклиф. — Вам придется остаток своей жизни прослыть в аббатстве Святой Руфи за этого почтенного джентльмена, ибо только через эту дыру вы можете вылететь на крыльях вашей любви.

— Но как? Это ведь невозможно!

— Вам это лишь кажется. Ваше появление вызвало в доме суматоху и пробудило глупые опасения и пустое любопытство у некоторых его обитателей. Они боятся мятежников, но ведь мы-то с вами отлично знаем, что у них и дома-то солдат не хватает, так как же они могут посылать их еще сюда? Вы хотите добраться до теплого уголка, а я хочу услужить брату в беде. Пусть думают, что вы убежали через окно — неважно, каким образом. А на самом деле вы пройдете со мной мимо часового и удалитесь мирно, как любой смертный, на своих двух крепких ногах.

Такое окончание их дружеской, но странной беседы превзошло все ожидания Мануэля. Едва услышав эти слова, он поспешно накинул на себя всю одежду, которая раньше так тяготила его, и быстрее, нежели мы успели рассказать, командир морских пехотинцев уже был готов отправиться в путь. Тем временем и капитан Борроуклиф поднялся до вертикального положения, которое он затем сохранял как человек строгой дисциплины. Твердо став на ноги, он знáком предложил пленнику идти вперед. Мануэль тотчас отворил дверь, и оба вышли в коридор.

— Кто идет? — крикнул часовой, удвоивший теперь бдительность и старательность, дабы искупить прежнее пренебрежение к своим обязанностям.

— Идите прямо, пусть он вас видит!—с философским спокойствием произнес Борроуклиф.

— Кто идет? — повторил часовой, вскинув мушкет на изготовку с треском, который разнесся по всему коридору.

— Идите зигзагами, — посоветовал Борроуклиф, — чтобы он промахнулся, если выстрелит.

— Нас еще застрелят из-за этих глупостей, — пробормотал Мануэль. — Свои! — крикнул он часовому. — Со мной идет твой офицер.

— Стой! — крикнул часовой. — Пусть офицер выйдет вперед и назовет пароль.

— Это гораздо легче сказать, чем сделать, — возразил Борроуклиф. — Вперед, мистер земноводный, вы ходите не хуже почтальона! Выходите вперед и произнесите волшебное слово «Верность». Это постоянный пароль в здешнем доме, он был введен еще до меня любезным хозяином, полковником. Тогда ваш путь будет свободен...

Мануэль ступил было на шаг вперед, но затем, опомнившись, повернулся и спросил:

— А как же мои помощники, моряки? Я не могу обойтись без них.

— Правильно! Ключи вставлены в двери их комнат, чтобы я мог войти, — ответил англичанин. — Поверните их и выводите ваши войска!

Мануэль вмиг очутился в комнате Гриффита, быстро объяснил ему положение вещей, затем выбежал в коридор и таким же образом проник в комнату лоцмана.

— Ступайте за мной и ведите себя, как обычно, — прошептал он. — Не говорите ни слова и доверьте все мне.

Лоцман встал и, не задав ни одного вопроса, хладнокровно, как всегда, подчинился этим указаниям.

— Теперь я готов, — сказал Мануэль, когда они все трое подошли к Борроуклифу.

В этот короткий промежуток времени часовой и капитан стояли неподвижно и «ели» глазами друг друга, как того требует строгая воинская дисциплина. Первый старался показать свою бдительность, а второй ожидал возвращения командира морских пехотинцев. Теперь капитан велел Мануэлю пройти вперед и произнести пароль.

— Верность, — прошептал Мануэль, приблизившись к часовому.

Но у часового было время подумать, и так как он хорошо видел, в каком состоянии находится его офицер, то не решался пропустить арестованных.

— Подойдите, друзья, — после минутной нерешительности сказал он. Но, как только они подошли к нему, он загородил им дорогу штыком и продолжал: — Арестованные назвали пароль, капитан Борроуклиф, но я не решаюсь их пропустить.

— Почему? — спросил капитан. — Разве здесь нет меня, дурак? Ты что, своего офицера не знаешь?

— Нет, сэр, я знаю вашу честь и очень вас уважаю, но меня поставил здесь сержант и приказал ни в коем случае не пропускать этих людей.

— Вот это я называю хорошей дисциплиной! — воскликнул Борроуклиф с довольным смехом. — Я знал, что парень послушается меня не больше, чем получив приказание от этого фонаря. Скажите, мой земноводный друг, ваши солдаты так же славно обучены?

— Что за глупые шутки? — сурово спросил лоцман.

— А я-то думал, что настала моя очередь посмеяться над вами! — вскричал Мануэль, делая вид, что разделяет веселье капитана. — Мы все это тоже хорошо знаем и применяем в наших частях... Однако, если часовой не слушается вас, послушается сержант. Позовите его, и пусть он прикажет часовому пропустить нас.

— Я вижу, у вас опять неладно с горлом, — сказал Борроуклиф. — Вам, наверное, хочется глотнуть еще благородного напитка. Будет сделано!.. Часовой, отвори-ка окно и кликни сержанта!

— Это нас погубит! — шепнул лоцман Гриффиту.

— Делайте то же, что я! — ответил молодой моряк.

Часовой повернулся выполнить распоряжение капитана, но Гриффит, ринувшись вперед, мгновенно выхватил у него из рук мушкет. Тяжелый удар прикладом сбил с ног изумленного солдата. Взяв мушкет на изготовку, Гриффит воскликнул:

— Вперед! Теперь мы можем пробить себе дорогу!

— Вперед! — повторил лоцман, перепрыгивая через распростертого на полу солдата с кинжалом в одной руке и пистолетом — в другой.

Еще миг — и Мануэль, вооруженный точно таким же образом, очутился рядом с ним, и все трое быстро покинули здание, не встретив никакой помехи своему бегству.

Борроуклиф был совершенно не в состоянии преследовать беглецов. Он так опешил от неожиданности, что прошли минуты, прежде чем он снова обрел дар речи, редко его покидавший. Солдат тоже пришел в себя и поднялся на ноги. Они долго стояли, глядя друг на друга с молчаливым сочувствием.

— Не ударить ли нам тревогу, ваша честь? — спросил наконец часовой.

— Вперед! — повторил лоцман, перепрыгивая через распростертого на полу солдата.

— Не стоит, Питерс! Эта морская пехота не знает, что такое благодарность и хорошее воспитание.

— Надеюсь, ваша честь будет помнить, что я выполнял свой долг и был обезоружен при исполнении приказания.

— Я ничего не помню, Питерс, кроме того, что с нами обошлись гнусно. Я еще заставлю земноводного джентльмена за это расплатиться! Запри двери и делай вид, будто ничего не случилось...

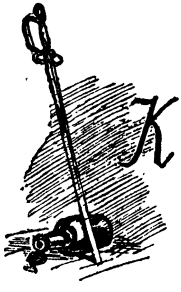
— Это не так легко, как вы изволите думать, ваша честь. На спине и плечах у меня отпечатался замок мушкета. Эти следы будут ясно видны.

— Так смотри на них, если тебе хочется, но молчи, дурак! Вот тебе крона на пластырь. Я слышал, как этот пес бросил твой мушкет на лестнице. Пойди подбери его и возвращайся на свой пост. А когда придут тебя сменять, веди себя так, будто ничего не случилось. Я все беру на себя.

Солдат выполнил приказание, и, когда он снова был вооружен, Борроуклиф, в значительной мере отрезвевший после этого неожиданного приключения, проследовал в свою комнату, бормоча ругательства и проклятия по адресу всех морских пехотинцев, которых он называл «земноводными тварями».

ГЛАВА XVI

Гляди, взлетели куропатки стаей!
Спустить собак, и сокол пусть летит!
Лихой погоне я отдам досуг,
С меня довольно сонного покоя.



Капитан Борроуклиф провел остаток ночи в тяжелом сне, какой обычно следует за опьянением, и пробудился на следующее утро только с приходом слуги. Капитан сел на постели, протер, как водится, глаза и, повернувшись с суровым видом к слуге, сказал ему таким сердитым тоном, будто хотел обвинить именно его в том проступке, который собирался осудить:

— Что это значит, дурак? Я ведь приказал сержанту

Дриллу, чтобы не смели бить в барабан, покуда мы живем под гостеприимным кровом старого полковника! Он не желает меня слушаться? Или он находит, что разносящаяся по коридорам аббатства барабанная дробь — музыка, очень подходящая для того, чтобы беречь сон здешних обитателей?

— Я думаю, сэр, — ответил слуга, — что нынче сам полковник Говард отдал распоряжение сержанту бить тревогу.

— Черт побери! Я вижу, старику нравится время от времени щекотать свои барабанные перепонки знакомыми звуками. Однако не производит ли он вместе с парадом стражи смотр своего скотного двора? Я слышу такой топот копыт, словно старое аббатство превратилось в Ноев ковчег [1] и все звери с полей направляются к нам!

— Это всего лишь отряд драгун. Они въезжают во двор, и сам полковник пошел их встречать.

— Во двор? Отряд драгун? — удивленно повторил Борроуклиф. — Неужели старик считает, что моих двадцати молодцов недостаточно для защиты от привидений и северо-восточных штормов такого вороньего гнезда, как это старое аббатство? К чему нам эта кавалерия? Хм... Наверное, джентльмены в ботфортах прослышали о каролинской мадере.

— О нет, сэр! — воскликнул слуга. — Это отряд, за которым ночью ездил мистер Диллон, после того как вы, сэр, решили заковать трех пиратов в кандалы.

— Пиратов? В кандалы? — повторил Борроуклиф, снова протирая глаза, но теперь уже с более задумчивым видом. — Да, припоминаю, что посадил трех подозрительных бродяг под замок. Но какое дело мистеру Диллону или драгунам до этих молодцов?

— Не знаю, сэр. Но внизу говорят, сэр, будто они не то заговорщики и мятежники из колоний, не то переодетые генералы и тори. И говорят даже, что один из них — сам генерал Вашингтон. А может, это члены парламента янки, приехавшие перенимать наши добрые английские обычаи...

— Вашингтон! Члены Конгресса!.. Ступай, простофи-

---

[1] Согласно библейской легенде, во время «всемирного потопа» погибло все человечество, кроме спасшихся в ковчеге Ноя и его семьи; также там нашли приют звери и птицы.

ля, узнай, сколько народу в этом драгунском отряде и надолго ли они сюда пожаловали. Стой! Сначала подай мне одеться... А теперь отправляйся, как я приказал тебе, и, если драгунский офицер про меня спросит, передай ему поклон и скажи, что я сейчас приду. Ступай, ступай!

Когда слуга вышел из комнаты, капитан занялся своим туалетом, рассуждая вслух обо всем, что приходило ему на ум:

— Ставлю офицерское жалованье против половинного жалованья младшего офицера, что кто-то из этих бездельников, которым нужны четвероногие, чтобы поспеть к месту боя, пронюхал о каролинском вине! Каролинское вино! А этого земноводного офицера я вызову для объяснения через публикацию в лондонской газете. Если он честный малый, то не будет скрываться под своим инкогнито и встретится со мной. Если же из этого ничего не выйдет, тогда я, черт побери, поеду прямо в Ярмут и брошу вызов первому же попавшемуся из этого ублюдочного рода! Проклятие! Видано ли, чтобы офицеру и джентльмену было нанесено подобное оскорбление? Только бы мне узнать его фамилию! Если эта история получит огласку, я буду всеобщим посмешищем до тех пор, пока не найдется дурака почище меня. Чтобы избавиться от издевательств, мне придется биться по крайней мере на пяти дуэлях. Нет-нет, я не заикнусь в моем полку об этом глупом деле, но отплачу какому-нибудь офицеру морской пехоты — так будет более справедливо. Только бы этот негодяй Питерс не проболтался о том, как ему намяли бока его же мушкетом! И я даже не могу выпороть его... Но, если я не расправлюсь с ним при первом же случае, значит, я не знаю, как сводить полковые счеты.

К тому времени, как офицер закончил этот монолог, дающий представление о ходе его мыслей, он уже был готов спуститься во двор и лично встретить новоприбывших, как того требовал долг. У главного входа в аббатство Борроуклиф нашел своего хозяина за серьезной беседой с молодым человеком в мундире кавалериста.

— Доброе утро, мой почтенный страж и защитник! — приветливо обратился к нему полковник. — У меня есть удивительные новости для вашего верноподданнического слуха: наши арестованные — по-видимому, переодетые враги короля! Капитан Борроуклиф, позвольте мне представить вам мистера Фитцджералда из *** полка легкой

кавалерии. — И, пока оба офицера раскланивались, старик продолжал: — Корнет был так любезен, что прибыл сюда со своим отрядом сопровождать этих негодяев в Лондон или в другой город, где найдется достаточно храбрых и верных офицеров, чтобы составить военный суд и приговорить их к казни как шпионов. Кристофер Диллон, мой достойный родственник Кит, с первого взгляда разгадал, кто они, в то время как вы и я, словно доверчивые юнцы, думали, что этих негодяев можно завербовать на королевскую службу. Но у Кита такой глаз и такая голова, какими немногие могут похвалиться. Вот кому бы заседать в английском суде!

— Это очень желательно, сэр, — сказал Борроуклиф с серьезным видом, вызванным главным образом желанием придать силу своему сарказму, а также воспоминаниями о ночном происшествии, которое еще предстояло объяснить. — Но на каком основании мистер Кристофер Диллон считает, что эти три моряка совсем не те, за кого они себя выдают?

— Не знаю, но, клянусь жизнью, основания у него достаточно веские! — воскликнул полковник. — Кит — мастер находить основания, ведь это главное в его профессии, и он мужественно изложит свои соображения в надлежащем месте. Но вам известно, джентльмены, что юристы не всегда могут говорить так открыто и отважно, как подобает солдату, если не желают нанести вред делу, которым они занялись. Нет-нет, поверьте мне, у Кита есть свои основания, и со временем он их укажет!

— Значит, — беспечно сказал капитан, — мы не напрасно приставили к ним такую надежную охрану, полковник Говард. Вы как будто говорили мне, что окна находятся на такой высоте, что бежать через них нельзя? Поэтому я и не поставил наружного караула.

— Не беспокойтесь, мой почтенный друг! — воскликнул хозяин. — Если ваши люди не заснули на посту, значит, пленники на месте. Но, так как необходимо отправить их отсюда, прежде чем ими завладеют гражданские власти, пойдем сейчас же в задний флигель и выпустим этих собак из будок. Покуда мы будем завтракать, часть кавалеристов препроводит их в тюрьму. Не следует отдавать их в руки гражданских властей, которые редко способны оценить истинный характер преступления.

— Извините меня, сэр, — заговорил молодой кавале-

рийский офицер. — Со слов мистера Диллона я полагал, что нам предстоит встретить здесь небольшие вражеские силы и что у меня будет более приятное дело, чем выполнять обязанности констебля. Кроме того, сэр, законы нашего государства гарантируют каждому право быть судимым равными себе людьми, и я ни в коем случае не возьмусь вести этих людей в тюрьму, покуда они не побывают у судьи.

— То, что вы сейчас говорите, относится только к верным и покорным подданным, — ответил полковник, — но на врагов и предателей эти привилегии не распространяются.

— Сначала нужно доказать, что они изменники, а потом уж наказывать их по заслугам, — решительно возразил молодой человек (он всего лишь год назад окончил курс юридических наук). — Единственное, на что я соглашусь, — это доставить их в полной сохранности в гражданский суд.

— Пойдем навестим арестованных! — вмешался Борроуклиф, чтобы положить конец спору, который уже становился резким и был, как он знал, совершенно бесполезным. — Может быть, они добровольно пойдут служить под знамена нашего государя, и тогда, к счастью, не понадобится никаких мер, кроме разве обычной дисциплины.

— Конечно, если только подобный шаг для них возможен, — подтвердил корнет, — я буду очень рад разрешить вопрос таким образом. Надеюсь, капитан Борроуклиф согласится со мной, что у драгун есть кое-какие заслуги в этом деле, а у нас во втором эскадроне как раз не хватает людей.

— Мы легко сговоримся, — сказал капитан. — Каждый из нас возьмет одного, а судьбу третьего решит подброшенная в воздух гинея... Сержант! Следуй за нами, чтобы сдать арестованных и снять с поста часового.

Когда они направились к заднему флигелю, полковник Говард, который пошел вместе с ними, сказал:

— Я не сомневаюсь в проницательности капитана Борроуклифа, но, насколько мне известно, мистер Кристофер Диллон предполагает, что по крайней мере один из этих людей не простой солдат. И в этом случае ваши планы могут рухнуть.

— А за кого он принимает этого джентльмена? —

спросил Борроуклиф. — За переодетого Бурбона[1] или, может быть, за тайного представителя мятежного Конгресса?

— Нет-нет, больше он ничего не сказал. Мой родственник Кит умеет держать язык за зубами, пока миледи Юстиция не приготовит свои весы. Есть люди, про которых можно сказать, что они рождены быть солдатами. Таков граф Корнваллийский, который так успешно теснит мятежников в обеих Каролинах. Другим сама природа велела быть святыми на земле, как, например, их высокопреосвященства архиепископы Йоркский и Кентерберийский. Еще есть люди, которые на все смотрят глазами пытливыми, беспристрастными и бескорыстными. К таким, могу я сказать, принадлежат верховный судья Мэнсфилд и мой родственник мистер Кристофер Диллон. Я думаю, джентльмены, что, когда королевская армия подавит этот бунт, министры его величества сочтут необходимым установить в колониях титул пэра как средство для награждения верноподданных и как политическую меру для предупреждения недовольства в будущем. В этом случае я надеюсь видеть моего родственника в отороченной горностаем мантии пэра и судьи.

— Ваши надежды, почтенный сэр, весьма основательны, и я не сомневаюсь, что в один прекрасный день ваш родственник будет совсем не тем, кем он остается сейчас, несмотря на все свои достоинства, а настоящим пэром, — сказал Борроуклиф. — Можете на это рассчитывать, сэр! Судя по его нынешним заслугам, я не сомневаюсь, что придет время, когда и на улице законников наступит праздник, и тогда мистер Кристофер Диллон еще научит нас, как нужно штурмовать житейские высоты, хотя под каким титулом он будет тогда известен, я не берусь сказать...

Полковник Говард был слишком занят своими мыслями о войне и ходе событий вообще, чтобы заметить лукавые взгляды, которыми во время этого разговора обменивались офицеры.

— Я много размышлял над этим, — с величайшим простосердечием ответил он, — и пришел к заключению,

---

[1] Династии Бурбонов в то время царствовали в нескольких европейских государствах, в том числе во Франции и в Испании, воевавших с Англией во времена, описанные в «Лоцмане».

что, владея небольшим имением на берегу реки, он может принять титул барона Пидийского [1].

— Барона? — повторил Борроуклиф. — А мне кажется, что новая знать Нового Света будет пренебрегать истасканными титулами Старого. Она откажется, мой почтенный хозяин, от всяких баронств и выбросит все графские и герцогские достоинства. Бессмертный Локк [2] напряг свой изобретательный ум и снабдил нас знаниями, подходящими для истинного состояния нашего и сообразными с обычаями нашего государства... А, вот идет сам Пидийский кацик [3] собственной персоной!

Пока Борроуклиф произносил эту речь, они поднялись по каменной лестнице, которая вела на второй этаж здания, где, как предполагалось, томились в заточении арестованные. И в ту же минуту в коридоре первого этажа показался Диллон. На его угрюмом, мрачном лице против его воли можно было прочесть удовлетворение коварного человека, осуществившего свой тайный замысел. За ночь часовые несколько раз сменялись, и сейчас на посту снова был тот самый солдат, который присутствовал при бегстве Гриффита и его товарищей. Зная истинное положение вещей, он стоял в небрежной позе, прислонившись к стене и пытаясь вознаградить себя за то, что ночью ему не удалось вздремнуть, но приближавшиеся шаги заставили его выпрямиться и принять позу бдительного стража.

— Ну как, приятель? — спросил его Борроуклиф. — Что поделывают арестованные?

— Они, по-моему, спят, ваша честь, ибо с тех пор, как я на посту, из их комнат не слышно ни звука.

— Они очень устали, почему бы им и не поспать в этих уютных помещениях? — заметил капитан. — Стань в ружье, дурачина, да расправь плечи! А то еле шевелишься, как краб или капрал из ополчения! Разве не видишь, что к тебе подходит кавалерийский офицер? Хочешь опозорить свой полк?

— Ах, ваша честь, один только бог знает, смогу ли я когда-нибудь снова расправить плечи!

---

[1] Пиди (Пи-Ди) — река, протекающая в штате Южная Каролина (США).

[2] Локк Джон (1632—1704) — английский буржуазный философ.

[3] Кацик (касик) — вождь индейского племени.

— Купи себе еще один пластырь, — сказал Борроуклиф, сунув ему в руку шиллинг, — да помни: ты ничего не знаешь, кроме своих обязанностей.

— Иначе говоря, ваша честь?..

— Подчиняться мне и молчать... Но вот идет сержант с караулом. Он снимет тебя с поста.

Спутники Борроуклифа сперва остановились на другом конце коридора, затем несколько солдат в сопровождении сержанта прошли вперед, со всеми воинскими церемониями сменили с поста часового и наконец все вместе направились к помещениям арестованных. Указав рукой на одну из дверей, Диллон со злобной усмешкой сказал:

— Отворите-ка, сержант! В этой клетке сидит человек, который нам нужен больше всего.

— Тише, тише, милорд верховный судья и могущественный кацик! — остановил его капитан. — Еще не наступил час созыва присяжных заседателей из числа толстопузых йоменов, и никто, кроме меня, не имеет права приказывать моим солдатам.

— Уж слишком вы суровы, я должен заметить, капитан Борроуклиф! — вмешался полковник. — Но я прощаю вас, ибо воинская дисциплина прежде всего... Да, Кит, это дело придется предоставить военным. Наберитесь терпения, мой уважаемый родственник! Не сомневаюсь, что близок час, когда вы будете вершить правосудие и удовлетворите свои верноподданнические чувства, расправившись со многими изменниками. Черт возьми, при таком возмездии я и сам, пожалуй, не прочь стать палачом!

— Я могу сдержать нетерпение, сэр, — ответил Диллон с притворной скромностью и большим самообладанием, хотя глаза его сверкали дикой радостью. — Прошу прощения у капитана Борроуклифа, если, желая поставить гражданскую власть перед военной, я покусился на его права.

— Вот видите, Борроуклиф! — радостно воскликнул полковник. — Молодой человек в своих поступках руководствуется чувством законности и справедливости. Я уверен, что такой одаренный человек никогда не будет изменником... Однако нас ждет завтрак, и мистер Фитцджералд порядочно проехал верхом в это холодное утро. Давайте скорее покончим с нашим делом.

По знаку Борроуклифа сержант отворил дверь; они вошли в комнату.

— Ваш арестованный бежал! — вскричал корнет, который тотчас убедился, что комната пуста.

— Нет, этого не должно быть! Этого не может быть! — закричал Диллон, содрогаясь от бешенства и яростно обшаривая глазами помещение. — Тут совершено предательство, измена королю!

— Кем же, мистер Кристофер Диллон? — спросил Борроуклиф, нахмурив брови и цедя слова сквозь зубы. — Пусть только кто-нибудь посмеет обвинить в измене хоть одного солдата моего полка!

Будущий судья мгновенно понял, что зашел слишком далеко и что ему следует тотчас умерить свой гнев. Точно по мановению волшебной палочки, он снова принял свой прежний лицемерно-вкрадчивый вид.

— Полковник Говард поймет причину моей горячности, — ответил он, — когда узнает, что в этой комнате ночью находился человек, чье имя — позор для его семьи и для всей страны! Здесь был изменник Эдуард Гриффит, лейтенант флота мятежников!

— Что?!— воскликнул пораженный полковник.— Как посмел этот юный отступник осквернить своим присутствием аббатство Святой Руфи? Ты бредишь, Кит: он не отважился бы на такой поступок!

— По-видимому, он отважился даже на большее, сэр, — возразил Диллон. — Хотя он, несомненно, был заперт в этой комнате, сейчас его здесь нет. А из этого окна, хотя оно и отворено, убежать невозможно, даже с чьей-либо помощью.

— Если бы я знал, что этот дерзкий юнец осмелится на такой бесстыдный поступок, — вскричал полковник,— я бы сам, невзирая на мои лета, поднял оружие, чтобы наказать его за беспримерную наглость! Как? Разве недостаточно того, что он явился в мой дом в Америке и, воспользовавшись тогдашней суматохой, хотел отнять у меня самое драгоценное мое сокровище? Да, джентльмены, он хотел похитить дочь моего брата Гарри! Но высадиться с тем же намерением на этот священный остров, дабы продолжить и здесь свою измену королю, верность которому он нарушил еще раньше!.. Нет-нет, Кит, твои чувства ослепляют тебя! Он никогда не решился бы на подобный шаг!

— Выслушайте, сэр, и вы убедитесь, — мягко сказал Кристофер. — Я не удивляюсь тому, что вы мне не верите, но, так как хорошее доказательство есть душа правосудия, я не могу не привести его вам. Вы знаете, что два судна, по описанию похожие на корабли мятежников, которые причинили нам столько хлопот в водах Каролины, еще несколько дней назад появились у нашего побережья и что именно это и заставило нас просить покровительства капитана Борроуклифа. На следующий день после того, как нам стало известно, что корабли подошли к мелям, около аббатства были задержаны трое неизвестных в одежде моряков. Их арестовали, и по голосу в одном из них, сэр, я тотчас узнал изменника Гриффита. Правда, он был переодет и загримирован, причем весьма искусно. Но, когда человек всю жизнь посвятил делу выяснения истины, — с величайшей скромностью добавил Диллон, — его трудно обмануть подобным маскарадом.

Эти доводы произвели на полковника Говарда очень сильное впечатление, а последние слова заставили его окончательно согласиться с мнением Диллона. Борроуклиф тоже слушал его с глубоким интересом и несколько раз от досады кусал себе губы.

— Готов поклясться, что один из них привычен к строевой службе! — воскликнул капитан, когда Диллон закончил свою речь.

— Весьма возможно, мой почтенный друг, — согласился Диллон. — Эта высадка, очевидно, была произведена с каким-то дурным умыслом, и, конечно, Гриффит не мог явиться сюда без охраны. Мне кажется, что все трое офицеры, и один из них, вероятно, командир морской пехоты. Совершенно ясно, что они высадились на берег не одни, и, догадываясь, что где-то рядом спрятаны их солдаты, я отправился за подкреплением.

Соображения Диллона были столь убедительны, что Борроуклиф волей-неволей вынужден был с ним согласиться и даже отошел в сторону, чтобы скрыть смущение, написанное, он это чувствовал, на его обычно неподвижном кирпично-красном лице.

— Земноводный пес! Значит, это вправду был офицер, но только изменник и враг! Не сомневаюсь теперь, с каким удовольствием он будет веселить своих товарищей, рассказывая им, как он заготовил ушат холодной воды для некоего капитана Борроуклифа, который в то

же самое время лил добрую южную мадеру в его мятежную глотку! Я, кажется, решусь сменить свой алый мундир на синий, чтобы встретиться с этим хитрым негодяем в его стихии и еще раз обсудить с ним его поведение... Ну, сержант, нашел ли ты двух других?

— Они убежали все вместе, ваша честь, — ответил сержант, который только что осмотрел остальные помещения. — Как могло это случиться, ума не приложу, если только сам дьявол не помог им!

— Полковник Говард, — мрачно произнес Борроуклиф, — распорядитесь убрать со стола вместе со скатертью вашу чудесную мадеру, пока я не отомщу беглецам. Меня оскорбили, и я тотчас отправлюсь искать удовлетворения. Отбери, Дрилл, часть солдат для охраны аббатства, накорми остальных, а затем бей тревогу— мы выступаем в поход... Да, мой любезный полковник, впервые с времен злосчастного Карла Стюарта будет война в самом сердце Англии.

— Ах, мятеж, мятеж! Проклятый, чудовищный, греховный мятеж, вызывающий, как всегда, ужасные бедствия! — воскликнул полковник.

— Не следует ли и мне поскорее накормить людей и лошадей, а затем проделать небольшой рейд вдоль берега? — спросил корнет. — Быть может, нам посчастливится встретить беглецов или часть их отряда?

— Вы предугадали мои мысли, — сказал Борроуклиф.—А кацик Пидийский может, заперев ворота аббатства Святой Руфи, забив окна и вооружив слуг, успешно отразить нападение неприятеля, если тому вздумается напасть на нашу крепость. После того как он отобьет атаку, я позабочусь о том, чтобы отрезать врагу отступление.

Диллону это предложение не слишком пришлось по вкусу, ибо он был почти уверен, что Гриффит ради освобождения возлюбленной попытается штурмовать аббатство, а в натуре этого законника не было воинственности солдата. По правде говоря, именно этот недостаток и заставил его лично отправиться накануне ночью за подкреплением, вместо того чтобы послать нáрочного. Но полковник Говард избавил его от необходимости изыскивать предлог для отказа от опасного предприятия, ибо, как только Борроуклиф изложил свой план, он воскликнул:

— На мне, капитан Борроуклиф, по праву лежит за-

щита аббатства, и противнику нелегко будет справиться со мной! А Киту лучше испробовать свои силы в открытом поле. Пойдем завтракать, а затем он поедет с драгунами, чтобы указывать дорогу, на которой встречается немало опасностей.

— Хорошо, идем завтракать, — согласился капитан.— Я вполне доверяю новому коменданту крепости, и да здравствует кацик в открытом поле! Мы следуем за вами, мой почтенный хозяин.

Завтрак продолжался недолго. Джентльмены подкреплялись наскоро, как люди, которые едят только для того, чтобы сохранить силы для выполнения своих обязанностей. А затем весь дом наполнился шумной деятельностью. Солдат выстроили и произвели перекличку. Борроуклиф оставил несколько человек для охраны дома, сам стал во главе остальных, и они ускоренным маршем вышли из ворот аббатства. Диллон был очень рад очутиться верхом на одной из лучших охотничьих лошадей полковника Говарда, так как знал, что теперь может сам в значительной степени распоряжаться своей судьбой. Сердце его трепетало от страстного желания погубить Гриффита, но в то же время ему хотелось достичь этого без всякого риска для себя. Рядом с ним, изящно сидя в седле, гарцевал молодой корнет, который, пропустив вперед пехотинцев, оглядел свой немногочисленный отряд и приказал выступать. Офицер отдал честь полковнику Говарду, кавалеристы быстро перестроились колонной и, вылетев из ворот, галопом понеслись к берегу моря.

Полковник несколько постоял, прислушиваясь к замиравшему топоту коней и ловя взором отблески оружия — все это и до сих пор приносило отраду его сердцу, — затем, скрывая испытываемое им радостное возбуждение, принялся лично баррикадировать двери и окна, твердо решив защищаться до конца, если враг вздумает напасть.

Аббатство Святой Руфи находилось всего лишь в двух милях от берега, к которому через владения аббатства, простиравшиеся почти до самого моря, вели многочисленные тропинки. По одной из них Диллон и повел драгунский отряд, и через несколько минут быстрой скачки они достигли прибрежных утесов. Укрыв солдат в небольшой роще, корнет в сопровождении Диллона подъехал к самому краю отвесных скал, основания которых омывались

морской пеной. Она все еще покрывала белой пеленой волны, хотя буря уже прошла.

Яростный норд-ост стих еще до побега арестованных, а теперь с юга тянул легкий ветерок. И, хотя по морю еще катились страшные валы, поверхность их сделалась гладкой, и с каждой минутой они становились менее крутыми и набегали более равномерно. Тщетно оба всадника устремляли взоры вдаль: им представлялось только огромное пространство вод, ярко сверкавших под лучами только что поднявшегося солнца. Они надеялись увидеть какой-нибудь предмет или далекий парус, который мог бы подтвердить их подозрения или разрешить сомнения. Но ни одно судно, по-видимому, не осмеливалось спорить с таким страшным штормом, и Диллон уже было отвел разочарованный взор от пустынного моря. Но, взглянув на берег, он увидел нечто такое, что заставило его воскликнуть:

— Вот они! Клянусь небом, они уходят!

Корнет посмотрел в том направлении, куда указывал Диллон, и увидел неподалеку от берега, почти у своих ног, маленькую шлюпку—черную скорлупку, прыгавшую по волнам. Казалось, будто люди в ней отдыхают на веслах, кого-то поджидая.

— Это они! — продолжал Диллон. — А еще вероятнее, это их шлюпка. Она дожидается, чтобы доставить их на корабль. Только важное дело могло заставить моряков беспечно медлить на столь близком расстоянии от полосы прибоя.

— Но что можно сделать? На лошадях до них не доберешься, а мушкеты пехотинцев на таком расстоянии бесполезны. Тут очень пригодилась бы трехфунтовая пушечка!

Страстное желание перехватить неприятельский отряд или, еще лучше, его уничтожить придало Диллону находчивости. После минутного размышления он ответил:

— Беглецы, должно быть, еще на берегу. Если патрулировать вдоль берега и в нужных местах расставить людей, легко отрезать им путь к морю. А я тем временем во весь опор поскачу в бухту, где стоит на якоре один из тендеров его величества. Полчаса езды — и я буду на борту. Ветер весьма благоприятен, и, если нам удастся вывести тендер из-за того мыса, мы, несомненно, сумеем отрезать этим ночным грабителям путь или потопить их.

— Поезжайте! — воскликнул корнет, молодая кровь которого вскипела от надежды на схватку. — Вы, во всяком случае, заставите их выйти на берег, а тут уж я могу сладить с ними.

Едва были произнесены эти слова, как Диллон, промчавшись галопом вдоль утесов, круто свернул в лежавший на его пути густой лес и скрылся из виду. Роялистом этот джентльмен был вовсе не из искреннего убеждения, а только из расчета, и больше всего он заботился о личном благополучии. Он полагал, что обладание как самой мисс Говард, так и ее состоянием с лихвой перевесит ту карьеру, на которую он мог бы рассчитывать от нового порядка на своей родине. В Гриффите он видел единственное препятствие на своем пути к успеху и поэтому гнал коня с отчаянной решимостью погубить соперника раньше, чем зайдет солнце. Когда человек с подобными чувствами и побуждениями задумывает дурное дело, он редко мешкает или допускает небрежность. Поэтому мистер Диллон появился на борту «Быстрого» даже на несколько минут раньше обещанного срока.

Старый моряк, который командовал тендером, весьма недоверчиво выслушал Диллона, а затем начал осведомляться у помощника о состоянии погоды и разных других обстоятельствах с медлительностью человека, не отличающегося уверенностью в себе и скупо вознаграждаемого за то малое, что он все же делал.

Однако Диллон был настойчив, а погода — не плоха, и капитан, наконец согласившись сделать то, что от него требовали, приказал сниматься с якоря.

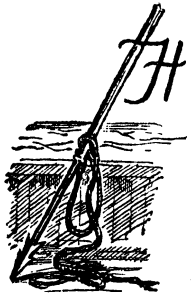
Экипаж тендера, состоявший примерно из пятидесяти человек, действовал так же медлительно, как и его командир, но, когда маленький корабль наконец вышел из-за мыса, пушки его были приведены в боевую готовность и приготовления к немедленным действиям закончены.

Диллона, вопреки его желанию, оставили на тендере, для того чтобы он указал место, где предстояло захватить ничего не подозревавшего неприятеля. А так как к тому времени, когда они отошли на безопасное расстояние от суши, все было готово, «Быстрый» легко пошел на фордевинд, и, судя по скорости, с которой он скользил вдоль берегов, можно было рассчитывать, что экспедиция, предпринятая его командиром, будет незамедлительно и успешно завершена.

ГЛАВА XVII

Полоний. Совсем как кит.

Шекспир, «Гамлет»



Несмотря на то что предпринятая экспедиция была делом государственным, нетрудно было заметить, что чувства, которые побудили Гриффита и Барнстейбла так охотно сопровождать лоцмана, были чувствами личного порядка. Короткое знакомство с будущими спутниками помогло таинственному проводнику отряда понять характер обоих офицеров так хорошо, что, когда он высадился на берег с целью разведать, действительно ли люди, которых предстояло захватить в плен, по-прежнему намерены собраться в известный ему час, то взял с собой только Гриффита и Мануэля, оставив Барнстейбла командовать шхуной и ждать их, чтобы в случае надобности прикрыть их отступление. Однако лишь после долгих уговоров, а потом и просто приказа старшего офицера Барнстейбл согласился остаться на шхуне. Впрочем, рассудок подсказывал ему, что нельзя напрасно рисковать, пока не настанет необходимость нанести главный удар. Поэтому он постепенно смягчился и только настойчиво потребовал от Гриффита, чтобы тот разведал положение в аббатстве Святой Руфи, пока лоцман займется намеченной усадьбой. Гриффит и сам испытывал сильное желание так поступить, что и заставило его немного отклониться от прямого пути, и мы уже отчасти знаем, что из этого вышло. Лоцман рассчитывал закончить свое предприятие к вечеру, намечая осуществить замысел во время празднеств, которые обычно следовали за охотой. А Барнстейблу было приказано еще до рассвета подойти на вельботе к берегу близ аббатства и принять на борт своих соотечественников, с тем чтобы они не попались на глаза врагу днем. Если они не явятся в назначенный час, он должен был возвратиться на шхуну, которая укрылась в уединенной бухте, куда обычно никто не наведывался ни с моря, ни с суши.

В то время как молодой корнет не сводил глаз с вельбота (ибо шлюпка, которую он видел, была вельботом со

шхуны), час, назначенный для появления Гриффита и его товарищей, уже истек, и Барнстейбл с величайшим сожалением решил исполнить данное ему приказание, предоставив им самим изыскивать способ возвращения на «Ариэль». Шлюпка держалась у самой полосы прибоя, и, с тех пор как взошло солнце, взоры команды были устремлены на утесы в тщетном ожидании сигнала, по которому следовало подойти к месту посадки. С огорчением взглянув в двадцатый раз на часы и потом на берег, лейтенант воскликнул:

— Какой чудесный вид, мистер Коффин, но в нем, пожалуй, слишком много поэзии для твоего вкуса! Ты, кажется, больше жалуешь ил, чем твердую землю!

— Я родился в море, сэр, — ответил рулевой со своего места, где он, как обычно, расположился на самом малом пространстве, — а человеку свойственно любить свою родину. Не буду отрицать, капитан Барнстейбл, что с большей радостью отдам якорь на дно, которое не обдерет киля, но при этом я не таю злобы и против твердой земли.

— А я, Длинный Том, никогда не прощу ей, если с Гриффитом что-нибудь случится, — заметил лейтенант.— Этот лоцман, наверное, гораздо искуснее действует в море, чем на суше.

Рулевой повернулся своим строгим лицом к командиру и с особым ударением проговорил:

— С тех пор как меня носит по морям, сэр, то есть с тех пор, как я впервые получил матросский паек,—а ведь родился я, когда судно проходило через Нэнтакетские мели, — я не знаю случая, когда лоцман явился бы так кстати, как этот, на которого мы наткнулись, отбывая собачью вахту!

— Да, он вел себя, как настоящий мужчина. И, хотя шторм был не из пустяковых, он доказал, что отлично знает свое дело.

— Матросы с фрегата рассказывали мне, сэр, что он играл судном, как волчком, — продолжал рулевой, — а уж этому-то кораблю знакомство с дном особенно вредно.

— Не скажешь ли того же и о нашем вельботе? — заметил Барнстейбл. — Держи подальше от бурунов, не то нас выбросит на берег, как пустой бочонок. Не забывай, что не все мы можем, как ты, ходить вброд по двухсаженной глубине!

Рулевой хладнокровно взглянул на пенистые гребни, срывавшиеся с верхушек валов всего лишь в нескольких ярдах от того места, где покачивался вельбот, и громко сказал:

— Ну-ка, ребята, сделайте пару гребков! Уйдем туда, где вода потемнее.

Послышался дружный плеск весел, напоминавший движение хорошо слаженной машины, и легкая шлюпка скользнула по волнам подобно нырку, который, приблизясь к опасному месту, в решающий миг уходит в сторону без всяких видимых усилий. Во время этого маневра Барнстейбл привстал и еще раз окинул пристальным взглядом утесы, а затем, повернувшись, разочарованно сказал:

— Держать к шхуне, ребята! Но не слишком торопитесь и не сводите глаз с утесов. Может быть, наши друзья сидят в какой-нибудь расселине — им ведь нельзя показываться средь бела дня.

Приказание было тотчас выполнено, и они прошли уже около мили, храня глубокое молчание, как вдруг тишина была нарушена резким шипением и плеском воды, раздавшимися, по-видимому, где-то неподалеку от них.

— Клянусь небом, Том, — воскликнул Барнстейбл, вскакивая, — ведь это кит!

— Так точно, сэр, — с удивительной невозмутимостью подтвердил рулевой. — Это он выбросил фонтан меньше чем в полумиле от нас. Восточный шторм пригнал его к берегу, и он теперь на мелководье. Он, наверное, спит, а меж тем ему следовало бы уходить мористее.

— Да он, видно, довольно спокоен и не очень спешит уйти.

— Я думаю, сэр, — сказал рулевой, перекатывая во рту табачную жвачку, в то время как его впалые глазки засверкали от удовольствия,—что этот джентльмен сбился с курса и не знает, как выйти в сине-море.

— Пожалуй, это кашалот! — воскликнул лейтенант.— Он сейчас нырнет, только его и видели!

— Нет, сэр, это настоящий кит, — ответил Том. — Он выбросил две великолепные радуги, на загляденье любому христианину. Этот молодец — настоящая бочка с салом!

Барнстейбл со смехом отвернулся от заманчивого зрелища и старался смотреть на утесы. Но затем бессозна-

тельно снова перевел любопытный взор на медлительное животное, которое время от времени, резвясь, выбрасывало на много футов над водой свое огромное тело. Искушение загарпунить кита и воспоминание о прежних охотах наконец взяли верх над тревогой о друзьях, и молодой офицер спросил рулевого:

— Найдется ли у нас линь, чтобы привязать к гарпуну, который ты таскаешь с собой в любую погоду?

— Я никогда не перехожу со шхуны в шлюпку, не взяв с собой всего, что может понадобиться, — ответил рулевой. — Ах, как приятно моим старым глазам видеть эту бочку с жиром!

Барнстейбл посмотрел на часы, потом на утесы и весело воскликнул:

— Ну-ка, греби живей, ребята! Нечего нам больше ждать. Всадим гарпун в брюхо этому наглецу!

Матросы издали радостный крик, и даже старый рулевой изобразил на угрюмом лице некоторое подобие улыбки. Вельбот, словно боевой конь у цели, рванулся вперед и понесся в ту сторону, где находился кит. Длинный Том встал с места и перешел на нос вельбота, где начал готовиться к нанесению удара в благоприятную минуту. Полбухты тонкого, но прочного линя, одним концом прикрепленного к гарпуну, было аккуратно свернуто и уложено в бочонок, помещенный у ног Барнстейбла. Молодой офицер взял в руки весло для управления шлюпкой вместо руля, снятого для того, чтобы в случае необходимости вельбот мог легко делать крутые повороты на месте.

Морское чудовище совсем не замечало их приближения и продолжало забавляться, то выбрасывая высоко в воздух две водяные струи, то хлопая по воде огромным хвостом с мощной, но ужасной грацией. Когда же отважные моряки очутились от кита в нескольких стах футов, он ушел головой под воду. Его огромное туловище вздыбилось горой, а хвост яростно забил по воде, производя свистящий звук, похожий на завывание ветра.

Рулевой стоял, выпрямившись и подняв гарпун для удара. Но, увидев, что животное приняло столь грозное положение, он махнул рукой командиру, и тот немедленно дал знак матросам, чтобы они перестали грести. Вельбот остановился, а кит все молотил хвостом по воде, и эхо от этих ударов отзывалось в скалах, как буханье пушек.

После этого буйного проявления своей ужасной силы чудовище снова погрузилось в родную стихию и медленно скрылось из глаз преследователей.

— В какую сторону он поплыл, Том? — вскричал Барнстейбл, как только кит исчез из виду.

— Он нырнул, сэр, но скоро выплывет, — ответил рулевой, глаза которого горели возбуждением. — Скоро он уткнется носом в дно, а потом захочет опять глотнуть свежего воздуха. Отойдем на несколько саженей вправо, сэр, и обещаю вам, что мы с ним встретимся!

Предположения опытного старого моряка оправдались, ибо через несколько минут вода рядом с ними разверзлась, и в воздух взлетели новые фонтаны, а вслед за тем и кит на половину своей длины выбросился из моря и снова упал на воду, подняв такое волнение и пену, как спущенный на воду корабль. После этого животное тяжело закачалось на волнах, как бы отдыхая от продолжительных усилий.

Барнстейбл и рулевой напряженно следили за малейшими движениями морского гиганта, и, когда он наконец успокоился, лейтенант приказал гребцам снова взяться за весла. Несколько длинных и энергичных взмахов — и вельбот очутился рядом с китом, почти коснувшись носом одного его ласта, который время от времени, когда животное лениво двигало им, показывался из воды. Рулевой очень точно нацелил гарпун и затем метнул его с такой силой, что все железо вошло в толщу кита. В тот же миг как был нанесен удар, Длинный Том крикнул:

— Табань!

— Табань! — поспешно повторил Барнстейбл.

Матросы налегли на весла и соединенными усилиями вывели шлюпку задним ходом из-под удара грозного противника. Напуганное животное, однако, и не думало о сопротивлении. Не сознавая своей невероятной силы и слабости врагов, оно искало спасения в бегстве. Когда железный наконечник гарпуна вонзился в тело кита, растерянное животное один миг медлило, а затем взмахнуло огромным хвостом, так что вокруг него заволновалось все море, и исчезло с быстротой молнии в облаке пены.

— Не упускай его! — закричал Барнстейбл. — Держи, Том! Он опять поднимается...

— Есть, сэр! — ответил хладнокровный рулевой, хватаясь за гарпунный линь, который начал выбегать из

шлюпки с опасной быстротой, и накидывая его на специальный битенг, устроенный в носовой части вельбота. Наконец линь натянулся над водой, указывая место, где следовало ожидать вторичного появления животного. Барнстейбл направил нос вельбота к этой точке еще до того, как испуганная и раненая жертва снова поднялась на поверхность. Теперь кит уже не забавлялся, а мчался вперед, раскидывая воду. Разъяренное животное потащило вельбот за собой с ужасной быстротой, и временами казалось, что маленькое судно ждет неминуемая гибель. Увидев, что струи воды, которые кит снова выбросил высоко в воздух, густо окрашены кровью, Длинный Том воскликнул:

— Да, ему больше не жить! Киту нужно иметь больше двух футов жира, чтобы мой гарпун не доконал его!

— Пожалуй, тебе уже незачем браться за штык, который ты укрепил на пике, — заметил Барнстейбл, участвовавший в этой охоте со всем пылом человека, юность которого прошла в подобных забавах. — Берись-ка лучше за линь, мистер Коффин: можем ли мы подтянуться на буксире к нашему врагу? Он увлекает нас в сторону от шхуны, и мне это не нравится...

— Так уж ему полагается идти, сэр! — ответил рулевой. — Вы знаете, киту, когда он плывет, нужно дышать ноздрями так же, как и человеку. Однако берись, ребята, подойдем к нему ближе!

Моряки дружно схватились за гарпунный линь и медленно подтянули вельбот ближе к хвосту кита, движения которого уже замедлились, так как он, видимо, слабел от потери крови. Через несколько минут он перестал двигаться и тяжело закачался на волнах.

— Подойдем ближе и прикончим его, а, Том? — воскликнул Барнстейбл. — Нескольких ударов твоего штыка будет достаточно.

Рулевой внимательно посмотрел на свою жертву и ответил:

— Нет, сэр, нет! Он еще не совсем затих. И зачем марать о кита солдатское оружие?.. Табань, табань!—поспешно добавил он. — Тварь начинает биться.

Матросы тотчас выполнили приказание осторожного рулевого, и вельбот отошел на некоторое расстояние от кита, бившегося в предсмертной агонии. Ужасное чудовище, которое до сих пор было в состоянии полной непо-

движности, сейчас высоко подняло хвост и начало, как и раньше, хлестать им по воде, но теперь удары его были гораздо чаще и сильнее, и наконец оно скрылось из виду в пирамиде пены, окрашенной темной кровью. Поднявшийся гул напоминал рев стада быков, и человеку несведущему могло бы показаться, будто в кровавой мгле сцепились в смертельной схватке тысячи чудовищ. Постепенно все стихло, и, когда волны успокоились и снова покатились к берегу длинными правильно чередующимися валами, на поверхности моря вновь появился измученный кит, покорный своей судьбе. И, по мере того как жизнь покидала исполина, огромное черное туловище его повернулось на бок, а затем стала видна и белая блестящая кожа на брюхе. Победа была одержана!

— Что же теперь делать? — спросил Барнстейбл, все еще глядя на кита, хотя пыл молодого лейтенанта к этому времени уже начал остывать. — Для еды он не годится, а его тушу прибьет на берег, и мы, стало быть, снабдим неприятеля китовым жиром.

— Будь это в Бостонском заливе, — сказал рулевой,—нынешняя охота обеспечила бы меня на всю жизнь. Но уж таково, видать, мое счастье! Давайте подойдем к нему: должен же я вызволить свой гарпун и линь! Пока жив старый Том Коффин, они не достанутся англичанам.

— Не загадывай наперед, — возразил сидящий на корме гребец, — возьмут они твою железину или нет. Вон они тоже охотятся, и притом за нами!

— Что ты болтаешь, парень? — воскликнул Барнстейбл.

— Взгляните сами, капитан Барнстейбл, — ответил матрос, — и вы увидите, что я говорю правду.

Молодой моряк обернулся и увидел идущий под всеми парусами «Быстрый». Тендер только что обогнул мыс и находился в полутора милях с наветра от вельбота.

— Передай-ка мне трубу, — спокойно сказал капитан. — Видно, нам снова предстоит работа. Если тендер вооружен, наступает наш черед спасаться бегством; если нет, мы достаточно сильны, чтобы захватить его.

Одним взглядом опытный офицер определил боевое снаряжение обнаруженного судна. Хладнокровно опустив подзорную трубу, он сказал:

— У этого малого длинные руки и десять зубов, а на мачте у него развевается вымпел короля Георга. Теперь,

ребята, надо вам приналечь: дело идет о жизни и смерти. Что бы ни думал о своем гарпуне мистер Коффин, мне вовсе не хочется попасть в лапы к Джону Булю, хотя бы его королевское величество сам соизволил надеть на меня кандалы.

Матросы хорошо поняли своего командира и, сбросив куртки, всерьез налегли на весла. В течение получаса на вельботе царила полная тишина, и за это время он ушел далеко вперед. Но все кругом словно сговорилось помогать тендеру: при достаточно ровном бризе море было сравнительно спокойно, сильное приливное течение благоприятно, и расстояние между преследуемыми и преследователями уменьшилось почти вдвое. Барнстейбл сохранял полное спокойствие, но чело его омрачилось заботой: он понимал всю опасность их положения.

— У этого малого длинные ноги, мистер Коффин, — бодрым голосом сказал он. — Твой линь придется выбросить за борт, а тебе взяться за пятое весло.

Том поднялся с места и, пройдя вперед, выбросил бочонок вместе с линем за борт, а сам уселся за носовое весло и принялся грести с поразительной силой.

— Да, в каждом твоем взмахе сразу видна твоя философия, Длинный Том! — воскликнул командир. — Держись, ребята! Если нам не уйти, мы, по крайней мере, выиграем время для размышления. Ну-ка, мистер Коффин, что ты думаешь? В нашем распоряжении есть три средства — послушаем, что выберешь ты: во-первых, мы можем повернуть, драться, и тогда всех нас пустят ко дну; во-вторых, мы можем высадиться на берег и попытаться сухим путем вернуться на шхуну; в-третьих, мы можем пройти под самым берегом... возможно, даже под огнем пушек противника и лишить его ветра, и в то же время держать ноздри над водой, на манер нашего кита, черт бы его побрал! Если бы не он, мы и не встретились бы с этим разбойником!

— Если мы будем драться, — с не меньшим хладнокровием, чем капитан, ответил Том, — нас возьмут в плен или утопят. Если мы высадимся на берег, сэр, я пропал первым, ибо я совсем не мастер ходить по суше. А если мы попытаемся лишить врага ветра, пройдя под самыми скалами, нам отрежут путь вон те молодцы, которые, я заметил, шныряют по берегу и ждут случая подстрелить из-за угла честных моряков.

— В твоих словах столько же истины, сколько и философии, Том,—сказал Барнстейбл, который уже убедился, что надежда на спасение исчезла, так как на скалах действительно появились кавалеристы и пехотинцы.— Видно, эти англичане и глаз не сомкнули прошлой ночью... Боюсь, Гриффиту и Мануэлю пришлось туго. У тендера попутный ветер, и он бежит, как скаковая лошадь... Ха, начинается серьезный разговор!

Над носом тендера взвился клуб белого дыма и грохнула пушка. По волнам запрыгало ядро, вздымая брызги, но оно прошло с перелетом. Моряки мельком взглянули в направлении мчавшегося ядра и продолжали грести как ни в чем не бывало. Рулевой, проследив за полетом ядра взглядом более опытного человека, заметил:

— Дальность неплоха для такого веса металла, и голосок у этой пушки звонкий. Но, если его услышали на борту «Ариэля», англичанам придется пожалеть, что пушка не родилась немая.

— Ты король философов, мистер Коффин!—вскричал Барнстейбл.— Правильно, теперь у нас есть надежда. Пусть англичане бухают побольше, и, клянусь жизнью, на «Ариэле» поймут, что это не гром. Дайте-ка мне мушкет, я заставлю их угостить нас еще одним выстрелом!

Барнстейблу передали мушкет, и он сделал несколько выстрелов, как бы в насмешку над неприятелем. Затея его удалась вполне. Раздраженный этим оскорблением, тендер начал выпускать по маленькому вельботу ядро за ядром. Они часто падали в воду так близко, что брызги задевали матросов вельбота, которые, однако, оставались целы и невредимы. Неудачная пальба англичан ничуть не испугала бесстрашных моряков, а лишь развеселила их. И, когда ядро пролетало ближе, чем обычно, рулевой считал нужным заметить:

— Мертвая зыбь, дальнее расстояние и маленькая цель — где же тут попасть в нее!

Или:

— Косому легче целиться в маленькую шлюпку!

Несмотря на неудачную канонаду, неприятель все ближе и ближе подходил к вельботу и, казалось, вот-вот должен был догнать его. Но вдруг, как эхо от выстрела англичанина, грянул пушечный выстрел с другой стороны, и Барнстейбл со своими товарищами, к великой радости, увидели, как из маленькой бухты, в которой он

провел ночь, появился «Ариэль». Облачко пушечного дыма вилось вокруг его мачт.

Громкий восторженный крик вырвался одновременно у капитана и его экипажа, а неприятельский тендер поставил все паруса, какие он мог нести, привел к ветру и дал залп по беглецам всем бортом. Картечь и круглые ядра пролетели мимо вельбота и упали в воду неподалеку, подняв фонтаны брызг, но не причинив никакого вреда.

— Неприятель в панике! — сказал Том, глядя на маленький водоворот, в который входил вельбот.

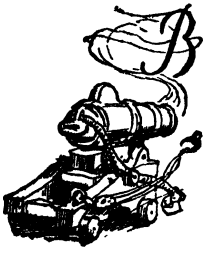
— Если командир тендера достойный человек, — сказал Барнстейбл,—он не ограничится таким коротким знакомством с нами. Налегай, ребята, налегай! Мне хочется получше рассмотреть этот разговорчивый корабль.

Матросы сами понимали необходимость грести как можно скорей, и через несколько минут вельбот подошел к шхуне. Экипаж встретил своего командира и его товарищей восклицаниями и радостными криками, которые разнеслись над волнами и достигли слуха разочарованных зрителей, толпившихся на береговых утесах.

ГЛАВА XVIII

Они всё плыли по волнам,
Но вдруг, приблизясь к берегам,
Услышали сквозь ветра гул
Веселья дикого разгул.

Вальтер Скотт, «Владыка островов»



Веселые крики и горячие приветствия экипажа «Ариэля» продолжались и после того, как командир его ступил на палубу. Барнстейбл благодарил своих подчиненных за встречу, сердечно пожимал им руки и, подождав, пока первый взрыв восторга моряков несколько стих, подал знак к молчанию.

— Благодарю вас, друзья мои, за ваше доброе отношение,—сказал он, когда весь экипаж в безмолвном ожидании столпился вокруг него. — Погоня была упорная, и,

окажись вы на милю дальше, мы бы погибли. Это военный тендер, и, кажется, он не прочь схватиться с нами. Во всяком случае, он убирает часть парусов, а это значит, что он не испугался. К счастью для нас, капитан Мануэль забрал своих пехотинцев с собой на берег — что сталось с ними и с ним самим, я не знаю,— не то вся наша палуба была бы загружена живностью. А сейчас у нас хороший бриз, довольно спокойное море и смертельный соперник! Наш долг перед родиной — наказать этого молодца, поэтому без траты лишних слов сделаем поворот и займемся делом, чтобы еще успеть позавтракать.

Этот образец морского красноречия был принят экипажем, как всегда, одобрительно: молодежь кипела желанием драться, и даже пожилые матросы из экипажа шхуны с довольным видом покачивали головами, восторгаясь тем, что их капитан, «когда нужно, умеет говорить, как самый лучший словарь, когда-либо спущенный на воду».

Тем временем «Ариэль» поднял все паруса и лег в крутой бейдевинд. Ход у него в таких случаях был превосходный, и очень скоро он удалился от берега на такое расстояние, откуда открывался широкий вид на береговые скалы с расположившимися на их вершинах солдатами. Барнстейбл переводил подзорную трубу с тендера на берег, и различные чувства волновали его грудь. Наконец он снова заговорил:

— Если мистер Гриффит спрятался в этих скалах, он скоро увидит и услышит горячий спор без лишних слов— конечно, если командир тендера не отказался от намерения идти прежним курсом. Каково ваше мнение, мистер Мерри?

— Я от всей души и от всего сердца желал бы, сэр, — ответил бесстрашный юноша, — чтобы мистер Гриффит сейчас находился здесь с нами! На берегу, по-видимому, подняли тревогу, и один бог знает, что случится, если мистера Гриффита схватят! Что же касается этого тендера, то он убедится, что с вельботом «Ариэля» справиться было бы легче, чем с самим «Ариэлем»... Но он прибавляет парусов. Сомневаюсь, вступит ли он в игру...

— Не сомневайтесь в этом, юноша, — ответил Барнстейбл, — он просто отходит подальше от берега, как и следует кораблю со здравым смыслом. Я вижу, он надел очки, чтобы рассмотреть, к какому племени индейцев мы

принадлежим. Сейчас, вы увидите, он развернется на ветер и пошлет в вашу сторону несколько ядер, чтобы дать нам знать, где найти его. Как ни люблю я вашего первого лейтенанта, мистер Мерри, сегодня я предпочел бы, чтобы он оставался на берегу, нежели был здесь, на борту. Мне бы не хотелось, чтобы кто-либо другой командовал этим судном! Но прикажите бить в барабан, сэр!

Юнга, изнемогавший под тяжестью своего мелодичного инструмента, давно жаждал услышать эту команду и, не дожидаясь, пока гардемарин передаст ему приказание, начал выбивать короткую дробь, способную в любое время пробудить от крепкого сна тысячу человек и заставить их мгновенно броситься к орудиям. Матросы «Ариэля» кучками стояли на палубе, рассматривая неприятеля и отпуская шутки по его адресу. Все ждали только сигнала и с первым же ударом барабанных палочек разбежались по местам, соответственно обязанностям каждого на маленьком судне. Вокруг пушек стояли небольшие группы энергичных, атлетически сложенных молодцов, а немногочисленные оставшиеся на корабле морские пехотинцы в боевом порядке выстроились на палубе, держа наготове свои мушкеты. Вскоре появились и офицеры в абордажных касках, с пистолетами за поясом и обнаженными саблями в руках. Барнстейбл твердым шагом ходил по шканцам, раскачивая на указательном пальце подвешенный на шнуре рупор и время от времени поднося к глазам подзорную трубу, которую он ни на минуту не выпускал из рук, в то время как шпага его была прислонена к основанию грот-мачты. Пара тяжелых морских пистолетов торчала у него из-за пояса. В разных местах палубы были сложены грудами мушкеты, абордажные пики и сабли. Теперь уже морякам было не до смеха, и разговоры велись еле слышным шепотом.

Английский тендер продолжал удаляться от берега, пока расстояние не составило около двух миль, а затем он снова убавил парусов и, развернувшись на ветер, дал выстрел в сторону «Ариэля».

— Ставлю центнер трески, мистер Коффин, — сказал Барнстейбл, — против бочонка лучшего английского по́ртера, что этот молодец воображает, будто американская шхуна может лететь против ветра! Если он желает поговорить с нами, почему бы ему не прибавить чуть-чуть парусов и не подойти ближе?

Рулевой приготовился к бою еще более тщательно и продуманно, чем кто-либо другой на борту шхуны. Лишь только барабан пробил сбор, он, зная, что в предстоящем деле ему придется напрячь все свои силы, ни минуты не колеблясь, словно над головой его стояло жаркое американское солнце, сбросил с себя куртку, жилет и даже рубашку. И, поскольку он был на «Ариэле» личностью привилегированной, настоящим оракулом по части морского дела в глазах остального экипажа и человеком, к чьим мнениям прислушивался сам командир, вопрос Барнстейбла никого не удивил. Коффин стоял у своей длинной пушки, сложив мускулистые руки на груди, багровой от длительного воздействия непогод. Седеющие волосы его развевались по ветру, а голова возвышалась над головами всех рядом с ним.

— Он льнет к ветру, сэр, словно к любимой девушке, — ответил Том, — но скоро ему придется ослабить свои объятия. Если он сам этого не сделает, мы заставим его оказаться у нас с подветра.

— Держать полнее! — суровым голосом крикнул командир. — Дадим шхуне идти быстрее. Этот молодец легок на ходу, Длинный Том, но держать так круто к ветру, как мы, ему не под силу. Впрочем, если он и дальше будет идти таким же манером, нам не догнать его до наступления ночи.

— Да, сэр, — подтвердил рулевой, — у этих тендеров уйма парусов, хотя с виду кажется, что их немного. Гафель у него почти одной длины с гиком, поэтому и грот такой широкий. Однако нетрудно будет срезать у него со снастей часть парусины, и тогда уж ему придется убавить ходу и увалиться под ветер.

— Мне кажется, твое предложение разумно, Том, — сказал Барнстейбл, — тем более что меня беспокоит судьба людей с фрегата. Правда, такое шумное преследование мне не очень по душе, но что поделать! Скажи-ка ему теплое словечко, Том, — посмотрим, ответит ли он нам!

— Есть, сэр! — воскликнул рулевой, наклоняясь так, что голова его очутилась наравне с пушкой, которой он ведал.

Отдав нужные приказания и выполнив требуемые манипуляции для наведения пушки на тендер, он сам быстро поднес к затравке огонь. Из дула вырвался огромный клуб белого дыма, а за ним — язык пламени. Ветер

тотчас же подхватил белое облако, которое, поднимаясь над водой, становилось все шире, окутал им мачту шхуны и унес его в подветренную сторону, где оно вскоре растворилось в легкой мгле, гонимой свежим бризом.

Хотя с утесов за этим прекрасным зрелищем следило немало любопытных глаз, для экипажа «Ариэля» в нем не было ничего нового. Здесь каждый хотел лишь увидеть, насколько пострадал от выстрела неприятель. Барнстейбл с легкостью вскочил на одну из пушек и напряженно ждал того мгновения, когда ядро достигнет цели, а Длинный Том с той же целью отклонился от полосы дыма и, держась одной рукой за пушку, носившую его имя, другой рукой оперся о палубу и стал глядеть в орудийный порт. Огромное тело его при этом приняло такое положение, которое мало кто мог бы повторить за ним.

— Вон щепки уже полетели! — закричал Барнстейбл. — Браво, мистер Коффин! Ты еще никогда так верно не посылал чугун под ребра англичанину! Ну-ка, угости его еще разок! Если это ему нравится, мы сыграем с ним партию в кегли.

— Есть, сэр! — отозвался рулевой, который, как только убедился в успешности своего выстрела, начал перезаряжать орудие. — Еще полчаса—и я обтешу его до нашего размера, а тогда мы сумеем сойтись и начать равный бой.

В эту минуту с тендера донеслась дробь барабана, игравшего сбор, как несколькими минутами раньше это было на «Ариэле».

— А! Ты заставил их вспомнить о пушках! — заметил Барнстейбл. — Теперь они поговорят с нами! Буди их, Том, буди!

— Мы либо разбудим их, либо очень скоро уложим спать навсегда, — сказал неторопливый рулевой, который никому, даже своему командиру, не позволял себя подгонять. — Мои ядра похожи на стаю дельфинов: они всегда идут в кильватере одно за другим. По местам стоять! Развернуть пушку — вот так! Отойди, сейчас будет отдача. Эй ты, наглец, оставь в покое мой гарпун!

Вдруг стало тихо.

— Что там случилось, мистер Коффин? — спросил Барнстейбл. — Не прикусил ли ты себе язык?

— Да тут у шпигатов один юнга забавляется моим гарпуном. А когда гарпун понадобится, его и не сыщешь.

— Оставь мальчишку, Том! Пошли его ко мне, я его живо научу, как себя вести. Ну-ка, отправь англичанам еще пару ядер!

— Я хотел бы, чтобы маленький негодяй подносил мне заряды! — заметил рассерженный старый моряк. — Попрошу, сэр, когда он пойдет мимо вас в крюйт-камеру, дайте ему пару подзатыльников, чтобы проучить обезьяну. Пусть знает, что такое служба на шхуне! Этакая обезьяна с селедочной мордой!.. Зачем трогаешь вещь, которой и в руках держать не умеешь? Если бы твои родители тратили больше денег на твое обучение, был бы ты джентльменом, а так что ты такое?

— Скорей, Том, скорей! — нетерпеливо воскликнул Барнстейбл. — Твой тезка так и не собирается раскрыть глотку?

— Есть, сэр, все готово, — проворчал рулевой. — Пониже немного! Вот так! Чертов бездельник, обезьяна желторылая! Ну-ка, уклон чуть больше. Давай-ка запал поближе... Я его еще не так... Огонь!

Началось настоящее сражение. Ядро, пущенное Томом Коффином, пролетев по тому же направлению, что и первое, уверило неприятеля, что игра становится слишком жаркой и что он не должен молчать. Поэтому в ответ на второй выстрел с «Ариэля» «Быстрый» дал залп всем бортом. Канониры тендера взяли правильный прицел, но пушки его были слишком легки для столь далекого расстояния. И, когда одно-два ядра ударились о борт шхуны и, не причинив ей вреда, упали в воду, рулевой, спокойствие которого постепенно возвращалось к нему, по мере того как разгорался бой, с обычным хладнокровием заметил:

— Это только дружеские приветствия. Англичанин, наверное, думает, что мы ему салютуем!

— Расшевели-ка его, Том! Каждый твой удар поможет ему раскрыть глаза! — воскликнул Барнстейбл, потирая руки от удовольствия, ибо видел, что его усилия сблизиться с противником не будут тщетны.

До сих пор только рулевой и его люди вели бой со стороны «Ариэля», а остальные матросы, поставленные у меньших по калибру и более коротких орудий, пребывали в полном бездействии. Но минут через десять или пятнадцать командир «Быстрого», подавленный результатами первых попаданий в его судно, понял, что он уже

не в силах отступить, даже если бы захотел. Тогда он избрал единственный путь, приемлемый для смелого человека: он отважно двинулся вперед, прямо на неприятеля, стараясь в то же время уберечь тендер от поражения огнем. Барнстейбл орлиным взором следил за каждым маневром врага и, когда корабли достаточно сблизились, отдал приказ открыть огонь из всех пушек. Теперь обеими сторонами овладело равное ожесточение, и завязалась жаркая схватка. Залпы следовали так быстро один за другим, что дым, вместо того чтобы сразу уноситься в подветренную сторону, то взвивался белым облаком над «Ариэлем», то стлался по воде в его кильватере, как бы отмечая путь, по которому шхуна шла на еще более яростную смертельную схватку. Возгласы молодых матросов, когда они заряжали смертоносные орудия, звучали все более исступленно, а рулевой делал свое дело молча и умело, как человек, который трудился по призванию. Барнстейбл был необычно сдержан и молчалив, как и подобало командиру, от которого зависела судьба боя, но темные глаза его горели огнем еле сдерживаемого возбуждения.

— Проучим их! — Голос его перекрывал гром пушек. — Забудьте об их снастях, ребята! Бейте ниже, по корпусу!

Английский капитан сражался тоже мужественно. Обстрел с дальней дистанции нанес ему большие потери, в то время как он сам ничем не мог ответить противнику, не располагая дальнобойными пушками. Но теперь он старался искупить первоначальную ошибку в оценке положения. Оба корабля постепенно сходились все ближе и ближе, пока не вошли в общую, созданную канонадой дымовую завесу. Дым ширился, становился все гуще, и вскоре темные корпуса судов полностью скрылись из глаз любопытных и заинтересованных зрителей на скалах. К тяжелым раскатам пушек теперь примешивалась трескотня мушкетов и пистолетов, и сквозь белое облако, окутавшее сражающихся, были видны только похожие на вспышки молний языки огня. Прошли долгие минуты томительной неизвестности, прежде чем солдаты, с большим волнением следившие за ходом боя, могли понять, чьи знамена осенила победа.

Мы последуем за сражающимися в облако дыма и поведаем читателю о том, как развертывались события.

Огонь «Ариэля» был гораздо более сильным и смертоносным, чем огонь «Быстрого», так как шхуна и пострадала меньше и матросы ее были менее утомлены. Поэтому тендер решился на отчаянную попытку взять шхуну на абордаж. Барнстейбл разгадал это намерение и хорошо понимал, почему командир тендера решился на это средство. Но он не был человеком, способным хладнокровно взвешивать свои преимущества, когда гордость и отвага зовут его на более суровые испытания. Поэтому он сам бросился неприятелю навстречу, и, когда суда сошлись, корма шхуны была притянута к носу тендера объединенными усилиями обеих сторон. Теперь сквозь шум и грохот ясно донесся голос английского командира, призывавшего матросов следовать за ним.

— Вперед! — крикнул в рупор Барнстейбл. — Гоните гостей с кормы!

Это было последнее приказание, которое отважный моряк отдал через рупор, ибо, отбросив его в сторону и схватив шпагу, он бросился к тому месту, где неприятель уже готов был предпринять свою отчаянную попытку. Крики, проклятия и ругательства сражающихся сменили рев пушек, которые теперь стали бесполезны, однако мушкетная и пистолетная стрельба продолжалась.

— Смести их с палубы! — кричал английский командир, появившись на своем фальшборте в окружении десятка самых храбрых матросов. — Загнать мятежных собак в море!

— Вперед, моряки! — в свою очередь, закричал Барнстейбл, разряжая пистолет в наступающего неприятеля.— Пусть никто из них не сделает больше ни глотка грогу!

Грозный ружейный залп, последовавший за словами капитана, почти буквально исполнил его желание, и командир «Быстрого», заметив, что остался один, неохотно отступил на палубу своего судна, чтобы снова повести в атаку своих людей.

— На абордаж, седобородые и юнцы, бездельники и все прочие! — закричал Барнстейбл, бросаясь вперед.

Сильная рука схватила бесстрашного моряка, и, прежде чем он успел прийти в себя, он снова очутился на «Ариэле» в железных объятиях рулевого.

— Зверь подыхает, — сказал Том, — и незачем сейчас лезть к нему под ласты. Но я на минутку пройду вперед и двину его гарпуном.

Не дожидаясь ответа, рулевой шагнул на фальшборт и собирался было переступить на вражеский корабль, как вдруг волна на мгновение развела оба судна, и он с тяжелым всплеском упал между ними в море. А так как, едва он появился на фальшборте, в его сторону были разряжены десятки мушкетов и пистолетов, моряки «Ариэля» вообразили, будто он упал сраженный пулей. Ярость их при виде этого удвоилась, а Барнстейбл закричал:

— Отомстим за Длинного Тома! На абордаж! Длинный Том, или смерть!

Матросы в едином порыве бросились вперед и, пролив немало крови, ворвались на палубу «Быстрого». Английский капитан отступил перед превосходством сил, но все еще не терял мужества. Он собрал вокруг себя свою команду и храбро продолжал борьбу. Удары пик и сабель падали все чаще и со смертельной силой, а те моряки, которые оставались в задних рядах, поминутно разряжали мушкеты и пистолеты.

Барнстейбл, предводительствуя своими людьми, стал мишенью для всей злобы англичан, медленно отступавших под его энергичным натиском. Благодаря случаю оба командира оказались на противоположных сторонах палубы тендера, и там, где эти отважные офицеры лично руководили борьбой, победа того или иного из них, казалось, была близка. Но англичанин вскоре заметил, что, одерживая верх в одном месте, он теряет в другом, и решил возобновить бой с новой позиции. Два-три верных ему матроса последовали за ним. Один из них, опередив его, направил дуло мушкета в голову американского командира и уже собирался выстрелить, когда Мерри, скользнув между сражающимися, вонзил свой кортик в этого матроса и поверг его на палубу. Произнося ужасные проклятия, раненый матрос крепче сжал в руках мушкет, намереваясь отомстить молодому противнику, но бесстрашный юноша подскочил и вонзил свой острый клинок ему в сердце.

— Ура! — вопил уже ничего не сознававший Барнстейбл, который, стоя на корме тендера, с помощью нескольких человек сметал все перед собой. — Мщение! Длинный Том и победа!

— Они у нас в руках! — закричал англичанин.—В пики! Они между двух огней!

Весьма возможно, что бой окончился бы совсем не

так, как можно было ожидать по тому, как он развертывался до сих пор, если бы на корму тендера в эту минуту не вылезла прямо из моря исполинская фигура с гарпуном в руке. Это был Длинный Том, бронзовое лицо которого горело яростью от перенесенной неприятности, а седеющие волосы слиплись от морской пены, из которой он вышел, как Нептун со своим трезубцем [1]. Не говоря ни слова, он прицелился и, с силой метнув гарпун, пригвоздил несчастного англичанина к мачте его же судна.

— Берегись! — закричал Том, после того, как пустил в ход свой гарпун, и, схватив мушкет убитого матроса, начал наносить страшные по силе удары прикладом по всем, кто к нему приближался, совершенно пренебрегая прикрепленным к дулу штыком. Несчастный командир «Быстрого» еще продолжал неистово потрясать шпагой и страшно вращать глазами, корчась в смертельной агонии. Затем голова его безжизненно упала на залитую кровью грудь, и он повис на мачте, к невыразимому ужасу его экипажа. Несколько англичан стояли как прикованные, не в силах оторваться от этого чудовищного зрелища, но большинство из них бросилось на нижнюю палубу или спешило укрыться в укромных уголках судна, предоставив американцам свободно владеть «Быстрым».

Две трети экипажа тендера были убиты или ранены в этой короткой стычке, но и Барнстейбл одержал победу ценой жизни многих достойных людей. Правда, первый взрыв ликования заставил временно забыть о жертвах. Громкие радостные крики ознаменовали торжество победителей. Когда же все стихло и люди пришли в себя, Барнстейбл отдал приказания, которых требовали гуманность и долг. И, пока разводили суда, уносили раненых и убирали убитых, победитель шагал по палубе тендера, погруженный в глубокое раздумье. Он часто подносил руку ко лбу, почернелому от копоти и забрызганному кровью, потом приглядывался к огромному облаку дыма, все еще висевшему над судами, как густой морской туман. О принятом им решении он немедленно объявил экипажу.

— Спустить все наши флаги! — приказал он. — Поднять снова на «Быстром» английский флаг и повесить вражеский гюйс над кормовым флагом «Ариэля»!

[1] Нептун — в римской мифологии бог моря, повелевающий волнами своим волшебным трезубцем — символом власти.

Появление всего неприятельского флота на расстоянии менее пушечного выстрела не вызвало бы среди победителей такого удивления, как это странное приказание. Озадаченные моряки прервали свои занятия, чтобы посмотреть на эту поразительную смену флагов — эмблем, на которые они привыкли смотреть с большим уважением. Но никто не решился открыто высказаться по поводу этой процедуры, за исключением Длинного Тома, который стоял на шканцах захваченного судна, выпрямляя согнувшийся конец своего гарпуна с таким старанием и заботой, будто без этого оружия нельзя было удержать за собой победу. Услышав приказ командира, Том, как и другие, бросил работу и, нимало не смущаясь, тотчас высказал свое неудовольствие.

— Если англичане чем-нибудь недовольны и полагают, что игра была нечестной, — пробормотал старый рулевой, — давайте начнем все сначала, сэр. Правда, людей у них маловато, но они могут отправить на берег шлюпку за этими ленивыми гадами-солдатами, которые пялят на нас глаза, а сами похожи на красных ящериц, ползающих по песку. Сразимся с ним еще раз! Но, черт меня возьми, я не знаю, зачем нам снова колотить их, если все сводится на нет!

— Что ты там ворчишь, как норд-ост, старая камбала? — спросил Барнстейбл. — Подумай о наших друзьях и соотечественниках, которые остались на берегу! Неужели мы оставим их для виселицы или тюрьмы?

Рулевой выслушал его с сосредоточенным видом, а потом так ударил себя по мускулистой ляжке, что это прозвучало как пистолетный выстрел.

— Теперь мне понятно, сэр! Вы думаете, что эти красные мундиры взяли мистера Гриффита на буксир? Тогда ведите шхуну на мелководье, капитан Барнстейбл, станьте на якорь в таком месте, где можно будет навести на них длинную пушку, а потом дайте мне вельбот и пять-шесть человек в помощь — только у них должны быть длинные ноги на тот случай, если им придется пешком прогуляться по морю, прежде чем я подберу их на борт!

— Дурья голова! Неужели ты думаешь, что пять-шесть человек справятся с пятьюдесятью вооруженными солдатами?

— «Солдатами»! — распаляясь, повторил Том и щелкнул пальцами с невыразимым презрением. — Один кит

может убить тысячу вооруженных солдат! А вот человек, который убил целую сотню китов! — ткнул он себя в грудь.

— Ах ты, старый дельфин! Ты что, стал хвастуном на старости лет?

— Если человек говорит правду, которая записана в вахтенном журнале, сэр, это не хвастовство. Но, если капитан Барнстейбл думает, что у старого Тома Коффина рупор вместо головы, пусть только он разрешит ему спустить на воду вельбот!

— Нет-нет, мой старый учитель! — ласково сказал Барнстейбл. — Я знаю тебя слишком хорошо, брат Нептуна! Но, может быть, нам удастся пустить пыль в глаза англичанам, если мы некоторое время походим под их флагом, пока не представится случай помочь нашим землякам, попавшим в беду.

Рулевой покачал головой и на минуту задумался, а затем, словно озаренный новыми мыслями, воскликнул:

— Да-да, сэр, это настоящая философия, чистая, как синяя морская вода и такая же глубокая! Пусть эти гады пока растягивают рот хоть до ушей! Когда они узнают правду, у них упадет челюсть до галстука!

Эта мысль утешила рулевого, и работа по устранению повреждений и приведению «Быстрого» в порядок пошла своим чередом, без дальнейшего вмешательства с его стороны. Немногих пленных, которые не были ранены, быстро переправили на «Ариэль». Присутствуя при этом, Барнстейбл услышал необычный шум в одном из люков, откуда двое солдат морской пехоты вытаскивали человека, поведение и внешность которого указывали на то, что он охвачен самым презренным страхом. Оглядев эту странную личность, лейтенант на миг застыл в изумлении, а затем воскликнул:

— Кто это? Какой-то любитель сражений? Скорее всего, любознательный штатский, который вызвался служить королю, а попутно и себе, написав картину или книгу. Скажите, сэр, какую должность вы занимали на этом судне?

Пленник покосился на допрашивавшего, в котором он предполагал встретить Гриффита, но, убедившись, что этого человека видит впервые, сразу обрел некоторую уверенность.

— Я очутился здесь случайно, — ответил он. — Я был

на тендере в то время, когда его покойный командир решил напасть на вас. Он мог высадить меня на берег, но я надеюсь, что это сделаете вы. Ваше предположение о том, что я штатский...

— ...совершенно справедливо, — перебил его Барнстейбл. — Не нужно и подзорной трубы, чтобы в этом убедиться. Однако по некоторым веским причинам...

Он остановился, заметив знак, поданный ему Мерри, который с жаром прошептал ему на ухо:

— Это мистер Диллон, родственник полковника Говарда! Я часто видел, как он тащился в кильватере моей кузины Сесилии.

— Диллон!—воскликнул Барнстейбл, потирая от удовольствия руки — Кит Диллон? «Длинная физиономия с черными глазами и кожей такого же цвета»? Он немного побелел от страха, но сейчас это добыча, которая стоит двадцати тендеров!

Разговор шел вполголоса и на некотором расстоянии от пленника, к которому Барнстейбл теперь приблизился.

— Политические соображения, — сказал лейтенант,— а следовательно, и долг службы вынуждают меня задержать вас на некоторое время, сэр! Но мы поделимся с вами всем, чем располагаем, чтобы облегчить вам тягость пребывания в плену.

Не дожидаясь ответа, Барнстейбл поклонился Диллону и отвернулся от него, чтобы надзирать за работами на судах. Вскоре ему доложили, что все готово. «Ариэль» и «Быстрый» были приведены в крутой бейдевинд и медленно, переменными галсами пошли вдоль берега по направлению к той бухте, откуда утром вышел тендер. Когда они легли на первый галс по направлению к берегу, солдаты на утесах огласили воздух радостными криками, и Барнстейбл, указывая им издали на английские флаги, развевающиеся по ветру на мачтах, заставил свой экипаж ответить самым сердечным образом. Так как расстояние и отсутствие шлюпок не позволяли с берега рассмотреть подробности, солдаты, поглядев еще некоторое время вслед удаляющимся судам, ушли с утесов и вскоре исчезли из глаз отважных моряков. Проходил час за часом томительного плавания, сопровождавшегося борьбой с неблагоприятным течением, и короткий день уже клонился к вечеру, когда они приблизились ко входу в бухту, уготовленную им самой судьбой. Во время одного из много-

численных лавирований тендер, где продолжал оставаться Барнстейбл, встретился с трофеем их утренней охоты, огромная туша которого вздымалась в волнах, как округленный утес, и уже была окружена акулами, терзавшими беззащитное тело.

— Смотри, мистер Коффин! — крикнул он рулевому, указывая на кита, когда они проходили мимо. — Как пируют эти тупорылые джентльмены! Ты забыл об обязанности христианина — похоронить побежденного.

Старый моряк бросил печальный взгляд на мертвого кита и ответил:

— Если бы эта зверюга попалась мне в Бостонском заливе или у мыса Сэнди оф Манни-Мой, я был бы обеспечен на всю жизнь! Но богатство и почет для людей знатных да ученых, а бедному Тому Коффину остается только травить и выбирать шкоты да лавировать так, чтобы выйти из жизненных штормов, не поломав свой старый рангоут!

— Вот как ты заговорил, Длинный Том! — воскликнул офицер. — Как бы у этих скал и рифов тебе не потерпеть крушения на мелях поэзии! Ты становишься очень чувствительным.

— Об эти скалы разобьется любой корабль, если налетит на них, — ответил рулевой, понимавший все буквально, — а что касается поэзии, то я не знаю ничего лучше доброй старой песни про капитана Кидда[1]. Но, право, было над чем задуматься индейцу с мыса Подж, когда акулы при нем пожирали кита с запасом сала на восемьдесят бочек! Сколько добра пропадает даром! Мне довелось видеть смерть двух сотен китов, а паек бедного старого Тома остался прежним.

В то время как судно проходило мимо кита, рулевой перешел на корму, уселся над гакабортом и, подперев голову костлявой рукой, устремил мрачный взгляд на предмет своего вожделения, еще долго сверкавший в лучах солнца, которые то отражались от белого блестящего брюха исполина, то падали на его черную спину. Тем временем оба судна приблизились к цели своего плавания и вошли в бухту с уверенностью друзей и торжеством победителей.

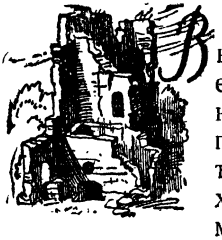
---

[1] О капитане Кидде — моряке и пирате — существуют пользовавшиеся большой популярностью песни и баллады.

На берегах кое-где виднелись восхищенные зрители, и Барнстейбл закончил приготовления к обману неприятеля тем, что обратился к команде с краткой речью. В ней он предупредил людей о том, что теперь они приступают к делу, которое потребует от них величайшей отваги и рассудительности.

ГЛАВА XIX

Вы здесь для дружеских переговоров.
Шекспир, «Король Иоанн»



Выбежав из дверей аббатства, Гриффит и его товарищи не встретили на своем пути никого, кто мог бы их остановить или поднять тревогу. Наученные горьким опытом последнего вечера, они старались обходить те места, где, по их соображениям, могли стоять часовые, хотя и были готовы преодолеть любое сопротивление, и вскоре очутились вне тех пределов, где их могли заметить. С полмили они шли быстро, в строгом молчании, как люди, ежеминутно ожидающие встретить опасность и решившиеся на все. Но, войдя в рощу, окружавшую развалины, о которых мы уже упоминали, они умерили шаг и даже осмелились вполголоса заговорить.

— Мы ушли вовремя, — сказал Гриффит. — Я скорее примирился бы с пленом, чем согласился внести смятение и пролить кровь в мирном доме полковника Говарда!

— Очень жаль, сэр, что эта мысль не возникла у вас несколько часов назад! — ответил лоцман тоном, который был еще суровее, чем слова.

— Возможно, я действительно забыл о своих прямых обязанностях, сэр, из-за желания выяснить положение семьи, к которой я питаю особый интерес, — сказал Гриффит, в котором гордость боролась с почтительностью. — Однако сейчас не время для сожалений. Я помню, что мы сопровождаем вас в важном предприятии, где следует действовать, а не извиняться. Позвольте узнать, каковы ваши ближайшие намерения?

— Я очень боюсь, что наше предприятие сорвалось, — мрачно ответил лоцман. — На заре поднимут тревогу, пойдут смотры йоменов, местные дворяне соберутся на совет, и такие развлечения, как охота, будут отменены. Слух о десанте прогонит сон с берегов этого острова по крайней мере на десять миль вглубь.

— Вы сами, вероятно, провели, не смыкая глаз, немало приятных ночей среди них, мистер лоцман, — заметил Мануэль. — Они могут благодарить француза Тюро[1] за старое дело тысяча семьсот пятьдесят шестого года и нашего собственного сорвиголову, Шотландского пирата, за то, что покой их домов так часто нарушался. Впрочем, Тюро со своим флотом только попугал их немного, а потом несколько малых крейсеров заставили его исчезнуть так, как исчезает мальчишка-барабанщик под кивером гренадера. Но честный Поль заставил своих соотечественников хорошенько поплясать под свою дудку и...

— Я думаю, — поспешно перебил его Гриффит, — вы сами, Мануэль, скоро запляшете от удовольствия, избавившись от английской тюрьмы.

— Скажите лучше — от английской виселицы, — поправил его развеселившийся командир морской пехоты, — потому что, если бы военному трибуналу или даже гражданскому суду стало известно, как мы попали на этот остров, я сомневаюсь, чтобы с нами обошлись лучше, чем с самим отчаянным шотландцем, чест...

— Хватит! — нетерпеливо перебил его Гриффит. — Хватит болтать чепуху, капитан Мануэль, нам сейчас следует подумать о других делах... Какой план вы намерены теперь предложить мистер Грэй?

Услышав этот вопрос, лоцман вздрогнул, как человек, пробужденный от глубокого размышления, и, помолчав, заговорил тихим голосом, словно все еще находясь под влиянием сильного и печального чувства:

— Ночь уже кончается, но солнце в этих широтах не спешит восходить в середине зимы. Я должен покинуть вас, друзья мои, с тем чтобы вернуться часов через де-

[1] Тюро Франсуа (1726 или 1727—1760) — французский моряк, во время Семилетней войны наносил большой ущерб английской торговле, захватил много купеческих судов и, командуя четырьмя фрегатами, отправился в экспедицию с целью высадить десант в Ирландии, но был убит в бою.

сять. Наш план необходимо основательно продумать, прежде чем на что-нибудь решиться, и предварительную разведочную работу могу выполнить только я. Где мы встретимся вновь?

— Мне кажется, что недалеко от нас находятся заброшенные развалины,— сказал Гриффит.— Может быть, мы обретем и приют и уединение в их забытых стенах.

— Хорошая мысль, — подтвердил лоцман. — Это нам будет полезно вдвойне. Найдете ли вы, капитан Мануэль, то место, где оставили в засаде своих солдат?

— Есть ли у собаки нюх? И может ли она найти свежий след? — воскликнул капитан. — Неужели генерал оставит свои силы в таком месте, которого потом сам не сыщет? Клянусь богом, я прекрасно знаю, где полчаса назад, положив под головы ранцы, улеглись храпеть мои молодцы, но я готов спорить на чин старшего майора в армии Вашингтона, что по первому моему слову все они будут здесь в полном обмундировании и готовые к атаке! Я не знаю, джентльмены, как смóтрите на них вы, но для меня вид двадцати таких бездельников — отрадное зрелище. Мы нанизали бы этого капитана Борроуклифа и его рекрутов на штыки, как сам дьявол нанизывает...

— Хватит, хватит, Мануэль! — не без раздражения остановил его Гриффит. — Вы все время забываете о нашем положении и о порученном нам деле. Можете ли вы незаметно привести сюда ваших людей, прежде чем забрезжит день?

— Мне для этого нужно всего полчаса.

— Тогда пойдем, я выберу место нашего будущего свидания, — сказал Гриффит. — А мистер Грэй попутно ознакомится с местностью, где мы будем скрываться.

По знаку лоцмана они все трое осторожно двинулись во мрак на поиски желанного убежища и вскоре увидели перед собой полуобвалившиеся стены, тянувшиеся на довольно большое расстояние. Отдельные части руин поднимались высоко к небу и своей тенью усугубляли лесной мрак.

— Это нам годится, — сказал Гриффит, когда они немного прошли вдоль разрушенной стены. — Приходите с вашими людьми сюда, а я встречу вас здесь и отведу в более укромное место, которое постараюсь найти за время вашего отсутствия.

— Да здесь просто рай после палубы «Ариэля»! — воскликнул Мануэль. — Уверен, что в этом лесочке можно отыскать и хорошую площадку для строевых занятий — уже полгода я мечтаю об этом!

— Какие там занятия! — рассердился Гриффит. — Сейчас не время для бесполезных смотров. Укрыться получше от обнаружения и плена, пока силы ваши не понадобятся для смертельной схватки, — вот все, что нам сейчас нужно.

Мануэль медленно двинулся обратно к опушке леса и вдруг, обернувшись, спросил:

— Не выставить ли нам на открытом месте небольшой пикет с капралом во главе или протянуть цепь часовых перед нашими укреплениями?..

— У нас нет никаких укреплений, и не нужно нам никаких часовых! — с досадой прервал его Гриффит. — Наше спасение только в осторожности и полной тайне. Ведите людей под защитой деревьев, пусть эти три яркие звезды будут вашими ориентирами. Курс держите на северный угол леса...

— Довольно, мистер Гриффит, — перебил его Мануэль. — Колонну солдат не ведут, как корабль, по компасу, пеленгам и расчетам дальности. Поверьте мне, сэр, мой отряд пойдет с должной осторожностью, но так, как подобает солдатам!

И капитан мгновенно исчез, тем самым помешав Гриффиту ответить или возразить ему. Удалявшиеся шаги были еще некоторое время слышны, пока он медленно пробирался через подлесок. Между тем лоцман, храня глубокое молчание, стоял, прислонившись к углу развалин. Но, когда шаги Мануэля совсем стихли, он отделился от стены и подошел к своему молодому спутнику.

— Мы обязаны ему своим освобождением, — сказал он. — Надеюсь, он не испортит дела своей глупостью.

— Он, как говорит Барнстейбл, человек «прямоугольный», — ответил Гриффит, — и по-своему понимает армейскую службу, но в минуту опасности он хороший товарищ. Если только удастся удержать его от этой дурацкой парадности, мы обретем в нем человека, сэр, который не посрамит звания солдата.

— Это все, чего я требую, но до последнего момента он сам и его солдаты должны быть немы, как рыбы. Если нас обнаружат, мы с нашими двадцатью штыками

и пиками будем беспомощны против силы, которую двинут, чтобы нас уничтожить.

— Ваше замечание совершенно справедливо, — ответил Гриффит. — Эти парни могут спать без просыпу по целым неделям во время шторма в море, но запах суши пробуждает их, и боюсь, что трудно будет удержать их в спокойствии в течение дня.

— Между тем это необходимо, сэр, и, если слова не помогут, нужно прибегнуть к силе! — сурово сказал лоцман. — Если бы нам пришлось иметь дело только с рекрутами этого пьяного вояки, мы без труда сбросили бы их в море, но, сидя под арестом, я узнал, что на рассвете в аббатство ждут кавалеристов. Там есть человек, по имени Диллон, — он особенно старается нам навредить.

— Подлец! — воскликнул Гриффит. — Но я вижу — и у вас, сэр, есть знакомые среди обитателей аббатства Святой Руфи?

— Человеку, идущему на опасное дело, необходимо пользоваться любой возможностью, чтобы выяснить положение, — уклончиво ответил лоцман. — Если то, что мне сообщили, соответствует истине, боюсь, нам не удастся выполнить наш план...

— Тогда давайте воспользуемся темнотой и уйдем на шхуну. Берега Англии кишат неприятельскими крейсерами, и богатые торговые суда плывут к острову со всех четырех сторон света. Нам недолго пришлось бы искать врага, с которым стоило бы помериться силами, и мы могли бы перерезать нерв войны англичан — их торговлю.

— Гриффит, — ответил лоцман ровным, тихим голосом, который, казалось, принадлежал человеку, никогда не знавшему честолюбия и не имевшему людских страстей, — мне уже надоела борьба между заслугами и происхождением. Напрасно рыскал я по морям, которые король Англии хвастливо называет своей собственностью, и брал в плен суда у самого входа в гавани. Награда моя состояла из одних пустых и лживых обещаний. Ваше предложение мне не подходит. Теперь я наконец получил в свое распоряжение корабль, достаточный по размерам, чтобы доставить меня к берегам Америки, и по прибытии туда я хочу войти в зал Конгресса не один, а в сопровождении нескольких законода-

телей этого гордого острова, вообразившего, что только на нем процветают мудрость, доблесть и величие.

— Такая свита, несомненно, могла бы доставить удовольствие не только вам, но и тем, кто будет вас встречать, — скромно сказал Гриффит. — Но может ли это иметь большое значение для великих идей нашей борьбы? И стоит ли этот подвиг, даже если он увенчается успехом, тех опасностей, которым вы подвергаетесь?

Лоцман судорожно сжал руку Гриффита и ответил ему голосом, исполненным еще более мрачного спокойствия:

— Это благородное дело, молодой человек, и, если оно сопряжено с опасностью, наградой ему будет слава! Я служу республике и называю американцев братьями только потому, что вы сражаетесь за права человека. Будь ваше дело менее священно, я не пролил бы за него ни капли английской крови, но сейчас оно освящает любой подвиг, совершенный во имя него, и имена тех, кто за него борется, будут принадлежать потомству. Разве не заслуга доказать этим надменным островитянам, что рука свободы может вырвать их из самого лона этой империи продажности и угнетения?

— Тогда позвольте мне отправиться на поиски нужных нам сведений. Вас там видели, и это может привлечь...

— Вы меня мало знаете,— прервал его лоцман.— Это предприятие задумал я. Если оно удастся, я хочу, чтобы слава досталась мне, поэтому и риск должен лечь на меня. Если мой замысел не удастся, о нем забудут, как о десятках других, которые, будь в моем распоряжении сила, способная меня поддержать, заставили бы оцепенеть от страха все это королевство, начиная от дозорных на его высоких мысах и кончая часовыми на башнях Виндзорского замка. Но я не рожден в знатной семье, где на протяжении двадцати поколений умерщвлялась душа и портилась кровь, поэтому мне не доверяют жалкие выродки, командующие французским флотом.

— Говорят, в Америке теперь строят из нашего отечественного дуба двухпалубные корабли, — сказал Гриффит. — Стоит вам лишь прибыть туда, и вы тотчас получите почетное назначение.

— Да, республика не может сомневаться в челове-

ке, который высоко держал ее знамя в самых кровопролитных боях! Я поеду туда, Гриффит, но путь мой лежит по этой тропе. Моим притворным друзьям не раз удавалось связывать мне руки, но врагам — никогда! Не удастся им это и сейчас. Через десять часов я буду знать все, что мне нужно, а вам я вверяю заботу о нашем отряде до моего возвращения. Будьте бдительны и осторожны.

— А если вы не явитесь в назначенный час, — воскликнул Гриффит, увидев, что лоцман уходит, — где мне искать вас? Каким образом я могу вам помочь?

— Не ищите меня, а возвращайтесь на свое судно. Я провел свою юность на этом берегу, хорошо знаю местность и в случае необходимости сумею, переодевшись, так же легко покинуть остров, как и появился на нем. Забудьте обо мне и думайте только о своем прямом деле.

Лоцман сделал Гриффиту прощальный знак и исчез. Несколько минут молодой человек оставался на месте, размышляя об удивительно одаренном и неутомимом человеке, с которым его неожиданно свела судьба и с участью которого, в силу непредвиденных обстоятельств, было так тесно связано его собственное будущее. Оторвавшись наконец от этих мыслей, навеянных недавними событиями, он направился внутрь развалин и, тщательно осмотрев полуразрушенное здание, убедился, что в нем сохранилось немало тайников, где могли укрыться солдаты до возвращения лоцмана. А тогда им предстоит либо попытаться захватить намеченных любителей охоты, либо, пользуясь темнотой, возвратиться на «Ариэль». Наступила глухая ночная пора, которую моряки называют утренней вахтой, и Гриффит тихонько пробрался на опушку маленького леса, чтобы послушать, не доносятся ли звуки погони. Дойдя до такого места, откуда он мог смутно различать даже далекие предметы, молодой человек остановился и постарался внимательно ознакомиться с окружающей обстановкой.

Шторм заметно стих, но мощный поток морского воздуха свистел и шумел в голых ветвях дубов, усиливая мрачность ночной картины. В полумиле, на фоне полосы света, постепенно разгоравшейся над морем, гордо вырисовывались стены аббатства Святой Руфи. Когда молодой моряк поворачивался в сторону берега, ему

казалось, что он видит белые шапки пены на излюбленной им и теперь взбудораженной стихии. Порывы ветра доносили до его слуха смутный рев прибоя, тяжко обрушивавшегося на берег или с бешеной силой кидавшегося на незыблемый рубеж из скал. В такое время и в таком месте молодому моряку естественно было поразмыслить о превратности счастья в его опасной профессии. Прошло всего лишь несколько часов, как он, прилагая все свое умение и всю энергию, управлял огромным кораблем, на котором теперь в открытом море, далеко от берега, где он сейчас хладнокровно ждал опасности, так безмятежно спали его друзья. Воспоминания о доме, об Америке, о его юношеской неослабной любви, о красоте любимой девушки толпились в его мозгу в диком и лихорадочном смятении, все же радуя пылкое воображение молодого человека, и он медленно направился в сторону аббатства, как вдруг его слуха коснулся звук шагов. Несомненно, это был размеренный шаг солдат. Отряд приближался, и Гриффит, мгновенно отогнав грезы, через несколько секунд увидел людей, маршировавших в полном боевом порядке к опушке леса, откуда он только что вышел. Быстро отступив в тень деревьев, он наблюдал за движением отряда и убедился, что эти люди тоже ищут укрытия. Тогда он решил их окликнуть.

— Кто идет? По какому делу? — крикнул он.

— Трус, который прячется в нору, как заяц, или прыгает от дыры к дыре, как портовая крыса, — угрюмо ответил Мануэль. — Я хожу мимо неприятеля на расстоянии меньше ружейного выстрела и не смею выстрелить даже по их аванпостам, потому что дула наши закупорены тем всеобщим гасителем пороха, который называется осторожностью. Не желаю вам, мистер Гриффит, когда-либо испытать такое искушение, какое только что испытал я: мне так хотелось пальнуть дробью по этой собачьей конуре, хотя бы для того, чтобы разбить окна и впустить ночной воздух к этому пьянице, что сейчас дрыхнет под парами доброго южного нектара. Послушайте, мистер Гриффит, одно слово на ухо!

Между офицерами состоялся короткий разговор, но, по-видимому, они не пришли к общему решению, ибо, подойдя к солдатам, Мануэль все еще продолжал излагать свои планы и убеждать Гриффита.

— Я мог бы взять старую тюрьму, даже не разбудив тех, кто там храпит. И подумайте, сэр, сколько мы добыли бы в тамошних погребах самого подкрепляющего напитка, какой когда-либо смачивал глотку джентльмена!..

— Глупости все это, глупости! — нетерпеливо прервал его Гриффит. — Мы не воры, которые шарят по курятникам, и не дегустаторы вин, поэтому не станем опустошать погреба́ английских дворян, капитан Мануэль. Мы честные люди, занятые священным делом освобождения нашей страны. Ведите ваш отряд в развалины, пусть люди отдохнут. На рассвете, возможно, для них найдется работа.

— Да будет проклят тот час, когда я расстался с армией и поставил солдата под начало целой банды смоленых курток! — пробормотал Мануэль, направляясь выполнять приказ, отданный ему таким властным голосом, что он не посмел ослушаться. — Упустить такой прекрасный случай внезапного нападения и пополнения запасов! Но, клянусь правами человека, уж лагерь-то я устрою по всем правилам!.. Эй, сержант, назначь трех человек и капрала в пикет и поставь их на опушке леса. А перед нашими укреплениями поставь часового, и вообще постараемся поддержать некое подобие дисциплины.

Гриффит выслушал это приказание весьма неодобрительно, но, не ожидая возвращения лоцмана раньше новой ночи, которая скрыла бы дефекты их маскировки, он сдержал искушение и не вмешался. Итак, Мануэль мог наслаждаться тем, как по его желанию в полном боевом порядке размещался маленький отряд, а затем он сам с Гриффитом и солдатами занял одно из сводчатых помещений, открытые и сорванные двери которых как бы приглашали внутрь. Солдаты расположились на отдых, а оба офицера решили бодрствовать и коротали время то за разговорами, то уносясь мыслями в самые различные области, куда только могла увлечь фантазия людей, столь различных по характеру.

Так в ленивом спокойствии и угрюмом ожидании проходил час за часом, пока не занялся день и не стало опасно оставлять часовых в таком месте, где их мог заметить любой бродяга, проходя близ леса. Мануэль возражал против всяких изменений и утверждал, что,

сняв пикет, они поступят совсем не по-военному. Вступая в спор с морским офицером, он постоянно доводил свои тактические понятия до нелепости. Но на сей раз его начальник оказался непреклонным, и единственное, чего капитану удалось добиться, — это разрешения оставить одного часового перед входом в подвал, но в пределах разрушенных стен здания. После этого небольшого изменения прежнего распорядка они снова провели несколько часов в томительном ожидании того времени, когда им придется действовать.

Послышались первые залпы «Быстрого», и Гриффит привычным ухом тотчас же различил, что стреляет не шхуна. А когда вдали загрохотала оживленная канонада, Гриффиту с большим трудом удалось удержать себя и своих товарищей в тех границах, которых требовали их положение и благоразумие. Наконец отгремел последний залп, но ни один человек не покинул подвала, и теперь догадки о результате боя пришли на смену догадкам о тех, кто в нем участвовал. Одни солдаты время от времени поднимали головы с каменных обломков, служивших им подушками, которые не мешали им ловить минуты тревожного и недолгого забытья, и, послушав пальбу, снова укладывались спать, мало заботясь об исходе сражения, в котором они сами не принимали участия. Другие, более любопытные и менее сонные, щедро сыпали грубыми шутками в адрес тех, кто участвовал в бою, и по доносившимся звукам старались определить его ход.

Когда все стихло, Мануэль снова начал ворчать:

— Всего в двух милях от нас было, кажется, очень весело, мистер Гриффит, — сказал он. — Если бы мы не зарылись в землю, как кроты, то могли бы принять участие в этом веселье и по праву разделить славу и почет. Да и сейчас еще не поздно выйти на скалы, где мы были бы в виду у судов и, может быть, заработали долю при дележе добычи.

— Королевский тендер — невелика добыча, — возразил Гриффит, — и мало было бы проку Барнстейблу, если бы он загромоздил свою палубу кучей бесполезных людей.

— Бесполезных? — возмутился Мануэль. — Вы считаете бесполезными двадцать три хорошо обученных отборных солдата? Посмотрите на этих молодцов, мистер

Гриффит, и повторите, что считаете их бесполезными в час опасности!

Гриффит улыбнулся и взглянул на спящих людей (как только пальба стихла, они снова все предались отдыху) и не мог не полюбоваться их атлетическими, мускулистыми фигурами, раскинувшимися во мраке подвала во всех позах, какие только могли подсказать усталость или прихоть. Затем он перевел взор на пирамиды ружей; даже в этом темном помещении солнце отражалось от их блестящих стволов и отполированных штыков. Мануэль с внутренней радостью следил за его взглядом и выражением лица, но сдержался и ничем не выдал своих чувств, ожидая ответа Гриффита.

— Я уверен, что в час опасности они будут вести себя, как и подобает настоящим солдатам, — сказал Гриффит. — Но чу! Я что-то слышу... Что он говорит?

— Кто идет? — повторил часовой, стоявший у входа в подвал.

В одно мгновение Мануэль и Гриффит были на ногах и остановились, стараясь не производить ни малейшего шума. Напрягая слух, они пытались понять, что встревожило часового. Прошла минута мертвой тишины.

— Это лоцман! Назначенный им час давно прошел,— прошептал Гриффит.

Не успел он произнести эти слова, как до них внезапно донесся лязг оружия, и с каменных ступеней ведущей к выходу лестницы к их ногам скатилось безжизненное тело часового. Из глубокой раны в его груди торчал штык, который и был причиной его смерти.

— Встать! Встать! — закричал Гриффит солдатам.

— К оружию! — громовым голосом гаркнул Мануэль.

Солдаты, пробужденные этими страшными криками, в испуге вскочили на ноги. В то же роковое мгновение в подвал брызнул огонь, а затем эхом отдался залп двадцати мушкетов. Но ни грохот, ни дым, ни доносившиеся со всех сторон стоны не могли удержать Гриффита. Он разрядил пистолет в облако, скрывавшее вход в подвал, и, схватив абордажную пику, бросился на лестницу с криком:

— Вперед! За мной, ребята! Это всего лишь солдаты!

Пылкий молодой моряк одним духом взлетел по ступеням, но, выбегая наружу, споткнулся о корчившееся

тело жертвы его же выстрела и упал прямо в руки неприятельских солдат.

— Огонь, Мануэль, огонь! — закричал разъяренный пленник. — Стреляйте, пока они все тут в куче!

— Конечно, стреляйте, мистер Мануэль, — хладнокровно сказал Борроуклиф, — и убейте своего же офицера!.. Поднимите его, ребята, и держите перед собой. Чем ближе к нему, тем безопаснее.

— Огонь! — снова закричал Гриффит, безуспешно стараясь вырваться из рук пяти-шести солдат. — Стреляйте и не думайте обо мне!

— Если он это сделает, его будет ждать виселица, — заметил Борроуклиф. — Разве можно убивать такого замечательного молодца? Мы не на охоте... Отведите-ка его от входа в подвал, ребята, и займитесь своим делом.

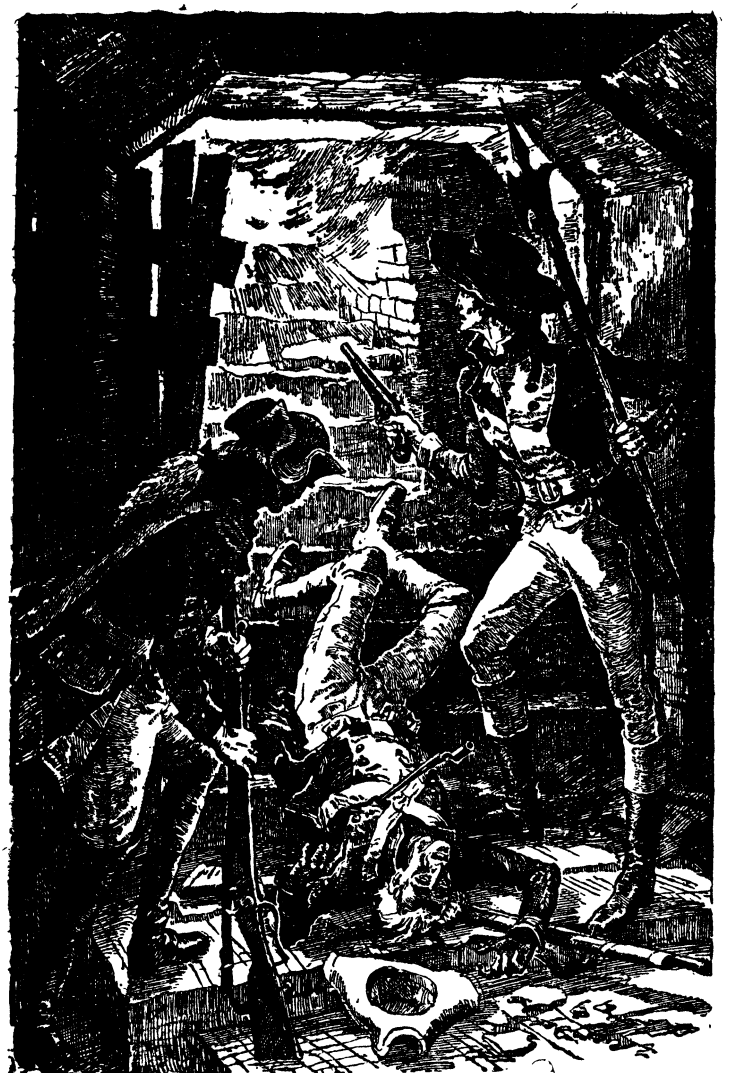
В тот миг, когда Гриффит бросился наверх, Мануэль был занят тем, что выстраивал в порядке своих солдат, приученных делать все вместе и по команде. Поэтому они упустили время для успешной вылазки. Солдаты Борроуклифа перезарядили мушкеты и залегли за остатками разрушенных стен, откуда они могли держать под прицелом вход в подвал, не подвергаясь сами существенной опасности. Через щели в стене Мануэль лично убедился в преимуществе их положения и не решился выйти против неприятеля, занявшего такие выгодные позиции. Обе стороны обменялись несколькими безрезультатными выстрелами. Видя, что это ни к чему не ведет, Борроуклиф предложил защитникам подвала вступить в переговоры.

— Сдавайтесь войскам его величества короля Георга Третьего, — закричал он, — и я обещаю сохранить вам жизнь!

— Отпустите пленного и дайте нам свободно пройти к нашим судам, — заявил Мануэль. — Солдаты должны выйти с воинскими почестями, а офицеры сохраняют при себе холодное оружие.

— Неприемлемо! — с большой важностью ответил Борроуклиф. — Честь оружия его величества и безопасность государства не позволяют нам заключать подобный договор. Но я обещаю сохранить вам жизнь и обеспечить хорошее содержание.

— Офицеры сохраняют холодное оружие, пленный получает свободу, а весь отряд возвращается в Америку



Не успел Гриффит произнести эти слова, как к их ногам скатилось безжизненное тело часового.

под честное слово не участвовать в войне, пока не будет произведен обмен!

— Не согласен, — ответил Борроуклиф. — Самое большее, что я могу обещать вам, — это добрую порцию благородного южного напитка, и, если вы тот, за кого я вас принимаю, вы по достоинству оцените мое предложение.

— В каком качестве вы приглашаете нас сдаться? В качестве обычных военнопленных или в качестве мятежников, бунтующих против вашего короля?

— Вы ведь мятежники, джентльмены, — осторожно ответил Борроуклиф, — и в качестве таковых вы и должны сдаться. Что касается приличного обращения и хорошего стола, то, пока это в моей власти, вы можете быть в них уверены. Во всем остальном участь ваша будет зависеть от милосердия его величества.

— Тогда пусть его величество сам пожалует сюда и попробует взять нас, ибо будь я...

Столь решительные слова Мануэля были прерваны Гриффитом, который уже успел немного успокоиться и, видя, что его личную судьбу можно считать решенной, благородно решил позаботиться об участи товарищей.

— Подождите, Мануэль! — воскликнул он. — Не произносите безрассудных слов... Капитан Борроуклиф, я — Эдуард Гриффит, лейтенант военно-морского флота Соединенных Штатов Америки, и даю вам честное слово...

— Освободить его! — приказал Борроуклиф.

Гриффит стал между враждующими сторонами и заговорил так, чтобы его слышали и те и другие:

— Я хочу спуститься в подвал и убедиться в потерях и нынешней силе отряда капитана Мануэля. Если потери так велики, как я предполагаю, я сам посоветую ему сдаться на обычных условиях, принятых у цивилизованных народов.

— Ступайте! — сказал Борроуклиф. — Или нет, постойте! Ваш товарищ — земноводный... Тьфу, черт, я хочу сказать, он из морской пехоты?

— Да, сэр, он капитан этого рода войск...

— Так и есть, — перебил его Борроуклиф. — Я узнал его по тягучему голосу. Ему стоит напомнить о добрых запасах вина в аббатстве Святой Руфи. Можете сказать ему, что я знаю, как тут действовать: я не буду штурмовать его позицию, а подвергну ее осаде, и уверен, что

он сдастся, как только опустеет его фляжка. В подвале, где он находится, нет таких запасов, как в погребах аббатства.

Несмотря на горечь поражения, Гриффит не мог удержаться от улыбки и, кивнув головой, спустился в подвал, где находились его товарищи, громким голосом предупреждая их о своем приближении.

Шесть солдат, в том числе и часовой, лежали мертвые на щербатых каменных плитах, а четверо были ранены, но по приказу командира сдерживали стоны, дабы неприятель не мог узнать слабости оставшегося отряда. Мануэль с остальными солдатами засел за остатками стены, пересекавшей подвал. Лицо его, несмотря на весьма печальные обстоятельства, выражало такую отвагу, словно судьба целого укрепленного города зависела от его умения и находчивости.

— Видите, мистер Гриффит, — воскликнул он, когда молодой моряк приблизился к этому мрачному, но действительно грозному укреплению, — только артиллерия может вытеснить меня отсюда! Что же касается этого пьяного англичанина наверху, то пусть он посылает сюда своих солдат по восемьдесят человек, и я их всех уложу на этой лестнице!

— Если понадобится, они вызовут и артиллерию, — сказал Гриффит. — У нас нет решительно никакой надежды на спасение. Может быть, вы и убьете несколько англичан, но человеколюбие запрещает делать это без особой необходимости.

— Конечно, — со зловещей улыбкой ответил Мануэль, — и все же мне кажется, что я испытал бы удовольствие, щелкнув семерых из них, только семерых, то есть на одного больше, чем они убили у меня.

— Вспомните о раненых, — добавил Гриффит. — Им нужна помощь, а вы хотите длить бесполезную оборону.

Несколько подавленных стонов, вырвавшихся у несчастных, подтвердили его слова, и Мануэль скрепя сердце уступил.

— Хорошо! Скажите ему, что мы сдаемся как военнопленные, — сказал он, — с условием, что я сохраню холодное оружие и что о больных должным образом позаботятся. Обязательно назовите их больными, потому что еще может подвернуться какой-нибудь счастливый слу-

чай, прежде чем соглашение будет подписано, и мне не хотелось бы, чтобы он узнал о наших потерях.

Не ожидая вторичного приглашения, Гриффит поспешил сообщить эти условия Борроуклифу.

— Сохранить холодное оружие! — воскликнул капитан, выслушав моряка. — Какое у него оружие? Пика абордажная? Если он вооружен не лучше вас, мой почтенный пленник, никто не будет об этом спорить.

— Если бы в моем распоряжении было десять хотя бы самых захудалых матросов, вооруженных такими пиками, а капитану Борроуклифу с его отрядом суждено было бы вступить с нами в смертельную схватку, — ответил Гриффит, — ему, может статься, пришлось бы изменить свое мнение об этом роде оружия.

— Четверо таких смельчаков, как вы, разбили бы наголову весь мой отряд, — нимало не смущаясь, ответил Борроуклиф. — Я дрожал за своих солдат, когда вы выскочили из дыма, словно сверкающая комета из облака! Отныне, если я увижу сальто-мортале, я с благодарностью вспомню изобретателя кувырканья. Но договор заключен — пусть ваши товарищи выйдут из подвала и сложат оружие.

Гриффит сообщил о результате переговоров Мануэлю, и тот вывел из подвала остатки своего отряда.

Люди, в продолжение всего этого разговора сохранявшие хладнокровие, спокойное послушание и мужество духа, которые и по сей день составляют отличительные черты морской пехоты, в угрюмом молчании последовали за своим командиром и складывали оружие с такой строгой четкостью и точностью движений, словно их ждал отдых после большого перехода. Когда все формальности были выполнены, Борроуклиф вывел из укрытия своих солдат, и наши искатели приключений снова оказались во власти неприятеля, да еще при таких обстоятельствах, которые исключали всякую надежду на скорое освобождение из плена.

ГЛАВА XX

Если твой отец воздаст мне должное, хорошо!
Если нет, пусть убивает следующего Перси сам.
Смею тебя заверить, я стану графом или герцогом.

Шекспир, «Король Генрих IV»

Мануэль переводил недовольный и угрюмый взгляд с победителей на остатки своего отряда, покуда его солдатам, из осторожности, по указанию сержанта Дрилла вязали руки. Увидев бледное и расстроенное лицо Гриффита, он дал волю своей досаде:

— Вот что значит пренебрегать правилами воинской дисциплины! Могу сказать не хвастая: мне довелось достаточно овладеть всей премудростью ведения боя, и, будь командование в моих руках, я расставил бы везде, где следовало, пикеты. Тогда нас не поймали бы, как кроликов в норе, откуда их выкуривают серой, и мы могли бы сражаться в открытом поле или, по крайней мере, продержаться не меньше двух часов в этих стенах против лучшего полка с нашивками короля Георга.

— Защищай передние укрепления, прежде чем укрыться в крепости! — подтвердил Борроуклиф. — Верно, такова военная наука. Но если бы вы как следует притаились в своей кроличьей норе, то и по сей час резвились бы на свободе. Нынче утром один деревенский пентюх, проходя этим лесом, увидел вооруженных солдат в незнакомой форме. Он побежал на скалы, намереваясь броситься в море — вот до чего иной раз доводит трусость! — но, к счастью, повстречался со мной, и я из человеколюбия спас ему жизнь тем, что заставил его привести нас сюда. Наука — хорошая вещь, мой достойный собрат по оружию, но бывают случаи, когда безопаснее пренебречь ею.

— Ваша взяла, сэр, поэтому вам можно смеяться, — ответил Мануэль, с мрачным видом усаживаясь на камни развалин и устремляя грустный взгляд на безжизненные тела солдат, которые одно за другим выносили из подвала и клали у его ног. — Эти люди были моими детьми, и я не могу, простите, разделять вашу веселость. Ах,

капитан Борроуклиф, вы солдат и умеете ценить воинскую доблесть! Я взял этих молодцов, которые теперь так спокойно спят здесь на камнях, из рук самой природы и сделал из них украшение нашего ремесла. Они перестали быть людьми, они стали храбрецами, которые ели и пили, поворачивались и маршировали, заряжали ружья и стреляли, смеялись и горевали, говорили и молчали только по моему приказу. Что касается души, то она у них была общая и целиком принадлежала мне!.. Можете стонать, дети мои, можете стонать, сколько вам хочется, — теперь незачем больше соблюдать тишину. Я видел однажды, как пуля мушкета срезала пуговицы с мундиров пяти солдат, стоявших в ряду, не причинив им ни единой царапины! Я всегда мог с точностью сосчитать, сколько таких солдат требовалось для всех обычных операций, но это проклятое разбойничье дело лишило меня лучших моих сокровищ! Стойте вольно теперь, дети мои, стойте, если это облегчит вашу боль!

Борроуклиф, по-видимому, до некоторой степени разделял чувства своего пленника, ибо сказал ему несколько утешительных слов, в то же время наблюдая за тем, как его люди готовились покинуть развалины. Наконец сержант доложил, что носилки для переноски раненых готовы, и спросил, не прикажет ли капитан возвращаться в казарму.

— Кто-нибудь видел кавалеристов? — спросил капитан Борроуклиф. — Куда они проследовали? Известно ли им, что найдена эта часть неприятельского отряда?

— Только не от нас, ваша честь, — ответил сержант. — Они отправились дальше по берегу еще до того, как мы покинули скалы, и говорили, что их офицер намерен обыскать берег на протяжении нескольких миль и везде поднять тревогу.

— Пускай себе! Только на это и годятся подобные красавцы! Нам, пехотинцам, Дрилл, так же трудно завоевать славу, как и получить повышение в чине. Мы всего лишь вырождающиеся потомки героев Пуатье[1]. Тебе понятно, сержант?

---

[1] Во время Столетней войны (1337—1453) англичане под командованием сына английского короля Эдуарда III — Эдуарда, прозванного «Черным принцем», разбили 19 сентября 1356 года в битве под французским городом Пуатье французскую армию короля Иоанна II Доброго.

— Вы, кажется, изволите говорить о каком-то сражении между войсками его величества и французами, — ответил сержант, не совсем поняв выражение взгляда, брошенного на него офицером.

— Друг, ты отупел от победы! — воскликнул Борроуклиф. — Подойди сюда и выслушай мои распоряжения. Как ты думаешь, мистер Дрилл, не досталось ли нам в этой утренней забаве больше чести или добычи, чем мы с тобой можем унести?

— Не думаю, ваша честь, у нас обоих широкие плечи...

— Да, они не ослабеют от чрезмерного груза такого рода, — многозначительным тоном перебил его капитан. — Если мы допустим, чтобы нахальные драгуны пронюхали об этом деле, они бросятся на нас, разинув пасти, как стая голодных гончих, и утащат по крайней мере половину нашей славы и, уж конечно, всю добычу.

— Но, ваша честь, ни один из них даже...

— Не в этом дело, Дрилл. Я знавал войска, которые одерживали победы, но были лишены законной доли добычи при помощи хорошо составленной депеши. Ты знаешь, любезный, что в дыму и сумятице боя человек может видеть только то, что происходит рядом с ним, и благоразумие требует, чтобы он упоминал в официальных донесениях только о том, что трудно опровергнуть. При таких обстоятельствах индейцы и все прочие союзники могут рассчитывать на награды не больше, чем на участие в параде. Я думаю, Дрилл, ты слыхал о битве при Бленхейме? [1]

— Господи! Эта битва — гордость британской армии, ваша честь, эта да Каллоденская [2]. Это там великий капрал Джон разбил французского короля со всей его знатью, хотя они и поставили под ружье половину населения Франции.

— Правильно, хотя сведения твои попахивают казар-

[1] Во время войны за испанское наследство (1701—1714) при Бленхейме (в Баварии, на Дунае) английская армия под командованием знаменитого английского полководца герцога Мальборо (1650—1722) (которого сержант Дрилл называет «великим капралом Джоном») и союзники англичан — австрийцы, которыми командовал Евгений Савойский (1663—1736), разбили французско-баварское войско.

[2] 16 апреля 1746 года при Каллодене (Шотландия) Карл-Эдуард — претендент на английский престол из изгнанной в 1688 году династии Стюартов — был разбит английскими войсками.

менным чтивом. А знаешь ли ты, сколько французских солдат вышло в поле в тот день?

— Я никогда не видел списков их полков, сэр! Но если судить по разнице в населении Англии и Франции, то, надо полагать, несколько сот тысяч.

— А у нашего герцога, когда он выступил против такой армии, было в распоряжении всего лишь десять или двенадцать тысяч откормленных англичан! Что, чудно́, сержант?

— Конечно, ваша честь, старому солдату трудно в это поверить. Один шальной снаряд мог бы смести столь малые силы.

— И все же сражение состоялось, и наш герцог одержал победу! Но в распоряжении герцога Мальборо был некий мистер Евгений с пятьюдесятью или шестьюдесятью тысячами немцев. Ты никогда не слышал о мистере Евгении?

— Ни слова, ваша честь. Я всегда думал, что капрал Джон...

— ...был великий, отважный генерал. Ты думал правильно, мистер Дрилл. Таким был бы и некий джентльмен, если бы его величество соизволил подписать соответствующий патент. Однако и майорский чин дает надежду на командование полком, а положения полкового командира для человека уже вполне достаточно! Одним словом, мистер Дрилл, мы должны как можно тише довести наших пленников до аббатства, чтобы кавалеристы и дальше гарцевали по берегу и не перехватили нашей добычи. А вот в военном ведомстве нужно показать товар лицом, и тут уж ты можешь на меня положиться. Есть у меня на примете человек, который держит в руках перо не хуже, чем шпагу. Дрилл — имя не длинное, его легко вписать в донесение.

— Господи, ваша честь! — воскликнул благородный алебардщик. — Право, такая милость более... Я всегда к услугам вашей чести!

— Хорошо. На этот раз приказываю тебе молчать и заставить молчать наших солдат, пока не наступит время говорить, а тогда, даю тебе слово, мы наделаем немало шума. — Важно покачав головой, Борроуклиф продолжал: — Это был бой не на живот, а на смерть, сержант! Дремучий лес с обоих флангов, руины, а кругом убитые и раненые. Дай мне только чернила, и я распишу

тебе это сражение так, что небесам жарко станет! Ступай, приятель, готовься выступать.

Осведомленный таким образом насчет скрытых замыслов командира, сержант отправился выполнять его приказ. Вскоре все было сделано. Тела убитых остались непогребенными, ибо Борроуклиф полагал, что уединенность развалин служит достаточной гарантией от опасности их обнаружения. Трупы можно будет унести, когда стемнеет, в соответствии с намерением капитана действовать тайно, чтобы присвоить себе всю славу. Раненых уложили на самодельные носилки, сооруженные из мушкетов и солдатских одеял, а затем победители и побежденные вышли из развалин, двигаясь сомкнутым строем так, что первые скрывали вторых от любопытных взоров случайных прохожих. Впрочем, опасаться было нечего, ибо тревога и страх, результат разнесшихся по всей окрестности слухов, исключали возможность появления людей в столь уединенном месте, как земли аббатства Святой Руфи.

Отряд уже выходил из леса, когда послышались треск веток и шуршание сухих листьев, возвестив, что навстречу кто-то идет.

— Уж не драгунский ли это разъезд? — с явным неудовольствием воскликнул Борроуклиф. — Топают, словно целый конный полк! Джентльмены, я прошу вас засвидетельствовать, что мы уже удалялись с поля битвы, когда явилось это подкрепление, если оно окажется таковым.

— Мы охотно подтвердим, сэр, что именно вы одержали над нами победу, — сказал Гриффит, тревожно поглядывая в ту сторону, откуда приближались звуки, и ожидая, что из чащи вместо неприятельского отряда покажется заблудившийся лоцман.

— Прокладывай дорогу, Цезарь! — крикнул кто-то неподалеку от них. — Руби, Помпей, этот проклятый плющ справа от меня! Спешите, молодцы, иначе мы даже не понюхаем порохового дыма.

— Хм! — усмехнулся капитан, снова приняв невозмутимый вид. — Должно быть, перед нами римский легион [1], проснувшийся после семнадцати веков сна, а это голос центуриона [2]. Остановимся, мистер Дрилл, и посмотрим, как маршируют древние!..

[1] Римский легион — войсковое соединение в римской армии. Его численность колебалась от 3 до 10 тысяч человек.

[2] Центурион — командир подразделения в древнеримском легионе.

Не успел еще капитан договорить, как из лесной чащи на поляну, где Борроуклиф остановил свой отряд, вырвались запутавшиеся в кустах, обвешанные мушкетами два негра, а за ними — полковник Говард. Лишь после того, как старик оправил на себе платье и вытер с лица пот, выступивший от непривычных усилий, он заметил, что отряд капитана сильно возрос в числе.

— Мы услышали вашу стрельбу, — воскликнул полковник, усердно действуя платком, — и я решил выступить вам на подмогу! Вовремя сделанная вылазка снимала не одну осаду, хотя если бы Мóнкальм спокойно сидел в своем замке, равнины Абрагама [1] никогда не обагрились бы его кровью.

— Он поступил, как и подобало солдату, по всем правилам военного искусства, — заявил Мануэль. — И, если бы я сегодня последовал его примеру, дело, верно, приняло бы совсем иной оборот.

— Это кто такой? — удивился полковник. — В таком платье — и осмеливается судить о сражениях и осадах!

— Это dux incognitorum [2], мой достойный хозяин, — ответил Борроуклиф, — что на английском языке означает «капитан морской пехоты на службе у американского Конгресса».

— Как? Значит, вы встретились с неприятелем? И, клянусь славой бессмертного Вулфа, захватили врагов в плен! — вскричал обрадованный старик. — Я поспешил к вам на помощь с частью моего гарнизона, ибо видел, что вы пошли в том направлении, и даже слышал несколько выстрелов...

— Несколько? — прервал его победитель. — Я не знаю, что вы понимаете под «несколько», мой отважный старый друг. Возможно, во времена Вулфа, Эберкромби и Брéддока вы палили друг в друга по целым неделям, но мне тоже доводилось видеть добрую стрельбу, и я знаю толк в таких делах. В сражениях на Гудзоне трескотня мушкетов напоминала барабанный бой. Но это уже позади, теперь остались лишь воспоминания. А вот эта схватка была самой отчаянной из всех, в которых я когда-либо участвовал. Лес завален телами убитых, а

[1] В 1759 году решительное сражение армий Вулфа и Монкальма (см. примечание к стр. 89) произошло в Квебеке, на равнинах Абрагама.

[2] Dux incognitorum (лат.) — здесь: вождь непризнанных.

мы. как вы можете убедиться своими глазами, взяли с собой только нескольких тяжело раненных.

— Господи боже! — воскликнул удивленный старик. — На расстоянии выстрела от аббатства творятся такие дела, а я ничего не знаю! Эх, старость, старость! А ведь было время, когда первый же выстрел пробуждал меня от самого крепкого сна.

— От штыка шума не бывает, — ответил невозмутимый капитан, сделав выразительный жест. — Это оружие — гордость англичан, и опытный офицер знает, что один штыковой удар стóит огня целого взвода.

— Как? Вы ходили в штыки? — изумился полковник. — Клянусь богом, мой отважный молодой друг, я не пожалел бы двадцати мешков рису и двух здоровых негров, чтобы посмотреть на это сражение!

— Наблюдать такое зрелище бесспорно приятно, — подтвердил капитан, — и на сей раз для завоевания победы нам не потребовался Ахиллес. Я взял в плен всех оставшихся в живых — по крайней мере, всех, кто ступил на английскую землю.

— А королевский тендер расправился со шхуной! — добавил полковник Говард. — Да окончится так всякий бунт!.. Однако где Кит? Где мой родственник, мистер Кристофер Диллон? Мне бы хотелось спросить у него, чего законы нашей страны требуют в подобных случаях от верных подданных. Теперь будет чем заняться присяжным Миддлсекса, капитан Борроуклиф, если только это не входит в полномочия самого министра! Где мой родственник Кит? Послушный, рассудительный, верный Кристофер?

— Кацик non est [1], как говаривал судебный пристав об умных малых в нашем полку, когда их присутствие было особенно желательно, — ответил капитан. — Драгунский корнет дал мне понять, что его провинциальное лордство соизволило отправиться на тендер, дабы сообщить о местопребывании неприятеля, и осталось там, деля с моряками опасность и славу баталии.

— Да, это похоже на него! — воскликнул полковник, радостно потирая руки. — Это похоже на него! При звуке воинских труб он забыл о судебных делах, о своих мирных занятиях, забыл о том, что готовился стать госу-

[1] Non est (лат.) — здесь: отсутствует.

дарственным деятелем, и с горячностью и легкомыслием молодости бросился в бой!

— Кацик — человек осторожный, — сухо заметил Борроуклиф, — и, разумеется, вспомнит о своих обязанностях перед потомством и самим собой, когда встретится лицом к лицу с опасностью. Но я удивляюсь, что его до сих пор нет, потому что шхуна уже давно спустила флаг, — я видел это своими глазами.

— Извините меня, джентльмены, — сказал Гриффит, не в силах сдержать волнение, — но я невольно слышал вашу беседу и надеюсь, что вы не сочтете нужным скрыть правду от безоружного пленника. Вы говорите, что сегодня утром взята в плен какая-то шхуна?

— Совершенно верно, — ответил Борроуклиф с таким добродушием и деликатностью манер, которые делали честь его добросердечию, — но я воздержался сообщить вам об этом, ибо решил, что с вас хватит и ваших собственных огорчений. Мистер Гриффит, этот джентльмен — полковник Говард, гостеприимством которого вам придется воспользоваться, прежде чем мы расстанемся.

— Гриффит! — с живостью подхватил полковник. — Гриффит! Какое зрелище представляется глазам моим! Сын почтенного, отважного, верного Хью Гриффита взят в плен с оружием в руках, поднятым им против своего короля! Ах, молодой человек, молодой человек! Что сказал бы твой честный отец, что сказал бы его лучший друг, мой бедный брат Гарри, если бы господь привел им дожить до этого дня и стать свидетелями такого жгучего позора, такого несмываемого пятна на чести твоей фамилии?

— Будь мой отец сейчас жив, он тоже боролся бы за независимость своей родины! — гордо возразил молодой человек. — Но я хотел бы отнестись с уважением даже к предрассудкам полковника Говарда и поэтому прошу его не заговаривать со мной о вопросах, в которых мы никогда не придем к согласию.

— Никогда, доколе ты будешь в рядах мятежников! — вскричал полковник. — О, юноша, как нежно любил бы я тебя, если бы умения и знания, приобретенные тобой на службе у короля, были отданы теперь защите его неотъемлемых прав! Я любил твоего отца, почтенного Хью, не меньше, чем своего родного брата Гарри...

— И сын его, должно быть, еще дорог вам, — перебил

его Гриффит, взяв двумя руками руку полковника, которую тот нерешительно ему протянул.

— Ах, Эдуард, Эдуард! — смягчившись, продолжал старик. — Сколько славных надежд моих погибло от твоего своенравия! Как ни благоразумен и верен Кит, а все же едва ли я мог бы быть так же благосклонен к нему, как к тебе. Ты так похож лицом и улыбкой на отца, Нед, что, если бы не твоя измена, я отдал бы тебе все, чего бы ты ни пожелал... даже Сесилию, шаловливую и нежную, непокорную и ласковую, привязчивую и добрую Сесилию, которая навсегда стала бы соединительным звеном между нами!

Молодой человек взглянул на неторопливого Борроуклифа, который, поняв намек, мог бы последовать за солдатами, уносившими раненых в сторону аббатства, и ответил, давая выход своим чувствам:

— Да, сэр, пусть это будет концом наших разногласий! Ваша прекрасная племянница будет таким звеном, а вы сами станете для меня и для Сесилии тем, кем был бы ваш друг Хью, будь он жив.

— Юноша, юноша, — сказал старик, отворачиваясь, чтобы скрыть подергивание лица, — слова твои напрасны! Я уже дал слово моему родственнику Киту, и сейчас твои надежды неосуществимы.

— Нет ничего неосуществимого, сэр, для молодости и смелости, когда на помощь им приходят старость и опытность, — ответил Гриффит. — Эта война скоро окончится.

— Эта война? — вскричал полковник, вырывая свою руку. — Разве это война, молодой человек? Это гнусное покушение на права нашего всемилостивейшего монарха, это попытка посадить на королевский трон тиранов, взращенных в конурах! Затея возвысить злодеев за счет добрых людей! Попытка поощрить преступное честолюбие под маской священной свободы и под громкие крики о равенстве! Как будто свобода может существовать вне порядка! Как будто мыслимо равенство прав там, где привилегии государя не столь же священны, как и права народа!

— Вы слишком сурово судите нас, полковник Говард... — сказал Гриффит.

— Я не сужу вас! — перебил его старый воин, который к этому времени решил, что юноша ничуть не напо-

минает его друга Хью. — Не моя это обязанность. А не то... Но этот час еще наступит, этот час наступит! Я человек терпеливый и умею ждать. Да-да, возраст охлаждает кровь, и мы умеем сдерживать страсти и нетерпение юных лет. Но если правительству будет угодно учредить в колониях судебную комиссию и ввести в ее состав старого Джорджа Говарда, то будь я проклят, если через год в живых останется хоть один мятежник!.. Сэр, — сурово обратился он к Борроуклифу, — в таком случае, я мог бы стать настоящим римлянином и повесить... да, повесить, сэр, даже моего родственника мистера Кристофера Диллона!

— Зачем раньше времени так возносить кацика? — мрачно усмехнулся капитан. — Смотрите, — продолжал он, указывая в сторону леса, — вот более подходящий кандидат на виселицу!.. Мистер Гриффит, этот человек ваш товарищ?

Полковник Говард и Гриффит взглянули туда, куда указывал пальцем капитан, и молодой моряк увидел лоцмана. Скрестив на груди руки, он стоял на опушке леса и, по-видимому, старался понять, в каком положении оказались его друзья.

— Этот человек... — смущенно ответил Гриффит, не решаясь высказать даже напрашивавшуюся неполную правду, — этот человек не принадлежит к экипажу нашего корабля.

— Но он был с вами, — недоверчиво возразил Борроуклиф. — Вчера на допросе он говорил от лица всех троих... Полковник Говард, этот человек, несомненно, командует арьергардом мятежников.

— Правильно! — воскликнул полковник. — Помпей! Цезарь! Взять на прицел! Огонь!

Негры вздрогнули, услышав внезапный приказ хозяина, перед которым они трепетали. Прицелившись, но отвернув головы и зажмурив глаза, они выстрелили.

— Вперед! — закричал полковник, размахивая старинным мечом, которым он был вооружен, и бросаясь вперед со всей прытью, какую допускал недавний приступ подагры. — Вперед! Поднимем этих собак на штыки! Вперед, Помпей! Равняйся, ребята!

— Если ваш приятель устоит против этой атаки, — с тем же непоколебимым спокойствием сказал Борроуклиф Гриффиту, не двигаясь с места, — значит, у него желез-

ные нервы. Такая атака, да еще когда в рядах армии находится Помпей, опрокинула бы колдстримцев [1].

— Надеюсь, бог надоумит его пощадить слабость полковника Говарда, — ответил Гриффит. — Однако он достал пистолет.

— Но он не выстрелит. Римляне сочли за благо остановиться... Ей-богу, они отступают!.. Эй, полковник Говард, мой почтенный хозяин, отступите-ка к вашим резервам! В лесу полно мятежников, но им от нас не уйти. Я жду только кавалерию, и тогда мы отрежем им отступление.

Старик, который подошел было совсем близко к человеку, спокойно ожидавшему нападения, при этих словах остановился. Взглянув вправо и влево, он увидел, что остался один. Поверив словам Борроуклифа, он начал медленно отступать, мужественно глядя в лицо неприятелю, и повернулся к нему спиной лишь тогда, когда оказался подле капитана.

— Соберите ваших солдат, Борроуклиф!—воскликнул он. — Нужно осмотреть лес. Негодяи-мятежники не устоят перед войсками его величества! Что же касается негров, то я покажу им, как бросать своего господина в такую минуту! Говорят, что страх бледен, — это вранье, Борроуклиф. Я утверждаю, что у него черная кожа.

— Я видел его всех цветов: черным, белым, синим и даже пестрым, — ответил капитан. — Однако предоставьте командование в этом деле мне, мой почтенный хозяин. Вернемся в аббатство! Будьте уверены, никто из мятежников не уйдет из моих рук.

Полковник Говард с большой неохотой согласился, и они все вместе медленным шагом, приноровленным к слабым силам полковника, направились к своей штаб-квартире. Внезапная атака и воинственные мысли изгнали все мягкие чувства из груди старика. Он вступил в аббатство с твердым намерением передать Гриффита и его товарищей в руки правосудия, хотя бы это привело их к подножию виселицы.

Лоцман провожал их взглядом, пока они не скрылись в чаще кустарника. А затем, спрятав пистолет, который до сих пор был у него в руке, он с мрачным и задумчивым видом вновь медленно углубился в лес.

[1] Колдстримцы — английский гвардейский полк, один из старейших и отборнейших в английской армии.

ГЛАВА XXI

...коль знаменья совпали
В таком числе, пусть мне не говорят,
Что будто бы естественны они.
Я верю, это грозные приметы,
И страшного должны мы ожидать.

Шекспир, «Юлий Цезарь»

К тому времени, когда «Ариэль» и захваченный им «Быстрый» стали на якорь в упомянутой нами бухте, Гриффит и его отряд уже несколько часов находились в плену у неприятеля. На берегу все были уверены, что шхуна мятежников захвачена тендером, но это событие не вызвало большого интереса и удивления со стороны местных жителей, так как в Англии издавна привыкли считать своих моряков непобедимыми. Поэтому Барнстейблу без труда удалось оставить в заблуждении тех немногих поселян, которых в течение короткого зимнего дня любопытство заставляло приближаться к судам. Однако с появлением вечерних туманов, когда извилины берегов узкого залива скрылись во мраке, молодой моряк решил, что наступила пора действовать. «Быстрый», имея на борту всю свою команду и раненых с «Ариэля», бесшумно снялся с якоря и, пользуясь свежим бризом, который дул с суши, начал потихоньку дрейфовать по ветру к выходу из бухты. Наконец, когда перед ним открылся широкий морской простор, на тендере были подняты паруса, и он получил возможность выйти на поиски фрегата. Пока выполнялся этот маневр, Барнстейбл, затаив дыхание, следил за движением тендера, ибо на холме, полностью господствовавшем над выходом из бухты, находилась небольшая, но грозная батарея для защиты от набегов малых неприятельских судов. Несколько солдат управляли двумя тяжелыми пушками, входившими в состав этой батареи, и постоянно поддерживали их в боевой готовности. Барнстейбл не знал, насколько он преуспеет в своей хитрости, и, только услышав отдаленное хлопанье раскрывшихся парусов «Быстрого», уверился, что тот избежал опасности.

— Этот шум достигнет слуха англичан, — сказал юный Мерри, который стоял на баке шхуны возле коман-

дира и прислушивался затаив дыхание. — На мысу с заходом солнца поставили часового, и если он не умер и не спит, то непременно почует неладное.

— Нет! — возразил Барнстейбл, глубоко вздохнув, и по голосу его можно было заметить, что он отбросил все опасения. — Часовой скорее подумает, что сирена [1] обмахивается опахалом в этот теплый вечер, нежели заподозрит истину. Что скажешь ты, мистер Коффин? Учует солдат правду?

— Солдаты все дураки, — сказал рулевой, бросив взгляд через плечо, чтобы убедиться, что поблизости нет никого из отряда морской пехоты. — Был у нас сержант, которому следовало бы научиться уму-разуму, благо он четыре года пробыл на флоте. Так вот, этот сержант в присутствии людей, не раз огибавших мыс Доброй Надежды и знающих правду, утверждал, ничуть не краснея, что в тех морях никогда не встретишь Летучего Голландца [2]. А когда я сказал ему, что он темный человек, и спросил его, неужели не может быть Голландца, коли есть земли, где жители делят год на две вахты: шесть месяцев — день и шесть месяцев — ночь, этот глупец расхохотался мне в лицо, и я уверен, он назвал бы меня лжецом, но только его кое-что удержало.

— А что же это такое? — серьезно спросил Барнстейбл.

— Ну, как же, сэр, — ответил Том, расправляя костлявые пальцы и разглядывая широкую ладонь в тусклом свете сумерек, — хотя я и мирный человек, меня можно вывести из себя.

— А ты видел Летучего Голландца?

— Мне ни разу не довелось огибать этот мыс, хотя я берусь найти дорогу через пролив Ле-Мера в самую темную ночь. Но я знавал людей, видавших его.

— Ладно, пусть будет так. Сегодня тебе самому надо стать «Летучим янки», мистер Коффин! Приготовь тотчас вельбот и вооружи экипаж.

---

[1] Сирены — в греческой мифологии фантастические существа, изображавшиеся в виде женщин с птичьими ногами или с рыбьим хвостом или в виде птиц с женской головой. Своим чарующим пением они завлекали моряков к прибрежным скалам, о которые разбивались их корабли.

[2] Летучий Голландец — фантастический образ морского капитана, обреченного вместе со своим кораблем-призраком вечно носиться по бурному морю, никогда не приставая к берегу.

Рулевой помедлил, прежде чем отправиться выполнять это неожиданное приказание, и, указывая на батарею, самым спокойным образом спросил:

— Для работы на берегу, сэр? Взять ли тесаки и пистолеты? Или нам понадобятся только пики?

— Возможно, нам встретятся солдаты, вооруженные штыками, — мысля вслух, ответил Барнстейбл. — Снаряжайтесь, как обычно, но бросьте в шлюпку несколько длинных пик. И послушай, мистер Коффин, оставь ты свой бочонок с линем — я вижу, ты снова им запасся.

Рулевой, который уж было сошел с бака, при этом новом требовании остановился и рискнул заявить протест:

— Поверьте, капитан, старому китобою, который всю жизнь имел дело с этими вещами. Вельботу нужен бочонок с гарпунным линем, как кораблю балласт, и...

— Оставь их, оставь! — перебил его Барнстейбл, нетерпеливо махнув рукой, а это, как знал рулевой, означало твердое решение.

Вздохнув по поводу такой несговорчивости командира, Том тотчас принялся выполнять полученные приказания. А Барнстейбл дружески положил руку на плечо Мерри и, не говоря ни слова, повел его на корму шхуны. Брезент, завешивавший вход в каюту, был немного откинут, и при свете лампы, которая горела в этом маленьком помещении, с палубы было видно, что происходит внутри. Диллон сидел, подперев голову руками, и, хотя лицо его оставалось в тени, нетрудно было заметить, что он глубоко задумался.

— Хотел бы я видеть сейчас его лицо, — сказал Барнстейбл шепотом, слышным только его товарищу. — Глаза человека, юноша, все равно что маяк: они показывают, как найти путь к его душе.

— А иногда они — предостерегающий знак, сэр, который показывает, что возле него нельзя становиться на якорь, — ответил смышленый юноша.

— Шутник! — пробормотал Барнстейбл. — Вашими устами говорит кузина Кэт!

— Будь моя кузина, мисс Плаудён, здесь, мистер Барнстейбл, я уверен, ее мнение об этом джентльмене отнюдь не было бы более благоприятным.

— И все же я намерен довериться ему! Выслушайте меня, юноша, и скажите, прав ли я. У вас такой же жи-

вой ум, как и у других членов вашей семьи, и, может быть, вы подскажете мне что-нибудь полезное. (Восхищенный гардемарин надулся от гордости, что снискал такое доверие командира, и последовал за ним по палубе).—Опершись на фальшборт, Барнстейбл продолжал:— Я узнал от рыбаков, которые вечером к нам подходили, чтобы поглазеть на корабль, который сумели построить мятежники, что в старых развалинах возле аббатства Святой Руфи сегодня на рассвете был захвачен в плен отряд американских моряков и солдат морской пехоты.

— Это мистер Гриффит! — воскликнул юноша.

— Да! Не нужно ума вашей кузины Кэтрин, чтобы об этом догадаться. Так вот, я предложил этому джентльмену с длинной физиономией отправиться в аббатство и договориться об обмене пленными. Я согласен отдать его за Гриффита, а экипаж «Быстрого» — за отряд Мануэля и команду с вашего «Тигра».

— Как? — с волнением вскричал юноша. — Значит, они взяли в плен и моих «тигров» тоже? Эх, если бы мистер Гриффит позволил мне высадиться с ними на берег!

— Они отправились туда не ради детских забав, и на шлюпке едва разместились те, кто действительно был нужен. Но этот мистер Диллон принял мое предложение и дал слово, что Гриффит вернется через час после его возвращения в аббатство. Сдержит ли он слово?

— Возможно, — ответил Мерри после минутного размышления, — потому что сейчас его больше всего заботит присутствие мистера Гриффита под одной крышей с мисс Говард. Я допускаю, что он не изменит своему слову, хотя вид у него неискренний.

— Глаза у него лживые, я согласен, — подтвердил Барнстейбл, — но все же он джентльмен и дал обещание. Несправедливо заранее подозревать его в нечестном поступке. Я хочу верить ему! Теперь слушайте меня, сэр! Отсутствие офицеров старшего возраста возлагает особую ответственность на ваши молодые плечи. Смотрите за этой батареей так пристально, как если бы вы находились на топе мачты вашего фрегата и следили за появлением неприятеля. Как только вы увидите на ней свет, рубите канат и уходите в открытое море. Вы найдете меня где-нибудь под утесами. Идите вдоль берега, не теряя из виду аббатства, пока не встретитесь с нами.

Мерри внимательно выслушал эти и другие весьма

существенные предписания командира, который, отправив своего помощника с тендером (третий офицер находился в числе раненых), был вынужден доверить дорогую его сердцу шхуну юноше, чей возраст не позволял считать его опытным и искусным моряком.

Когда все наставления и инструкции были исчерпаны, Барнстейбл вернулся ко входу в каюту и снова зорким взглядом окинул пленника. Диллон поднял голову и, словно чувствуя, что его внимательно рассматривают, придал своему желтому, уродливому лицу выражение безнадежной покорности судьбе. По крайней мере, так показалось Барнстейблу, и эта мысль породила сочувствие в душе благородного моряка. Тотчас отказавшись от всех подозрений, ставивших под сомнение честь пленника, как недостойных их обоих, Барнстейбл приветливо пригласил его спуститься в вельбот. При этих словах лицо Диллона на миг исказилось такой коварной усмешкой, что лейтенант опешил. Но эту промелькнувшую усмешку так легко было принять за улыбку предвкушения свободы, что порожденные ею сомнения исчезли так же быстро, как и возникли. Барнстейбл уже было собрался последовать за ним в шлюпку, как вдруг почувствовал легкое прикосновение руки к своему плечу.

— Что вам? — спросил он у гардемарина, который остановил его.

— Не слишком доверяйте Диллону, сэр, — прошептал встревоженный юноша. — Если бы вы видели, какое у него было лицо, когда он поднимался по трапу из каюты, вы не стали бы верить ему.

— Я увидел бы не лицо красавицы, это правда, — смеясь, ответил великодушный лейтенант. — Вот наш Длинный Том в свои пятьдесят лет тоже не блещет красотой, но сердце у него большое, больше, чем у морского змея. Счастливой вахты вам, юноша, и помните — вы должны зорко следить за батареей! — С этими словами Барнстейбл перешагнул через планширь, спрыгнул на дно вельбота и, сев рядом с пленником, продолжал вслух: — Прикажите заранее отдать сезни с парусов и позаботьтесь, чтобы в случае нужды все шло гладко. Помните, сэр, у вас не хватает людей! Да хранит вас господь! И еще: если у вас найдется человек, который хоть на миг закроет оба глаза, он у меня откроет их пошире, чем если бы на него мчался приятель Тома Коффина — Летучий

Голландец! Да хранит вас господь, Мерри, мой мальчик! Ставьте брифок, если этот ветер с берега продержится до утра. Весла на воду!

Отдав последнее приказание, Барнстейбл уселся на банке и завернулся в плащ. Он хранил глубокое молчание до тех пор, пока они не миновали два небольших мыса, по обе стороны входа в бухту. Матросы делали длинные, сильные гребки обмотанными парусиной веслами, и вельбот с удивительной скоростью скользил по волнам, оставляя позади неясные предметы вдоль туманной линии берега. Однако, когда они вышли в открытое море и шлюпка направилась вдоль берега, прикрываясь тенью утесов, рулевой решил, что молчание более не существенно для их безопасности, и рискнул нарушить его, сказав:

— Брифок хорош, только когда идешь на чистый фордевинд, на большой волне. Надо думать, за пятьдесят лет человек может научиться распознавать погоду, и я считаю, что, если «Ариэль» снимется с якоря после того, как ночь перевалит за восемь склянок, ему придется поставить грот, чтобы держаться на курсе.

При этих неожиданных словах лейтенант вздрогнул и, сбросив с плеч плащ, посмотрел в сторону моря, как бы пытаясь увидеть там те зловещие предзнаменования, которые тревожили воображение рулевого.

— Что это, Том? — спросил резко он. — Неужели ты на старости лет превратишься в пророка бед? Почему ты вдруг разворчался, словно старуха?

— Не старуха, — весьма выразительно произнес рулевой, — а старик, который всю жизнь провел там, где не было холмов, чтобы укрыть его от небесных ветров, кроме разве холмов из соленой воды да пены морской. И этот старик предупреждает вас, что еще до утра начнется сильный норд-ост.

Барнстейбл слишком хорошо знал своего старого подчиненного, чтобы не всполошиться при его словах, произнесенных с такой уверенностью. Но, оглядев снова горизонт, небо и море, он ответил с прежней суровостью:

— На этот раз ты ошибаешься, мистер Коффин! Дело идет к мертвому штилю. Эта зыбь осталась еще с прошлого шторма, а мгла над головой — не что иное, как ночной туман, и ты видишь собственными глазами, как он уходит в сторону моря. Даже бриз — всего лишь движение берегового воздуха, который смешивается с мор-

ским. Он насыщен влагой, но медлителен, как голландский галиот.

— Да, сэр, ветер этот влажный, да не такой уж сильный, — ответил Том. — Ветер с суши никогда не уходит далеко в море. Не так-то легко разглядеть настоящие признаки непогоды, капитан Барнстейбл. Их умеют распознавать лишь те, кто, кроме этого, мало чему учился. Только один бог может видеть небесные ветры, только он один может сказать, когда начнется и когда кончится ураган. Но человек не кит и не дельфин, которые хватают ноздрями воздух и не знают зюйд-ост это или норд-ост. Взгляните-ка в подветренную сторону, сэр! Видите, вон там полоса чистого неба сверкает ниже мглы? Поверьте слову старого моряка, капитан Барнстейбл: когда с неба идет такой свет, это что-нибудь да значит! Кроме того, солнце село в темные тучи, а луна взошла маленькая, сухая и ветреная.

Барнстейбл слушал его со вниманием и растущей тревогой, ибо прекрасно знал, что рулевой обладает редким чутьем и почти безошибочно предсказывает погоду, хотя частенько примешивает к делу всякие суеверные приметы. Усевшись снова на место, лейтенант пробормотал:

— Пусть себе дует! Гриффит достоин и большего риска, а если батарею не удастся обмануть, ее можно и взять!

Больше о погоде не вспоминали. Диллон, с тех пор как он спустился в шлюпку, не произнес ни слова, а рулевой догадывался, что командир не желает, чтобы его тревожили. Около часа они шли с большой скоростью: жилистые гребцы гнали вельбот вдоль самого края полосы прибоя, ни на минуту не ослабляя усилий и, казалось, нисколько не уставая. Время от времени Барнстейбл бросал опытный взгляд моряка на маленькие бухточки, мимо которых они проходили, замечая пятна песчаных пляжей, разбросанные то здесь, то там вдоль скалистого берега. На одну бухту, более глубокую, чем остальные, где было слышно, как, журча, сбегала пресная вода, встречаясь с приливом, он указал рулевому выразительным жестом, как на место, которое следовало особенно запомнить. Том, поняв этот знак как предназначенный для него одного, тотчас запечатлел в памяти это место с той отчетливостью, которая свойственна людям, привыкшим находить путь на суше или на море по приметам и ориен-

тирам. Вскоре после этой краткой и безмолвной беседы между лейтенантом и рулевым шлюпка развернулась и была направлена к берегу, чтобы врезаться носом в песок. Но вдруг лейтенант приказал гребцам остановиться.

— Тихо! — сказал он. — Я слышу шум весел.

Гребцы разом перестали грести, внимательно прислушиваясь к шуму, который встревожил их командира.

— Смотрите, сэр, — сказал рулевой, указывая на восток. — Это шлюпка. Вот она в полосе света, мористее нас. Сейчас она скрылась между волнами... Ага! Вот она опять!

— Клянусь небом, — воскликнул Барнстейбл, — это шум весел военной шлюпки! Я вижу лопасти весел... вот они снова опустились! Ни рыбак, ни контрабандист не гребут с такой правильностью.

Том, прислушиваясь, наклонил голову почти к самой воде, а затем выпрямился и уверенно сказал:

— Это «Тигр»! Я знаю плеск его весел, как своих собственных. Мистер Мерри обучил своих «тигров» резать воду на новый манер: они погружают и выносят весла с разворотом в уключинах, лопастями плашмя. Могу поклясться, это их гребок!

— Дайте-ка подзорную трубу! — нетерпеливо потребовал Барнстейбл. — Я постараюсь разглядеть шлюпку, когда она снова поднимется в полосу света. Клянусь всеми звездами нашего флага, ты прав, Том! Но на корме сидит только один человек. Если глаза не обманывают меня, это проклятый лоцман. Он трусливо бежит отсюда, оставив Гриффита и Мануэля погибать в английских тюрьмах. К берегу! Немедленно!

Приказание было тотчас выполнено, и через минуту кипевший нетерпением Барнстейбл, Диллон и рулевой уже стояли на песке.

Вообразив, что лоцман бросил двух его товарищей на произвол судьбы, молодой моряк спешил отправить своего пленника, так как боялся, что с каждой минутой могут возникнуть новые препятствия на пути осуществления его планов.

— Мистер Диллон, — сказал он, как только они высадились на берег, — я не требую от вас новых обязательств. Вы уже поручились мне честью...

— Если клятва может подкрепить мое слово, — перебил его Диллон, — я готов поклясться.

— Клятвы излишни, достаточно и слóва джентльмена. Я пошлю с вами в аббатство моего рулевого, и вы либо вернетесь вместе с ним сами в течение двух часов, либо пришлете его с мистером Гриффитом и капитаном Мануэлем. Ступайте, сэр, вы условно свободны! Вот расселина, по которой легко карабкаться на скалы.

Диллон еще раз поблагодарил своего великодушного победителя и начал с трудом взбираться на скалы.

— Следуй за этим джентльменом и исполняй его указания, — сказал Барнстейбл рулевому.

Том, издавна привыкший к полному повиновению, взял в руки гарпун и спокойно направился за Диллоном, но вдруг почувствовал руку лейтенанта на плече.

— Ты видел место, где с песчаного холмика стекал ручеек? — тихо спросил его Барнстейбл.

Том молча кивнул.

— Ты найдешь нас там, за полосой прибоя: не годится слишком доверять врагу.

Рулевой многозначительно поднял гарпун, показывая, какая участь ждет пленника, если он изменит своему слову, и, упираясь в землю древком гарпуна, быстро поднялся по расселине. Вскоре он уже шагал рядом со своим спутником.

ГЛАВА XXII

Ну что ж! Пусть подсаживается,
Он, наверное, храбрый воин.

Шекспир, «Генрих IV»

Барнстейбл постоял на берегу, пока не стихли шаги Диллона и рулевого, а затем отдал приказание снова отойти от берега. И, в то время как матросы неторопливо гребли к тому месту, где он намерен был ожидать возвращения Тома, у лейтенанта впервые возникли серьезные сомнения в честности пленника. Теперь, когда Диллон был уже вне его власти, Барнстейбл начал живо припоминать различные черточки его поведения, которые вполне оправдали эти мысли, а к тому времени, как моряки достигли места, куда должен был

явиться рулевой, и бросили в море небольшой якорь, опасения перешли в тревогу. Но здесь мы оставим лейтенанта со всеми его размышлениями на указанную неприятную тему и последуем за Диллоном и его бесстрашным и ничего не подозревающим провожатым на их пути в аббатство Святой Руфи.

Мгла, о которой упомянул Том во время своей беседы с командиром о погоде, все ниже опускалась на землю, принимая вид густого тумана, который нависал вялыми клубами, почти не волнуемыми легким ветерком. От этого еще усиливался ночной мрак, и человеку, менее, чем Диллон, знакомому с окружающей местностью, было бы трудно найти тропинку, ведущую к жилищу полковника Говарда. После недолгих розысков тропинка была найдена, и Диллон быстрыми шагами направился к аббатству.

— Да-да! — сказал Том, которому не стоило ни малейшего труда поспевать за Диллоном. — Вы, сухопутные люди, нащупав фарватер, легко находите курс и определяете расстояние. Однажды судно, на котором я служил, ушло, оставив меня в Бостоне, и я должен был сам добираться до Плимута. Это каких-нибудь пятнадцать миль. Простояв неделю на якоре, я не нашел в Бостоне ни одной подходящей посудины и вынужден был отправиться сушей. И еще чуть ли не целую неделю я потратил на поиски какой-нибудь сухопутной лайбы, на борту которой я мог бы отработать стоимость переезда. Денег у бедного Тома Коффина тогда было не больше, чем сейчас, и не больше, чем будет, если только не попадется ему рыба покрупнее. Однако, видно, только лошади, да рогатый скот, да ослы тянут ваши береговые калоши. Пришлось мне заплатить недельное жалованье за место, и ел я только бананы да хлеб с сыром все то время, пока не снялся с якоря в Бостоне и не отдал его в Плимуте.

— Да, конечно, хозяин телеги не должен был так прижимать человека в твоем положении, — сказал Диллон дружеским тоном, с явной готовностью продолжить беседу.

— Я был на положении каютного пассажира, — продолжал рулевой, — потому что, кроме животных, о которых я упомянул, там работал только один человек. Он сидел на носу и правил, да и у него дела-то было немного: плыть пришлось меж каменных стен и оград; что же ка-

сается расчета пути, то там через каждые полмили были поставлены торчком камни, и на них все было указано. Да и береговых знаков там такое множество, что можно вести судно закрыв глаза, и то не собьешься с курса.

— Тебе, должно быть, казалось, что ты очутился совсем в новом мире? — заметил Диллон.

— Мне это было все равно, как если бы меня занесло в чужую страну, хотя, можно сказать, я сам из тех мест, так как родился я возле тех берегов. Мне часто доводилось слышать от сухопутных людей, будто на свете земли и воды поровну, но я всегда считал это подлой ложью, ибо я, бывало, несколько месяцев ходил по морю, не убирая парусов, и не видел даже кусочка земли или скалы, где бы чайка могла снести яйцо. Но должен признаться, что на пути от Бостона до Плимута мы не видели моря целых две вахты.

Диллон прилежно поддерживал эту занимательную беседу, и к тому времени, как они подошли к стене, ограждавшей большой луг вокруг аббатства, рулевой был поглощен спором о том, что больше: Атлантический океан или Американский материк.

Обойдя главный вход в здание через большие ворота и двор со стороны фасада, Диллон направился дальше вдоль стены, пока она после нескольких поворотов не привела их к калитке, которую, он знал, закрывали лишь тогда, когда все уже удалялись на покой. Теперь их путь лежал позади главного здания, и вскоре они достигли группы скученных служебных построек. Рулевой шел за своим проводником, совершенно уверенный в его честности, и эта уверенность еще более возросла после их непринужденной беседы во время пути от береговых утесов. Он не усмотрел ничего особенного и в том, что Диллон зашел в помещение, служившее казармой для солдат капитана Борроуклифа. Коротко поговорив о чем-то с сержантом и знаком предложив рулевому следовать за собой, Диллон покинул казарму. Миновав служебные постройки, он и Коффин вместе вступили в аббатство через ту самую дверь, откуда, как мы уже рассказывали, накануне ночью вышли дамы проведать трех арестованных. Пройдя по двум-трем узким коридорам, Том, не одобрявший способов сухопутной навигации, очутился, следуя за своим проводником, в длинной, темной галерее, в конце которой за полуоткрытой дверью виднелось ярко осве-

щенное и уютное помещение. Диллон быстро подошел к этой двери, отворил ее, и глазам рулевого представилась та же столовая, которую мы уже описывали, впервые знакомя читателя с полковником Говардом. Все оставалось прежним. Тот же яркий огонь весело трещал в камине, те же свечи стояли на столах из полированного красного дерева и так же сверкали графины с живительной влагой. Разница заключалась лишь в числе пирующих. Хозяин дома и Борроуклиф сидели друг против друга, рассуждая о происшествиях дня и прилежно передвигая взад и вперед сверкающий сосуд с тем благородным напитком, который они оба так любили; эта последняя их обязанность с каждой минутой становилась все легче и легче.

— Если бы только Кит вернулся с челом, увенчанным лавровым венком, я был бы счастливейшим старым дураком среди верноподданных его великобританского величества! — воскликнул полковник, сидевший спиной к отворенной двери.

Капитан, который после победы над неприятелем мог наконец сложить с себя противоестественный обет не пить вина, держа в одной руке сосуд с южнобережной мадерой, а другой указывая на дверь, провозгласил:

— А вот и сам кацик! Легок на помине! И чело его ожидает лаврового венка! Ха!.. А кто это сопровождает его высочество? Клянусь богом, сэр кацик, если вы будете путешествовать с личным эскортом из таких гренадеров, сам старый Фридрих Прусский [1] позавидует вам! Целых шесть футов даже без сапог! И оружие не менее необычное, чем тот, кто им снабжен.

Полковник, не дослушав и половины восклицаний своего компаньона, обернулся и увидел того, кого так стремился, но совсем не ожидал увидеть так скоро. Старик засыпал его вопросами, на которые Диллон, ввиду присутствия рулевого, отвечал с благоразумной осторожностью. Том стоял с непоколебимым спокойствием, опираясь на гарпун и рассматривая с удивлением и некоторым презрением убранство покоев, великолепие которых превосходило все, виденное им до сих пор. Тем временем Борроуклиф, не обращая никакого внимания на разговор

[1] Фридрих Прусский — король Пруссии Фридрих-Вильгельм I (1713—1740).

между хозяином и Диллоном, до того их увлекший, что они отошли в дальний угол комнаты, и ничуть не стесняясь отсутствием собутыльника, бесцеремонно наливал себе бокал за бокалом, словно был обязан теперь пить за двоих. И если он отрывал взгляд от рубиновых отблесков жидкости в бокале, то только, чтобы полюбоваться рослым рулевым, фигура которого действительно не могла не обратить на себя внимание офицера, занимающегося вербовкой рекрутов. Однако капитана вскоре лишили этого двойного удовольствия, пригласив принять участие в совете, который держали его друзья.

Полковник избавил Диллона от неприятной обязанности повторять сочиненный им хитроумный рассказ и с жаром передал его Борроуклифу в таких словах, что предательство его родственника показалось законным, хитроумным поступком и даже подвигом во имя короля. Отсюда следовало, что Тома нужно арестовать, а отряд Барнстейбла захватить в плен, после чего его люди должны были разделить участь своих товарищей. Впалые глаза Диллона потупились перед устремленным на него проницательным взглядом Борроуклифа, слушавшего похвалы, расточаемые полковником изобретательности своего родственника. Но сомнения капитана быстро исчезли, когда он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на ничего не подозревавшего Тома. Тот продолжал разглядывать комнату, уверенный, по простоте души, что переговоры, свидетелем которых ему довелось быть, служили лишь подготовкой к тому, чтобы разрешить ему повидать мистера Гриффита.

— Дрилл, — громко позвал Борроуклиф, — иди сюда и слушай мои распоряжения! (При этих неожиданных словах рулевой быстро обернулся и впервые убедился в том, что позади него в коридоре стоит сержант, а за ним — два ряда вооруженных рекрутов.) Отведи этого человека в караульную, накорми его, да смотри, чтобы он не умер от жажды!

В этом приказании не было ничего опасного, и Том по знаку капитана последовал было за солдатами, как вдруг в коридоре их настиг окрик: «Стой!»

— Я передумал, Дрилл, — сказал Борроуклиф тоном, в котором уже не было ничего командирского. — Проводи этого джентльмена в мою комнату да смотри, чтобы он ни в чем не терпел недостатка.

Сержант знаком, который был хорошо известен офицеру, ответил, что понял его. Борроуклиф вернулся к бутылке, а рулевой при этом вторичном упоминании об ожидавшем его удовольствии весело последовал за сержантом.

К радости сгоравшего от нетерпения Тома, комната капитана находилась недалеко, и обещанное угощение не заставило себя ждать. Комната выходила в небольшой коридор, соединявшийся с главной галереей. Обед рулевого состоял из любимого блюда английских островов: ростбифа в большом количестве, но без гарнира. Это блюдо всегда было в запасе на кухне полковника Говарда. Правильно поняв приказ капитана произвести атаку на крепость, содержавшую мозг рулевого, сержант собственноручно приготовил величаемую им грогом адскую смесь, способную свалить с ног даже то животное, над которым так старательно трудились челюсти Тома, будь этот бык жив и полон сил. Однако расчеты на ослабление разума рулевого под действием ямайского рома не оправдались. Том с огромным удовольствием, но ничуть не пьянея, опорожнял стакан за стаканом, в то время как глаза сержанта, который считал своим долгом поддержать компанию, уже подозрительно заблестели. К счастью для него, раздался стук в дверь, возвестивший о появлении капитана, который избавил его от позора, что его перепьет рекрут.

Войдя в комнату, Борроуклиф приказал сержанту уйти, добавив:

— Мистер Диллон даст тебе приказания, которые ты должен в точности выполнить.

Дрилл, который еще достаточно соображал, для того чтобы опасаться недовольства командира, если бы тот распознал его состояние, поспешил удалиться, и рулевой остался наедине с капитаном. Энергия, с какой Том нападал на ростбиф, теперь заметно ослабела, сменившись безмятежным довольством, которое обычно сохраняется еще долго после того, как утолен голод. Пренебрегая стульями, он сидел на одном из сундуков Борроуклифа и, поставив тарелку на колени, складным ножом отрезáл кусок за куском с той тщательностью, с какой, вероятно, женщина-вампир из «Тысячи и одной ночи» собирала ризинки на острие шила. Капитан придвинул себе табурет

и со снисходительной фамильярностью, естественной при разнице в их положении, повел такой разговор:

— Надеюсь, вам пришлось по вкусу наше угощение, мистер... Не имею удовольствия знать, как вас зовут.

— Том, — ответил рулевой, не отрывая глаз от тарелки. — Товарищи на корабле зовут меня Длинным Томом.

— Вы, по-видимому, плавали с разумными и способными моряками, если они так хорошо разбираются в долготе, — ответил капитан. — Но у вас, наверное, есть и фамилия?..

— Коффин, — ответил рулевой. — В спешке, когда требуется спустить фалы или поставить паруса, меня зовут Томом; в хорошую погоду, когда задумают обернуть старого морского волка вокруг пальца, — Длинным Томом; если же хотят именовать меня так, чтобы не откликнулся никто другой из моей родни, меня называют Длинным Томом Коффином, потому что, я думаю, самый высокий из них не больше сажени.

— Вы, я вижу, весьма достойный человек, — воскликнул Борроуклиф, — и жалко думать, какая участь ждет вас из-за вероломства мистера Диллона!

Подозрения Тома, если он их когда-либо питал, были до такой степени убаюканы ласковым приемом капитана, что не возникли даже при этом двусмысленном замечании. Опорожнив еще стакан рома, он ограничился тем, что с большим простосердечием сказал:

— Меня никто не ждет, кроме мистера Диллона, а он обязан или передать мне в обмен мистера Гриффита, или возвратиться пленным на «Ариэль».

— Увы, мой добрый друг, боюсь, что, когда придет время для этого обмена, он не согласится ни на то, ни на другое.

— Будь я проклят, если он не выполнит одного из этих условий! Мне приказано, чтобы это было сделано: либо он вернется, либо мистер Гриффит, лучший моряк для своих лет, когда-либо ступавший по корабельной палубе, снимется с этой якорной стоянки!

Борроуклиф окинул собеседника деланно сочувственным взглядом. Однако это выражение участия вовсе не дошло до рулевого, ибо после обильных возлияний Том все еще находился в самом благодушном настроении. Соображать он отнюдь не перестал. Однако, не способный

сам на предательство, он не мог заподозрить в нем и других. Поняв, что нужно говорить яснее, капитан предпринял лобовую атаку:

— Мне жаль огорчать вас, мой друг, но должен сказать, что вам не позволят вернуться на «Ариэль» и что не пройдет часа, как ваш командир Барнстейбл тоже очутится в плену, а шхуну захватят еще до рассвета.

— Кто захватит ее? — спросил рулевой, насмешливо улыбаясь, хотя такое сочетание грозящих бедствий начало производить на него впечатление.

— Вы должны помнить, что она стоит под огнем тяжелых орудий батареи, которые могут в несколько минут пустить ее ко дну. Уже послан нарочный предупредить командира батареи, что «Ариэль» — неприятельское судно. А так как сейчас ветер дует с моря, уйти шхуна не может.

Теперь наконец истина во всей своей ужасной наготе дошла до сознания рулевого. Он вспомнил собственное предсказание погоды и беспомощное положение шхуны, лишенной более половины своего экипажа и оставленной на попечении юноши, в то время как командиру ее грозила опасность попасть в плен. Тарелка соскользнула с колен старого моряка и упала на пол; голова его склонилась на грудь, он закрыл лицо руками и, несмотря на все старания скрыть охватившее его волнение, не мог удержать громкого стона.

На мгновение, при виде горя человека, чья голова уже носила на себе печать его возраста, в Борроуклифе шевельнулись добрые чувства. Но привычка многих лет, прошедших в собирании новых жертв для войны, тотчас взяла верх в его сердце, и офицер-вербовщик решил не упускать удобного случая.

— Мне от души жаль тех бедняг, которые позволили совратить себя с пути истинного ловкими уговорами или неправильным пониманием долга и подняли оружие против своего государя. Но, захваченные на территории самой Англии, они послужат примером для устрашения других. Боюсь, что, если они не примирятся с правительством, их осудят на смерть.

— Тогда лучше уж сразу примириться с судьбой. Ваше правительство мало чем поможет человеку, вахта которого на этом свете окончена.

— Но, примирившись с теми, в чьих руках власть, они

могут спасти свою жизнь, — сказал капитан, зорко следя за тем, как подействуют его слова на рулевого.

— Не такая беда для человека, когда его койку складывают в последний раз. Окончил вахту на этом свете — будет стоять на вахте на том свете. Но увидеть, как дерево и железо, так искусно слаженные в «Ариэле», попадут в руки неприятеля, — вот это человек запомнит надолго и после того, как имя его навсегда будет вычеркнуто из казначейских реестров! Я бы лучше согласился, чтобы двадцать залпов пронзили мое бренное тело, нежели один из них попал в шхуну ниже ватерлинии!

— Что ж, может быть, я и ошибаюсь,—беспечным тоном заметил Борроуклиф. — Возможно, вас не казнят, а только посадят на борт плавучей тюрьмы, где вы сможете еще славно повеселиться ближайшие десять или пятнадцать лет.

— Что ты болтаешь, приятель? — вздрогнув, вскричал рулевой. — Плавучая тюрьма, говоришь ты? Тогда передай им: пусть они лучше повесят одного человека, старого Тома Коффина, и тем самым сберегут его рацион.

— Все зависит от их прихоти: сегодня они, может, прикажут расстрелять вас как мятежников, а завтра решат считать вас военнопленными и отправят на галеры лет на десять.

— Скажи им, братец, что я мятежник, слышишь? И ты не солжешь, потому что я сражался с ними в Бостонском заливе еще во времена Мэнли [1]. Надеюсь, что мальчугану удастся взорвать шхуну... Бедный Ричард Барнстейбл умрет, если увидит ее в руках англичан!

— Я знаю одно средство... — сказал Борроуклиф, притворяясь задумчивым, — только одно, которое наверняка избавит вас от тюрьмы, ибо я уверен, что, поразмыслив, вас не решатся приговорить к смерти.

— Назови его, приятель! — сказал рулевой, вставая с места с явно взволнованным видом. — Если только оно под силу человеку, я согласен им воспользоваться.

— Разумеется, — ответил капитан, дружески положив руку на плечо рулевого, который напряженно прислушивался к его словам. — Это легко выполнить, да и страшного тут ничего нет. Ведь вы привыкли к пороху и можете отличить его запах от запаха роз?

[1] Мэнли Джон — американский моряк, одержавший ряд побед во время войны за независимость США.

— Еще бы! — нетерпеливо вскричал старый моряк. — Мне приходится нюхать его чуть ли не каждый час. Но что из этого?

— А то, что предложение, которое я намерен вам сделать, вполне достойно такого человека, как вы. Пришлись ли наши ростбиф и грог вам по вкусу?

— Да-да, все было превосходно, старому моряку все по нутру! Но что из этого? — спросил рулевой и, сам того не замечая, в нетерпении схватил Борроуклифа за воротник.

Капитан не выказал никакого раздражения при этой неожиданной фамильярности, ласково улыбнулся и решил, что настала минута дать залп из всех орудий, которые он до сих пор держал в резерве.

— Тогда вам остается только послужить вашему королю так, как вы до сих пор служили Конгрессу, и позвольте мне быть тем, кто первый покажет вам ваше знамя!

Рулевой напряженно уставился на капитана, но было очевидно, что он не понял значения сделанного предложения. И поэтому Борроуклиф продолжал:

— Короче говоря, мой друг, запишитесь в мою роту, — тогда я могу вполне обещать вам жизнь и свободу!

Том не расхохотался только потому, что редко проявлял подобным образом свои чувства, но каждая черта его закаленного непогодой лица исказилась гримасой презрения и насмешки.

И в ту же секунду Борроуклиф почувствовал, как железные пальцы, которые все еще держали его за воротник, сдавили его горло, словно тиски, а тело медленно оторвалось от земли и с силой, которой было бесполезно сопротивляться, притянуто к телу рулевого. Когда лица их оказались одно напротив другого, рулевой излил свои чувства в словах:

— Товарищ по кубрику лучше товарища по плаванию! Товарищ по плаванию лучше незнакомца! Незнакомец лучше собаки... Но собака лучше солдата!

Сказав это, Том с силой выпрямил руку, разжав при этом пальцы, и, когда Борроуклиф пришел в себя, он сидел в другом конце комнаты на полу среди кучи стульев, столов и одежды. Пытаясь подняться на ноги, капитан среди предметов, которые он свалил на пол при своем падении, коснулся эфеса собственной шпаги.

— Негодяй! — закричал он, обнажая сверкающее оружие и вскакивая на ноги.—Я вижу, тебя следует научить, как вести себя со старшими!

Рулевой схватил стоявший у стены гарпун и направил его острие на грудь противника с таким выражением во взгляде, что капитан тотчас понял угрожавшую ему опасность. Однако Борроуклиф не был трусом. Раздраженный нанесенным ему оскорблением, он ринулся на противника, одновременно пытаясь уклониться от острия угрожавшего ему необычного оружия. Но кончик гарпуна молниеносно описал небольшой круг, последовал легкий толчок, и Борроуклиф, потеряв шпагу, оказался всецело во власти врага. Однако кровожадные намерения Тома мгновенно исчезли, как только он одержал верх. Отложив в сторону гарпун, он приблизился к капитану и схватил его своей громадной рукой.

Вторая схватка, во время которой капитан убедился в своей полной неспособности противостоять силе человека, справлявшегося с ним, как с ребенком, решила дело. Когда капитан окончательно затих, рулевой достал из карманов, где, по-видимому, содержалось не меньше мелкого такелажа, чем в кладовой боцмана — целый ворох сезней, выбленок и шкимушки, — и с нерушимым хладнокровием, с молчаливостью, казалось, непоколебимой, и с ловкостью, какой мог обладать только моряк, начал привязывать руки капитана к столбикам кровати. Покончив с этим, Том на минуту задумался и стал осматривать комнату, словно чего-то искал. На глаза ему попалась обнаженная шпага. Взяв ее в руки, он медленно приблизился к пленнику, который со страху не заметил, что рулевой отломал клинок шпаги от эфеса и уже обвязал эфес марлинем.

— Ради бога, — взмолился Борроуклиф, — не убивайте меня!

В тот же миг в рот ему воткнули серебряный эфес, завязали сзади на шее веревками, и капитан очутился в том самом положении, в какое он сам частенько приводил непокорных солдат, вставляя им кляп. После этого Том Коффин, по-видимому, решил воспользоваться всеми правами победителя, ибо, взяв в руки свечу, начал рыться в личном имуществе капитана. Различные предметы, принадлежавшие к экипировке пехотного офицера, были осмотрены и отброшены в сторону с величайшим

Раздраженный нанесенным ему оскорблением, Борроуклиф ринулся на противника.

презрением, а одежда более скромного вида была отвергнута как не соответствовавшая фигуре Тома. Вскоре ему попались на глаза два одинаковых предмета, сделанные из металла, весьма популярного на всем белом свете. Однако Том, по-видимому, не был сведущ в их назначении. Он долго прикладывал полукруглую скобу этих диковин к рукам, к запястьям и даже к носу, затем с интересом и любопытством, с каким дикарь стал бы рассматривать часы, повертел колесики на другом конце, пока, наконец, в голове честного моряка не сложилось убеждение, что они составляют часть бесполезного снаряжения армейца, и тогда он тоже отбросил их в сторону как лишенные всякой ценности. Борроуклиф, следивший за каждым движением победителя с добродушием, которое могло бы восстановить мир между ними, если бы только он мог выразить хоть половину того, что чувствовал, был очень рад, когда Том не пожелал завладеть его шпорами, хотя при этом капитан чуть не задохнулся от смеха, столь неестественно подавленного. Наконец рулевой нашел пару пистолетов весьма хорошей работы — оружие, с которым он, по-видимому, был хорошо знаком. Они были заряжены, и вид их навел Тома на мысль о необходимости уходить, напомнив ему об опасности, угрожавшей его командиру и «Ариэлю». Он сунул пистолеты за свой брезентовый пояс и, схватив гарпун, приблизился к кровати, где вынужден был сидеть Борроуклиф.

— Слушай, приятель, — сказал рулевой, — да простит тебе бог, как прощаю я, твое намерение сделать солдата из моряка, который начал плавать с той минуты, как ему исполнился час от роду, и который надеется отдать концы на воде и быть похороненным в море! Я не желаю тебе плохого, приятель, но все же придется тебе помолчать, пока не явится сюда кто-нибудь из твоих друзей. Надеюсь, это будет вскоре после того, как я выйду в открытое море.

С этими дружескими пожеланиями рулевой удалился, оставив Борроуклифа живым и невредимым в освещенной комнате, хотя и в несколько неудобной и не очень завидной позе. Капитан слышал, как щелкнул замок его двери и как рулевой вытащил из скважины ключ, желая, как явствовало из его действий, сохранить в тайне свой уход и обеспечить заключение побежденного по крайней мере на некоторое время.

ГЛАВА XXIII

Когда настигнет в час ночной
Нас Месть багровою рукой,
Кто, Страх, узрев ее черты,
Не обезумеет, как ты?

Коллинз

Когда Том Коффин вышел из комнаты Борроуклифа, у него не было никакого плана действий, кроме твердой решимости поскорее вернуться на «Ариэль» и разделить со шхуной ее участь — все равно, суждено ли ей уйти или быть потопленной. Но честному моряку в его нынешнем положении гораздо легче было принять, нежели выполнить такое решение. Он скорее сумел бы провести судно через опасные мели Чертовых Клещей, нежели самому выбраться из лабиринта коридоров, галерей и комнат аббатства Святой Руфи, среди которых он очутился.

Он припомнил и тихо сказал себе, что «из главного канала он выходил в более узкий», но клал ли он при этом руля вправо или влево — совершенно выскочило у него из памяти. Том находился в той части здания, которую полковник Говард называл «монастырем» и где, к счастью для моряка, он вряд ли мог встретить неприятеля, поскольку комната, занимаемая Борроуклифом, была в этом крыле единственной, не находившейся в распоряжении дам. Причина, по которой капитану позволено было обосноваться в этой святая святых, состояла в том, что полковник Говард вынужден был поместить рядом со своими воспитанницами либо Гриффита и Мануэля, либо капитана Борроуклифа, а иначе ему пришлось бы подвергнуть арестованных обращению, которое старик считал недостойным для себя и своего рода. Недавнее переселение Борроуклифа было на руку Тому по двум соображениям: оно уменьшало шансы скорого освобождения беспокойного пленника Тома и уменьшало опасность, грозившую рулевому. Правда, о первом преимуществе он и не подозревал, а размышления по поводу второго ничуть не занимали его, ибо он мало заботился о своей безопасности.

Следуя по необходимости вдоль стены, Том вскоре выбрался из узкого и темного коридора в большую галерею, соединявшую нижние помещения этого крыла с главной частью здания. Отворенная дверь в дальнем конце галереи, откуда лился яркий свет, тотчас привлекла его внимание. Пройдя несколько шагов, старый моряк понял, что очутился возле той самой комнаты, которую еще так недавно он столь внимательно осматривал, и припомнил, что именно этой галереей он вошел в аббатство. Всякий другой человек, желая поскорее скрыться, тотчас повернул бы назад, но звуки застольного веселья, доносившиеся из нарядной комнаты, и отчетливо произнесенное имя Гриффита заставили Тома подойти ближе, чтобы произвести разведку. Читатель уже понял, что Том, спрятавшись в тени, находился у того порога, который он совсем недавно переступил, направляясь в комнату Борроуклифа. На месте этого джентльмена теперь сидел Диллон, а полковник Говард снова занял свое обычное кресло во главе стола. Он-то и веселился, наслаждаясь подробным рассказом своего родственника о том, как тому удалось обмануть ничего не подозревавшего неприятеля.

— Благородная хитрость! — воскликнул старик как раз в тот миг, когда Том притаился в засаде. — Благородная и гениальная хитрость, способная обмануть даже Цезаря! А ведь этот Цезарь, надо думать, был большой хитрец! Но вы, Кит, превзошли бы и его. Пусть меня повесят, если я неправ, но, если послать вас в Квебек вместо Монкальма, вы задали бы неплохую загадку и самому Вулфу! Ах, юноша, как нужны вы нам в колониях, в судейской мантии! Для защиты прав его величества очень-очень нужны такие люди, как вы, Кристофер!

— По правде говоря, дорогой сэр, вы наделяете меня достоинствами, которыми я вовсе не обладаю, — возразил Диллон, с лицемерной скромностью потупив глаза, хотя, быть может, сознание своей подлости и шевельнулось в нем. — Конечно, моя маленькая невинная хитрость...

— Да! В этом-то и заключается прелесть маневра, — перебил его полковник, пододвигая к гостю бутылку с чистосердечным видом человека, который никогда не был двуличным. — Вы не солгали, не надули, как мог бы сделать трус и негодяй. Вы совершили точный, военный, э... э... классический обман неприятеля. Да, классический

обман — это будет правильное обозначение! Обман, достойный Помпея или Марка Антония, или... или... Вы лучше меня, Кит, знаете имена этих древних! Назовите мне самого умного человека, который когда-либо жил в Греции или Риме, и я скажу, что он тупица в сравнении с вами! Это спартанская хитрость — простая и честная.

К счастью для Диллона, его престарелый родственник, разгорячившись, во время этой речи был в таком непрестанном движении, что мешал рулевому нацелить дуло одного из пистолетов Борроуклифа точно в голову предателя. А когда чувство стыда вынудило Диллона закрыть лицо руками, это также способствовало спасению его жизни, заставив разгневанного моряка одуматься.

— Но вы ничего не сказали мне о наших дамах,—сказал Диллон после минутного молчания. — Я надеюсь, они пережили этот тревожный день, как и подобает женщинам из рода Говардов.

Полковник оглянулся, как бы желая удостовериться, что они одни, и, понизив голос, ответил:

— Да, Кит, они взялись за ум, с тех пор как этого мятежника и негодяя Гриффита доставили в аббатство. Мисс Говард изволила даже удостоить нас своим присутствием в столовой во время обеда. Меня каждую минуту называли «дорогим дядюшкой» и говорили о том, что «боятся, как бы жизнь моя не подверглась опасности во время схваток и стычек с этими отчаянными головорезами, которые высадились на берег», как будто старый солдат, прошедший всю войну пятьдесят шестого—шестьдесят третьего годов [1], может бояться порохового дыма больше, чем табачного! Но я знаю цену таким любезностям! Этот Гриффит все равно будет отправлен в Тауэр, мистер Диллон!

— Следует незамедлительно передать его в руки гражданских властей...

— Он будет передан констеблю Тауэра, храброму и верному графу Корнваллийскому, который сейчас сражается с мятежниками у меня на родине, — перебил его полковник. — Передан для карательного правосудия. Но, — продолжал старик, вставая с кресла с видом величавого достоинства, — даже констеблю лондонского

[1] С 1756 по 1763 год происходила Семилетняя война между Австрией, Францией, Россией, Швецией, Саксонией и Испанией, с одной стороны, и Пруссией, Англией и Португалией — с другой.

Тауэра не будет позволено превзойти хозяина аббатства Святой Руфи в гостеприимстве и великодушии к арестованным! Я распорядился, чтобы их хорошо кормили и поили, и теперь должен пойти посмотреть, как выполнены мои приказания. Необходимо также приготовиться к приему капитана Барнстейбла, который, несомненно, скоро будет здесь.

— Через час, самое большее, — подтвердил Диллон, тревожно поглядывая на свои часы.

— Не следует торопиться, мой мальчик, — продолжал полковник, направляясь к двери, через которую лежал путь в комнаты арестованных. — Но и к дамам, так же как и к этим несчастным нарушителям закона, следует относиться со вниманием, поэтому пойдите, Кристофер, передайте Сесилии мой поклон. Эта упрямица его не заслужила, но все-таки она ведь дочь моего брата Гарри! И раз уж вы будете там, хитрец, не забудьте поговорить и о себе. Марк Антоний был дураком по сравнению с вами, а все же ему очень везло в любви. Вот, например, царица египетская...

С этими словами разгоряченный своей же речью старик затворил дверь, и Диллон остался один. Он задумчиво стоял у стола, размышляя, решиться ли ему на тот шаг, который советовал сделать полковник.

Бóльшая часть приведенного выше разговора была непонятна рулевому, который чрезвычайно терпеливо ждал его окончания, надеясь все же узнать что-нибудь полезное для пленников. Но, прежде чем он успел обдумать, как ему быть, Диллон набрался храбрости и решил пойти в «монастырь». Выпив залпом бокал вина, потом — другой, он прошел мимо скрытого за отворенной дверью рулевого так близко, что чуть не задел его, и пустился по галерее тем быстрым шагом, каким обычно идет человек, принявший вынужденное решение и как бы скрывающий от себя свою слабость. Том больше не колебался. Воспользовавшись тем, что Диллон, пройдя мимо, толкнул дверь и этим почти затворил ее, отчего в галерее стало совсем темно, моряк немедленно двинулся вслед за ним. Диллон шагал по каменному полу галереи, но у поворота, ведущего в комнату Борроуклифа, на мгновение задержался, то ли не зная, куда лучше направиться, то ли услышав тяжелую поступь неосторожного рулевого. Но, если даже ему почудились чужие шаги, по-видимому, он

принял их за эхо своих собственных и зашагал дальше, не приметив, что за ним кто-то идет.

Диллон тихонько постучался в гостиную «монастыря». В ответ раздался нежный голос самой мисс Говард, пригласившей его войти. Отворив дверь, этот джентльмен не сразу решился последовать приглашению, и поэтому дверь осталась незатворенной.

— Я пришел, мисс Говард, — начал Диллон, — по желанию вашего дядюшки и, позвольте мне добавить, по моему собственному...

— Да хранит нас небо! — воскликнула Сесилия, в страхе всплеснув руками и невольно встав с кушетки. — Разве нас тоже намерены посадить в тюрьму и казнить?

— Неужели мисс Говард может приписать мне... — Диллон остановился, заметив, что не только Сесилия, но и Кэтрин и Элис Данскомб — все испуганно куда-то смотрят, и, обернувшись, он, к своему ужасу, увидел гигантскую фигуру рулевого, который стоял в дверях, загораживая весь проход. Каменная физиономия моряка выражала явную угрозу.

— Если здесь и случится убийство, — сказал Том, суровым взглядом окинув пораженных женщин и Диллона, — виновным может быть только этот лжец. Но вам нечего бояться человека, который слишком давно ходит по морям и сражается со всякими чудовищами как в рыбьем, так и в человечьем образе, чтобы не понимать, как следует обращаться с беззащитными женщинами. Всякий, кто меня знает, скажет, что Томас Коффин никогда не произнес непристойного слова и не поступил дурно с существом одного пола с его матерью.

— Коффин! — воскликнула Кэтрин, храбро выходя из угла, куда страх загнал ее вместе с подругами.

— Да, Коффин, — продолжал старый моряк, и его угрюмые черты смягчились при виде ее милого лица. — Это суровое слово, но также — имя, широко известное на разных мелях, островах и мысах. Моего отца звали Коффином, а мать моя была из семьи Джой [1]. Люди этих двух фамилий наловили морского зверя больше, чем все остальные на нашем острове, вместе взятые, хотя Уорты, Гарнеры и Суэйны умеют метать гарпун и острогу все же более метко, чем любые другие жители наветренной стороны Атлантики.

[1] Джой (англ.) — радость.

Кэтрин выслушала эту тираду в честь нэнтакетских китобоев с явным удовольствием и, когда он окончил, медленно повторила:

— Коффин! Значит, вы Длинный Том!

— Да-да, Длинный Том, и этого имени мне тоже не приходится стыдиться, — подтвердил рулевой, глядя с добродушной усмешкой на оживившуюся Кэтрин. — Да благословит господь ваше улыбающееся личико и яркие черные глазки, молодая леди! Значит, вы слыхали о Длинном Томе? Наверное, вам рассказывали, как он бьет китов? Я стар и теперь уж не так поворотлив, но, когда мне было девятнадцать лет, я всегда танцевал в первой паре, а дама моя была почти такой же хорошенькой, как вы, мисс, и в то время у меня на счету уже было три убитых кита.

— Том, — сказала Кэтрин, подходя ближе к старому моряку, и, когда она заговорила, на щеках у нее вспыхнул яркий румянец, — я слышала о вас как об искусном моряке, смелом рулевом и, я могу сказать, верном и преданном друге мистера Ричарда Барнстейбла. Может быть, вы и пришли сюда по поручению этого джентльмена или принесли от него письмо?

При звуке имени своего командира Коффин сразу все вспомнил и почувствовал новый прилив гнева. Пристально взглянув на съежившегося от страха Диллона, он грубым, хриплым голосом, свойственным людям, привыкшим к борьбе со стихиями и как бы перенявшим их суровую мощь, обратился к нему:

— Отвечай, подлый лгун! Что привело старого Тома Коффина к здешним мелям и узким проходам? Письмо? Как бы не так! Но, клянусь богом, который управляет ветрами и учит моряков водить суда в открытом море, нынче ночью ты, негодяй, будешь спать на палубе «Ариэля»! А если, по воле божьей, наша прекрасная шхуна на своей стоянке пойдет ко дну, словно ветхая баржа, ты отправишься на грунт вместе с ней! И проснуться тебе суждено будет лишь тогда, когда всех нас созовут наверх, чтобы подвести итог человеческим жизням!

Страстность, с какой старый моряк произносил свою речь, его негодование, горячность и искреннее возмущение, сверкавшее в его проницательном взгляде, и слова его, совершенно парализовавшие Диллона, который дрожал, как загнанный олень, заставили женщин онеметь от

изумления. Том подошел к своей растерявшейся жертве и связал ей руки за спиной. Затем Том более толстой веревкой привязал пленника к своему поясу, оставив, таким образом, свои руки свободными, чтобы иметь возможность пользоваться оружием и одновременно держать пленника при себе.

— Я уверена, — сказала Сесилия, опомнившись первой, — что мистер Барнстейбл не поручал вам обойтись так безобразно с родственником моего дяди, полковника Говарда, да еще в нашем доме!.. Мисс Плауден, ваш друг несколько забылся, если этот человек действует по его приказанию!

— Мой друг, мисс Говард, никогда не послал бы ни своего рулевого, ни кого-либо другого совершить бесчестный поступок... Скажи, добрый моряк, почему ты поступил так круто с почтенным мистером Диллоном, родственником полковника Говарда и нашим гостем в аббатстве Святой Руфи?

— Но, Кэтрин...

— Подожди, Сесилия, пусть этот человек выскажется. Может быть, он сразу разрешит все наши сомнения.

Рулевой, поняв, что от него ожидают объяснения, приступил к выполнению этой задачи со всей энергией, какая соответствовала теме и его собственным чувствам. В нескольких словах, чуть затемненных его своеобразным произношением, он рассказал слушательницам о доверии, которое Барнстейбл оказал Диллону, и о предательстве последнего. Девушки слушали его с растущим удивлением, и Сесилия, даже не дав ему закончить, воскликнула:

— И полковник Говард... неужели полковник Говард согласился с таким гнусным замыслом?

— Они вместе вышли в плавание, — ответил Том, — но одному кораблю не повезло.

— Даже Борроуклиф, при всей своей холодности и грубости, счел бы для себя бесчестьем подобную измену, — добавила мисс Говард.

— Но как же мистер Барнстейбл?.. — с трудом выговорила Кэтрин, боровшаяся со своими чувствами. — Вы говорите, за ним послали солдат?

— Да, молодая леди, — свирепо улыбаясь, ответил рулевой. — За ним погоня, но он уже переменил стоянку, и, даже если его найдут, длинные пики быстро прикончат

десяток красных мундиров. Лишь бы владыка штормов и штилей сжалился над шхуной! Да, мисс, она так же прекрасна для глаз старого моряка, как ваше личико для взоров молодого человека!

— Но почему же ты медлишь? Спеши, честный Том, открой предательство своему командиру! Быть может, ты успеешь предупредить его. Почему ты медлишь?

— Мой корабль лежит в дрейфе за неимением лоцмана, мисс. Я могу пройти по мелям Нэнтакета в самую темную ночь, когда задраены все небесные люки, но в этом плавании я могу налететь на буруны. Мне и так уж чуть не пришлось отбиваться от одной честной компании.

— Если дело только за этим, следуй за мной,—вскричала пылкая Кэтрин, — и я, минуя часовых, выведу тебя на тропинку к морю!

До сих пор у Диллона еще была надежда, что его отобьет стража, но, услышав это предложение, он почувствовал, как кровь стынет у него в жилах. Он поднял опущенную от стыда и страха голову и медленно, словно на нем были кандалы, приблизился к Сесилии.

— Не отдавайте... не отдавайте меня, мисс Сесилия, во власть этого свирепого человека! — дрожащим голосом закричал он. — Ваш почтенный дядюшка одобрил мое предприятие и даже поддержал меня. Ведь это обычная военная хитрость...

— Мой дядя не мог одобрить низости, — холодно возразила Сесилия.

— Он одобрил, клянусь...

— Лжец! — перебил его грозный голос рулевого.

Диллон затрепетал при звуках этого страшного голоса, которые проникли в самую глубину его души, но, представив себе ночной мрак, береговые скалы и бурное море, представив себе весь ужас того, что ему предстоит испытать, если он останется в руках грозного врага, он собрал все силы и продолжал свои мольбы.

— Выслушайте меня в последний раз, мисс Говард! Умоляю вас, выслушайте меня! Я ваш родственник, ваш соотечественник! Неужели вы отдадите меня во власть этого безжалостного разъяренного дикаря, который пронзит меня своим... О господи! Если бы вы только видели то, что я видел на «Быстром»! Выслушайте меня, мисс Говард! Во имя любви к нашему создателю, заступитесь за меня! Мистер Гриффиг будет освобожден...

— Лжец! — снова перебил его рулевой.

— Что он обещает? — спросила Сесилия, снова взглянув на жалкого пленника.

— То, что не будет исполнено, — ответила Кэтрин. — Следуй за мной, честный Том, я, по крайней мере, буду верна своему слову.

— Как вы жестоки и упрямы, мисс Плауден!.. Добрая, милая мисс Элис, не откажите молвить слово в мою защиту! Ваше сердце не окаменело от страха за любимого человека, подвергающегося мнимым опасностям...

— Нет, не взывайте ко мне! — ответила Элис, потупив взор. — Не думаю, что жизнь ваша под угрозой. Но я помолюсь всемогущему, чтобы он сжалился над вами.

— Вперед! — скомандовал Том, схватив беспомощного Диллона за шиворот и скорее таща, чем ведя его в коридор. — Если ты, негодяй, издашь хоть один звук, пусть даже в четверть того, какой издает молодой тюлень, впервые глотнув воздуха, ты опять увидишь то, что видел на «Быстром»! Мой гарпун остер, а старая рука еще не разучилась его метать!

После этой угрозы не стало слышно даже тяжелого, прерывистого дыхания пленника. Увлекаемый своим провожатым, он углубился по следам Кэтрин в таинственные лабиринты здания. Еще несколько минут — и они через небольшую дверь выбрались на свежий воздух. Мисс Плауден, не замедляя шага, повела рулевого через парк к калитке (это была совсем не та калитка, через которую он раньше вступил на луг) и, указав на тропинку, еле видимую в увядшей траве, голосом, в котором слышна была ее забота о безопасности Тома, пожелала ему счастливого пути и скрылась во мраке, как воздушное видение.

Теперь, когда дорога была свободна, Тома не нужно было подгонять. Сунув пистолеты за пояс и взяв поудобнее свой гарпун, он с такой скоростью двинулся по полям вперед, что его спутник едва за ним поспевал. Раз или два Диллон порывался заговорить, но грозное «Молчать!» заставляло его сомкнуть уста. Наконец, заметив, что они приближаются к утесам, он сделал последнюю попытку обрести свободу, предложив Коффину большую взятку. Рулевой ничего не ответил, но, когда пленник начал было втайне надеяться, что предложение его будет принято, он вдруг почувствовал, как холодное острие гарпуна пронзило его одежду и даже оцарапало кожу.

— Лжец! — повторил Том. — Еще одно слово — и я проткну тебя насквозь!

С этой минуты Диллон стал молчалив, как могила.

Так и не встретив отряда, который был послан на поиски Барнстейбла, они подошли к краю утесов неподалеку от того места, где недавно совершили высадку. Старый моряк на миг остановился над обрывом и опытным взглядом окинул расстилавшееся перед ним широкое водное пространство. Море уже не дремало, оно волновалось и катило к подножию скал сердитые волны, разбивая их гребни и высоко вскидывая белую пену. Окинув взором весь восточный горизонт, рулевой глухо простонал, а потом, с силой ударив рукояткой гарпуна о землю, пошел дальше по самому краю утесов, бормоча страшные проклятия, которые его спутник со страху не преминул принять на свой счет. Ему казалось, что разгневанный и возбужденный старый моряк с нарочитой отчаянностью шагает над самой пропастью, невзирая на ночной мрак и порывы ветра, который время от времени с яростью набрасывался на них. Беспомощный Диллон был уверен, что жизнь его на волоске. Но, по-видимому, у рулевого были свои причины для такого кажущегося безрассудства. Когда они прошли примерно половину расстояния между местом, где высадился Барнстейбл, и тем, где он договорился встретиться со своим рулевым, в минуту затишья между порывами ветра до них смутно донеслись голоса, и рулевой сразу замер на месте. Некоторое время он напряженно прислушивался и, по-видимому, принял решение. Он повернулся к Диллону и заговорил. И, хотя он произносил слова шепотом, голос его был тверд и решителен:

— Одно слово—и ты умрешь! Мы начинаем спускаться. Тебе придется делать это так, как делают моряки: ложись на брюхо и ползи. Спускайся, приказываю я тебе, не то я сброшу тебя в море, как собаку!

— Пощади, пощади! — умолял его Диллон. — Мне трудно сделать это даже днем, а сейчас я непременно погибну.

— Спускайся! — приказал Том. — Или...

Диллон больше не противился и начал спускаться, дрожа от страха, ибо под ним был отвесный склон. Тотчас же начал спускаться и рулевой, причем сделал он это так поспешно, что столкнул Диллона с выступа уте-

са, и тело бедняги повисло в воздухе над угрюмым прибоем, грохотавшим внизу. Невольный крик вырвался из груди Диллона, когда он почувствовал, что повис в воздухе, и этот крик прозвучал во мраке, как зловещий вопль духа бурь.

— Еще разинешь рот — и я обрублю буксир, негодяй! — решительно сказал моряк. — Тогда ты канешь в вечность.

Теперь шаги и голоса были отчетливо слышны, а затем на краю обрыва, прямо над ними, показался отряд вооруженных людей.

— Это был голос человека, — сказал один из них. — Так кричат люди в беде.

— Быть не может, чтобы это были те, кого мы ищем, — возразил сержант Дрилл. — Ни один пароль, который мне когда-либо довелось услышать, не звучит так, как этот крик.

— Говорят, такие крики часто можно услышать во время шторма на нашем берегу, — произнес кто-то с гораздо меньшей уверенностью. — Это голоса утонувших моряков.

В ответ послышался негромкий смех, а затем две-три шутки насчет суеверия их товарища. Но, по-видимому, слова его все же произвели впечатление даже на тех, кто не верил в чудеса, ибо после нескольких таких же замечаний весь отряд быстрым шагом удалился с утесов. Рулевой все это время стоял неподвижно, как служившая ему опорой скала, удерживая груз не только собственного тела, но и тела Диллона. Когда солдаты ушли, он высунул голову над обрывом, чтобы разведать обстановку, а затем, подняв своего почти бесчувственного пленника, благополучно поставил его на выступ скалы, куда затем ступил и сам. Он не стал тратить время на объяснения, но Диллон почувствовал, как его снова с прежней скоростью толкают вперед. Через несколько минут они достигли расселины, по которой Том спустился со смелостью моряка, таща пленника за собой. Вскоре они уже стояли на берегу. У самых ног их играли волны, с плеском набегая на песок и разбиваясь в пену. Склонившись так низко, что гребни волн очутились на одном уровне с горизонтом, рулевой разглядел качавшуюся за линией прибоя темную шлюпку.

— Эй, ариэльцы! — крикнул Том настолько громко,

что крепчавший ветер донес его голос до слуха уходивших солдат,

Но эти звуки показались им сверхъестественными и только заставили их ускорить шаг.

— Кто зовет? — раздался знакомый голос Барнстейбла.

— Бывший ваш учитель и нынешний ваш слуга, — ответил рулевой паролем собственного изобретения.

— Это он! — обрадовался лейтенант. — Травите канат, ребята, травите!.. Входи в прибой, Том!

Том поднял Диллона на руки. Перебросив его через плечо, как пробковый пояс, он вошел в полосу пены, на гребне которой качалась шлюпка, и, прежде чем у пленника хватило времени протестовать или просить, он снова очутился рядом с Барнстейблом.

— Кто это? — спросил лейтенант. — Это не Гриффит?

— Быстрее выбирайте канат и снимайтесь с якоря! — потребовал возбужденный рулевой. — Если любите «Ариэль», ребята, гребите изо всех сил, не жалея рук!

Барнстейбл знал своего рулевого и не задавал ему вопросов, пока вельбот не миновал буруны. Шлюпка то поднималась на пологие вершины валов, то опускалась в борозды между ними, но неизменно разрезала их носом, как ножом, с удивительной скоростью направляясь к бухте, где стояла на якоре шхуна. И тогда рулевой сам в немногих и горьких словах поведал командиру о предательстве Диллона и об угрожавшей шхуне опасности.

— Солдат не так-то легко собрать в ночную пору, — заключил Том, — а из тех разговоров, что мне довелось услышать, я понял, что нáрочному придется сделать порядочный крюк и обогнуть бухту. Если бы не этот проклятый норд-ост, мы бы успели порядком опередить их. Но сейчас судьба наша в руках провидения! Гребите, ребята, гребите! Нынче все зависит от вашей гребли.

Барнстейбл в глубоком молчании выслушал этот неожиданный рассказ, который для Диллона прозвучал погребальным звоном, а затем, стиснув зубы, вполголоса произнес, обращаясь к пленнику:

— Подлец! Кто посмеет упрекнуть меня, если я брошу тебя в море на съедение рыбам?! Но если шхуне суждено будет лечь на дно морское, то и у тебя не будет иной могилы!

ГЛАВА XXIV

Будь я могучий бог, я вверг бы море
В земные недра, но не дал ему
Такой корабль прекрасный поглотить.
Шекспир, «Буря»

Когда вельбот вошел в полосу прибоя, рулевой, из соображений гуманности, развязал Диллону руки на тот случай, если со шлюпкой приключится беда. Закутавшись в плащ, пленник стал размышлять о событиях последних часов с той коварной злобой и трусливостью, которые были основными чертами его характера. Ни Барнстейбл, ни Том не были склонны мешать ему, так как оба они были слишком заняты собственными мрачными мыслями, чтобы тратить время на лишние слова. Среди угрюмого рокота волн и мрачного свиста ветра, носившегося над широкими просторами Северного моря, время от времени звучали только короткие приказания лейтенанта, который, окидывая взглядом разбушевавшуюся стихию, казалось, пытался умилостивить злого духа бури, и окрики рулевого, подбадривавшего гребцов. Целый час моряки усиленно боролись со все растущими валами, и наконец вельбот, обогнув северный мыс нужной бухты, благополучно миновал буруны и вошел в ее спокойные уединенные воды. Еще слышно было, как свистел ветер над высокими берегами бухты, но в ней самой над спокойной поверхностью воды царило безмолвие глубокой ночи. Тени береговых холмов, казалось, собрались вместе в середине бухты, создавая пелену непроглядного мрака. Шхуны нигде не было видно.

— Все тихо, точно вымерло, — с тревогой заметил Барнстейбл, когда вельбот заскользил по спокойной поверхности бухты.

— Не дай бог такой тишины! — воскликнул рулевой. — Смотрите, смотрите! — продолжал он, понизив голос, словно боялся, что их могут подслушать. — Вот шхуна, сэр... Смотрите правее. Видите полосу чистого неба над морем, справа от леса, вон там? Длинная черная линия — это грот-стеньга нашей шхуны. Я узнаю ее по наклону. А вот и вымпел ее полощется около той яркой звез-

ды. Да, сэр, наши звезды еще пляшут в выси среди звезд небесных! Шхуна покачивается легко и спокойно, как спящая чайка.

— Наверное, на «Ариэле» все спят, — сказал командир. — Ха! Честное слово, мы пришли вовремя! Солдаты начинают шевелиться!

Зоркий взгляд Барнстейбла заметил мелькание фонарей в амбразурах батареи, и сейчас же донесся заглушенный, но явственный шум возни на палубе шхуны. Лейтенант потирал руки от восторга, который подавляющее большинство наших читателей, вероятно, не поймет, а Длинный Том, когда слух убедил его, что «Ариэль» в безопасности и команда его начеку, залился тихим, беззвучным смехом. Неожиданно весь корпус и рангоут их плавучего жилища выступили из тьмы; тихая бухта и окружающие холмы озарились вспышкой света, внезапного и ослепительного, как самая яркая молния. Барнстейбл и рулевой вперили взгляды в шхуну, как бы пытаясь увидеть больше, чем доступно человеческому глазу. Но не успело еще с вершин холмов прогрохотать эхо от выстрела тяжелой пушки, как над шлюпкой, подобно стону урагана, просвистело ядро, затем последовал тяжелый всплеск и лязг чугунной массы, когда ядро, отскочив рикошетом от воды, со страшной яростью запрыгало по скалам на противоположной стороне бухты, раскалывая камень и дробя его на куски.

— Если с первого раза прицел плох, для противника это хорошее предзнаменование, — заметил рулевой. — Дым мешает смотреть, а перед рассветом всегда особенно темно.

— Мальчуган для своих лет творит чудеса! — вскричал восхищенный лейтенант. — Смотри-ка, Том, он в темноте переменил позицию, англичане же стреляли по тому месту, где «Ариэль» стоял днем: помнишь, мы оставили его на створе между батареей и вон тем холмом? Что бы осталось от нас, если бы эта тяжелая штука пробила палубу шхуны и вышла ниже ватерлинии?

— Мы навсегда завязли бы в английском иле — железо и балласт потянули бы нас на дно,— ответил Том. — Такой выстрел прямой наводкой разнес бы в щепы нашу обшивку, и вряд ли даже наши пехотинцы успели бы прочесть молитву!.. Гребите к носу, ребята!

Не следует думать, что в продолжение этого обмена

мнениями между лейтенантом и рулевым гребцы сидели без дела. Напротив, вид их судна подействовал на них подобно заклинанию, и, считая, что всякую осторожность уже можно отбросить, они удвоили усилия. Как раз в ту минуту, когда Том произнес последние слова, вельбот подошел к борту «Ариэля». Хотя Барнстейбл, вздохнувший легче после томительной тревоги и уверенный, что сумеет уйти от врага, весь дрожал, охваченный возбуждением, тем не менее он принял на себя командование шхуной с суровой уверенностью, которую моряки считают необходимой в минуты наибольшей опасности. Он отлично знал, что любое тяжелое ядро из тех, которыми неприятель продолжал осыпать бухту с высоты, может оказаться роковым, если пройдет через легкую обшивку «Ариэля» и откроет доступ воде, от которой нет достаточной защиты. Вполне сознавая критическое положение шхуны, он отдавал приказания тем твердым, спокойным тоном, который гарантирует беспрекословное послушание. Повинуясь общему порыву, команда «Ариэля» быстро выбрала со дна якорь, а затем мощными усилиями, с помощью длинных весел, направила судно прямо к батарее, под прикрытие высокого обрыва, увенчанного облаком пушечного дыма, которое при каждом новом залпе с берега окрашивалось в разные цвета, как окрашиваются облака на закате солнца. Пока моряки могли удерживать свою маленькую шхуну под покровом берега, они были в безопасности. Но, когда они начали выходить из спасительной тени, приближаясь к открытому морю, Барнстейбл заметил, что весла не в силах двигать судно против ветра, а темнота больше не скрывает его от глаз неприятеля, который тем временем выслал вперед наблюдателей, чтобы определить местонахождение шхуны. Поэтому он решил теперь уже не прятаться и своим обычным бодрым голосом отдал приказание поставить все паруса.

— Теперь пусть делают все, что хотят, Мерри! — добавил он. — Мы отошли на такое расстояние, что выстрелы уже не так опасны для нас.

— Чтобы помешать «Ариэлю» стать на ветер, им следовало бы иметь более искусных пушкарей, чем эти ополченцы, добровольцы и тыловики... или как там еще они себя называют, — ответил бесстрашный юноша. — Но скажите, зачем вы привезли с собой обратно этого Иону,

сэр? Взгляните на него при свете каютной лампы. Он закрывает глаза при каждом выстреле, будто ждет, что ядро попадет прямо в его уродливую желтую физиономию. И что слышно, сэр, о мистере Гриффите и капитане пехотинцев?

— Не напоминайте мне о нем, — ответил Барнстейбл, с такой силой сжав плечо юноши, на которое слегка опирался, что тот даже присел от боли. — Не напоминайте о нем, Мерри! В эти минуты мне нужны все мои душевные силы, а когда я думаю об этом Диллоне, мне трудно выполнять свои обязанности. Но время еще придет. Ступайте, сэр, ветер посвежел, а мы входим в узкий фарватер.

Молодой моряк тотчас повиновался приказанию, отданному, как всегда, решительным голосом и означавшему, как Мерри хорошо понимал, что он снова должен помнить о разнице в возрасте и служебном положении, о которой Барнстейбл, разговаривая с юношей, сам часто забывал. Паруса к этому времени были поставлены, и, как только шхуна приблизилась к выходу из бухты, ветер, который все крепчал, подхватил легкое суденышко. Рулевой, который, за отсутствием большинства младших офицеров, действовал на баке как человек, чьи годы и опытность дают ему право если не командовать, то хотя бы советовать при таких обстоятельствах, подошел к тому месту, где стоял командир.

— Ну, мистер Коффин, — сказал Барнстейбл, который хорошо понимал стремление старого моряка во всех трудных случаях быть рядом с ним, — что вы думаете о наших делах? Эти джентльмены на холме подняли большой шум, я более не слышу даже свиста их ядер. А ведь они, наверное, видят наши паруса на фоне широкой полосы света, которая идет по горизонту со стороны моря.

— Да, сэр, они видят нас и норовят получше прицелиться. Сейчас мы идем поперек линии их огня, да еще при ветре в десять узлов. Но, как только мы повернем и окажемся на одной линии с их пушками, мы увидим, а то и почувствуем их работу. Пушку тридцатидвухфунтового калибра не так легко наводить, как охотничье ружье.

Барнстейбл сразу понял всю справедливость этого замечания, но, так как судну неизбежно нужно было занять то положение, о котором говорил рулевой, капитан

тотчас отдал соответствующие распоряжения, и за столь же короткое время, какое потребовалось нам, для того чтобы об этом рассказать, шхуна сделала поворот и обратилась носом к морю.

— Либо они доконают нас сейчас, либо уж никогда! — воскликнул лейтенант по окончании маневра. — Если, миновав северный мыс, мы выйдем на ветер, то окажемся в открытом море, и через десять минут нам нипочем будет и карманная пушка королевы Анны, которая, как ты знаешь, посылала ядра из Дувра в Кале![1]

— Да, сэр, я слышал об этой пушке, — спокойно ответил рулевой. — Это, наверное, была хорошая штучка, если пролив и раньше был такой ширины, как сейчас. Но я предвижу, капитан Барнстейбл, кое-что пострашнее дюжины самых тяжелых пушек, будь они от нас на расстоянии хоть в полмили. Вода уже пузырится в подветренных шпигатах, сэр!

— Ну и что из этого? Разве вода не окатывала частенько наши пушки и даже рангоут, не причиняя «Ариэлю» ни малейшего вреда?

— Да, сэр, да! Все это так, и нам нечего было бы опасаться, будь это в открытом море, — чего еще нужно человеку в жизни! Но, когда мы выйдем из этого канала, нас сильным норд-остом может прижать к берегу. Вот чего я боюсь, капитан Барнстейбл, больше, чем всех английских ядер и всего английского пороха!

— И все же, Том, об этих мячиках тоже не следует забывать. Ребята на батарее теперь знают дистанцию и могут как следует целиться. Мы идем довольно быстро, мистер Коффин, но тридцатидвухфунтовые ядра могут догнать нас даже при самом благоприятном ветре.

Том бросил беглый взгляд на батарею, где солдаты снова открыли огонь с такой яростью, которая свидетельствовала о том, что они видят свою цель, и ответил:

— Нет ничего хуже попыток увильнуть от ядра, ибо оно предназначено для выполнения своей работы точно так же, как каждый корабль назначается крейсировать в тех или иных широтах. Что же касается ветра и погоды, то за ними моряку нужно всегда смотреть в оба глаза —

---

[1] «Карманная пушка» королевы Анны стреляла ядром на расстояние в 7 миль. Здесь Барнстейбл преувеличил ее дальнобойность, так как ширина Ла-Манша между Дувром и Кале больше 7 миль.

он должен знать, ставить ему паруса или убирать их. Этот южный мыс выдается на целых девять миль в море, а на севере лежат мели, среди которых не дай бог нашему судну очутиться снова!

— Мы выберемся из этой бухты, старина, — воскликнул лейтенант, — и для этого нам хватит галса длиной в три мили!

— Бывало, что и более длинные галсы оказывались слишком коротки, — ответил рулевой, покачивая головой. — Бурное море, противный прилив да берег под ветром могут привести к беде.

Не успел лейтенант ответить веселым смехом на это замечание, как над головой у них раздался свист ядра, и тотчас послышался треск расщепленного дерева. Верхушка грот-мачты, мгновение покачавшись на штормовом ветру, рухнула на палубу, увлекая за собой парус и стеньгу, на которой, как говорил рулевой, красовался среди звезд небесных вымпел с американской эмблемой.

— Вот несчастье! — не удержавшись, воскликнул Барнстейбл, но тут же, собравшись с духом, отдал приказание очистить палубу от обломков и закрепить хлопавшую на ветру парусину.

Как только пришла необходимость действовать, мрачность Тома как рукой сняло, и он первым бросился исполнять приказания командира. Из-за потери всех парусов на грот-мачте «Ариэль» был настолько снесен со своего прежнего курса, что для него оказалось нелегким делом снова выйти на ветер и обогнуть мыс, который выдавался в море с подветренной стороны. Однако благодаря искусству Барнстейбла и отличным качествам судна необходимый маневр все же был выполнен, и шхуна, увлекаемая ветром, от ярости которого она уже не была защищена, как прежде, тяжело поползла вдоль берега, держась как можно дальше от бурунов. Матросы тем временем прилагали все усилия, чтобы лучше укрепить и поднять парус на остатках грот-мачты. Огонь батареи прекратился, как только «Ариэль» обогнул мыс, но Барнстейбл, который не спускал глаз с моря, заметил, что впереди, как и предсказывал рулевой, их ждет еще более грозная опасность. Когда повреждения были по возможности устранены, Том Коффин, проследив за тем, как укрепляют паруса, снова подошел к лейтенанту и возобновил разговор:

— Нам было бы лучше, если бы это ядро оторвало руку или ногу у кого-либо из наших лучших матросов, чем лишило «Ариэля» мачты. Полностью зарифленный грот-парус может оказаться большим подспорьем при попутном ветре, но он не помогает держать судно в бейдевинд.

— Что тебе еще нужно, Том Коффин? — спросил Барнстейбл. — Ты видишь, шхуна идет вперед, удаляясь от берега. Не можешь же ты требовать, чтобы судно летело прямо в зубы шторму? Или прикажешь мне сдаться и выкинуться тотчас же на берег?

— Ничего мне не нужно, капитан Барнстейбл, — ответил старый моряк, задетый неудовольствием командира. — Я уверен, что вы лучше многих можете вывести корабль в открытое море. Но, сэр, когда офицер в аббатстве рассказал мне о намерении потопить «Ариэль» на якорной стоянке, признаюсь, я испытал такую тревогу, какой никогда не знавал. Я так ясно увидел шхуну погибшей, как вы сейчас видите этот остаток мачты. И, признаюсь откровенно, мужество мое дало сильный крен на подветренный борт, потому что, само собой разумеется, корабль, на котором я плаваю, я люблю, как самого себя.

— Перестань каркать, старый морской ворон! Ступай-ка да присмотри, чтобы передние паруса стояли как следует... Подожди! Подойди сюда, Том! Если тебе снова померещатся крушения, акулы и другие столь же приятные вещи, храни их в своей глупой голове и не превращай мой бак в гостиную для привидений. Ребята начинают посматривать в подветренную сторону чаще, чем мне бы хотелось. Отправляйся, дурак, и бери пример с мистера Мерри, который сидит на твоей пушке и поет, будто он в церкви своего отца!

— Ах, капитан Барнстейбл, мистер Мерри еще ребенок! Он мало знает и поэтому ничего не боится. Но я подчиняюсь вашим приказаниям, сэр, и если кто-нибудь из команды оробеет во время шторма, то, уж верно, не потому, что услышит плохие слова от старого Тома Коффина.

Однако, несмотря на обещанную покорность, рулевой замешкался и снова подошел к командиру.

— Капитан Барнстейбл, пожалуйста, велите мистеру Мерри слезть с пушки: я сам из многолетнего опыта

знаю, что петь во время шторма — это значит навлечь на корабль еще более сильный ветер, ибо тот, кто правит бурями, не бывает доволен, когда слышит голос человека в минуту, избранную им самим, для того чтобы дохнуть на воду.

Барнстейбл не знал, смеяться ли ему над суеверием рулевого или уступить впечатлению, которое произвели на него его серьезные, торжественные слова. Но через секунду лейтенант забыл о них, заставив себя прогнать тот суеверный страх, который, он чувствовал, подползает к самому его сердцу. Тем не менее он подозвал легкомысленного юношу к себе, и тот из уважения к священности шканцев немедленно перестал напевать. Том не торопясь отправился на бак, по-видимому весьма довольный тем, что ему удалось осуществить столь важное мероприятие.

Еще несколько часов «Ариэль» продолжал бороться с ветром и волнами; когда же проснулся день, измученные моряки получили возможность лучше уяснить себе, насколько опасно их положение. По мере усиления шторма на шхуне постепенно убавляли парусов, пока не осталось столько, сколько было необходимо, чтобы корабль не выбросило на берег. С самого рассвета Барнстейбл с растущей тревогой следил за погодой, тем самым доказывая, что он уже более не пренебрегает предчувствиями рулевого. С наветренной стороны он видел огромные массы зеленой воды, увенчанные хребтами пены; они катились к берегу с силой, которой, казалось, ничто не могло противиться. Были минуты, когда лучи восходящего солнца пронизывали сметаемые ветром с волны на волну водяные брызги, и тогда казалось, что весь воздух насыщен сверкающими жемчужинами. А в сторону берега смотреть было еще страшнее. Скалы, высившиеся на расстоянии полумили с подветренного борта шхуны, были почти все время скрыты от глаз пирамидами воды, которые буйная стихия, встречая внезапную преграду, бросала высоко в воздух, как бы стремясь прорвать границы, поставленные природой ее господству. Весь берег, начиная от дальнего мыса на юге и кончая уже знакомыми нам мелями, простиравшимися далеко от курса шхуны, в противоположном направлении, был окаймлен широкой полосой пены, войти в которую было бы гибелью для самого могучего корабля.

Однако «Ариэль» легко и уверенно скользил по вол-

нам, хотя и поддавался их мощным толчкам, так что казалось — вот-вот он исчезнет в бездне, которая то и дело разверзалась под ним, словно намереваясь поглотить маленькое судно. Среди команды уже прошел слух об опасном положении шхуны, и моряки поминутно обращали взоры то на маленький клочок паруса, с помощью которого судно еще продолжало сопротивляться шторму, то на страшные берега, сулившие столь мрачную перспективу. Даже Диллон, до которого дошли разговоры о грозящей опасности, выполз из каюты, где он скрывался, и бродил по палубе, жадно ловя каждое слово, срывавшееся с губ не обращавших на него внимания угрюмых моряков.

В эти минуты тревожного ожидания лишь рулевой оставался совершенно спокойным. Он знал, что использованы все средства, чтобы увести судно от берега, и ясно видел тщетность этих усилий. Но, считая себя как бы принадлежностью шхуны, он приготовился разделить ее участь, какова бы она ни была. Барнстейбл был мрачен, но мрачность эта проистекала не из боязни за самого себя, а из чувства ответственности за весь экипаж, какое испытывает всякий командир корабля в минуты опасности. Тем не менее на шхуне по-прежнему царила строжайшая дисциплина. Правда, два-три старых матроса стали шушукаться, предлагая потопить страх перед грядущей смертью в вине, но Барнстейбл таким тоном приказал принести пистолеты, что люди тотчас же отказались от своего намерения, и, хотя смертоносное оружие так и осталось лежать нетронутым на шпиле, куда его положил вестовой, других попыток неповиновения среди экипажа обреченного судна не наблюдалось. Напротив, моряки выполняли свои повседневные обязанности с особым вниманием, и человек, незнакомый с морскими обычаями, нашел бы просто странным, что люди, которые, казалось, должны быть поглощены мыслями, внушаемыми этим грозным часом, то и дело занимались какими-то мелочами: свертывали канаты, устраняли малейшие повреждения, причиняемые поминутно заливавшими низкую палубу «Ариэля» волнами, трудясь с такой тщательностью и усердием, будто корабль все еще стоял в бухте. Властная рука была простерта над молчаливым экипажем, но не из тщеславного желания командовать во что бы то ни стало, а для сохранения един-

ства действий, которое одно только могло дать людям хотя бы слабый луч надежды.

— Под таким лоскутком парусины «Ариэль» не может двигаться вперед, — мрачно заметил Барнстейбл, обращаясь к рулевому, который, сложив на груди руки, балансировал на самом краю шканцев и хладнокровно взирал на безумные прыжки шхуны среди волн, готовых похоронить ее в пучине.— Бедняга, встречая волну, дрожит, как испуганный ребенок.

— Если бы мы еще хоть на час уберегли грот-мачту, — ответил Том, глубоко вздохнув и покачав головой, — то успели бы выбраться в открытое море и пройти в стороне от мелей. А в теперешнем нашем положении, сэр, ни одному смертному не дано вести судно против ветра. Шхуну несет к берегу, и, если только богу не угодно будет прекратить этот ветер, не пройдет и часа, как мы окажемся в бурунах.

— Нам остается только отдать якорь. Это средство еще может спасти нас.

Том повернулся к командиру и торжественно возразил ему с той уверенностью, которая возникает только из долголетнего опыта в минуты большой опасности:

— Привяжи мы самый толстый канат к самому тяжелому якорю, и это не удержало бы нас, хотя судно-то у нас легкое! Норд-ост на Северном море унимается лишь тогда, когда сам исчерпает себя, а перелом к затишью наступает только с заходом солнца. Вот тогда, вероятно, станет тихо, потому что ветры слишком уважают славу небес, чтобы дуть изо всей силы им прямо в лицо.

— Мы должны выполнить свой долг перед родиной и перед собой, — сказал Барнстейбл. — Ступай приготовь два якоря и самые прочные канаты. Мы отдадим якоря один за другим и вытравим на худой конец двести сорок саженей каната. Это еще может спасти шхуну. Пригляди, чтобы все было готово к постановке на якорь. Придется также срубить оставшуюся мачту. Пусть ветер гуляет по голому корпусу!

— Если бы вся опасность была только от ветра, мы, пожалуй, могли бы еще продержаться до заката солнца, — ответил рулевой. — Но какой канат удержит судно, которое временами окунается в воду по фок-мачту?

Однако после необходимых приготовлений приказа-

ние было выполнено с покорным подчинением воле командира. В ту же минуту, как оба якоря и добавленный к ним стоп-анкер достигли грунта, «Ариэль» повернулся на ветер, и матросы топорами начали рубить остатки длинных наклонных мачт шхуны. Треск падавшего на палубу рангоута, по-видимому, не волновал сознававших всю опасность моряков, и они с прежней молчаливой безнадежностью очистили палубу от обломков. С каким-то лихорадочным любопытством провожали они взглядами уносимые волнами куски дерева, желая увидеть их столкновение с близлежащими скалами. Но еще задолго до того, как эти обломки доплывали до широкой полосы пены, разгневанная стихия скрывала их из виду. Теперь весь экипаж «Ариэля» понимал, что использовано последнее средство для спасения судна. И всякий раз, когда шхуна погружалась в волны, которые заливали ее бак, встревоженным морякам казалось, что якоря вырываются из грунта, а в канате, удерживающем их на якоре, с треском лопается за прядью прядь.

И все это время, пока моряки хватались за последние соломинки надежды, зародившейся в них после того, как были отданы якоря, Диллон беспрепятственно слонялся по палубе. Никто не обращал внимания на его дико блуждающие глаза, прерывистое дыхание и стиснутые руки, ибо люди на шхуне думали только о спасении судна. Но, когда он, в отчаянии и тоске, проследив за отхлынувшими с палубы волнами, решился подойти к группе моряков, которые собрались вокруг рулевого возле большой пушки, его встретили злобные, мрачные взоры, таившие немую угрозу. Однако Диллон был слишком взволнован, чтобы понять их значение.

— Если вам не надоела жизнь, хотя ей, равно как и моей, видать, суждено скоро оборваться, — заметил ему Том, — советую вам держаться подальше от наших матросов. И, если вы хотите иметь в запасе несколько минут, чтобы поразмыслить над своими грязными делами, прежде чем предстанете перед ликом творца и выслушаете то, что написано в вахтенном журнале небес, я бы советовал вам не отходить далеко от капитана Барнстейбла или от меня.

— Обещай спасти меня, если корабль потерпит крушение! — взмолился Диллон, ухватившись за эти первые слова участия, услышанные им с тех пор, как он сно-

ва попал в плен. — О! Если ты это сделаешь, всю остальную жизнь ты проведешь в богатстве и довольстве!

— Вы слишком плохо держите свои обещания, чтобы вам можно было верить, — сурово, но без горечи возразил рулевой. — Впрочем, я никогда не наношу удара даже киту, если он уже истекает кровью.

Новые мольбы Диллона прервал ужасный крик, вырвавшийся у моряков на баке и подхваченный ревом бури. В эту минуту шхуна, поднявшись на гребне огромной волны, легла на борт, и ее понесло к скалам так, словно это был пузырь на поверхности водопада.

— Якорный канат лопнул, — со своим неизменным спокойствием и мрачной покорностью судьбе сказал Том. — Надобно, по крайней мере, облегчить «Ариэлю» его смерть.

С этими словами он взялся за румпель и направил судно так, чтобы оно врезалось в скалы носом.

На мгновение лицо Барнстейбла исказилось жестоким страданием, но он сдержался и бодрым голосом обратился к матросам:

— Будьте спокойны и мужественны, ребята! Для вас еще не все потеряно — у нас осадка небольшая, и мы подойдем близко к утесам. Да и вода сейчас убывает. Готовьте шлюпки и не падайте духом.

Эти слова вывели команду вельбота из оцепенения. Быстро спустив легкое суденышко на воду, матросы спрыгнули в него, мощными усилиями стараясь удерживаться на некотором расстоянии от борта шхуны. Они громко кричали, уговаривая Тома присоединиться к ним, но рулевой, не отвечая ни слова, лишь отрицательно качал головой, держа румпель в руках и не сводя глаз с приближающихся бурунов. Вторую шлюпку, превосходившую по размерам вельбот, в это время спускали в море, и в суматохе моряки почти не замечали ужаса окружающей действительности. Но громкий хриплый окрик: «Берегись! Держись крепко!» — заставил их оторваться от работы; в то же мгновение набежавшая волна ушла из-под «Ариэля», и он тяжело сел на камни. Удар был такой, что все, кто пренебрег предупреждением, были сбиты с ног, а трепет, охвативший при этом судно, напоминал агонию живого существа. Одно мгновение менее опытные матросы готовы были предположить, что главная опасность миновала, но за первой волной последова-

ла вторая такой же высоты и, снова подняв судно, толкнула его еще дальше на скалы, в то время как гребень ее прокатился по палубе, смывая все на своем пути. Моряки с ужасом увидели, как спущенную ими шлюпку волна швырнула на скалы, а когда вода схлынула, то нельзя было различить даже обломков шлюпки. Но эта же волна поставила «Ариэль» в такое положение, которое в некоторой мере защищало его от ярости следующих волн.

— Спасайтесь, ребята, спасайтесь! — крикнул Барнстейбл, когда минута страшной неизвестности миновала. — В вашем распоряжении еще вельбот: на нем вы доберетесь почти до берега. Прыгайте, ребята! Вы были честными и верными моряками, и, надеюсь, господь не оставит вас. Ступайте, друзья мои, пока у вас затишье.

Моряки толпой бросились в вельбот, который сильно осел от тяжелого груза. Оглянувшись, они увидели, что Барнстейбл и Мерри, Диллон и рулевой все еще оставались на палубе «Ариэля». Барнстейбл, погруженный в горькие размышления, шагал по мокрой палубе, а гардемарин, следуя за ним, убеждал его покинуть гибнущее судно. Диллон не раз приближался к тому борту, у которого еще медлила шлюпка, но грозные взгляды моряков гнали его прочь, и он в отчаянии отходил. Том сидел на основании бушприта в позе человека, примирившегося с неизбежным, и вместо ответа на громкие и повторные призывы товарищей только махал рукой в сторону берега.

— Послушайтесь меня, мистер Барнстейбл! — со слезами на глазах говорил юноша. — Если не ради меня, не ради себя самого, то хоть из любви к моей кузине Кэтрин сойдите в шлюпку!

Молодой лейтенант остановился и с некоторым колебанием взглянул на берег, но сейчас же взор его обратился к останкам судна, и он ответил:

— Ни за что, мой мальчик, ни за что! Если настал мой час, я покорно встречу свою судьбу.

— Послушайтесь людей, дорогой сэр! Они кричат, что без вас не уйдут, а ведь шлюпку вот-вот разобьет о шхуну...

Барнстейбл указал ему рукой на вельбот и, приказав тотчас сойти в него, молча отвернулся.

— Что ж, — с твердостью в голосе сказал Мерри, — если лейтенант не должен покидать гибнущего корабля,

следует остаться и гардемарину. Отваливай, ребята! Мы с мистером Барнстейблом остаемся на «Ариэле».

— Молодой человек, мне поручена ваша жизнь, и я за нее отвечаю! — сказал командир, схватив сопротивляющегося юношу и передавая его на руки матросам. — Отваливайте, и да поможет вам бог! Вельбот и так перегружен — еще неизвестно, как он дойдет до берега.

Однако моряки все еще медлили, ибо увидели, что рулевой твердым шагом двинулся по палубе, и надеялись, что он уговорит лейтенанта и сам тоже сойдет в шлюпку. Но Том лишь последовал примеру командира: схватив Барнстейбла в свои мощные объятия, он с непреодолимой силой перебросил его через фальшборт. А затем, отдав с нагеля фалинь, удерживавший шлюпку у борта, поднял руки и закричал:

— Да свершится надо мной воля господня! — Голос его заглушал рев бури. — На моих глазах была прибита первая доска «Ариэля», и я увижу, как она будет оторвана. А после я больше жить не желаю!

Но не успел он произнести и первых слов, как товарищи перестали его слышать, ибо их отнесло далеко прочь. Управлять вельботом было уже невозможно из-за его чрезмерной перегрузки и ярости бури, и, когда он поднялся на белом гребне волны, Том в последний раз увидел свое любимое судно. Затем вельбот погрузился в провал между волнами, и через несколько мгновений лишь раскрошенные обломки его были выкинуты на прибрежные камни. Рулевой неподвижно стоял у борта и видел, как в воде замелькали головы и плечи. Одни пловцы мощными, хорошо нацеленными движениями направились прямо к песчаному берегу, который стал видим, когда ушла волна, а другие метались в беспомощном отчаянии. Честный старый моряк закричал от радости, увидев, что Барнстейбл вышел на берег, неся в руках бесчувственного Мерри, а за ним один за другим, мокрые и измученные, вышли и многие другие моряки. Еще нескольких человек невредимыми вынесло волнами на берег, но, когда Том снова занял прежнее место на бушприте, он не мог отвести горестный взор от безжизненных тел, с такой силой прибитых к скалам, что в них уже едва можно было различить образ человеческий.

Теперь единственными обитателями гибнущего судна остались рулевой и Диллон. Последний, после того как

ему довелось быть свидетелем только что описанной сцены, пребывал в состоянии тупого отчаяния. Но, когда застывшая от ужаса кровь вновь начала струиться по его жилам, он подполз к Тому с тем эгоистическим чувством, которое делает более терпимым даже безнадежное страдание, когда человек делит его с другим.

— Когда спадет прилив, — сказал он голосом, который выдавал агонию страха, хотя слова выражали возродившуюся надежду, — мы сможем дойти до берега.

— Только Иисус Христос мог ходить по воде, как по палубе, — ответил рулевой. Старый моряк помолчал, а затем, поглядев на Диллона со смешанным чувством презрения и сострадания, добавил: — Если бы вы чаще вспоминали о нем в хорошую погоду, теперь, в бурю, судьба ваша не была бы столь жалкой!

— Ты полагаешь, что опасность все еще велика? — спросил Диллон.

— Велика для тех, кто боится смерти... Тише! Слышите вы шум у вас под ногами?

— Это ветер бьет в борт судна.

— Нет, это стонет сам корабль, — внушительно произнес рулевой. — Это его предсмертные стоны. Вода разбивает его палубы, и через несколько минут самое прекрасное судно, которое когда-либо рассекало волны, превратится в такие же щепки, какие летели, когда его строили.

— Зачем же тогда ты остался здесь? — с отчаянием вскричал Диллон.

— Чтобы умереть, как мне назначено, — ответил Том. — Для меня эти волны то же самое, что для вас земля. Я родился на них и привык к мысли, что они станут моей могилой.

— Но я... я... — воскликнул Диллон, — я не хочу умирать! Я не могу умереть!.. Я не умру!

— Несчастный! — пробормотал его собеседник. — Вы должны умереть, как и все мы. Когда настанет смертная вахта, никто не смеет не явиться.

— Я умею плавать, — продолжал Диллон, с отчаянной решимостью кидаясь к борту судна. — Неужели здесь нет какого-нибудь обломка дерева или веревки, которые я мог бы взять с собой?

— Нет. Все срезано или унесено в море. Если вы хотите бороться за свою жизнь, возьмите с собой смелое

сердце и чистую совесть, а в остальном уповайте на бога.

— На бога! — повторил Диллон в порыве безумного отчаяния. — Я не знаю никакого бога! И нет бога, который знал бы меня!

— Молчите! — так грозно прикрикнул на него рулевой, что, казалось, содрогнулась стихия. — Молчите, богохульник!

Тяжелый скрип расшатываемых волнами досок, вырвавшийся из недр «Ариэля», еще усилил сумятицу в душе Диллона, и он головой вниз кинулся в море.

Волны, брошенные прибоем на берег, возвращались в море, встречаясь с новыми волнами и образуя вокруг шхуны водовороты. И вот в один из таких водоворотов бросился, сам не ведая об этом, Диллон. И, когда его отнесло на некоторое расстояние от шхуны, он встретил противное течение, которого, несмотря на самые отчаянные усилия, не мог преодолеть. Легкий и сильный, он хорошо умел плавать, поэтому борьба была тяжелой и долгой. Он видел, что берег близок, и ему казалось, что он вот-вот достигнет его, но в действительности он нисколько не продвигался вперед. Старый моряк, который сначала следил за ним с полным равнодушием, понял опасность его положения. И, забыв о собственной участи, он крикнул так громко, что даже его товарищи, вышедшие на берег, услышали его:

— Держите левее! Выбирайтесь из встречного течения! Держите к югу!

Диллон слышал голос рулевого, но разум его был настолько скован ужасом, что он не понимал слов. Однако он инстинктивно подчинился указанию и постепенно изменил направление, пока снова не оказался лицом к судну. Течение понесло его наискось к скалам, и он снова очутился в водовороте, где ему приходилось бороться лишь с волнами, ослабленными преградой в виде останков шхуны. Он продолжал держаться, но силы уже покидали его. Том огляделся вокруг в поисках веревки, но все было унесено вместе с рангоутом или смыто волнами. Тут его взор встретился с полным отчаяния взором Диллона, и, хотя старому моряку не раз приходилось быть свидетелем ужасных событий, сейчас, увидев эту агонию, он невольно прикрыл рукой глаза. И когда минуту спустя он опустил руку, то увидел медленно уходившее под воду

Диллон слышал голос рулевого, но разум его был настолько скован ужасом, что он не понимал слов.

тело жертвы волн, которая равномерными, но бессильными движениями рук и ног еще продолжала бороться, стараясь добраться до шхуны и сохранить существование, не выдержавшее предназначенного ей испытания.

— Скоро он узнает бога и убедится, что бог знает его! — пробормотал рулевой.

В этот миг гигантская волна ударила в шхуну, доски ее затрещали, рассыпались, все смешалось, и вскоре волны понесли к скалам обломки вместе с телом простодушного рулевого.

ГЛАВА XXV

Вспомнить надо тех порой,
Кто в пучине спит морской
Под суровой крутизной
Эльсинора!

Кэмпбелл

Долгими и тоскливыми были для Барнстейбла часы, пока не спал прилив, обнажив песчаный берег, где можно было искать тела погибших матросов. Некоторые из них внешне не так уж пострадали от дикой ярости волн. И, лишь по мере того как спасшиеся убеждались, что в их несчастных товарищах угасла последняя искра жизни, они с почестями зарывали их могилы у самого края стихии, на лоне которой они провели весь век. Но тот, кого больше других знал и любил капитан, все еще не был обнаружен, и Барнстейбл большими шагами ходил по обнажившейся теперь широкой полосе между подножием скал и бушующим морем, лихорадочно горящим взором осматривая обломки корабля, которые волны продолжали выбрасывать на берег. Он нашел всех живых и мертвых из бывших при нем в последнюю минуту на «Ариэле», и только двое пропали. Кроме себя самого и Мерри, он насчитал в числе спасшихся еще двенадцать человек, а шестерых они уже похоронили. Это как раз и составляло общее число тех людей, которые доверили свою жизнь хрупкому вельботу.

— Не говорите мне, Мерри, что его нет в живых, — сказал Барнстейбл, продолжая ходить по берегу в силь-

ном волнении, которое от тщетно старался скрыть от юноши, принимавшего живейшее участие в беспокойстве командира. — Ведь очень часто моряки во время кораблекрушения спасаются на обломках разбитого судна. И вы можете видеть своими глазами, как спадающая вода гонит к берегу доски с того места, где погибла наша шхуна, а оттуда сюда добрых полмили. Матрос, которого я поставил на вершине скалы, еще не подал знака, что заметил его?

— Нет, сэр, нет! Мы никогда не увидим его вновь. Люди говорят, что он всегда считал грехом покинуть гибнущий корабль и что он ни разу за всю жизнь ради своего спасения не поплыл к берегу, хотя известно, что однажды, когда кит опрокинул его шлюпку, он держался на воде целый час. Видит бог, сэр, — добавил юноша, украдкой смахивая слезу, — что я любил Тома Коффина больше всех других наших матросов! Вы редко поднимались на борт фрегата, но всякий раз, когда Том бывал у нас, мы собирались вокруг него в кубрике, чтобы послушать его рассказы и втянуть его в нашу болтовню. Мы все любили его, мистер Барнстейбл, но даже любовь не в силах воскресить мертвых!

— Я знаю, я это знаю, — ответил Барнстейбл хриплым голосом, который выдавал силу его волнения. — Я не настолько глуп, чтобы верить в невозможное, но, пока еще есть хоть малейшая надежда, что бедный Том Коффин жив, я не покину его.

— Если бы он так стремился спасти свою жизнь, он сильнее боролся бы за нее, — заметил гардемарин.

Барнстейбл внезапно остановился и, с упреком взглянув на собеседника, собирался было возразить ему, как вдруг услышал крики матросов. Повернувшись, они увидели, что все спешат вдоль берега, возбужденно указывая на какую-то точку в море. Лейтенант и Мерри, подбежав к матросам, ясно различили тело человека, которое волны несли уже через прибрежные буруны. Едва успели они это сообразить, как огромная волна выбросила на песок безжизненное тело и, оставив его, отхлынула назад.

— Это мой рулевой! — вскричал Барнстейбл, бросаясь к тому месту, куда море выкинуло свою добычу. Но, увидев лицо покойника, он остановился и не сразу мог заговорить. — Взгляните на этого несчастного, юно-

ша! — содрогаясь от ужаса, промолвил он. — Лицо его не изуродовано, но глаза, глаза!.. Они словно вылезают из орбит, и взгляд их такой ожесточенный, будто владелец их все еще жив, а руки раскинуты так, словно он еще продолжает бороться с волнами!

— Иона! Иона! — с дикой яростью закричали матросы, один за другим приблизившись к трупу. — Бросим эту падаль снова в море! Отдать его акулам! Пусть он рассказывает свои сказки в клешнях крабов!

Барнстейбл с отвращением отвернулся от этого страшного зрелища, но, когда услышал слова матросов, готовых совершить недостойный поступок, он повернулся к ним и властным тоном сказал:

— Замолчите и отойдите! Неужели вы опозорите достоинство моряков местью тому, кого бог уже призвал к ответу?

Не говоря больше ни слова, он указал на землю и медленно отошел прочь.

— Заройте его в песок, ребята, — сказал Мерри, когда командир удалился. — Вода скоро опять начнет прибывать и унесет тело в море.

Матросы исполнили приказание, а гардемарин присоединился к капитану, который продолжал ходить взад и вперед по берегу, время от времени останавливаясь, бросая тревожные взгляды на волны и снова устремляясь вперед. Молодой человек с трудом поспевал за ним. Прошло еще два часа, и тщетные поиски наконец были прекращены. Море никогда не отдаст тело человека, который настойчиво искал смерти в его волнах.

— Солнце уже садится за утесы, — сказал лейтенант, опускаясь на камень. — Скоро пора будет расставлять часовых. Но что мы будет охранять, мой мальчик? Кругом только прибой да скалы, у нас нет даже целой доски, чтобы приклонить на ночь голову.

— Море выбросило на берег много полезных предметов, — ответил Мерри. — Мы нашли оружие для защиты от неприятеля и провиант для подкрепления сил, необходимых, чтобы пользоваться этим оружием.

— А с кем нам предстоит сражаться? — с горечью спросил Барнстейбл. — Быть может, нам вскинуть на плечи десяток пик и взять Англию на абордаж?

— Разумеется, мы не сможем наложить контрибуцию на весь остров, — продолжал юноша, внимательно следя

за выражением глаз командира, — но нам еще найдется работа, пока фрегат не пришлет за нами тендер. Я надеюсь, сэр, вы не считаете положение наше столь отчаянным, чтобы нам сдаваться в плен.

— В плен? — воскликнул лейтенант. — Нет-нет, мой милый, до этого еще не дошло! Англии, должен признаться, удалось погубить мою шхуну, но это и все. Какая чудесная у нас была шхуна, Мерри! Легкая, ходкая! И где еще можно было видеть такие изящные линии носа и кормы! Помните ли вы, юноша, как я обогнал фрегат на выходе из Чесапикского залива? Я всегда мог это сделать при небольшой волне и попутном ветре. Но это был хрупкий корабль! Хрупкий, поэтому он и не вынес такого испытания.

— И более прочное судно разлетелось бы на куски там, где погибла шхуна, — ответил гардемарин.

— Да, задача была ей не по силам, нечего было и надеяться, что она останется цела на таком скалистом ложе. Я любил ее, Мерри, любил всем сердцем! Это был первый корабль, которым я командовал, и я знал и любил каждую планку в его обшивке, каждый болт в его корпусе!

— Я считаю вполне естественным, сэр, чтобы моряк любил судно, на борту которого он проплавал над морской пучиной столько дней и ночей, — ответил юноша. — Точно так отец любит своего ребенка.

— Да-да, и даже более! — воскликнул Барнстейбл, задыхаясь от волнения. Командир судорожным движением стиснул руку Мерри, и его голос обретал силу по мере того, как его самого охватывало все большее возбуждение: — И все же, юноша, человек не может любить создание рук своих так, как он способен любить подобных себе! Человек никогда не может относиться к кораблю так, как он относится к своим товарищам. Я плавал с Томом еще в дни моей юности, когда все кругом казалось мне счастливым и радостным и, как говорил он, ничего не знал и потому ничего не боялся. Я был тогда лентяем, воспитанным старым отцом и доброй матерью, и он сделал для меня то, чего не могли бы сделать мои родители — в море он был мне отцом и матерью! Целыми днями и месяцами обучал он меня искусству нашего ремесла, а потом, когда я уже стал взрослым, следовал за мной с корабля на корабль, по всем морям и океанам, и

теперь покинул меня только для того, чтобы умереть там, где должен был умереть я, потому что он устыдился бросить несчастный «Ариэль» в час гибели...

— Нет, нет, нет, причиной тому были лишь его суеверие и гордость! — прервал его Мерри.

Однако, заметив, что Барнстейбл обеими руками закрыл лицо, стараясь скрыть волнение, юноша больше не промолвил ни слова. Он сидел, с уважением глядя на лейтенанта, который тщетно пытался подавить слезы. Мерри сам весь дрожал, слыша те судорожные рыдания, которые рвались из груди Барнстейбла. А увидев, как большие слезы медленно капают сквозь пальцы Барнстейбла на песок, он испытал не меньшее облегчение, чем испытал сам лейтенант, дав исход горю. За слезами последовал сильный взрыв чувств, редкий у человека, достигшего зрелости. Такой порыв, уж если он овладевает человеком, который со всем благородством своего характера борется с превратностями судьбы, подобно стремительному потоку сметает все искусственные преграды, созданные обычаями и образованием для защиты гордости мужчины. Мерри всегда с глубоким уважением внимал строгому голосу командира перед лицом опасности, а вместе с тем был весьма привязан к нему и ценил доброту и ласку лейтенанта в беспечные минуты веселья. Но сейчас он сидел возле командира в глубоком молчании, испытывая к нему чувство, близкое к благоговению. Долгой и суровой была душевная борьба в груди Барнстейбла, но наконец его волнение сменилось спокойствием. Когда он поднялся с камня и отнял руки от лица, взор его снова был тверд и решителен, а лоб слегка нахмурен. И заговорил он столь резким голосом, что Мерри невольно вздрогнул.

— Пойдемте, сэр! Зачем мы сидим здесь и ничего не делаем? Бедные матросы дожидаются наших советов и указаний в постигшем их несчастье. Пойдем, пойдем, мистер Мерри! Сейчас не время чертить кортиком фигуры на песке. Скоро начнется прилив, и мы будем рады, если сумеем укрыться на ночь в пещерах среди скал. Солнце еще не совсем село, сэр, так давайте позаботимся о пище и об оружии, чтобы поддержать в себе силы и не подпускать врага, пока мы не выйдем снова в море.

Молодой человек, которому, по неопытности, еще не ведомы были отголоски человеческих страстей, удивился такому суровому напоминанию о его обязанностях, но

встал и последовал за Барнстейблом к группе расположившихся в отдалении матросов. Лейтенант, тотчас почувствовав свою несправедливость к гардемарину, умерил шаги и заговорил более мягко, быстро перейдя затем к обычной дружеской беседе, хотя в тоне его все еще слышалась печаль, рассеять которую могло только время.

— Нам очень не повезло, мистер Мерри, но мы не должны отчаиваться. Я вижу, что наши матросы собрали много провизии, а с помощью оружия мы легко можем овладеть каким-нибудь небольшим неприятельским судном и, когда стихнет шторм, добраться до фрегата. Пока же нужно спрятаться, иначе красные мундиры накинутся на нас, как акулы на жертвы кораблекрушения. Бедная шхуна, Мерри! Теперь на всем берегу не приметишь и пары ее досок, соединенных вместе...

Гардемарин не стал поддерживать разговор о погибшем судне, а благоразумно ухватился за мысль, поданную командиром.

— На некотором расстоянии к югу от нас, там, где в море впадает ручеек, есть расселина, — сказал он. — Мы можем найти убежище в ней или в лесу наверху, куда она ведет, пока не сумеем обойти берег и захватить какое-нибудь судно, чтобы убраться отсюда.

— Хорошо было бы подождать до утра, а затем напасть на проклятую батарею, которая оторвала у «Ариэля» его лучшую мачту! — заметил лейтенант. — Это предприятие выполнимое, юноша, и мы можем продержаться там, пока не подойдет «Быстрый» или фрегат.

— Если вы предпочитаете штурмовать крепости, а не брать на абордаж корабли, мистер Барнстейбл, то здесь поблизости есть каменная крепость — она лежит у нас прямо по курсу. Когда я поднялся на скалу, чтобы поставить часового, я видел ее в тумане и...

— Говорите, юноша, говорите прямо! Сейчас мы с вами просто советуемся.

— Так вот, сэр, гарнизон, пожалуй, не весь враждебный. Мы могли бы освободить мистера Гриффита и капитана Мануэля, а кроме того...

— Что еще, сэр?

— Может быть, мне удалось бы повидаться с моими кузинами Сесилией и Кэтрин.

При этих словах лицо Барнстейбла оживилось, и он ответил со слабым проблеском своей обычной веселости:

— Да, эту крепость неплохо было бы взять! А освобождение наших товарищей и морской пехоты — по-настоящему военное предприятие. Ха, юноша! Все остальное будет делом нетрудным, как, например, захват торгового флота, после того как уничтожен его конвой.

— Мне кажется, сэр, что, если мы овладеем аббатством, полковник Говард сам признает себя военнопленным.

— И воспитанницы полковника Говарда! Ваш план, мистер Мерри, не лишен здравого смысла, и я его хорошенько обдумаю... Но вот и наши бедные матросы! Потолкуем с ними, сэр, подбодрим их для предстоящего дела.

Барнстейбл и гардемарин подошли к матросам и заговорили с ними тем начальническим тоном, который общепринят на флоте между старшими и младшими по чину, но в то же время с мягкостью и приветливостью, необходимыми в их бедственном положении. Подкрепившись едой из запасов, найденных матросами среди разбросанных на целую милю вдоль берега обломков, лейтенант велел всем вооружиться и взять с собой запас провизии еще на сутки. Эти распоряжения были вскоре выполнены, и моряки под предводительством Барнстейбла и Мерри отправились вдоль подножия утесов на поиски расселины, через которую изливался в море ручеек. Дурная погода, а также уединенность места защищали маленький отряд, который преследовал свою цель с таким пренебрежением к опасности, что при других обстоятельствах это могло бы оказаться роковым. Когда они вошли в лощину, Барнстейбл велел всем остановиться и поднялся почти до вершины утеса, составлявшего одну из сторон расселины, чтобы в последний раз внимательно посмотреть на море. Он окинул взором весь горизонт от северных до южных границ, и на его лице была написана полная безнадежность. Он уже собрался было повести отряд дальше вдоль ручья, как вдруг юноша, который его ни на минуту не покидал, радостно воскликнул:

— Парус в виду! Это, наверное, фрегат!

— Парус? — повторил командир. — Как можно разглядеть парус в такую непогоду? Неужели еще один отважный корабль терпит бедствие?

— Посмотрите вправо, на верхушку скалы с наветренной стороны! — воскликнул юноша. — Сейчас его не

видно... А вот его осветило солнце! Это парус, парус, какой только может быть поставлен в подобный шторм!

— Я вижу, о чем вы говорите, — ответил Барнстейбл, — но мне кажется — это просто чайка над волнами... Вот это пятнышко действительно поднялось и похоже на наполненный ветром марсель... Дайте-ка мне трубу, ребята! Сюда заглянуло какое-то судно — быть может, это наш союзник.

Мерри с юношеским нетерпением ждал, пока лейтенант кончит свои наблюдения, и тотчас спросил:

— Разглядели вы его, сэр? Это большой корабль или тендер?

— По-видимому, для нас еще остается некоторая надежда, мой мальчик, — ответил Барнстейбл, складывая трубу. — Это корабль, который лежит в дрейфе под гротмарселем. Если бы не опасно было показаться на верхушке скалы, мы бы точно определили, что это за судно. Но мне кажется, что это рангоут фрегата, хотя даже его марсель беспрестанно скрывается за волнами и видны только голые концы мачт со спущенными брам-стеньгами.

— Всем известно, — сказал Мерри, развеселившись оттого, что именно ему удалось заметить парус и теперь появилась надежда на спасение, — что капитан Мансон никогда не поднимает стеньги, если они не должны нести парус. Я помню, как однажды вечером, когда мы собрались вокруг шпиля, Гриффит не без досады заявил, что, по его мнению, следующий приказ будет — втянуть бушприт и убрать совсем мачты.

— Да-да, Гриффит — лентяй и блуждает иной раз в тумане своих мыслей, — заметил Барнстейбл, — а старик, наверное, был сердит... Однако похоже, что у этого корабля и вправду серьезные намерения. Должно быть, он продержался все это время в открытом море, а то не бывать бы ему там, где он сейчас находится. Я думаю, старик вспомнил, что часть его экипажа находится на этом чертовом берегу. Превосходно, Мерри. Теперь у нас будет, куда поместить пленных, если мы захватим аббатство.

— Мы должны терпеливо дожидаться наступления утра, — заметил юноша, — ибо ни одна шлюпка не может подойти к берегу при таком шторме.

— Ни одна шлюпка и не подойдет! Конечно, ведь лучшее судно, какое когда-либо было на плаву, погибло в этих бурунах... Но ветер стихает, и море еще до рассвета

успокоится. Пойдем поищем место для ночлега, где бы нашим беднягам было удобнее.

Оба офицера спустились с утеса и вновь начали подниматься вдоль лощины. Постепенное повышение почвы привело их в густой лесок, на одном уровне с окружающей местностью.

— Где-то здесь поблизости должны быть развалины, если я не ошибаюсь в расчетах направления и расстояния, — сказал Барнстейбл. — У меня при себе карта, на которой обозначен этот ориентир.

— А эту карту приготовил человек, хорошо знающий побережье, или ее срисовал для упражнения какой-нибудь школьник, подобно тому как девушки срисовывают образцы для вышивания? — лукаво улыбаясь, спросил гардемарин.

Барнстейбл смущенно отвернулся:

— Прошу вас, молодой человек, без образцов вашего нахальства! Но поглядите-ка лучше вперед. Не заметите ли вы какого-нибудь необитаемого жилища?

— Да, сэр, впереди груда камней, заплесневелых и осевших, как солдатская казарма. Не это ли вы ищете?

— Да здесь когда-то был целый город! В Америке эти развалины обязательно назвали бы городом, снабдили их мэром, городским управлением и судьей. Старый Фэньюил-Холл [1] весь поместился бы в одной из этих клетей.

С этими шутливыми словами, ибо Барнстейбл не хотел, чтобы матросы заметили его подавленное состояние, они приблизились к полуразрушенным стенам, послужившим столь ненадежным убежищем отряду Гриффита.

Осмотрев развалины, усталые моряки завладели одним из ветхих помещений и расположились на отдых, которого они были лишены из-за ужасных событий прошлой ночи.

Когда громкий храп матросов убедил Барнстейбла в том, что они крепко спят, он разбудил задремавшего было юношу и знáком велел ему следовать за собой. Мерри сейчас же встал, и они вместе, тихонько выйдя из помещения, углубились в мрачные тайники развалин.

---

[1] Фэньюил-Холл — здание в Бостоне, выстроенное в 1742 году, уничтоженное пожаром в 1761 году, затем восстановленное и в период, предшествовавший войне за освобождение США, бывшее местом многих патриотических митингов.

ГЛАВА XXVI

Меркурий. Будь снова Созией — я разрешаю.
Драйден

десь мы должны оставить двух искателей приключений, покуда они отважно бродят под колеблющимися сводами развалин, и проводить читателя в более уютное место, то есть в аббатство, где, как известно, мы оставили Борроуклифа в весьма неприятном положении. Но, поскольку с тех пор Земля совершила почти полный оборот вокруг своей оси, успели произойти события, которые помогли капитану освободиться из заключения. Никто не мог бы поверить, что джентльмен, который теперь с беспечной и улыбающейся физиономией восседал за гостеприимным столом полковника Говарда, оказывая величайшее внимание лакомым блюдам, еще так недавно был лишен подобных благ на целых четыре часа, ибо во рту у него находился эфес его собственной шпаги. Однако Борроуклиф не только занял за столом свое обычное место, но и с достоинством поддерживал добрую славу, ранее им приобретенную, так как сохранял неизменное хладнокровие, и только время от времени легкая усмешка мелькала на его суровом лице воина, свидетельствуя о том, что он намерен рассматривать свое приключение с юмористической стороны. Рядом с ним сидел молодой человек в синем морском камзоле с белоснежным полотняным воротником, который составлял весьма приятный контраст с черным шелковым платком, нарочито небрежно завязанным вокруг шеи. По изящным манерам, находившимся в еще большем контрасте с простой одеждой, читатель быстро узнал бы Гриффита. Пленник гораздо меньше, чем его сосед, интересовался кушаньями, но делал вид, что всецело поглощен едой, зная, что тем самым несколько уменьшит смущение занимавшей место хозяйки молоденькой девушки, со щек которой не сходил румянец. Лукаво улыбавшаяся Кэтрин Плауден сидела подле кроткой Элис Данскомб и порой с насмешливым интересом поглядывала на выпрямившегося и словно застывшего в этом положении капитана Мануэля, который расположился напротив нее. Место, оставленное для Дилона, конечно, пустовало.

— Итак, Борроуклиф, — воскликнул полковник Говард с чистосердечием и веселостью, свидетельствовавшими о том, что обед проходил в полной гармонии, — морской волк ушел и оставил вас пережевывать ваше негодование!

— Он оставил меня жевать эфес моей собственной шпаги, — ответил, ничуть не смущаясь, офицер-вербовщик. — Джентльмены, не знаю, как ваш Конгресс вознаграждает за военные подвиги, но если бы этот достойный человек был в моем отряде, то через неделю он имел бы алебарду. Шпоры я бы ему не предложил — он не знает, как ими пользоваться.

Гриффит улыбнулся и молчаливым поклоном поблагодарил Борроуклифа за безыскусный комплимент, но Мануэль взял на себя труд ответить капитану:

— Если принять во внимание муштру, которую прошел этот человек, он вел себя неплохо, сэр. Но по-настоящему обученный солдат не только берет в плен неприятеля, но и держит его под стражей.

— Я вижу, мой добрый товарищ, что вы не перестаете думать об обмене пленными, — добродушно заметил Борроуклиф. — Наполним бокалы, сэр, и с позволения дам выпьем за быстрое восстановление прав обеих сторон — quo ante bellum! [1]

— С радостью! — вскричал полковник. — Сесилия и мисс Кэтрин тоже присоединятся к нам и пригубят вина... Не так ли, мои прекрасные воспитанницы?.. Мистер Гриффит, я ценю предложение мистера Борроуклифа, которое не только даст вам свободу, но и возвратит нам моего родственника мистера Кристофера Диллона. План Кита был придуман мастерски. А, Борроуклиф? Он был придуман гениально, но фортуна войны стала на пути к его успеху. И все же для меня до сих пор остается глубокой и необъяснимой тайной, как это Кит позволил вывести себя из аббатства — без шума, не подняв тревоги.

— Кристофер — человек, который хорошо понимает как силу красноречия, так и силу молчания, — ответил Борроуклиф, — и, должно быть, изучая свои юридические науки, он познал, что иногда необходимо вести дело sub silentio [2]. Вы смеетесь над моей латынью, мисс Плауден, но знаете ли вы, что, с тех пор как я поселился в

[1] Quo ante bellum (лат.) — как до войны.
[2] Sub silentio (лат.) — втихомолку.

этой монашеской обители, мне то и дело приходится расширять мои скромные познания в этой области?.. Вы еще пуще смеетесь? Я сейчас говорил по-латыни, потому что молчание — это тема, которая вовсе не доставляет удовольствия дамам.

Кэтрин не обратила никакого внимания на легкую обиду, прозвучавшую в голосе офицера; темные глаза ее засверкали весельем, и она громко расхохоталась, но не в ответ на слова капитана, а потому, что думала о своем. На этот раз даже Сесилия не напустила на себя того сурового и мрачного вида, которым частенько старалась подавить неуместное веселье кузины, и Гриффит, переводя взгляд с одной девушки на другую, с удивлением заметил даже на лице обычно сдержанной Элис Данскомб тень улыбки. Но Кэтрин быстро овладела собой и с комической важностью сказала:

— Мне известно, что в морском деле применяется так называемая «буксировка». Но следует спросить мистера Гриффита, правильно ли я употребляю этот термин.

— Вы никак не могли бы выразиться точнее, даже всю жизнь изучая морские термины, — ответил молодой моряк, взглянув на нее так, что девушка покраснела до кончиков ушей.

— Думаю, что вы несколько преувеличиваете, сэр: не так уж сложно изучить ваши морские термины. Но часто ли эта буксировка производится, как говорит капитан Борроуклиф... прошу прощения... как говорят монахи, — sub silentio?

— Помилуйте меня, прекрасная дама, — воскликнул капитан, — и мы заключим с вами соглашение: вы простите мне мою латынь, а я воздержусь от подозрений!

— Подозрения, сэр, — это слово, которое женщина должна отклонить.

— А это уже вызов мне как солдату. Поэтому я вынужден говорить по-английски, хотя я живу с отцами церкви. Я подозреваю, что мисс Плауден могла бы объяснить нам, как отбыл отсюда мистер Кристофер Диллон.

Кэтрин вместо ответа снова захохотала так же заразительно, как и в первый раз.

— В чем дело? — вмешался полковник. — Позвольте мне сказать вам, мисс Плауден, что ваша веселость сейчас кажется мне очень странной! Я надеюсь, что моему родственнику не было оказано неуважения? Мистер

Гриффит, согласно установленному порядку, обмен может состояться только в том случае, если обе стороны содержались в одинаково хороших условиях.

— Если мистер Диллон может пожаловаться лишь на то, что возбудил смех мисс Плауден, сэр, он должен считать себя счастливым человеком.

— Я этого не знаю, сэр. Сохрани господь, чтобы я забыл свои обязанности перед моими гостями, джентльмены! Но вы вошли в мой дом как враги моего государя.

— Но не как враги полковника Говарда, сэр!

— Это все равно, мистер Гриффит! Король Георг или полковник Говард, полковник Говард или король Георг — это совершенно все равно. Наши чувства, наше благосостояние, наша судьба нераздельны, несмотря на то огромное неравенство, которое богу угодно было установить между государем и его подданными! И я ничего так не желаю, как разделить — разумеется, на почтительном расстоянии — все радости и горести моего суверена.

— Надеюсь, дорогой сэр, что наше легкомыслие не отвлекает вас от ваших обязанностей, — сказала Сесилия вставая. — Но вот пришел человек, который напоминает нам о предмете, гораздо более для нас существенном, — о наших туалетах.

Учтивость заставила полковника Говарда, который любил и уважал племянницу, отложить свои замечания до другого раза, а Кэтрин, с детской резвостью вскочив с места, подбежала к кузине, которая в это время приказала слуге, доложившему о приходе бродячего торговца, провести этого человека в столовую. Такие разносчики бродят по отдаленным деревням, торгуя разной мелочью, которую трудно достать за отсутствием постоянных лавок. Обед уже окончился, а по мнению Сесилии, эта забава могла восстановить согласие в обществе, поэтому молодого парня тотчас же ввели в столовую. Весь его товар — преимущественно духи и мелкие предметы женского туалета — находился в небольшой корзине, которой тотчас завладела Кэтрин, объявив себя покровительницей странствующего молодого человека. Она живо разложила на столе весь товар и, смеясь, уговаривала добрых джентльменов купить что-нибудь у ее протеже.

— Видите, дорогой опекун, какой верный подданный короля этот юноша, раз он предлагает духи, которые постоянно покупают по крайней мере два герцога из коро-

левской семьи! Позвольте мне отложить эту коробку специально для вас. Вы согласны — я вижу это по вашим глазам. А капитану Борроуклифу, раз он, по-видимому, забывает родной язык, — букварь! Какой прекрасный выбор! Ты, должно быть, знал, что пойдешь в аббатство Святой Руфи, молодой человек, когда подбирал товары?

— Да, миледи, — ответил юноша с нарочито неуклюжим поклоном. — Я не раз слыхал о великодушных дамах, которые живут в старом аббатстве, и нарочно дал несколько миль крюку, чтобы поторговать здесь.

— И ты не ошибся в своих надеждах... Мисс Говард, это прямое нападение на ваш кошелек, и я не знаю, сможет ли даже мисс Элис избежать контрибуции в эти смутные времена... Помоги мне: что ты можешь показать особенно интересного для этих дам?

Юноша подошел к корзинке и с видом алчного торгаша порылся в ее содержимом, а затем, не вынимая руки из корзины, где все теперь было перевернуто вверх дном, показал что-то смеющейся Кэтрин:

— Вот, миледи!

Кэтрин вздрогнула и пристально посмотрела на юношу, а затем встревоженным и робким взглядом окинула всех присутствующих. Сесилия, достигнув своей цели, снова села на место и задумалась. Элис прислушивалась к спору капитана Мануэля и хозяина, обсуждавших уместность каких-то воинских обычаев. Гриффит, как бы сговорившись с возлюбленной, хранил молчание, но когда Кэтрин встретилась с устремленным на нее проницательным взглядом капитана Борроуклифа, то заметила, что он с особым вниманием следит за всеми ее движениями.

— Пойдем, Сесилия, — после короткого замешательства позвала она кузину. — Мы слишком злоупотребляем терпением джентльменов. Мы не только остаемся целых десять минут после того, как убрали скатерть, но еще и разложили здесь свои духи, иголки и ленты, лишая джентльменов удовольствия выпить мадеру и выкурить сигару... Нет так ли, полковник?

— Конечно, нет, ибо мы наслаждаемся вашим присутствием, мисс Плауден.

— Пойдем, кузина! Я вижу, полковник становится особенно учтив: это значит, что наше присутствие ему в тягость.

Сесилия встала и направилась к двери, а Кэтрин, повернувшись к юноше, добавила:

— Ты можешь следовать за нами в гостиную. Там мы купим что нужно, не выдавая тайн нашего туалета.

— Вы забыли о моем букваре, мисс Плауден, — остановил ее Борроуклиф, вставая из-за стола и направляясь к юноше. — Впрочем, может быть, я найду в корзине этого молодца что-либо более интересное для взрослого человека, чем начальный учебник.

Сесилия, заметив, что он взял корзину из рук юноши, вернулась на место, и ее примеру волей-неволей последовала Кэтрин, хотя она и не скрывала досады.

— Подойди-ка сюда, молодой человек, и объясни мне назначение твоих товаров. Вот мыло, вот перочинный нож — вещи понятные. А как называется вот это?

— Это? Это тесьма! — ответил юноша с раздражением, которое естественно было отнести насчет того, что помешали его торговле.

— А это?

— Это? — с явным нетерпением и неудовольствием повторил подросток запинаясь. — Это...

— Знаете, капитан, с вашей стороны весьма невежливо задерживать трех дам, которые умирают от нетерпения купить несколько вещиц, — запротестовала Кэтрин. — Вы мешаете нашим покупкам, расспрашивая торговца, как называется вышивальная игла.

— Прошу извинения за то, что предложил такие легкие вопросы, — ответил Борроуклиф, держа в руке какой-то предмет таким образом, что его не было видно никому из присутствующих, кроме него самого и юноши. — Быть может, следующий вопрос будет потруднее. Как называется это?

— Это? Это... иногда называется... маленькая ложка.

— Может быть, ты хочешь сказать: маленькая ложь?

— Как, сэр? — вспыхнул юноша. — Ложь?!

— Только маленькая, — ответил капитан. — Что это, мисс Данскомб?

— У нас на севере, сэр, это обычно называют коклюшкой [1], — ответила миролюбивая Элис.

— Да, коклюшкой или ложечкой — это одно и то же, — добавил юноша.

[1] Коклюшка — деревянная палочка, при помощи которой плетут кружева.

— Одно и то же? Мне кажется, что для торговца ты плохо знаешь, как называется твой товар! — насмешливо заметил Борроуклиф. — Я еще ни разу не встречал юноши твоих лет, который знал бы так мало. А как называется вот это или это?

С этими словами капитан вытащил из своих карманов веревки, которыми прошлой ночью его связал рулевой.

— Это — выбленочный трос, это — марлинь, а это — плетеный сезень! — воскликнул юноша с живостью человека, который хочет восстановить утраченную репутацию.

— Довольно, довольно, — остановил его Борроуклиф. — Ты достаточно ясно показал, что хорошо знаешь свое настоящее ремесло и не знаешь товара, которым торгуешь... Мистер Гриффит, вам знаком этот молодой человек?

— Кажется, да, сэр, — ответил молодой моряк, который внимательно прислушивался к допросу. — С какой бы целью вы ни прибыли сюда, мистер Мерри, дальше притворяться бесполезно.

— Мерри? — воскликнула Сесилия Говард. — Значит, это вы, кузен? Вы тоже попали в руки врагов? Разве не достаточно того, что...

Молодая девушка опомнилась вовремя, чтобы не досказать остального, но благодарный взгляд, брошенный на нее Гриффитом, ясно свидетельствовал о том, что он мысленно закончил это предложение самым лестным для себя образом.

— Что такое? — воскликнул полковник. — Мои воспитанницы обнимают и ласкают на моих глазах бродягу-разносчика! Опять измена, мистер Гриффит? Что означает неожиданный визит этого молодого джентльмена?

— Удивительно ли, сэр... — ответил сам Мерри, отбрасывая свою неловкость и обретая свободные и уверенные манеры человека, который с детства знает, как себя держать, — удивительно ли, что юноша, лишенный матери и сестер, пошел на некоторый риск, чтобы посетить двух родственниц, которые у него только одни и остались на всем белом свете?

— Зачем же этот маскарад? Вам, молодой джентльмен, не было никакой необходимости входить в дом старого Джорджа Говарда украдкой, даже если вас, по молодости лет, и совратили на путь измены королю. Мис-

тер Гриффит и капитан Мануэль должны извинить меня, если я выражаю за своим столом чувства, которые могут показаться им неприятными. Но обстоятельства требуют откровенности.

— Никто не сомневается в гостеприимстве полковника Говарда, — ответил юноша, — но не менее известна и его приверженность престолу.

— Да, молодой джентльмен, и, кажется, с основанием.

— Разве тогда было бы безопасно для меня довериться человеку, который мог бы счесть своим долгом меня задержать?

— Это довольно правдоподобно, капитан Борроуклиф, и я не сомневаюсь, что юноша говорит искренне. Как жаль, что нет моего родственника мистера Кристофера Диллона, у которого я мог бы спросить, не сочтут ли недонесением об измене, если я позволю юноше уйти беспрепятственно и без обмена на кого-либо другого!

— Спросите у этого юного джентльмена о кацике, — посоветовал офицер-вербовщик. По-видимому, весьма довольный тем, что ему удалось разоблачить Мерри, он уже снова уселся за стол на свое обычное место. — Может быть, он на самом деле посол, которому поручено вести переговоры в пользу его высочества.

— Скажите, — обратился к Мерри полковник, — знаете ли вы что-нибудь о моем родственнике?

Все устремили на Мерри тревожный взгляд и несколько секунд наблюдали, как с его лица сошло выражение беспечности и сменилось глубоким отвращением и ужасом. Наконец он глухим голосом известил присутствующих об участи несчастного Диллона.

— Он умер.

— Умер! — разом вскрикнули все присутствующие.

— Да, умер! — подтвердил юноша, поочередно оглядывая бледные лица окружавших его людей.

Наступило долгое и тяжкое молчание. Первым заговорил Гриффит:

— Объясните нам, сэр, при каких обстоятельствах он умер и где его похоронили.

— Его похоронили в песке на берегу моря, — медленно ответил Мерри, ибо тотчас же понял, что если скажет лишнее, то может выдать гибель «Ариэля» и тем подвергнуть опасности свободу Барнстейбла.

— В песке? — повторили все присутствующие.

— Да, в песке. Но при каких обстоятельствах он умер, я объяснить не могу.

— Его убили! — воскликнул полковник Говард, который только теперь вновь обрел дар речи. — Его изменнически, подло и низко убили!

— Никто его не убивал, — с твердостью ответил юноша. — Он умер среди людей, которые вовсе не заслуживают, чтобы их называли изменниками или негодяями.

— Разве вы не сказали, что он умер? Что мой родственник похоронен в песке на морском берегу?

— И то и другое совершенно справедливо, сэр...

— И вы отказываетесь объяснить, как он встретил свою смерть и почему его похоронили столь недостойным образом?

— Его похоронили по моему приказанию, сэр, и, если вы считаете, что такая могила его недостойна, виной этому его собственное поведение. Что же касается обстоятельств его смерти, то я не могу и не стану о них говорить.

— Успокойтесь, кузен! — умоляющим голосом обратилась к нему Сесилия. — Уважьте лета моего дяди и вспомните, что он был очень привязан к мистеру Диллону.

Однако старик настолько овладел своими чувствами, что продолжал разговор значительно более хладнокровно.

— Мистер Гриффит, — сказал он, — я не хочу действовать опрометчиво, но прошу вас и вашего товарища удалиться в отведенные вам комнаты. Я вас уважаю и не сомневаюсь, что вы будете верны вашему честному слову. Ступайте, джентльмены, стражи я к вам не приставляю!

Оба пленника низко поклонились дамам и хозяину и удалились. В дверях Гриффит приостановился и сказал:

— Полковник Говард, поручаю этого юношу вашей благосклонности и снисходительности. Я знаю, вы не забудете, что в его жилах течет одна кровь с вашей воспитанницей, которую вы так горячо любите.

— Довольно, сэр, довольно! — остановил его старик и знáком руки приказал ему удалиться. — И вы, дамы, тоже уходите. Здесь вам не место.

— Не покину я этого ребенка, — сказала Кэтрин, — пока он находится под таким обвинением. Полковник Говард, делайте с нами все, что хотите, ибо на то ваша воля, но я разделю его участь.

— Мне кажется, в этом печальном деле есть какое-то недоразумение, — сказал Борроуклиф, подходя к спорящим, — и, надеюсь, его можно устранить спокойствием и сдержанностью... Молодой человек, вы носите оружие и, следовательно, должны знать, несмотря на ваши лета, что бывает с теми, кто попадает в руки неприятеля!

— Сэр! — гордо воскликнул юноша. — Я впервые попал в плен.

— Я говорю, сэр, о том, что может последовать.

— Вы можете отправить меня в тюрьму или, поскольку я вошел в аббатство переодетым, на виселицу.

— И вы, в ваши лета, смотрите на подобную участь так легко?

— Вы не осмелитесь это сделать, капитан Борроуклиф! — вскричала Кэтрин и невольно обняла юношу, словно желая укрыть его от опасности. — А вам будет стыдно, полковник Говард, если вы допустите это хладнокровное мщение!

— Если бы можно было допросить молодого человека в таком месте, где нам не могли бы мешать дамы, принимающие в нем столь живое участие, — тихо сказал хозяину капитан, — мы, вероятно, получили бы важные сведения.

— Мисс Говард, и вы, мисс Плауден, — заговорил старик таким тоном, какой всегда заставлял его воспитанниц повиноваться, — ваш молодой родственник не к дикарям попал в руки, и вы можете, ничего не опасаясь, вверить его моему попечению. Сожалею, что мы заставили мисс Элис так долго стоять, но она может отдохнуть на диване в вашей гостиной, Сесилия.

Вежливо, но решительно опекун проводил Сесилию и Кэтрин к дверям, где с чрезвычайной учтивостью, о которой, особенно тогда, когда был взволнован, никогда не забывал, отвесил им низкий поклон.

— Вы, по-видимому, сознаете, в какой опасности находитесь, мистер Мерри, — сказал Борроуклиф, после того как за дамами затворилась дверь. — Надеюсь, вы понимаете также, что велит мне долг в моем положении.

— Выполняйте его, сэр, — промолвил юноша. — Вы

отвечаете перед королем, а я — перед своим отечеством.

— У меня тоже есть отечество, — возразил Борроуклиф со спокойствием, ничуть не поколебленным надменным тоном молодого человека. — Однако я не лишен возможности быть снисходительным, даже милосердным, когда это не противоречит интересам государя, о котором вы упомянули. Вы не один явились сюда, сэр?

— Если бы я пришел сюда не один, то капитану Борроуклифу самому пришлось бы отвечать на подобные вопросы, а не задавать их.

— Я счастлив, сэр, что ваша свита так немногочисленна. Однако нахожу, что на шхуне мятежников, известной под названием «Ариэль», в ваше распоряжение могли бы дать больше людей. И это не позволяет мне отказаться от мысли, что ваши друзья где-то неподалеку.

— Во всяком случае, враги у него совсем близко, ваша честь, — заявил сержант Дрилл, незамеченным входя в комнату. — Сюда явился мальчишка и рассказывает, что его схватили в старых развалинах и отняли у него товары и платье. По его описанию, этот молодой человек как раз и ограбил его.

Борроуклиф знаком подозвал парня, остановившегося в глубине комнаты. Тот повиновался с готовностью обиженного. История, которую поведал неожиданный посетитель, была несложна.

В то время как он перебирал в развалинах свои товары, чтобы показать их дамам в аббатстве, на него напали взрослый и юноша — вот этот самый, рассказал торговец, — и отняли у него части одежды, нужные им для маскировки, а также корзину со всем ее содержимым. Потом мужчина посадил его в одну из комнат старинной башни, в надежде, что он не сумеет оттуда выбраться, но, так как он сам часто поднимался наверх, чтобы обозреть окрестности, мальчишке-разносчику удалось воспользоваться его небрежностью и убежать. В заключение он потребовал, чтобы ему возвратили его имущество и наказали виновного.

Мерри с презрительным спокойствием выслушал его гневный рассказ и, не дав обиженному торговцу договорить, сбросил с себя взятую у него одежду и с пренебрежением швырнул ему.

— Мы осаждены, полковник! Нас окружили, мы в

засаде! — вскричал Борроуклиф, когда парень замолчал. — Этот план придуман, чтобы выхватить из наших рук славу. Славу и награду!.. Дрилл, им придется иметь дело со старыми воинами, и мы уж позаботимся о том, чтобы все было в порядке! В дело пойдет только пехота — ты понимаешь меня? Никакой кавалерии в бою не было и не будет. Ступай, приятель! Я вижу, ты становишься умнее. Возьми с собой этого молодого джентльмена — помни, он джентльмен! — сторожи его хорошенько, но смотри, чтобы он ни в чем не нуждался.

Борроуклиф учтиво поклонился Мерри, но тот едва кивнул ему, уже считая себя мучеником за свободу отечества, и вышел вслед за сержантом из комнаты.

— Этот юноша не лишен мужества! — воскликнул капитан. — И, если ему суждено дожить до того времени, когда у него вырастет борода, горе тому, кто посмеет дотронуться до нее! Я рад, полковник, появлению этого мальчишки-торговца — он дал мне возможность пощадить чувства бедняги, ибо не в моем вкусе хитрить с человеком благородного духа. По глазам его я сразу понял, что он чаще имел дело с ружьем, чем с иглой.

— Но они убили моего родственника! Верного, ученого, талантливого мистера Кристофера Диллона!

— Если убили, они за это ответят, — сказал Борроуклиф, снова усаживаясь за стол с таким хладнокровием, которое одно уже могло служить ручательством за его беспристрастие. — Но, прежде чем действовать, следует установить факты.

Полковник Говард вынужден был согласиться с таким разумным суждением и тоже подсел к столу, в то время как его собеседник начал подробный допрос бродячего торговца.

О результатах этого допроса мы поведаем читателю в другой раз, но, чтобы несколько удовлетворить его любопытство, сообщим, что капитан убедился в подготовке серьезного нападения на аббатство со стороны неприятеля и вместе с тем узнал, по его мнению, достаточно, чтобы предотвратить опасность.

ГЛАВА XXVII

...не видел никого я, кто бы
Так был похож на посланца любви

Шекспир, «Венецианский купец»

В нижней галерее аббатства Сесилия и Кэтрин расстались с Элис Данскомб и поднялись в помещение, которое служило им будуаром. Волнение, постепенно накапливавшееся в груди обеих девушек, по мере того как волей обстоятельств те, на ком были сосредоточены их жизненные интересы, попадали в положение, исключительно сложное, чтобы не сказать — опасное, быть может несколько мешало им как следует поразмыслить над последствиями задержания и ареста Мерри. Юноша, как и они сами, был единственным ребенком одной из трех сестер, соединявших узами родства нескольких наших героев, а молодые лета его возбуждали в кузинах горячую привязанность, значительно превосходившую обычные родственные чувства. Но они знали, что, покуда он находится в руках полковника Говарда, опасность угрожает только свободе юноши, но никак не его жизни. И, когда прошла первая взволнованность, вызванная его внезапным появлением после столь долгого отсутствия, мысли девушек занялись более вопросом о том, какие последствия для других будет иметь его арест, нежели заботой о положении самого молодого гардемарина. Укрывшись от посторонних взоров, сестры открыто предались своим чувствам, каждая сообразно своему темпераменту. Кэтрин в лихорадочном возбуждении ходила взад и вперед по комнате, а мисс Говард, спрятав лицо за локонами роскошных темных волос и прикрыв тонкой рукой глаза, по-видимому, пыталась сосредоточиться и обдумать все более спокойно.

— Барнстейбл, должно быть, находится недалеко, — после некоторого молчания заговорила Кэтрин. — Он никогда не послал бы сюда этого юношу одного!

Сесилия подняла кроткие голубые глаза на двоюродную сестру и сказала:

— Сейчас приходится отказаться от всяких мыслей об

обмене. Пленных, вероятно, задержат как заложников, чтобы они отвечали за смерть Диллона.

— А ты веришь, что этот несчастный умер? Быть может, это просто угроза, хитрость, придуманная мальчишкой? Он дерзок и, в случае необходимости, умеет говорить и действовать мужественно.

— Диллон умер! — повторила Сесилия, в ужасе снова закрыв руками лицо. — Глаза этого юноши, все выражение его лица подтвердили его слова. Боюсь, Кэтрин, когда мистер Барнстейбл узнал об измене Диллона, он позволил своему негодованию взять верх над благоразумием. Быть может, жестокие обычаи войны и оправдывают такое страшное мщение врагу, но Барнстейбл не должен был забывать о том, в каком положении находятся его друзья.

— Мистер Барнстейбл не сделал ничего подобного, мисс Говард! — сказала Кэтрин; она остановилась и гордо подняла голову. — Он одинаково не способен хладнокровно умертвить врага и покинуть друга в беде!

— Но возмездие военные люди не считают и не называют убийством.

— Думайте что хотите, называйте это как хотите, Сесилия Говард, но я жизнью ручаюсь, что Ричард Барнстейбл не способен пролить кровь врагов своего отечества иначе, как в бою!

— Несчастный мог пасть жертвой ярости ужасного матроса, который увел его отсюда пленником.

— У этого ужасного матроса, мисс Говард, сердце столь же доброе, как и у вас. Он...

— Пожалуйста, Кэтрин, — перебила ее Сесилия, — не говори со мной таким тоном! Нам и без того тяжело, а мы еще будем ссориться.

— Я не ссорюсь с тобой, Сесилия. Я просто защищаю того, моя кузина, кто сейчас отсутствует и не может снять с себя твоих несправедливых подозрений.

— Скажи лучше «сестра», — возразила мисс Говард, и они взялись за руки, — ибо разве мы не настоящие сестры? Но давай поговорим о чем-нибудь менее страшном. Бедный Диллон! Теперь, когда его постигла столь печальная участь, мне он кажется даже не таким хитрым и лживым, как мы его считали. Ты согласна со мной, Кэтрин, я вижу это по твоему лицу. Больше мы не будем об этом говорить... Кэтрин, что ты там видишь?

Мисс Плауден, отпустив руку Сесилии, снова начала ходить по комнате, теперь уже более спокойно. Но, когда она завершала первый круг по комнате, взгляд ее упал на открытое окно, и на лице ее появилось выражение напряженного внимания. Лучи заходящего солнца зажгли блеском ее темные глаза, не отрывавшиеся от какого-то далекого предмета, и сделали еще более ярким румянец, проступивший на щеках и висках. Такая внезапная перемена в манерах и внешнем виде подруги не могла укрыться от взгляда Сесилии, почему она и прервала свою речь приведенным выше взволнованным вопросом. Кэтрин подозвала кузину к окну и, указав рукой в направлении расстилавшегося перед их взором леса, сказала:

— Взгляни на ту башню, что в развалинах... Видишь ли ты, как над ее стенами мелькает что-то розовое и желтое?

— Да. Это остатки листьев на каком-то дереве. Но у них нет тех ярких оттенков, которые красят осень в нашей дорогой Америке.

— Потому что то — творение божье, а это — дело рук человека. Это не листья, Сесилия, а изобретенные мною сигнальные флажки, и нет сомнения, что сам Барнстейбл находится на этой старинной башне. Мерри не может и не захочет выдать его!

— Я могу поручиться за честь нашего юного кузена, — сказала Сесилия. — Но ведь у тебя под рукой припасенная именно на этот случай дядина подзорная труба! Стоит только посмотреть в нее, и мы тотчас же узнаем всю правду...

Кэтрин схватила трубу и, установив ее, нетерпеливо навела на башню.

— Это он! — воскликнула она, взглянув в трубу. — Я вижу даже его голову над камнями. Как безрассудно подвергать себя опасности без всякой нужды!

— Но что он говорит, Кэтрин? — воскликнула Сесилия. — Ты одна можешь разобрать его сигналы.

Мисс Плауден тотчас достала маленький сборник сигналов и быстро перелистала его в поисках нужного номера.

— Это сигнал, чтобы привлечь мое внимание. Я должна дать ему знать, что и мы заметили его.

Когда Кэтрин, отчасти ради забавы и отчасти в на-

дежде, что эта сигнализация для переговоров с Барнстейблом на самом деле когда-нибудь пригодится, изобретала ее, она, к счастью, подумала и о необходимых средствах, чтобы отвечать на его вопросы. Очень простое приспособление из шнуров от оконных гардин послужило ей для этой цели. Проворными пальчиками она быстро нанизала шелковые лоскутки на шнуры и выбросила их за окно, предоставив им развеваться там на ветру.

— Он видит их! — воскликнула Сесилия. — И готовится сменить свои флажки.

— Следи за ним, кузина, и называй мне по порядку цвета, которые он будет выставлять, а я постараюсь истолковать их значение.

— Он так же ловко орудует флажками, как и ты... Вот теперь над башней появились два: верхний — белый, а нижний — черный.

— Белый над черным, — быстро повторила про себя Кэтрин и начала перелистывать страницы сборника. — «Мой посланный. Видели ли вы его?» На это нам придется сообщить ему печальную правду. Вот: желтый, белый и красный. Это значит: «Он взят в плен». Как удачно, что я предусмотрела такие вопросы и ответы! Что он говорит, Сесилия, в ответ на эту новость?

— Он готовит новые флажки, дорогая... Кэтрин, ты так дрожишь, что колеблешь подзорную трубу... Готово. На этот раз желтый над черным.

— «Гриффит или кто?» Он не понял нас, но я, составляя сигналы, помнила и о бедном мальчике. Ага! Вот: желтый, зеленый и красный: «Кузен Мерри». Теперь он непременно поймет.

— Он убрал сигнал. Новость, по-видимому, встревожила его, ибо он что-то замешкался... А вот снова флажки: зеленый, красный и желтый.

— Он спрашивает, в безопасности ли он. Вот, значит, что заставило его медлить, мисс Говард! — продолжала Кэтрин. — Барнстейбл «не любит» думать о своей собственной безопасности. Но как я отвечу ему? Если мы введем его в заблуждение, то никогда себе этого не простим!

— За Эндрю Мерри бояться нечего, — ответила Сесилия. — И я думаю, если бы капитан Борроуклиф подозревал, что неприятель так близко, он не остался бы за столом.

— Он будет сидеть там, пока есть вино и пока он в состоянии пить, — сказала Кэтрин, — но мы на печальном опыте убедились, что при неожиданных обстоятельствах он мгновенно снова становится солдатом. Все же на этот раз я положусь на его неосведомленность. Вот мой ответ: «Вы пока вне опасности, но будьте осторожны».

— Он быстро понял значение твоего сигнала, Кэтрин, и уже приготовил ответ. На этот раз он выставил зеленый флажок над белым. Ты, кажется, меня не слышишь: зеленый над белым. Что с тобой? Ты онемела? Что он говорит, дорогая?

Кэтрин по-прежнему не отвечала, и Сесилия, оторвав взгляд от подзорной трубы, увидела, что кузина ее уставилась в открытую книгу, но румянец на ее щеках стал еще гуще.

— Надеюсь, твои зардевшиеся щечки и его сигналы не говорят ни о чем плохом, Кэт? — спросила Сесилия. — Может ли зеленый означать его ревность, а белый — твою невинность? Что он говорит, сестрица?

— Он говорит, как и ты, одни глупости, — ответила Кэтрин, вновь принимаясь за свои флажки с обиженным видом, которому явно противоречило радостное выражение ее лица. — Но сложившееся положение требует, чтобы я поговорила с Барнстейблом более свободно.

— Я могу уйти, — сказала Сесилия и направилась к двери.

— Брось, Сесилия! Я не заслуживаю таких укоризненных взглядов! Это ты сейчас легкомысленна... Ты, вероятно, сама заметила, что уже начало смеркаться, и продолжать разговор прежним способом становится трудно. Вот сигнал, годный при таких условиях: «Когда на часах аббатства пробьет девять, осторожно подойдите к калитке, которая выходит на дорогу с восточной стороны луга. До тех пор прячьтесь». Я приготовила этот сигнал на случай, если понадобится свидание.

— Он видит сигнал, — сказала Сесилия, которая снова заняла место у трубы, — и, по-видимому, намерен подчиниться твоему приказанию, потому что больше я не вижу ни флажков, ни его самого.

Мисс Говард отошла от подзорной трубы, но Кэтрин, прежде чем поставить инструмент обратно в угол, бросила еще один долгий, жадный взгляд на необитаемую башню. Интерес и тревога, возбужденные этим коротким

разговором, далеко не удовлетворившим мисс Плауден и ее возлюбленного, породили различные мысли в головках обеих девушек и дали им обильный материал для серьезной беседы, но вскоре вошла Элис Данскомб и сообщила, что их ждут внизу. Даже ничего не знавшая Элис, войдя, сразу же заметила перемену в лицах и манерах обеих сестер, которая показывала, что их секретный разговор не обошелся без спора. Лицо Сесилии отражало тревогу, волнение и печаль, в то время как блеск темных глаз, горящие щеки и гордая, решительная осанка Кэтрин выдавали столь же глубокое чувство совсем иного рода. Ни та, ни другая из девушек после появления Элис ничем не обмолвились о предмете своего спора, и она, ни о чем не спрашивая, повела их прямо в гостиную.

Полковник Говард и Борроуклиф приняли дам с подчеркнутой учтивостью. Порой на лице первого, всегда открытом и благородном, мелькала глубокая грусть, несмотря на явные его попытки сохранить веселый вид, в то время как офицер-вербовщик продолжал хранить непоколебимое хладнокровие и спокойствие. Десятки раз он замечал, что проницательный взор Кэтрин останавливается на нем с таким вниманием, которое человек, менее рассудительный, мог бы истолковать самым лестным для себя образом, но даже это не могло поколебать самообладание капитана. Напрасно Кэтрин пыталась прочесть что-либо на его лице, хранившем маску непреклонного воина, хотя все его поведение казалось особенно непринужденным и естественным. Устав наконец от своих бесплодных наблюдений, взволнованная девушка обратила взор на часы и, к своему удивлению, убедилась, что вот-вот пробьет девять. Поэтому, не обращая внимания на укоризненный взгляд кузины, она встала и вышла из комнаты. Борроуклиф поспешил открыть перед ней дверь, и, когда девушка кивком головы поблагодарила его за внимание, их взгляды еще раз встретились. Но она быстро скользнула мимо него и очутилась в галерее. Минуту Кэтрин оставалась в нерешительности, ибо уловила во взоре капитана тень насмешки, свидетельствовавшую о сознании им своего превосходства и некоем тайном умысле. Однако не в натуре ее было медлить, когда обстоятельства требовали быстрых и смелых действий, и поэтому, набросив на плечи приготовленный заранее темный плащ, она осторожно вышла из здания.

Хотя Кэтрин и подозревала, что Борроуклиф располагает сведениями, способными причинить вред ее возлюбленному, выйдя в сад, она напрасно пыталась обнаружить какие-либо изменения в мерах для обороны аббатства, которые могли бы подтвердить ее подозрения и о которых ей следовало бы сообщить Барнстейблу, дабы он мог избежать тайной опасности. Однако вся диспозиция оставалась такой же, какой она была и до пленения Гриффита и его товарищей. Ее слух уловил тяжелую поступь часового, который быстрыми шагами ходил под окнами арестованных, пытаясь согреться на посту, а когда она остановилась, то услышала и бряцание оружия солдата, охранявшего, как всегда, подход к той части здания, где квартировали его товарищи. Ночь была темная, а небо заволокло тучами, и, хотя к концу дня буря несколько утихла, все же ветер был довольно силен и временами завывал в стенах большого здания. Требовалась особая тонкость слуха, чтобы среди такого шума различить даже знакомые звуки. Уверившись, что слух все же не обманул ее, Кэтрин обратила тревожный взгляд в ту сторону, где, по выражению Борроуклифа, находились «казармы».

Там все было темно и тихо, но само это спокойствие вызывало у нее новые опасения. Может быть, обычно веселые и шумные солдаты теперь спят? А может быть, эта тишина означает коварные приготовления? Однако размышлять было некогда, и Кэтрин, закутавшись в плащ, легкими и осторожными шагами направилась к тому месту, где она назначила свидание Барнстейблу. Когда она приблизилась к калитке, часы пробили девять, и она снова остановилась, прислушиваясь к печальным звукам колокола, которые донес до нее ветер, словно ожидала, что ближайший же новый удар окажется сигналом и откроет ей тайные намерения Борроуклифа. Наконец, когда замер последний звук, она открыла маленькую калитку и вышла на дорогу. Тотчас из-за угла к ней бросился человек. Сердце Кэтрин учащенно забилось при его внезапном появлении, и она очутилась в объятиях Барнстейбла. Когда несколько утихла первая радость встречи, молодой моряк рассказал возлюбленной о гибели шхуны и о тех, кто спасся от смерти.

— А теперь, Кэтрин, — закончил он, — я надеюсь, вы пришли сюда с тем, чтобы никогда больше со мной не

расставаться. Если же вы вернетесь в старое аббатство, то лишь для того, чтобы помочь освободить Гриффита и потом соединиться со мной навсегда!

— Ну конечно! В том, что вы мне рассказали о вашем положении, столько соблазнительного для молодой девушки, что она не может не бросить дом и друзей. Я просто не знаю, как отказать вам в вашей просьбе, Барнстейбл! Вы обзавелись весьма приличным жилищем; теперь нужен лишь небольшой грабеж, и тогда руины станут вполне обитаемыми. В аббатстве Святой Руфи есть много вещей, которые нам очень пригодятся. Одного только я не знаю: куда нас потом переведут — в Йоркский замок или в Ньюкастлскую тюрьму?

— Сейчас не время шутить, моя прекрасная насмешница, — сказал Барнстейбл. — Время и обстоятельства заставляют нас быть серьезными.

— На женщине лежат заботы о домашних удобствах, — ответила Кэтрин, — и я хотела бы добросовестно исполнять свои обязанности. Ночь так темна, что я не могу рассмотреть вашего загорелого лица, но я чувствую, что вы сердитесь. Когда же мы начнем вести хозяйство, если я соглашусь на ваши предложения?

— Я еще не изложил своих планов, и ваши насмешки мне очень неприятны. Судно, которое я захватил, разумеется, подойдет к берегу, как только утихнет шторм, и мы уйдем на нем после того, как разобьем этого англичанина и освободим вас и мисс Говард... Кстати, покидая скалы, я разглядел в открытом море наш фрегат.

— Вот это действительно приятная новость! — обрадовалась Кэтрин, и видно было, что она полна мыслей о будущем. — Все же могут возникнуть такие затруднения, о которых вы и не догадываетесь.

— Затруднений нет и быть не может!

— Не говорите так легко о препятствиях на путях любви, мистер Барнстейбл! Когда это было известно, чтобы любовь существовала без цепей и без преград? Даже я должна потребовать у вас объяснения, хотя мне совсем не хочется об этом вспоминать.

— У меня? Спрашивайте о чем и сколько хотите! Я беззаботный, легкомысленный человек, мисс Плауден, но перед вами я ни в чем не виноват... если только вы не считаете оскорблением мою преданную любовь к вам.

Барнстейбл почувствовал, что маленькая рука сжала

его руку, и Кэтрин заговорила тоном столь отличным от ее прежнего шутливого тона, что он невольно вздрогнул, услышав первые слова.

— Мерри принес нам ужасное известие, — сказала она. — Я не хотела этому верить, но выражение лица юноши и отсутствие Диллона подтверждают его слова.

— Бедный Мерри! Итак, он тоже попал в западню! Но им еще предстоит побороться с человеком, который умнее их!.. Так вы спрашиваете об участи этого негодяя Диллона?

— Он был негодяем, — тем же тоном продолжала Кэтрин, — и заслуживал наказания, так как был очень виновен перед вами, Барнстейбл! Но жизнь — дар божий, и ее нельзя отнять даже тогда, когда мстительность человеческая требует жертвы.

— Жизнь у него отнял тот, кто ему ее дал! — ответил моряк. — Неужели Кэтрин Плауден подозревает меня в столь бесчестном поступке?

— Нет-нет, я не подозреваю вас, — воскликнула Кэтрин, — и я никогда не поверю, чтобы вы могли поступить недостойно! Не сердитесь! Вы не должны сердиться на меня, Барнстейбл! Если бы вы слышали жестокие подозрения кузины Сесилии и знали, как воображение рисовало мне ваши обиды и искушение отбросить милосердие, в то время как я решительно отрицала ваше участие в этом деянии, вы бы... вы бы, по крайней мере, поняли, что гораздо легче защищать того, кого любишь, от открытых нападок других, чем от собственного ревнивого чувства.

— Эти слова о любви и ревности оправдывают вас! — вскричал Барнстейбл.

Он как мог утешил Кэтрин, возбуждение которой нашло себе исход в слезах, а потом коротко поведал ей об обстоятельствах смерти Диллона.

— Я надеялся, что мисс Говард лучшего мнения обо мне и не способна на подобные подозрения, — в заключение сказал он.— Гриффит оказался плохим представителем нашего ремесла, если он не сумел изобразить его в лучшем свете.

— Не знаю, избег бы подобных подозрений с моей стороны мистер Гриффит, будь он командиром погибшей шхуны, а вы пленником, — ответила Кэтрин.—Вы и представить себе не можете, сколько нам пришлось слышать

о военных обычаях, о заложниках, о карательных экспедициях и казнях! Но теперь у меня словно гора с плеч свалилась, и я почти готова сказать, что согласна пройти долину жизни об руку с вами.

— Вот мудрое решение, милая моя Кэтрин, да благословит вас за него бог! Быть может, спутник ваш и не так хорош, как вы заслуживаете, но вы увидите, что он будет стремиться заслужить ваше одобрение. А теперь давайте подумаем, как нам достигнуть наших целей.

— Вот тут и скрыто одно из препятствий. Боюсь, Гриффит не убедит Сесилию следовать за ним против ее... ее... как это назвать, Барнстейбл?.. против ее каприза или убеждения. Она не оставит дядюшку, а я не смогу собраться с духом, чтобы покинуть бедную кузину на произвол судьбы даже ради мистера Ричарда Барнстейбла!

— Вы говорите сейчас от чистого сердца, Кэтрин?

— Почти, если не совсем.

— Значит, я жестоко обманут! Легче найти дорогу без карты и компаса в огромном океане, нежели в лабиринте женского сердца!

— Нет-нет, безумец! Вы забываете, что я мала ростом и, значит, сердце у меня близко от головы. Слишком близко, боюсь я, для благополучия их владелицы! Но неужели нет способа заставить Гриффита и Сесилию сделать то, к чему они оба давно стремятся, не применяя, конечно, излишнего насилия?

— Такого способа нет. Он старше меня по чину и в ту же минуту, как я его освобожу, заявит о своих правах командира. В досужее время можно было бы поднять вопрос, обоснованы ли такие права, но сейчас мои люди — вы знаете, это лишь часть экипажа фрегата — не колеблясь, подчинятся приказаниям первого лейтенанта, который не любит шутить там, где дело касается службы.

— Досадно, право, — сказала Кэтрин, — что все мои так славно задуманные планы должны рухнуть из-за упрямства этой своенравной пары. Но прежде всего, Барнстейбл: справедливо ли вы оценили свои силы? Уверены ли вы, что вас ждет успех, что вам не грозит опасность, если вы рискнете осуществить свое предприятие?

— Я совершенно уверен в воинском духе и физических силах моих матросов. Они спрятаны поблизости в таком месте, где никто не вздумает искать неприятеля, и

с нетерпением ждут той минуты, когда смогут начать действия. Внезапная атака не только обеспечит победу, но и даст нам ее без кровопролития. Вы поможете нам проникнуть в здание, Кэтрин! Сначала я постараюсь захватить этого офицера-вербовщика, и тогда весь его отряд сдастся без выстрела. Быть может, тогда Гриффит не будет упрямиться. А если нет, я не уступлю командования освобожденному пленнику без борьбы!

— Дай бог, чтобы дело обошлось без кровопролития! — прошептала Кэтрин, немного встревоженная той картиной, которая возникала в ее воображении во время речи моряка. — И я торжественно заклинаю вас, Барнстейбл, именем вашей любви ко мне и ко всему тому, что для вас священно, защитить от опасности полковника Говарда! Я не прощу даже оскорбления моему горячему, упрямому, но вместе с тем доброму опекуну. Мне кажется, я и без того доставила ему много хлопот, и боже избави, чтобы я оказалась для него причиной серьезного несчастья!

— Не только он сам, но и все вокруг него будут вне опасности, Кэтрин! Вы в этом убедитесь, когда услышите мой план. Не пройдет и трех часов, как я стану хозяином старого аббатства. И Гриффиту... да, Гриффиту... придется подчиняться мне до тех пор, пока мы снова не выйдем в море.

— Не предпринимайте ничего, покуда не будете окончательно уверены, что сумеете взять верх не только над врагами, но и над друзьями, — заметила встревоженная Кэтрин. — Помните, и Гриффит и Сесилия так носятся с своими тонкими чувствами, что ни тот, ни другая не будут вашими союзниками.

— Вот что значит провести лучшие годы жизни в четырех стенах, корпя над латинской грамматикой и тому подобной чепухой! Лучше бы он провел их на борту славного корабля да учился самое большее тому, как составлять отчет о дневной работе да определять, где находится корабль после шторма. Обучение в колледже годится лишь для человека, который должен как-то изворачиваться, но оно не приносит большой пользы тому, кто не боится изучать человеческую природу, глядя людям прямо в лицо, и чья рука всегда так же готова действовать, как язык — говорить. И вообще я заметил, что глаза, привыкшие читать по-латыни, плохо читают показания компаса

и плохо видят сквозь ночной шквал. Тем не менее Гриффит — настоящий моряк, хотя мне доводилось слышать, как он читал Новый завет по-гречески! Слава богу, у меня хватило соображения сбежать из школы на второй день после того, как там попытались учить меня иностранному языку, и я уверен, что не стал из-за этого менее честным человеком и менее искусным моряком!

— Неизвестно, кем вы могли бы стать при иных обстоятельствах, Барнстейбл, — сказала его возлюбленная, которая не могла не подтрунивать даже над тем, кого горячо любила, — но я не сомневаюсь, что при надлежащем воспитании из вас вышел бы недурной пастор!

— Уж если вы заговорили о пасторах, Кэтрин, могу напомнить вам, что у нас на фрегате тоже есть слуга божий... Но выслушайте мой план. О служении господу мы поговорим позже, когда представится случай.

И затем Барнстейбл изложил свой план нападения на аббатство. План этот — его предстояло претворить в жизнь в ту же ночь — казался так легко осуществимым, что Кэтрин, при всех своих подозрениях насчет Борроуклифа, вынуждена была согласиться, что он должен увенчаться успехом. На возникшие у нее возражения молодой моряк ответил с пылом человека, твердо идущего к цели, и привел ряд доводов, показывавших, что в деле, требующем смелости и находчивости, он может быть очень серьезным противником. В стойкости и верности Мерри он не сомневался. Что же касается мальчишки-разносчика, то он полагал, что, кроме него и гардемарина, тот не видел никого из их отряда и, несомненно, принял их за простых грабителей.

Так как изложение этих планов часто прерывалось маленькими отступлениями, вызванными чувствами влюбленных, прошло более часа, прежде чем они решили расстаться. И, только когда Кэтрин напомнила молодому лейтенанту о том, как быстро летит время и как много еще нужно сделать, он не очень охотно согласился закончить свидание и проводил ее до калитки.

Мисс Плауден на обратном пути в аббатство соблюдала те же меры предосторожности, что и тогда, когда покидала его. И она уже поздравляла себя с успехом, как вдруг заметила, что на некотором расстоянии за ней идет человек, повторявший все ее движения. Она остановилась, чтобы бросить опасливый взгляд на незнакомца, ко-

торый тоже остановился, а затем медленно возвратился на край луга. Решив, что это был Барнстейбл, пожелавший убедиться в ее безопасности, Кэтрин вошла в аббатство, растеряв все свои опасения в приятных мыслях о заботливости возлюбленного.

ГЛАВА XXVIII

Глядит он — взвился флаг летучий,
И копья поднялися тучей
Над Хорнклифским холмом.

Мармион

Резкий звон колокола, созывавшего к ужину, прозвучал в мрачной галерее как раз в ту минуту, когда мисс Плауден вошла туда, и ей пришлось поспешить к подругам, чтобы ее отсутствие не вызвало новых подозрений. Когда Кэтрин переступила порог гостиной, Элис Данскомб уже проследовала в столовую, но мисс Говард замешкалась, и Кэтрин застала ее одну.

— Ты все-таки осмелилась сделать по-своему, Кэтрин! — воскликнула Сесилия.

— Конечно, — подтвердила Кэтрин, опускаясь в кресло, чтобы хоть немного успокоиться. — Конечно, осмелилась, Сесилия, и видела Барнстейбла, который очень скоро завладеет аббатством.

Кровь, которая прихлынула к лицу Сесилии, когда она увидела кузину, теперь снова отхлынула к сердцу, и лицо ее стало белым, как алебастр.

— Значит, нам суждено пережить в эту ночь кровопролитие! — воскликнула она.

— Нам суждено пережить в эту ночь освобождение, мисс Говард! Все мы будем свободны: ты, я, Эндрю Мерри, Гриффит и его товарищи!

— Какая еще свобода, помимо той, какой мы пользуемся сейчас, Кэтрин, нужна двум молодым девушкам? Неужели ты думаешь, что я стану молчать, когда на моих глазах предают моего дядю? Может быть, и жизнь его подвергается опасности!

— Ты сама, Сесилия Говард, и жизнь твоя не более священны для этих людей, чем жизнь твоего дяди. Если

ты хочешь отправить Гриффита в тюрьму, а то и на виселицу, выполни свою угрозу и предай Барнстейбла. Это легко сделать за ужином. А поскольку хозяйка дома, кажется, забыла о своих обязанностях, я сама пойду в столовую.

Кэтрин встала и твердым шагом с гордо поднятой головой направилась по галерее в комнату, где уже собрались остальные обитатели дома. Сесилия молча последовала за ней, и все сели за стол, заняв обычные места.

Первые несколько минут ушли на обычные учтивости джентльменов в отношении дам и любезности, принятые за столом. За это время Кэтрин настолько овладела собой, что начала пристально наблюдать за поведением своего опекуна и Борроуклифа, решив не ослаблять внимания, пока не наступит тот решающий час, когда она ожидала появления Барнстейбла. Полковник Говард, однако, настолько успокоился, что даже утратил присущую ему рассеянность. Со своего места Кэтрин иногда казалось, что она встречает его твердый и суровый взгляд, которого еще в детстве привыкла бояться, считая его признаком справедливого негодования. Борроуклиф, напротив, был спокоен, вежлив и, как всегда, отдавал должное различным яствам. Единственной внушавшей тревогу особенностью его поведения было то, что он не так усердно поглощал свой излюбленный напиток. Так прошел ужин, и уже убрали скатерть, хотя дамы, по-видимому, склонны были задержаться дольше обычного. Полковник Говард, наполнив бокалы себе и Элис Данскомб, передал бутылку офицеру и бодрым голосом, желая пробудить среди окружающих более веселый дух, воскликнул:

— Как вы думаете, Борроуклиф, не стали бы алые губки наших соседок еще ярче, если бы они омочили их в этом чудесном напитке да произнесли тост за здоровье короля? Мисс Элис всегда готова высказать чувства преданности своему государю. От ее имени я предлагаю тост за здоровье его священного величества и за поражение и смерть всех изменников!

— Если молитвы скромной подданной, которой как женщине подобает быть в стороне от суеты мирской и которая ныне должна делать вид, будто она разбирается в государственных делах, могут как-либо помочь высокому и могущественному монарху, сидящему на троне Великобритании, никакие бедствия не коснутся его, — кротко от-

ветила Элис. — Но я никому не могу желать смерти, даже врагам моим, если есть такие, а тем более сынам народа той же семьи, к которой принадлежу и я!

— Той же семьи... — медленно повторил полковник с такой горечью в голосе, что она не могла не привлечь болезненного внимания Кэтрин, — сыны той же семьи! Да! Авессалом тоже был сыном Давида, а Иуда принадлежал к семье святых апостолов... Что ж, не будем пить за это, не будем! Проклятый дух мятежа проник в мой дом, и я не знаю, кого из членов моей семьи еще не коснулось его зловещее дыхание!

— Может быть, оно коснулось и меня, — сказала Элис, — но я ничем не нарушила своего верноподданнического долга и...

— Что это? — вдруг перебил ее полковник. — Слышите, капитан Борроуклиф, к нам кто-то ломится?

— Должно быть, это кто-нибудь из моих солдат. Наверное, упал, негодяй, по дороге от стола к своему тюфяку. Вы ведь знаете, я приказал угостить их на славу в честь наших успехов, — с великолепным равнодушием ответил капитан. — А может, явился тот самый дух, о котором вы так смело говорили, мой почтенный хозяин. Он обиделся на ваши замечания и теперь хочет выбраться из гостеприимных стен аббатства Святой Руфи на вольный воздух, не потрудившись выяснить, где находятся двери. В таком случае, утром придется кое-где починить стены.

Полковник встал, бросая беспокойные взгляды то на Борроуклифа, то на дверь и явно не желая разделять шутки своего гостя.

— Что-то уж очень шумят, капитан Борроуклиф, в саду аббатства, если не в самом здании, — сказал он, выходя из-за стола и твердым, воинским шагом направляясь к двери. — Как хозяин усадьбы, я должен узнать, кто в такое позднее время нарушает покой моей семьи. Если это друзья, мы примем их с радостью, хотя появление их несколько неожиданно; если же это враги, я встречу их так, как подобает старому солдату!

— Нет-нет! — воскликнула Сесилия, которая при этих словах забыла об осторожности и бросилась в объятия старика. — Не ходите, дядя, не ходите туда, где дерутся, мой добрый, мой милый дядя! Вы уже не молоды, вы уже сделали все то, что требовал от вас долг. К чему вам подвергать жизнь опасности?

— Бедняжка с ума сошла от страха, Борроуклиф, — сказал полковник, с любовью глядя на племянницу. — Вам придется дать ни на что не способному старому подагрику охрану с капралом во главе, чтобы они караулили его ночной колпак, иначе это глупое дитя не заснет до восхода солнца. Но вы не встанете, сэр?

— А зачем? — ответил капитан. — Мисс Плауден все еще оказывает мне честь своим присутствием, да и не в моем характере покидать одновременно бутылку вина и знамя. Для настоящего солдата улыбка женщины в гостиной — все равно что знамя на поле сражения.

— А мне нечего бояться, капитан Борроуклиф, — сказала Кэтрин. — Я так долго живу в аббатстве Святой Руфи, что научилась различать завывание ветра в трубах и островерхих крышах. Шум, который поднял с места полковника Говарда и напугал кузину Сесилию, не что иное, как Эолова арфа [1] аббатства: она гудит, как контрабас.

Капитан с явным восхищением взглянул на ее спокойное лицо, что заставило ее — правда, с опозданием — немного покраснеть. Он ответил с некоторой двусмысленностью как в словах, так и в манерах.

— Я уже указал, что побуждает меня оставаться здесь, — сказал Борроуклиф и продолжал, подчеркивая некоторые слова и тем вкладывая в них двойной смысл: — Покуда мисс Плауден будет оказывать нам честь своим присутствием, она найдет во мне самого преданного и самого настойчивого собеседника, кто бы сюда ни явился и что бы здесь ни случилось.

— Вы вынуждаете меня удалиться, хочу я или нет, — сказала Кэтрин вставая. — Ибо само женское тщеславие не может не покраснеть при столь явном преклонении, которое приковывает капитана Борроуклифа к вечернему столу!.. Поскольку ваша тревога несколько рассеялась, кузина, быть может, вы пойдете вперед? Мы с мисс Элис последуем за вами.

— Но, конечно, не на лужайку, мисс Плауден? — остановил ее капитан. — Дверь, ключ которой вы только что повернули, ведет в вестибюль. Проход в гостиную здесь!

Кэтрин слабо улыбнулась, как бы признавая свою

[1] Эолова арфа — рамка с натянутыми на ней струнами. Ее помещали обычно на крыше здания, и от дуновения ветра струны начинали звучать.

ошибку, поклонилась в знак признательности капитану и, направляясь к другой двери, промолвила:

— Видимо, не одна только Сесилия испугалась: другим просто удалось скрыть свои чувства.

— Это страх перед наступившей опасностью или будущей? — спросил капитан. — Но раз вы так великодушно заботились о моем почтенном хозяине и еще об одном человеке, которого я не назову, потому что он не заслужил такой награды от вас, я сделаю вашу безопасность своей особой задачей в наши тяжелые времена.

— Значит, опасность существует! — воскликнула Сесилия. — Я вижу это по вашим глазам, капитан Борроуклиф. И кузина бледнеет — значит, мои опасения основательны!

Капитан тоже встал и, оставив шутливый тон, который доставлял ему столь большое удовольствие, вышел на середину комнаты с видом человека, который понимает, что настало время быть серьезным.

— Солдату всегда грозит опасность, когда враги его короля находятся близко, мисс Говард, — ответил он, — а мисс Плауден, если ей будет угодно, может засвидетельствовать, что это именно так. Но вы союзницы обеих сторон, поэтому я предлагаю вам удалиться в ваши комнаты и ждать там результатов предстоящего сражения.

— Вы говорите о явных и скрытых опасностях, капитан, — промолвила Элис Данскомб. — Вы разве знаете что-нибудь, подтверждающее ваши подозрения?

— Я знаю все, — холодно ответил Борроуклиф.

— Все?! — воскликнула Кэтрин.

— Все? — в ужасе повторила за ней Элис. — Если вы действительно знаете все, то вам должна быть известна его отчаянная отвага и сила перед лицом неприятеля. Сдайтесь ему без сопротивления, и он не тронет вас. Поверьте мне, которая хорошо знает его характер, что ни один агнец не может быть более кроток, чем он в своем обращении со слабыми жещинами! Но ни один лев не бывает более свиреп с врагом!

— А поскольку мы не принадлежим к женскому полу, — ответил раздраженно Борроуклиф, — придется нам как-нибудь пережить ярость царя зверей! Его лапа сейчас у входных дверей, и, если мои приказания выполнены в точности, войти сюда ему будет легче, чем волку к почтенной бабушке Красной Шапочки!

— Погодите минуту! — еле дыша от волнения, вмешалась Кэтрин. — Вы раскрыли мою тайну, капитан Борроуклиф, и это поведет к кровопролитию. Но, если вы позволите мне выйти, я, возможно, еще спасу драгоценную жизнь многих людей. Дайте мне слово, что люди, которые сейчас пришли как ваши враги, уйдут с миром, и жизнь моя будет служить залогом безопасности аббатства!

— О, послушайте ее и не проливайте крови человеческой! — вскричала Сесилия.

Громкий шум прервал дальнейшие речи, и в соседней комнате послышались тяжелые шаги, будто туда поочередно входили люди. Борроуклиф спокойно отошел в дальний конец комнаты и взял со стола приготовленную заблаговременно и вложенную в ножны шпагу. В тот же миг дверь распахнулась, и появился Барнстейбл, один, но вооруженный до зубов.

— Вы мои пленники, джентльмены, — сказал моряк, проходя в глубь комнаты. — Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь, и вы будете помилованы... Ха, мисс Плауден! Я ведь советовал вам не присутствовать при этой сцене.

— Барнстейбл, наш замысел открыт! — воскликнула взволнованная Кэтрин. — Но еще не поздно. Кровь еще не была пролита, и вы можете уйти с честью, не прибегая к насилию. Ступайте скорее, не теряйте ни минуты, ибо, если солдаты капитана Борроуклифа явятся на помощь своему командиру, аббатство станет сценой ужасных событий!

— Уходите, Кэтрин,—с нетерпением сказал ее возлюбленный, — здесь женщинам не место!.. А вы, капитан Борроуклиф, если так вас зовут, должны понимать, что сопротивление бесполезно. В той комнате у меня десять добрых пик в двадцати искусных руках, и было бы чистым безумием противиться столь превосходной силе.

— Разверните передо мной ваши силы, — сказал капитан, — иначе я рискую обесчестить себя.

— Честь ваша не пострадает, мой храбрый воин, ибо я должен признать ваше мужество, хотя и ненавижу ваш мундир, а дело ваше считаю неправым!.. Вперед, ребята, но действуйте только по моему приказанию!

Отряд свирепых на вид моряков, которых привел Барнстейбл, толпой ворвался в комнату, но, несмотря на свои грозные взгляды и устрашающий вид их рваной одежды и оружия, они никого не тронули, не нанесли ни

одного удара. При их появлении дамы попятились в испуге, и даже Борроуклиф отступил к двери, через которую он мог бы, в случае необходимости, скрыться. Не утихла еще суматоха от их внезапного появления, как из отдаленной части здания снова донесся шум борьбы, одна из многочисленных дверей столовой распахнулась, и вбежали два солдата из отряда Борроуклифа, энергично преследуемые четырьмя матросами под предводительством Гриффита, Мануэля и Мерри, которые вооружились всем, что попало им под руки в минуту их неожиданного освобождения. Среди матросов, уже завладевших комнатой, произошло движение. Они готовы были заколоть солдат, но Барнстейбл саблей отвел их пики и сурово приказал им отступить. Удивленные матросы опустили оружие, а солдаты, воспользовавшись этим, быстро укрылись за спиной своего офицера. Освобожденные пленники вместе со своими освободителями присоединились к Барнстейблу и его матросам, и в комнате снова восстановилась так грубо нарушенная тишина.

— Вы видите, сэр, — сказал Барнстейбл, дружески пожав руки Гриффита и Мануэля, — что все мои планы удались. Ваши солдаты спокойно почивают в своей казарме под стражей из моих матросов; второй отряд матросов снял ваших часовых и освободил наших офицеров, а с помощью третьего отряда овладел центром аббатства и, по существу, вашей особой. Во имя человеколюбия и ради присутствия этих дам обойдемся без борьбы! Я предложу вам легкие условия, а плен ваш будет недолгим.

В продолжение всей этой сцены офицер-вербовщик сохранял удивительное хладнокровие, которое вызвало бы подозрение у победителей, будь у них хоть минута для наблюдения. Понемногу на лице его появились признаки волнения, и он стал то и дело поворачивать голову, будто к чему-то прислушиваясь. Все же он и на этот раз ответил Барнстейблу прежним спокойным голосом:

— Вы говорите, сэр, о победе, но она еще вами не достигнута. Мой достойный хозяин и я — мы не так уж беззащитны, как вы, по-видимому, воображаете. — С этими словами он сорвал с бокового столика скатерть, и в тот же миг у него и у полковника оказалось в руках по паре пистолетов. — Вот смертный приговор четверым из вашего отряда, а двое храбрых молодцов за моей спиной приговорят еще двоих. Мне думается, мой заокеанский друг,

что наше нынешнее положение очень напоминает положение Кортеса[1] и мексиканцев, когда он вторгся в пределы вашего материка. Я — Кортес, вооруженный искусственным громом и молнией, а вы — индейцы, у которых только и есть что пики, праши да прочие допотопные изобретения. Кораблекрушения и морская вода весьма подмачивают порох!

— Ваша правда, у нас нет огнестрельного оружия,— сказал Барнстейбл, — но мы люди, привыкшие с детства полагаться на силу своих рук, и не побоимся схватиться врукопашную с самой старухой смертью! Что же касается этих игрушек в ваших руках, джентльмены, то вам не следует предполагать, что люди, которые могут смотреть в дуло тридцатидвухфунтовой заряженной пушки, в то время как к другому концу уже поднесен фитиль, испугаются щелканья ваших пистолетов, будь их у вас хоть по пятидесяти штук... Что вы скажете, ребята? Неужто пистолет помешает вам пойти на абордаж?

Нестройный презрительный смех моряков подтвердил, сколь мало они боятся подобной пустячной опасности. Заметив, что они все больше смелеют, Борроуклиф схватил колокольчик, который лежал возле него на столе, и долго яростно потрясал им. Мерный шум тяжелых шагов послужил ответом на этот своеобразный призыв. Двери комнаты распахнулись, и в них появилось множество вооруженных солдат в мундирах английской армии.

— Если вы так презираете наши пистолеты, — сказал офицер-вербовщик, убедившись, что его люди овладели всеми выходами, — я могу воспользоваться более внушительным оружием. Теперь, джентльмены, когда я показал вам свои силы, надеюсь, вы не замедлите сдаться в плен!

Тем временем Мануэль расставил матросов в боевом порядке, и, по мере того как к дверям прибывали новые силы противника, капитан пехотинцев создавал новые фронты, пока маленький отряд не образовал вооруженное смертоносными пиками с «Ариэля» каре, которое при атаке могло бы оказаться грозной оборонительной силой.

— Здесь какое-то недоразумение, — сказал Гриффит, окинув взором устрашающее скопление солдат. — Я при-

[1] Кортес Эрнан (Фернандо) (1485—1547) — испанский завоеватель Мексики (1519—1521). Войска Кортеса, вооруженные огнестрельным оружием, имели большое преимущество перед не знавшими пороха коренными жителями Мексики.

нимаю на себя командование и предлагаю вам, капитан Борроуклиф, условия, которые позволят избежать кровопролития в доме полковника Говарда.

— Дом полковника Говарда, — вскричал старик, — принадлежит королю или самому последнему из его слуг! Поэтому не щадите изменников ради меня, Борроуклиф! Не принимайте никаких условий, кроме безоговорочной капитуляции, которой вы должны потребовать от подданных, восставших против помазанника божьего!

Во время речи Гриффита Барнстейбл с притворным спокойствием стоял, сложив на груди руки и выразительно глядя на дрожавшую Кэтрин, которая была прикована страхом к месту и не могла не видеть всего происходящего. На слова хозяина аббатства он счел нужным ответить:

— Клянусь моими надеждами на возвращение в Америку, старый джентльмен, что, если бы не присутствие трех дрожащих женщин, я тотчас поспорил бы с вами насчет того, как должно величать вашего короля! Можете вступать в любые соглашения с мистером Гриффитом, но, если в них будет содержаться хоть одно слово о верности королю или кому-нибудь еще, кроме Конгресса Соединенных Штатов, считайте эти условия нарушенными. Ни один параграф подобного соглашения я не сочту законом для себя и тех, кто пожелает следовать за мной...

— Здесь только два командира, мистер Барнстейбл! — с надменным видом перебил его Гриффит. — Один — командир английских солдат, другой — командир американских сил... Капитан Борроуклиф, к вам, как первому, я и обращаюсь. События этой ночи никоим образом не могут повлиять на противоречия, разделившие Англию и ее старинные колонии. С другой стороны, при слишком строгом соблюдении воинских правил начнется бой, который вызовет ужасные бедствия для обитателей этого дома. Стоит мне и вам, сэр, молвить лишь слово, как эти люди, у которых руки чешутся от нетерпения пустить в ход свое смертоносное оружие, с яростью бросятся друг на друга, и кто поручится, что мы сможем их разнять, когда найдем нужным! Вы солдат и знаете, что гораздо легче возбудить жажду крови, чем насытить ее.

Борроуклиф, сохраняя неизменное хладнокровие и видя превосходство своего отряда как по численности, так и по снаряжению, выслушал его до конца, а затем ответил в своей обычной манере:

— Отдаю честь вашей логике, сэр! Доводы ваши неопровержимы, а вывод неоспорим. Доверьте достойных матросов попечению честного Дрилла, который накормит и напоит этих людей. А мы тем временем посидим за бутылкой вина, привезенного, как уверял меня мой друг Мануэль, с южного берега острова Мадейры, чтобы его выпили в холодной Британии, и обсудим условия вашего возвращения в колонии... Клянусь собственным языком, эти негодяи повеселели от моих слов! Они чувствуют, сэр, что потерпевшему крушение моряку нужнее кусок мяса да кружка пива, чем такие никчемные вещи, как штыки и абордажные пики!

— Сейчас не время шутить! — нетерпеливо воскликнул молодой моряк. — У вас численное превосходство, но поможет ли это вам в смертельной схватке, еще неизвестно. Мы пришли сюда не просить об условиях, а диктовать их. Следует спешить, сэр, обстоятельства не терпят промедления.

— Я предложил вам насладиться тремя самыми древними радостями из числа доступных человеку: едой, питьем и сном. Чего вы требуете еще?

— Чтобы вы приказали своим людям отступить и освободить занятые ими проходы. Я мирно уведу моих матросов, ибо здесь находятся лица, не привыкшие к подобным зрелищам. И, прежде чем возражать мне, подумайте, как легко эти отважные молодцы могут сами проложить себе дорогу — ведь ваши силы разбросаны.

— Ваш товарищ, капитан Мануэль, человек опытный, скажет вам, что подобный маневр будет противоречить всем правилам военного искусства, поскольку в тылу у вас остается такая превосходная сила.

— Мне некогда выслушивать ваши глупые шутки! — воскликнул возмущенный Гриффит. — Вы отказываетесь беспрепятственно выпустить нас из аббатства?

— Да!

Гриффит взволнованно повернулся к дамам и знáком приказал им удалиться, ибо был не в состоянии выразить свое желание словами. Настало глубокое молчание, затем он еще раз примирительно обратился к Борроуклифу.

— Если Мануэль и я возвратимся в нашу тюрьму и отдадим себя в руки английского правительства, — сказал он, — сможет ли остальная часть отряда беспрепятственно возвратиться на фрегат?

— Нет! — ответил офицер, который, видя приближение роковой минуты, постепенно терял свой шутливый тон. — Вы и все остальные, кто намеренно нарушил покой нашей страны, должны нести ответственность!

— Тогда да защитит господь невинных и правых!

— Аминь!

— Прочь с дороги! — закричал Гриффит, бросаясь к солдатам, которые загораживали дверь. — Дорогу, или вас поднимут на пики!

— Цельсь, ребята! — приказал Борроуклиф. — Но курков не спускать, пока они не двинутся с места.

Обе стороны начали постепенно готовиться к бою: бряцало оружие, слышались сдержанные ругательства и угрозы. Сесилия и Кэтрин закрыли руками лица, чтобы не видеть ужасного зрелища, которое должно было открыться с минуты на минуту. Но Элис Данскомб смело стала между пиками и мушкетами, и голос ее остановил уже было поднятые руки:

— Выслушайте меня, люди, если вы действительно люди, а не дьяволы, жаждущие крови, и были созданы по подобию того, кто умер ради вашего спасения! Вы называете это войной? Неужели это слава, которая должна согревать сердца даже глупых и доверчивых женщин? Неужели в угоду вашей жажде побед должны быть разрушены мирные семейные очаги? Неужели можно убивать людей лишь для того, чтобы потом на пирах хвастаться этим грязным делом? Отступите, британские солдаты! Если вы с честью носите мундир, дайте пройти женщине! И помните, что первый ваш выстрел попадет в ее грудь!

Ее повелительные слова и властный вид заставили солдат податься назад и освободить для нее проход через ту самую дверь, о которой говорил Гриффит, требуя пропуска для себя и своего отряда. Но Элис, вместо того чтобы двинуться вперед, медлила и, казалось, сразу утратила всю удивительную силу воли. Она стояла неподвижно, словно приросла к месту, устремив на дверь полный ужаса взор. В этот миг на пороге появился лоцман в скромной одежде людей своей профессии, но вооруженный, как принято у моряков. Еще мгновение он молча наблюдал открывшуюся ему картину, а затем спокойно выступил на середину комнаты, не сводя с присутствующих испытующего взгляда.

ГЛАВА XXIX

Дон Педро. Привет, синьор! Вы пришли почти вовремя: здесь вот-вот начнется драка!

Шекспир, «Много шума из ничего»

Англичане, опустите оружие! — приказал вошедший. — И вы, борцы за священную свободу, не проливайте даром крови! Склонись, гордый британец, перед могуществом Тринадцати республик![1]

— Ага! — воскликнул Борроуклиф, решительно сжимая в руке пистолет. — Дело осложняется. Этого человека я не включил в число моих противников. Не Самсон[2] ли это, который может мановением руки все изменить? Опустите ваше оружие, маскарадный гость, или я дам сигнал пистолетом, и ваше тело изрешетят десятки пуль.

— А ваше тело — сотни! — ответил лоцман. — Эй, там, все сюда! Самоуверенный джентльмен сейчас поймет свою слабость.

Не успел он договорить, как до слуха присутствующих донесся резкий свисток боцманской дудки, который, постепенно усиливаясь, проник под сводчатый потолок столовой и, казалось, заполнил самые отдаленные уголки аббатства. Раздался топот множества ног, и в комнату ввалилась большая толпа. Моряки гнали перед собой испуганных солдат Борроуклифа, охранявших вестибюль. Галерея тоже была забита людьми.

— Пусть они услышат вас, ребята! — воскликнул их предводитель. — Аббатство наше!

Рев бури не мог быть громче, чем оглушительный возглас, вырвавшийся из груди вошедших. Их торжествующие крики повторялись бурными раскатами, сотрясая, казалось, самую крышу здания. Через дверь видно было множество темных голов: абордажники фрегата — в окованных железом касках, морская пехота — в головных уборах, сверкающих бронзовыми украшениями.

---

[1] В 1776 году английские колонии в Северной Америке провозгласили себя свободными, самостоятельными и независимыми республиками — штатами. Этих штатов было тринадцать.

[2] Самсон — библейский мифический герой, обладавший необычайной силой.

Капитан Мануэль тотчас разглядел своих солдат и, ринувшись в толпу, вскоре появился вновь в сопровождении выстроенного в боевом порядке отряда; пока командиры обеих сторон продолжали переговоры, он расставил своих людей на тех постах, где прежде стояли солдаты Борроуклифа.

До сих пор полковник Говард, из уважения к принципам воинской субординации, не вмешивался, предоставляя говорить Борроуклифу, но теперь, видя, что обстоятельства существенно изменились, он счел себя вправе лично обратиться к незваным гостям.

— По какому праву, сэр, — спросил полковник, — вы осмеливаетесь вторгаться в замок, принадлежащий подданному его величества? Может быть, вы уполномочены лордом-лейтенантом здешнего графства или располагаете предписанием министра внутренних дел британского правительства?

— Никакого предписания у меня нет, — ответил лоцман. — Я всего лишь друг американского народа. Я подверг моих товарищей опасности и поэтому счел своей обязанностью вызволить их из беды. Теперь им ничего не грозит, и вы все, кто слышит меня, должны повиноваться мистеру Гриффиту — он имеет полномочия от Конгресса Соединенных Штатов.

С этими словами он отошел в сторону, где, прислонившись к стене, молча продолжал наблюдать за всем происходящим.

— По-видимому, к вам, недостойный сын почтенного отца, я должен обратиться со своим вопросом? — продолжал старик. — По какому праву на мой дом совершено такое грубое нападение? И почему нарушены мир и спокойствие тех, кто находится под моей защитой?

— Я мог бы ответить вам, полковник Говард, — сказал Гриффит: — по праву войны или скорее в воздаяние за тысячи обид, причиненных англичанами мирному населению на территории между Мэном и Джорджией[1]. Но я не хочу усугублять и без того неприятный характер этой сцены и скажу вам, что мы не используем свою победу во зло. В ту же минуту, как мы соберем наших людей и обезоружим пленных, дом снова перейдет в ваши руки.

[1] Восставшие американские колонии занимали тогда пространство между штатами Мэн и Джорджия. К югу от Джорджии были испанские владения.

Мы не пираты, сэр, вы в этом убедитесь после нашего ухода... Капитан Мануэль, выведите ваших солдат в сад и приготовьтесь к возвращению на шлюпки! Матросы тоже пусть выйдут. Эй, там, матросы, выходите из помещения!

Этот приказ молодого лейтенанта, отданный, как и полагалось моряку, суровым и громким голосом, хотя тон его был дружеским, произвел магическое действие на собравшуюся у двери толпу. А когда и матросы Барнстейбла вышли вслед за остальными во двор, в комнате остались только офицеры и семья полковника Говарда.

С тех пор как Гриффит принял командование, Барнстейбл оставался безмолвным и только внимательно прислушивался к каждому слову, но теперь, когда осталось лишь несколько человек и следовало спешить, он заговорил вновь:

— Если мы должны так быстро возвратиться к шлюпкам, мистер Гриффит, мне кажется, нужно сделать необходимые приготовления для приема дам, которым придется почтить нас своим присутствием. Не поручите ли вы это мне?

Неожиданное предложение удивило всех присутствующих, хотя смущенное и застенчивое выражение лица Кэтрин Плауден ясно доказывало, что для нее это предложение не было столь неожиданным. Долгое молчание, последовавшее за этим вопросом, было прервано полковником Говардом:

— Вы здесь хозяева, джентльмены. Делайте все, что вам угодно. Мой дом, мое имущество, мои воспитанницы — всё в вашем распоряжении. Может быть, и мисс Элис, добрая, кроткая мисс Элис Данскомб, тоже придется по вкусу кому-нибудь из вас? Ах, Эдуард Гриффит! Мог ли я пред...

— Не смейте с такой насмешкой произносить имя этой женщины, не то даже почтенные годы ваши не защитят вас! — прогремел суровый голос за спиной полковника.

Все невольно повернулись туда, откуда послышались эти неожиданные слова, и увидели лоцмана, который по-прежнему небрежно опирался на стену, хотя весь дрожал от сдерживаемой ярости.

Гриффит с изумлением посмотрел на этого странного человека, неожиданно проявившего такие сильные чувства, а затем с мольбой перевел взор на прекрасных деву-

шек, которые все еще скрывались в отдаленном углу комнаты, куда их загнал страх.

— Я уже сказал, что мы не ночные разбойники, полковник Говард, — повторил он. — Но, если кто-нибудь из находящихся здесь дам пожелает довериться нашему попечению, я полагаю, сейчас нет необходимости говорить о том, каков будет прием.

— У нас нет времени для пустых комплиментов! — воскликнул нетерпеливый Барнстейбл. — Вот Мерри — по своим летам и родству он годится, чтобы помочь дамам уложить их багаж... Что вы скажете на это, юноша? Могли бы вы, в силу необходимости, сыграть роль горничной?

— О да, сэр, и, я думаю, лучше, чем я сыграл роль бродячего торговца! — весело воскликнул юноша. — Ради того, чтобы мои милые кузины Кэтрин и Сесилия составили нам компанию на корабле, я готов сыграть даже роль нашей общей бабушки!.. Пойдемте, кузины, будем собираться. Я ведь по неопытности не могу работать быстро!

— Отойдите, молодой человек! — сказала мисс Говард, отталкивая его, когда он попытался фамильярно взять ее за руку. Затем, приблизившись к своему опекуну, она с достоинством продолжала: — Я не знаю, о чем нынче вечером тайно уговорилась моя кузина с мистером Барнстейблом, но что касается меня, полковник Говард, то, я надеюсь, вы поверите дочери вашего брата, что для нее события этого часа были столь же неожиданны, как и для вас.

Старик посмотрел на нее взглядом, в котором как будто затеплилась былая нежность, но затем мрачные подозрения вновь охватили его душу, и он, покачав головой, с гордым видом отошел в сторону.

— Что ж, — добавила Сесилия, низко опустив голову, — быть может, я и потеряла доверие дяди, но не могу считать себя бесчестной, не совершив никакого проступка.

Она медленно подняла голову и, обратив на Гриффита свой кроткий взор, продолжала, в то время как яркий румянец окрасил ее прекрасные черты:

— Эдуард Гриффит, я не хочу... я не могу сказать, как оскорбительно мне думать, что вы хоть на миг сочли меня способной забыть и покинуть моего опекуна, назна-

ченного мне в защитники самим богом, ради человека, которым я увлеклась по ошибке! А вы, Эндрю Мерри, научитесь уважать племянницу вашей матери, если не ради меня самой, то, по крайней мере, ради той, кто качал вас в колыбели!

— Здесь какое-то недоразумение, — промолвил Барнстейбл, в немалой мере разделявший смущение огорченного гардемарина. — Но, я полагаю, как и всякое недоразумение, его легко уладить. Мистер Гриффит, слово за вами. Черт вас возьми, — шепотом добавил он, — вы молчите, как рыба, а такая чудесная девушка стóит того, чтобы ради нее сказать несколько слов! Вы немы, как четвероногое животное, а ведь даже осел умеет кричать!

— Мы должны спешить, мистер Барнстейбл, — с глубоким вздохом ответил Гриффит, словно очнувшись от сна. — Разыгравшиеся здесь грубые сцены могли напугать дам. Будьте добры, сэр, руководите нашим движением к берегу. Капитан Мануэль позаботится о пленниках, которых нужно сохранить для обмена на равное число наших соотечественников.

— И соотечественниц! — сказал Барнстейбл. — Неужели мы забудем о них, заботясь только о собственной безопасности?

— В их жизнь мы не имеем права вмешиваться, пока они сами нас об этом не попросят.

— Клянусь небом, мистер Гриффит, это пахнет чрезмерной ученостью! — вскричал Барнстейбл. — Вот до чего доводят книги и разные премудрости! Но позвольте сказать вам, сэр, что это мало похоже на любовь моряка.

— Разве недостойно моряка и джентльмена позволить женщине, которую он называет своей властительницей, быть ею не только по имени?

— Тогда, Гриффит, мне жаль вас от всей души. Я предпочел бы выдержать суровую борьбу за счастье, которое сейчас дается мне столь легко, чем видеть вас так жестоко разочарованным! Но вы не должны винить меня, мой друг, если я поспешу воспользоваться своим счастьем... Мисс Плауден, вашу прекрасную руку!.. Полковник Говард, приношу вам самую глубокую благодарность за те заботы, которые вы оказывали до сих пор вашей воспитаннице, и поверьте моим откровенным словам, если я скажу вам, что после себя я скорее доверил бы ее вам, чем кому-либо другому на свете!

Полковник повернулся к Барнстейблу и, низко поклонившись, ответил ему с мрачной учтивостью:

— Сэр, мои незначительные заслуги не стоят такой благодарности. Если я не сумел сделать мисс Кэтрин Плауден такой, какой мечтал видеть свою дочь честный Джон Плауден, капитан королевского флота, вину следует искать в моей неумелости воспитателя, а не в каких-либо врожденных качествах молодой девушки. Я не могу сказать вам: возьмите ее, сэр, раз вы ею уже завладели и вне моей власти это изменить. Мне остается лишь пожелать, чтобы она была вам такой же преданной женой, какой она была воспитанницей и подданной.

До сих пор Кэтрин стояла рядом с возлюбленным, державшим ее за руку, но теперь оттолкнула его руку и, откинув упавшие на лоб темные кудри, гордо подняла голову. Глаза на бледном от волнения лице пылали негодованием.

— Джентльмены, — сказала она, — вы, я вижу, находите возможным располагать мной, как вещью: один отдает, другой берет! Но разве дочь Джона Плаудена не имеет права распоряжаться своей особой? Если она стала в тягость опекуну, то может переехать в какой-нибудь другой дом и также не станет затруднять мистера Барнстейбла тяжелой задачей изыскания для нее каюты на корабле, где, вероятно, и без того тесно.

С этими словами она гневно отвернулась от Барнстейбла и подошла к кузине. Так сердятся молоденькие девушки, когда их вздумают выдавать замуж, не спросив предварительно их согласия. Барнстейбл плохо разбирался в тонких изгибах женской души и помнил только прежние слова своей возлюбленной. Он был ошеломлен и не мог понять, как необходима его возлюбленной для открытых и решительных действий в его пользу моральная поддержка Сесилии. Он также не мог понять, в силу каких причин женщина, уже так много сделавшая втайне для своего возлюбленного и не раз признававшаяся в своей склонности к нему, в решительную минуту, когда все взоры были устремлены на нее, отказалась подтвердить это вновь! Все присутствующие, кроме опекуна его возлюбленной и Борроуклифа, глядели на него со сдержанным сочувствием.

Полковник снова ласково посматривал на свою воспитанницу, решив, что она раскаивается, а пленный ка-

питан не скрывал насмешливого удивления, к которому примешалась злоба по поводу своей неудачи.

— По-видимому, сэр, — вдруг яростно обратился к нему Барнстейбл, — вы нашли что-то забавное в этой молодой леди, но ваше веселье весьма неуместно! У себя в Америке мы не терпим подобного обращения с женщинами!

— А мы у себя в Англии не ссоримся в присутствии женщин, — ответил Борроуклиф, окинув Барнстейбла не менее яростным взглядом. — Но смею вас заверить, как раз в эту минуту, сэр, я думал о том, сколь изменчива судьба, и ни о чем другом. Еще полчаса назад я считал себя счастливым человеком — я надеялся преуспеть в своих планах и опрокинуть замысел, которым вы собирались меня поразить. А теперь я несчастнейший из смертных, потому что не смею и надеяться на повышение!

— А я тут при чем, сэр? — с жаром спросила Кэтрин.

— Ну конечно, это случилось не из-за вашего упорного содействия моим врагам, мисс Плауден, — с притворным смирением ответил Борроуклиф, — и не из-за вашего жаркого им сочувствия или вашего невозмутимого хладнокровия за ужином. Нет! Просто мне пора уже оставить службу. Раз я больше не могу с честью служить своему королю, я должен служить теперь только богу, как и все инвалиды на свете! Одно из двух: либо мой слух ослабел, либо стена возле луга каким-то волшебным образом искажает звуки.

Кэтрин, не дожидаясь окончания этой фразы, отошла в дальний угол комнаты, чтобы скрыть горячий румянец, заливший ей лицо. Теперь она поняла, каким образом враг проник в планы Барнстейбла. Она начала упрекать себя за ненужное кокетство, когда вспомнила, что половина ее беседы с возлюбленным у той стены, на которую намекал Борроуклиф, шла на темы, не имевшие ничего общего с заговорами и военными действиями. Однако чувства Барнстейбла были далеко не столь тонки, как у его возлюбленной, а мысли — слишком заняты средствами достижения намеченной им цели, чтобы так быстро понять иносказательный намек капитана. Резко обернувшись к Гриффиту, он самым серьезным тоном заявил:

— Я считаю своей обязанностью, мистер Гриффит, напомнить вам, что, согласно данным нам инструкциям, мы должны брать в плен всех врагов Америки, где бы

они ни оказались, и что Соединенные Штаты в некоторых случаях не стеснялись брать в плен и женщин.

— Браво! — воскликнул Борроуклиф. — Если дамы не желают идти с вами в качестве возлюбленных, уведите их в качестве военнопленных.

— Ваше счастье, сэр, что вы сами в плену, иначе вы ответили бы мне за свои слова! — рассердился Барнстейбл. — Это разумная инструкция, мистер Гриффит, и вы не должны пренебрегать ею.

— Не забывайте вы своих обязанностей, мистер Барнстейбл, — ответил Гриффит, снова выходя из состояния глубокой задумчивости. — Вам был дан приказ — немедленно приступайте к его выполнению!

— У меня также есть приказ нашего общего командира капитана Мансона, мистер Гриффит, и уверяю вас, сэр, что, инструктируя меня относительно «Ариэля» — от бедняжки не осталось и двух досок, сколоченных вместе, — он решительно подтвердил и более ранние приказания.

— А теперь я их отменяю.

— Могу ли я подчиниться устному приказанию младшего офицера, когда оно прямо противоречит письменным инструкциям старшего?

До сих пор Гриффит говорил спокойным и решительным тоном, но при этих словах лицо его вспыхнуло, темные глаза засверкали.

— Не извольте рассуждать, сэр, — властно закричал он, — и повинуйтесь!

— Клянусь небом, сэр, я не выполнил бы и приказа самого Конгресса, если бы меня заставляли забыть мой долг перед... перед...

— Перед самим собой! Мистер Барнстейбл, довольно! Исполняйте ваш долг, сэр!

— Мой долг предписывает мне оставаться здесь, мистер Гриффит!

— Тогда я должен действовать, ибо не могу допустить, чтобы мои же офицеры мне дерзили!.. Мистер Мерри, скажите капитану Мануэлю, чтобы он прислал сюда сержанта и взвод морской пехоты.

— Пусть он и сам сюда придет! — крикнул Барнстейбл, обезумев до отчаяния от своей неудачи. — Всему его отряду не обезоружить меня! Ко мне, ариэльцы! Станьте вокруг вашего капитана!

— Кто осмелится переступить этот порог без моего приказания, умрет! — закричал Гриффит, угрожая обнаженным кортиком морякам, которые прибежали было на призыв своего командира. — Отдайте мне ваш кортик, мистер Барнстейбл! Избавьте себя от унижения отдать его простому солдату.

— Посмотрел бы я на того, кто осмелится взять его! — завопил Барнстейбл, свирепо размахивая оружием.

Гриффит с грозным видом протянул вперед руку, и они скрестили оружие. Лязг стали подействовал на них, как звук горна на боевого коня: начался обмен быстрыми, внезапными ударами, ловко отражаемыми с обеих сторон.

— Барнстейбл, Барнстейбл! — крикнула Кэтрин, бросаясь в его объятия. — Я пойду за тобой на край света!

Сесилия Говард ничего не сказала, но, когда Гриффит опомнился, он увидел, что она стоит перед ним на коленях, смертельно бледная, с мольбой глядя в его взволнованное лицо. Возглас мисс Плауден разъединил сражающихся, прежде чем дело дошло до кровопролития. Несмотря на вмешательство своих возлюбленных, молодые люди продолжали обмениваться взглядами, полными негодования. В эту минуту полковник Говард вышел вперед и, подняв племянницу с колен, сказал:

— Такая поза не пристала дочери Гарри Говарда, хотя он преклонял колена перед троном своего государя! Смотри, моя дорогая Сесилия, до чего доводит мятеж! Своими нелепыми принципами всеобщего равенства он сеет раздоры в рядах бунтовщиков, уничтожает различия рангов и чинов. Эти молодые безумцы даже не знают, кому они должны повиноваться!

— Они должны повиноваться мне, — сказал лоцман, который теперь выступил на середину комнаты, — и я вижу, что мне пора проявить свою власть. Мистер Гриффит, спрячьте ваш кортик. А вы, сэр, почему отказались подчиниться старшему офицеру и забыли свои обязанности, освященные присягой? Извольте подчиниться и исполнять свой долг.

При звуках этого спокойного голоса Гриффит вздрогнул, словно опомнившись, а затем низко поклонился и вложил оружие в ножны. Но Барнстейбл, обняв одной рукой талию возлюбленной и размахивая клинком в

— Они должны повиноваться мне, — сказал лоцман, выступая на середину комнаты.

другой, лишь презрительно рассмеялся над этим непонятным ему присвоением власти.

— А кто вы сами такой? — спросил он. — Почему вы осмеливаетесь давать мне приказания?

Глаза лоцмана блеснули страшным огнем, лицо его побагровело, а сам он задрожал от гнева. Но, сделав над собой усилие, он сдержался и ответил весьма многозначительно:

— Я тот, кто имеет право приказывать и требовать подчинения.

Эти необычные слова произвели на Барнстейбла такое впечатление, что он невольно опустил оружие. Лоцман на миг остановил на нем горящий взор, а затем, обернувшись к остальным присутствующим, продолжал более мягко:

— Мы действительно явились сюда не для грабежа и отнюдь не намерены поступать жестоко с людьми старыми и беззащитными. Но этого английского офицера и в особенности этого беглого американца мы должны взять в плен и препроводить на борт нашего корабля.

— А как же главная цель нашей экспедиции? — спросил Гриффит.

— Не достигнута, — быстро ответил лоцман. — Она принесена в жертву личным чувствам. Наше предприятие, сэр, как и сотни других, окончилось бесславно и будет забыто навсегда. Но об интересах республики нельзя забывать, мистер Гриффит! Хотя мы не должны подвергать опасности жизнь этих молодцов только ради того, чтобы увидеть нежную улыбку на губах красавицы, тем не менее, не следует упускать и случая воспользоваться нашим преимуществом. Этот полковник Говард вполне пригодится для сделки с фаворитами трона, и его можно будет обменять на какого-нибудь достойного патриота, который давно заслуживает освобождения... Нет-нет, приберегите ваш надменный взгляд для других! Полковник отправится на фрегат, и притом немедленно.

— Тогда... — сказала Сесилия Говард, робко приближаясь к тому месту, где стоял ее дядя, с презрением слушая споры победителей, — тогда я пойду с ним! Я не оставлю его одного в руках врагов!

— Было бы более достойно и более прилично для дочери моего брата, — холодно сказал полковник, — если бы она призналась в истинном мотиве своего решения. —

Не обращая внимания на глубокое огорчение, охватившее Сесилию, когда она выслушала этот унизительный отказ от ее нежных забот, старик подошел к Борроуклифу, который в досаде на крушение своих высоких надежд яростно грыз эфес шпаги, и, став подле него, с покорным видом продолжал: — Делайте с нами все, что вам угодно, джентльмены. Вы победители, мы должны подчиниться. Человек мужественный храбро защищается, если его не захватили врасплох, как случилось с нами, и сдается он тоже с достоинством. Ах, если бы представилась возможность!.. Делайте все, что вам угодно, джентльмены. Никогда еще не было столь смирных агнцев, как мы с капитаном Борроуклифом.

Полковник с грустью и горечью улыбнулся своему товарищу. Капитан попытался ответить ему с насмешливостью, которая выдавала его расстроенные чувства. Все же им обоим настолько удалось сохранить внешнее спокойствие, что они могли хладнокровно следить за дальнейшими действиями победителей.

Полковник упорно продолжал отвергать предложения своей племянницы, которая, кротко уступив его воле, на время отказалась от всякой надежды его смягчить. Тем не менее она со всей серьезностью принялась за приготовления к отъезду и в лице кузины обрела верную и преданную помощницу. Правда, Кэтрин, ожидая этого события, тайно от мисс Говард еще раньше собрала все вещи, которые могли бы им понадобиться в случае внезапного побега из аббатства. Вместе со своим возлюбленным, который, заметив, что план лоцмана способствует его собственным намерениям, счел за лучшее забыть свою ссору с этим загадочным человеком, она побежала изыскивать средства для перевозки того багажа, который был ею уже приготовлен. Барнстейбл и Мерри с удовольствием следовали за ней по узким и темным коридорам аббатства. Первый то и дело восхищался ее умом, красотой и прочими многочисленными достоинствами, а второй смеялся и шутил, как и следовало ожидать от веселого юноши его лет даже в подобных обстоятельствах. Заблаговременно сделанные Кэтрин приготовления оказались весьма кстати, ибо Сесилия Говард гораздо больше заботилась о благополучии полковника, нежели о своем собственном. В сопровождении Элис Данскомб молодая хозяйка аббатства Святой Руфи об-

ходила пустынные комнаты здания, то прислушиваясь к кротким уговорам подруги, то проливая слезы, которых не в силах была сдержать, то вновь спокойно отдавая приказания горничным, словно предполагаемый отъезд был самым заурядным событием.

Все это время остальные действующие лица оставались в столовой. Лоцман, сделав свое дело, снова отошел в сторону и прислонился к стене, хотя и внимательно наблюдал за всеми приготовлениями. Чувствовалось, что именно он — вдохновляющая сила всего этого предприятия. Гриффит принял на себя официальное командование, и только к нему матросы и солдаты обращались за приказаниями. Так прошел час. Затем в комнате снова появились Кэтрин и Сесилия, уже одетые в дорожное платье. Багаж передали на попечение одного из унтер-офицеров и его команды, и Гриффит отдал приказ трогаться. Снова в галереях и под сводами аббатства прозвучал резкий свист боцманской дудки, а затем послышался хриплый крик:

— Вперед, моряки! Вперед, абордажники! Вперед, морские волки!

Заиграл рожок, забил барабан, и весь отряд в строгом боевом порядке, заранее предписанном капитаном Мануэлем, вышел из здания.

Лоцман так внезапно завладел аббатством, что ни один человек, солдат или штатский, не ускользнул оттуда. И, так как опасно было оставлять там кого-либо, потому что оставшийся мог бы оповестить о событиях всю округу, Гриффит приказал всех, кто только находился в здании, взять с собой к скалам и держать там до тех пор, пока от берега не отойдет последняя шлюпка. В море, недалеко от берега, как ему сообщили, их ждал тендер.

Поспешность приготовлений к отъезду заставила осветить многие комнаты в аббатстве, и контраст между огнями внутри и окружающим мраком запомнился печальным пленным, выходившим на луг. Какое-то неопределенное и безотчетное чувство заставило Сесилию остановиться в воротах парка и еще раз взглянуть на аббатство, как будто она знала, что видит его в последний раз. Темный зубчатый силуэт здания ясно вырисовывался на фоне северного неба, а открытые окна и незапертые двери позволяли заглянуть в глубь безлюдных комнат. Десятки свечей, словно в насмешку над покинутыми стена-

ми, озаряли их своим ненужным светом. Сесилия, дрожа, отвернулась от этого зрелища. Она приблизилась к своему разгневанному дяде, угадывая, что вскоре он больше чем когда-либо будет нуждаться в ее присутствии.

Глухой гул людских голосов впереди, свист дудки и суровые окрики морских офицеров заставили ее забыть о своих предчувствиях и вернуться к окружающей действительности. А тем временем отряд быстрыми шагами направился к морю.

ГЛАВА XXX

Стремился вождь к родным горам.
«Эй, лодочник, живее!
Я фунт за переправу дам.
Греби же, не робея!»
Кэмпбелл, «Дочь лорда Уллина»

На небе весь день не было ни облачка, дул холодный, пронизывающий ветер, и ночью высыпали тысячи звезд. Поэтому глаз, привыкнув к темноте, мог более отчетливо различать окружающие предметы. В голове растянувшейся по узкой тропинке колонны твердым, мерным шагом хорошо обученных солдат маршировал взвод морской пехоты, за ним на некотором расстоянии следовала большая, беспорядочная толпа обвешанных оружием матросов, обнаруживая явную склонность к озорству и грубым шуткам, как всегда бывает, когда морские волки оказываются на берегу, и только суровые окрики офицеров заставляли их сдерживаться. В середине этой толпы шли пленные солдаты и слуги-мужчины. Стража не обращала на них особого внимания, но пользовалась всяким удобным случаем, чтобы позабавиться на их счет. За ними немного поодаль, сохраняя прежнее достоинство и гордую осанку, плечом к плечу шагали полковник Говард и капитан Борроуклиф. Оба молчали, предаваясь грустным размышлениям. Следом, стараясь держаться как можно ближе к дяде, шла мисс Говард под руку с Элис Данскомб. Их сопровождала женская прислуга аббатства Святой Руфи. Отдельно, легким, бы-

стрым шагом шла Кэтрин Плауден, радуясь такому обороту событий, но скрывая свое удовлетворение под маской покорности судьбе. Барнстейбл с восхищением следил за ней с расстояния в несколько шагов. Ближе подойти он не смел, покорный капризу своей возлюбленной, явно этого не желавшей. Гриффит шел на фланге колонны, чтобы обозревать все ряды и в случае необходимости управлять движением. В арьергарде следовал второй отряд морской пехоты, и Мануэль собственной персоной замыкал шествие. Барабану и рожку приказано было замолчать, и слышны были только мерный шаг солдат да вой уже затихающей бури и время от времени командные слова офицеров и смутный гул матросских разговоров.

— Неважная нам досталась добыча, — угрюмо пробормотал какой-то старый моряк: — корабль без груза и денег! На кухне-то, да и в замке, можно было понабрать порядочно добра, так что хватило бы каждому матросу у нас на корабле. Так нет! Как бы слюнки ни текли, офицеры не дали стибрить даже никому не нужную библию.

— Сущая правда, — подхватил шедший рядом другой матрос. — Найди мы, бедняки, хоть бумажку с записанной молитвой, они все равно отобрали бы ее у нас. Послушай-ка, Бен, что я тебе скажу: если из матроса делают солдата и заставляют его таскать мушкет, надо, чтобы он мог хоть немного поживиться тем, что ему попадет в руки. А то вот сегодня черт меня подери, если я прикоснулся к чему-нибудь, кроме моего ружья да тесака! Ведь нельзя же назвать поживой эту скатерть!

— Ага, ты, я вижу, все-таки успел кое-что подцепить! — ответил первый матрос, явно восхищаясь качеством ткани. — Да это штука, коли ее разостлать, не меньше нашей бизани! Тебе повезло больше, чем другим. Что же до меня, то я вот взял эту шляпу, но она, видать, годна для большого пальца ноги. Я уже пытался приноровить ее на голове и так и этак, но мне не удалось напялить ее хоть на дюйм. Послушай-ка, Сэм, ты мне дашь на рубашку от этой скатерти?

— Конечно, можешь взять угол. Или, пожалуй, ради такого случая можешь взять и половину, Бен. Но я не вижу, чтобы мы возвращались на корабль богачами, если только не присчитать все это бабьё к добыче...

— «Богачами»!—шутливо перебил их молодой матрос, который до сих пор молчаливо прислушивался к раз-

говору старых и более расчетливых матросов. — Мне кажется, мы пустились крейсировать по таким морям, где дневная вахта длится полгода. Разве вы не видите, что у нас теперь двойной рацион полуночи?

С этими словами он положил руки на черные головы двух черных рабов полковника Говарда, которые шли рядом, погруженные в печальные размышления о том, что снова потеряли свободу.

— Поверните головы вот так, джентльмены, — добавил он. — Разве от такой черноты не погаснут лампы в нактоузе?

— Оставь негров в покое! — проворчал один из пожилых матросов. — Чего ты дурака валяешь?.. Кстати, Ник, не понять мне, почему мы все время жмемся к этому берегу, где нет и десяти саженей глубины, когда стóит нам выйти в океан, и мы чуть ли не каждый день будем встречать купцов с Ямайки? Тогда на борту у нас будет столько голов сахару да бочек меду, сколько мы пожелаем!

— Все это из-за лоцмана, — ответил второй матрос,— потому что там, где нет дна, не нужно и лоцманов. Что это за крейсерство, когда мы идем на глубине пяти саженей, а потом бросаем якорь на мель или камень! Кроме того, нас заставили работать по ночам. Если бы вместо семи часов было светло все четырнадцать, остальные десять часов можно было бы идти по чутью..,

— Каркаете, как старые вороны! — снова перебил их молодой матрос. — Разве вы не знаете, что, по воле Конгресса, мы должны перерезать пути каботажникам Джона Буля? А наш старик увидел, что дни слишком коротки для этого дела, и высадил отряд, чтобы захватить ночь. Вот мы ее и захватили! А когда вернемся на корабль, мы спрячем ее в трюм, и тогда вы снова увидите солнечный свет... Пойдемте, мои лилии! Пусть джентльмены заглянут в ваши иллюминаторы... Что? Вы не хотите? Тогда мне придется поговорить с вами по-другому.

— Эй вы там! — раздался суровый голос, мальчишеские нотки которого плохо вязались с начальственным тоном говорившего. — Что тут, спрашиваю я? Кто обижает негров?

— Никто, сэр, — с притворной серьезностью ответил матрос. — Один из бледнолицых ушиб ногу о паутину, и от этого у него заболело ухо!

— Слушай-ка ты, зубоскал, как ты очутился среди

пленных? Разве я не приказал тебе с пикой на плече идти в передней линии?

— Да-да, сэр, вы приказали. И я выполнял приказ, пока мог. Но из-за этих негров стало так темно, что я сбился с дороги!

В толпе моряков раздался приглушенный смех. И даже гардемарин едва удержался от улыбки при этом образце находчивости одного из тех присяжных балагуров, какие встречаются на любом корабле.

— Значит, — наконец сказал Мерри, — ты понял, что взял не тот курс? Изволь тотчас вернуться туда, где я приказал тебе находиться.

— Да-да, сэр, я иду. Клянусь всеми ошибками в книге казначея, мистер Мерри, только паутина заставила одного из этих негров проливать слезы! Позвольте мне на минуту остаться, сэр, и собрать немного чернил, чтобы написать письмо моей бедной старушке матери. Будь я проклят, если написал ей хоть строчку, как мы вышли из Чесапика!

— Если ты не уберешься сию минуту, я угощу тебя саблей по голове! — ответил Мерри. Он испытывал большое участие к страданиям несчастной расы, которая и по сей день служит (а раньше служила еще больше) предметом насмешек наших легкомысленных и распущенных соотечественников. — Тогда, если захочешь, ты напишешь свое письмо красными чернилами!

— Ни за что на свете! — ответил остроумец, прежде чем шмыгнуть на свое место. — Старуха не поверит письму и решит, что это подделка... Интересно, буруны у берегов Гвинеи тоже черного цвета? Это утверждали старые моряки, которым приходилось плавать в тех широтах.

Его глупые шутки были прерваны покрывшим шум громким и строгим голосом человека, которому стоило сказать только слово, как затихало самое буйное веселье матросов.

Среди толпы послышался шепот: «Мистер Гриффит идет! Джек разбудил первого лейтенанта, теперь лучше пусть сам уснет!» Но вскоре и эти приглушенные восклицания стихли, и даже сам шутник, не произнеся больше ни слова, словно он потерял дар речи, прилежно зашагал в строю.

Читатель уже не раз сопровождал нас от аббатства к

морю, поэтому нам нет необходимости описывать тот путь, которого придерживались моряки во время переданного выше разговора, и мы сразу перейдем к изображению событий, происшедших после того, как отряд достиг береговых утесов. Так как человек, который столь неожиданно присвоил себе временную власть в стенах аббатства Святой Руфи, так же внезапно исчез, Гриффит распоряжался один, ни с кем не советуясь. Он ни разу не обратился к Барнстейблу, и было видно, что между молодыми людьми произошла серьезная размолвка и что — по крайней мере, сейчас — их дружба нарушена. Действительно, только присутствие Сесилии и Кэтрин удерживало Гриффита от ареста непокорного подчиненного. А Барнстейбл, хотя и чувствовал свою вину, все же был очень обижен и только из уважения к возлюбленной сдерживал негодование, которым пылала его уязвленная гордость. Тем не менее оба они разумно действовали в одном направлении, хотя и делали это не уговариваясь. Первой целью обоих молодых людей было обеспечить посадку в шлюпки прекрасных сестер. И Барнстейбл незамедлительно проследовал к шлюпкам, чтобы ускорить приготовления, необходимые для приема таких необычных пленниц. В десанте, возглавляемом лоцманом, участвовали настолько значительные силы, что на море были спущены все шлюпки фрегата, которые теперь в ожидании возвращения отряда держались за полосой прилива. Барнстейбл громко окликнул командовавшего этой флотилией офицера, и через несколько минут команды катеров, баркасов, яликов и разных других вспомогательных военных судов уже деятельно хлопотали на берегу. Если бы спросили самих немного трусивших дам, они выбрали бы наикрупнейшую шлюпку фрегата, но Барнстейбл решил, что она недостойна его гостей, и потребовал предоставить им длинный и низкий личный катер капитана Мансона, считавшийся особо почетным судном. Пятьдесят человек были назначены для переноса катера на песок, и вскоре полковника Говарда и его воспитанниц известили, что маленькое судно готово принять их на борт. Мануэль со своим отрядом морской пехоты расположился на вершинах скал, где он расставлял пикеты и часовых и принимал все предписанные военной наукой меры для прикрытия посадки на суда. Здесь же, под охраной часовых, находились все остальные

ные пленники, в том числе слуги из аббатства и солдаты Борроуклифа. Полковник Говард и капитан Борроуклиф, в сопровождении дам и их служанок, спустились по скалистой тропинке к берегу и стояли в бездействии на песке, когда было объявлено, что им пора отправляться.

— Где же он? — спросила Элис Данскомб, озираясь, словно она ожидала найти кого-то среди окружавших ее людей.

— О ком вы говорите? — спросил Барнстейбл. — Мы все здесь, и катер готов.

— Неужели он увезет меня... даже меня из мест, где я провела детство, из страны, где я родилась и к которой привязана всей душой?

— Я не знаю, о ком вы говорите, сударыня, но если о мистере Гриффите, то вот он стоит, позади той группы моряков.

Услышав свое имя, Гриффит подошел к дамам и впервые, с тех пор как они покинули аббатство, обратился к ним.

— Надеюсь, меня хорошо поняли, — сказал он, — и мне незачем повторять, что ни одна женщина не должна считать себя пленницей. Если же кто-либо из вас добровольно решит ступить на борт нашего корабля, то даю слово офицера — вы найдете там приют и защиту.

— В таком случае, я не поеду, — заметила Элис.

— Да и зачем вам ехать? — сказала Сесилия. — Вас не связывают никакие узы. (Слушая ее, Элис продолжала искать глазами кого-то среди присутствующих.) Возвращайтесь, мисс Элис, в аббатство Святой Руфи и будьте его хозяйкой до моего возвращения... или, — робко добавила она, — пока полковник Говард не решит иначе.

— Я подчиняюсь вам, милое дитя, но полковник Говард, несомненно, даст указания своему поверенному в Б. позаботиться о его имуществе?

Хозяин аббатства был так сердит на свою племянницу, что охотно промолчал бы, но как человек хорошо воспитанный он не мог не ответить на скромный вопрос Элис Данскомб, такой честной и верной подданной.

— Я отвечу, но только из уважения к вам, мисс, — сказал он. — Я предпочел бы оставить двери и окна аббатства Святой Руфи настежь отворенными в качестве печального памятника действиям мятежников, а потом, когда конфискованные поместья руководителей этого

гнусного бунта по приказанию короля будут продаваться с молотка, потребовать за их счет вознаграждения за понесенные убытки. Но вы, мисс Элис, заслуживаете всяческого уважения, какого женщина вправе требовать от джентльмена. Поэтому будьте добры написать моему поверенному, чтобы он опечатал все мои бумаги и переслал их министру его величества. В них нет ничего изменнического, сударыня, и они заслуживают официальной защиты. Дом и бóльшая часть обстановки, как вам известно, принадлежат тому, у кого я взял их в аренду, и настоящий владелец, я полагаю, не замедлит позаботиться об охране своих интересов. Целую вашу руку, мисс Элис, и надеюсь, что мы еще встретимся в Сент-Джеймсском дворце. Королева Шарлотта, я уверен, вознаградит вас по заслугам. Она не может не оценить вашу преданность.

— Здесь я родилась в скромной среде, здесь я жила и здесь я надеюсь спокойно умереть, — кротко ответила Элис. — Если у меня и были радости за последние годы, кроме тех, которые каждый христианин черпает в своих повседневных обязанностях, я находила их, мои милые подруги, только в вашем обществе. Но такое общество в этом глухом уголке королевства было слишком драгоценным благом, чтобы оставаться неомраченным. И теперь настало время, когда на смену удовольствиям придут печальные воспоминания. Прощайте, мои юные подруги! Уповайте на того, в чьих глазах король и крестьянин, европеец и американец — все равны, и мы встретимся вновь, хотя, наверное, это будет уже не на здешнем острове и не на вашем обширном континенте!

— В первый раз, — сказал полковник Говард, подходя к ней и ласково беря ее за руку, — слышу от вас такое неразумное суждение, мисс Элис Данскомб! Можно ли предположить, чтобы господь, разделив человечество на сословия, сам отрицал это неравенство! Прощайте, но я уверен, что, если бы время позволило нам объясниться, разница между нашими взглядами оказалась бы не так уж велика.

Элис, по-видимому, не сочла эту тему достойной дальнейшего обсуждения в такую минуту, ибо она ласково простилась с полковником, а затем обратилась к дамам. Сесилия расплакалась на плече любимой подруги, взволнованная и огорченная предстоящей разлукой. Кэтрин

тоже тепло обняла Элис, ибо при всей ее ветрености ей так подсказывало сердце. Они молча попрощались, а затем, освободившись из объятий мисс Данскомб, девушки одна за другой направились к катеру. Полковник Говард не поспешил опередить своих воспитанниц, чтобы помочь им сесть в шлюпку. Это сделал Барнстейбл, а когда он усадил дам и их служанок, то обратился к джентльменам:

— Шлюпка ждет вас!

— Итак, мисс Элис, — с горькой иронией сказал Борроуклиф, — наш уважаемый хозяин дал вам поручение к своему поверенному. Прошу вас оказать подобную услугу и мне, написав рапорт командиру округа. Вы должны рассказать ему, каким болваном... нет, употребляйте самые ясные выражения и напишите ему, каким ослом оказался в этом деле капитан Борроуклиф. Вы также можете рассказать, в качестве вставного эпизода, как он играл в прятки с одной молодой девицей, сторонницей мятежников, и при этом совсем опростоволосился!.. Пойдем, мой достойный хозяин, или скорее товарищ по несчастью, я следую за вами, как обязывает меня долг.

— Подождите! — крикнул Гриффит. — Капитан Борроуклиф не должен садиться на катер.

— Как, сэр?! Неужели вы хотите отправить меня вместе с рядовыми? Разве вы забыли, что я имею честь служить по патенту его величества короля британского и что...

— Я не забыл ничего, что приличествует помнить джентльмену, капитан Борроуклиф. И среди прочего я помню, как благородно вы держали себя со мной, когда я был вашим пленником. В ту же минуту, когда будет обеспечена безопасность моего отряда, не только вы, но и ваши солдаты получат свободу.

Борроуклиф вздрогнул от удивления, но он был настолько огорчен разрушенными видениями славы, которые так пленительно витали перед ним в последние дни, что даже не поблагодарил достойным образом своего противника. Усилием воли овладев своими чувствами, он стал прогуливаться по берегу, тихонько насвистывая что-то игривое.

— Итак, — воскликнул Барнстейбл, — все наши пленники на местах! Шлюпка ждет только офицеров.

Гриффит отвернулся и, не сказав ни слова, с надмен-

ным видом отошел прочь, как бы считая ниже своего достоинства разговаривать с бывшим приятелем. Барнстейбл постоял неподвижно из уважения к старшему офицеру — никакая гневная вспышка не могла поколебать в нем эту привычку, — но, заметив, что Гриффит не намерен возвращаться, молодой лейтенант сел в катер, который, имея команду на борту, уже качался на все еще мощных, но уже не опасных волнах.

— Весла на воду, ребята! — скомандовал Барнстейбл. — Не бойтесь замочить куртки. Я видел удальцов, которые подходили к этому берегу в худшую погоду! Курс: открытое море. Вперед, ребята, вперед!

Матросы дружно налегли на весла, и шлюпка, несколько раз взлетев и нырнув в бурунах, вышла в открытое море, а затем, разрезая носом волны, направилась к тому месту, где ее должен был ожидать «Быстрый».

ГЛАВА XXXI

Его вина, что, оскорбленный, поднял
На родину он мстительную руку.

Томсон

Элис Данскомб осталась на берегу, следя за темным пятном, которое вскоре исчезло в сумраке ночи, и с печалью прислушиваясь к мерному плеску весел, который еще долго доносился до ее слуха и после того, как очертания шлюпки слились со смутной полосой восточного горизонта. Когда след ушедших друзей остался только в памяти мисс Данскомб, она повернулась и поспешила уйти от толпы матросов, которые все еще шумели и суетились, готовясь к выходу в море. Элис поднялась по тропинке на вершину утеса, где так часто прогуливалась, устремляя взор на безграничную стихию, омывавшую подножия скал с таким тоскливым унынием, какое испытывала она сама.

Солдаты Борроуклифа, расположившиеся у верхнего конца тропинки, почтительно расступились перед ней, и часовые Мануэля тоже не останавливали ее, пока она не приблизилась к арьергарду морской пехоты, которым командовал сам бдительный капитан.

— Кто идет? — крикнул Мануэль, отделяясь от группы солдат, когда она приблизилась к ним.

— Женщина, у которой нет ни силы, ни желания причинить вам зло, — последовал ответ. — Я Элис Данскомб. Возвращаюсь домой с разрешения вашего начальника.

— Так, — пробормотал Мануэль, — опять Гриффит не по-военному вежлив! Разве этот человек не знает, что нет на свете женщины, не способной к болтовне!.. Можете ли вы назвать пароль, мисс, дабы я убедился, что у вас действительно есть право вернуться?

— У меня нет другого права, кроме слабости моего пола. Я знаю только, что мистер Гриффит разрешил мне удалиться отсюда.

— Достаточно и этого, — произнес голос человека, который до сих пор стоял незамеченным за стволом дуба, простиравшего свои широкие, но голые ветви над тем местом, где был выстроен арьергард.

— Кто здесь? — снова воскликнул Мануэль. — Подходите, сдавайтесь, или я буду стрелять!

— Что? Неужели доблестный капитан Мануэль намерен стрелять в своего спасителя? — пренебрежительно произнес лоцман, выходя из-под сени дерева. — Лучше поберегите пули для врагов, чем тратить их на друзей.

— Вы поступили очень неосмотрительно, сэр! Разве можно тайно приближаться к пикету морской пехоты? Странно, что человек, который еще сегодня вечером обнаружил большие познания в тактике, так удачно захватив неприятеля врасплох, проявляет подобное невежество в правилах приближения к пикету!

— Сейчас это не имеет значения, — ответил лоцман. — О моих знаниях и моем невежестве сейчас не стоит говорить, так как я передал командование отрядом в другие, быть может, более достойные руки. Но я хотел бы поговорить с дамой наедине. Это моя знакомая с детских лет, и я провожу ее до аббатства.

— Это совершенно против правил военной науки, мистер лоцман, и вы должны извинить меня, если я не соглашусь пропустить вас за пределы района, охраняемого моими часовыми. Если вам угодно поговорить здесь, я отодвину свой пикет за пределы слышимости, хотя должен признаться, что это место наиболее благоприятное для того, чтобы держать вас в поле нашего зрения. Как

вы видите, эта тропинка обеспечивает в случае неожиданной атаки наше отступление, причем оба фланга прикрыты: левый — утесом, а правый — этим самым дубом. Здесь очень выгодное местоположение для отряда, ибо даже самые старые солдаты лучше всего сражаются тогда, когда их фланги прикрыты, а в тылу есть дорога для отступления.

— Ни слова более, сэр! Я не хочу лишать вас такой превосходной позиции, — сказал лоцман. — Дама согласится пройти назад несколько шагов.

Элис по его просьбе последовала за ним до места, где на некотором расстоянии от арьергарда морской пехоты лежало дерево, поваленное бушевавшим накануне штормом. Она села на поверженный ствол и терпеливо ждала, когда ее спутник объяснит ей, что заставило его искать этого разговора. Лоцман несколько минут, словно собираясь с мыслями, ходил взад и вперед. Затем, сбросив с себя рассеянный вид, он подошел к ней и сел рядом.

— Близок час нашей разлуки, Элис! — начал он. — От тебя зависит, будет ли эта разлука вечной.

— Пусть она будет вечной, Джон, — дрожащим голосом ответила Элис.

— Слово это не звучало бы так ужасно, если бы не было нашей нынешней случайной встречи. Все же твое решение, наверное, продиктовано благоразумием. Ибо что в моей судьбе могло бы вызвать у женщины желание разделить ее со мной?

— Если ты хочешь сказать, что участь твоя — это участь человека, которому не с кем делить радость и горе, чья жизнь — постоянная смена опасностей, бедствий и неудач, значит, ты мало знаешь женское сердце, думая, что любящая женщина не захочет или не сможет делить все это с избранником своего сердца.

— Ты ли это говоришь мне, Элис? Значит, я неправильно понял твои слова и худо истолковал твои поступки. Моя участь — совсем не участь человека пренебрегаемого, если вспомнить, что я снискал благосклонность королей и улыбки королев. Действительно, жизнь моя полна грозных опасностей, и все же она состоит не из одних только бедствий и неудач, не так ли, Элис? — Он остановился, ожидая ее ответа, но она молчала. — Действительно, я обманулся в надеждах, ожидая, что мир

оценит мои подвиги и поступки. Я не тот человек, Элис, каким хотел быть, и даже не тот, каким себя считал.

— Имя твое, Джон, известно среди воинов нашего века, — ответила она глухим голосом. — Это имя, про которое можно сказать, что оно вписано кровью в страницы истории!

— Кровью моих врагов, Элис!

— Кровью подданных твоего законного государя! Кровью тех, кто дышал тем же воздухом, которым дышал ты со дня рождения, кого учили таким же священным правилам поведения, какие были преподаны и тебе. Боюсь только, что ты слишком скоро их забыл...

— Кровью рабов деспотизма! — сурово перебил он ее. — Кровью врагов свободы! Ты слишком долго прожила в уединении и так слепо хранила в памяти предрассудки своей юности, что те благородные чувства, которые я когда-то видел зарождающимися в сердце Элис Данскомб, так и не пробудились.

— Я жила и мыслила, как подобало моему полу и положению, — кротко ответила Элис. — И я скорее соглашусь умереть, чем жить и мыслить по-иному.

— Вот истоки рабства! Женщина, живущая в подчинении, конечно, становится матерью трусливых и жалких негодяев, которые бесчестят имя мужчины!

— Я никогда не буду матерью детей, хороших или плохих, — ответила Элис с такой покорностью в голосе, которая свидетельствовала, что она давно отказалась от надежд, столь естественных для всех женщин. — Я до сих пор жила одиноко и без всякой опоры; такой же одинокой, никем не оплакиваемой, я и сойду в могилу.

Высокий пафос ее речи сочетался со спокойным достоинством девичьей гордости, тронувшей сердце ее собеседника, и он долго хранил молчание, растроганный ее душевной чистотой и прямотой. Слова ее пробудили в его душе чувства великодушия и бескорыстия, которые были почти подавлены ненасытным честолюбием и гордостью, питаемой успехом. Когда же он заговорил вновь, голос его был гораздо мягче, а тон сердечнее и без прежней горячности.

— Не знаю, Элис, должен ли я в моем положении, принимая во внимание твою примиренность с судьбой, пытаться разбудить в душе твоей прежние чувства... Стоит ли предлагать тебе соединить судьбу свою с судь-

бой такого всесветного бродяги, как я, с судьбой человека, которого можно назвать Дон-Кихотом за его приверженность к свободе и который ежечасно может быть призван запечатлеть кровью истинность своих взглядов...

— Мои чувства к тебе остались неизменными, — с простодушным чистосердечием ответила Элис.

— Что я слышу? Или я неправильно понял твое намерение остаться в Англии, или я ошибался раньше, ошибался в твоих чувствах!

— Ты не ошибался тогда, не ошибаешься и сейчас. Пусть слабость моя еще не покинула меня, Джон, но с годами бог послал мне силы бороться с ней. Однако не о себе, а о тебе я говорю. Я — скромная, простая маргаритка и, расцветая, привлекла твой взор. Я увяну, как скромный цветок, когда наступит осенняя пора моей жизни, и никто не заметит, что меня больше нет в тех местах, где я жила. Но твое падение, Джон, будет падением дуба, вроде вот этого, на котором мы сидим. Покуда он стоит, люди восхищаются его красотой и величием, а когда он будет низвержен, вспомнят о пользе, которую из него можно извлечь.

— Пусть говорят что хотят! — гордо ответил лоцман. — Рано или поздно истина станет известна. И, когда этот час придет, люди скажут, что в жизни своей я был верным и храбрым воином. Жизнь моя будет служить достойным примером для всех тех, кто рожден в рабстве, но мечтает о свободе.

— Так будет говорить далекий народ, ради которого ты покинул родину и друзей, — промолвила Элис, робко вглядываясь в его лицо, словно стараясь угадать, на что еще она может рискнуть, не пробуждая его негодования. — Но что скажут детям своим твои соотечественники, в жилах которых течет кровь твоих предков?

— Они скажут, Элис, то, что может внушить им коварство, обычное в их политике, или подсказать обманутое тщеславие. В этом вопросе мы никогда не придем к согласию, ибо даже ты при всем том, что ты для меня значишь, не в силах совратить меня с пути славы, на который я уже вступил!.. Однако время на исходе, давай лучше поговорим о других вещах. Быть может, я в последний раз на этом острове...

Элис молчала, стараясь побороть чувство, пробужденное его последними словами. Но вскоре она овладела

собой и возобновила разговор с той твердостью, к которой, ей казалось, ее обязывал долг.

— А что ты сделал хорошего, Джон, ступив на берег Англии в этот раз? Неужто разрушение мирного очага семьи и оскорбление старика — это славный подвиг, совершенный во имя той цели, о которой ты говорил?

— Неужели ты можешь думать, что я высадился на этот берег и рисковал жизнью ради такого недостойного предприятия? Нет, Элис, мой истинный замысел потерпел неудачу и поэтому остается тайной для всего мира. Но преданность моему делу толкнула меня на тот шаг, который ты так безрассудно порицаешь. Полковник Говард пользуется уважением тех, кто находится у власти, и его можно обменять на какого-нибудь более полезного человека. Что же касается его воспитанниц, то ты забыла, что их отечество — Америка, если только они не обретут его раньше — под гордым флагом фрегата, который ждет их сейчас в открытом море.

— Ты говоришь о фрегате! — сказала Элис, проявляя внезапный интерес к его словам. — Это единственное ваше судно, на котором вы можете уйти от врагов?

— Элис Данскомб, по-видимому, мало следила за событиями, если задает мне такой вопрос! — с надменным видом ответил лоцман. — Вопрос этот должен был звучать так: «Единственное ли это судно, от которого должен уйти неприятель?»

— Ах, до правильных ли выражений мне сейчас! — вскричала Элис, и крайняя тревога обозначилась на ее лице. — Я случайно подслушала часть плана, имеющего целью уничтожить внезапной атакой все американские корабли, находящиеся в наших водах.

— Такой план, моя милая Элис, можно внезапно принять, но не претворить в жизнь. Кто же были эти грозные заговорщики?

— Не знаю... не нарушу ли я своего долга перед королем, сообщив тебе эти сведения? — нерешительно сказала Элис.

— Пусть будет так, — холодно ответил лоцман. — Возможно, это спасет от смерти или плена многих королевских офицеров. Я уже сказал тебе, что, пожалуй, это последнее посещение мной острова и, стало быть, Элис, наш последний разговор...

— И все же, — сказала Элис, все еще следуя течению

своих мыслей, — большой беды не будет, если я постараюсь помешать пролитию человеческой крови и особенно если я принесу пользу тем, кого давно знала и уважала.

— Да, это простая точка зрения, которую легко оправдать, — с видимым безразличием подтвердил лоцман. — Однако король Георг может обойтись безболезненно без части своих слуг — список его жалких фаворитов так длинен!

— В аббатстве последнее время жил некий Диллон, который недавно таинственно исчез, — сказала Элис. — Вернее, он был взят в плен твоими товарищами. Ты слышал о нем, Джон?

— Я слышал об одном негодяе, который носил это имя, но мы никогда не встречались... Элис, если небу угодно, чтобы это свидание наше было последним...

— Он был в плену на «Ариэле», — продолжала она, по-прежнему не считаясь с напускным равнодушием собеседника, — и, когда его отпустили под честное слово в аббатство Святой Руфи, он забыл о своем обещании и нарушил его самым бессовестным образом. Вместо того чтобы совершить обмен, который был условием его освобождения, он замыслил измену против тех, кто взял его в плен. Это была самая гнусная измена! Ибо к нему относились великодушно, и он наверняка получил бы свободу.

— Он был самым подлым негодяем! Но, Элис...

— Выслушай меня, Джон! — настаивала она, как бы подстрекаемая еще больше его безразличием. — Я не хочу говорить слишком строго о преступлениях Диллона, потому что его уже нет в живых. Одну часть его плана, должно быть, постигла неудача, ибо он собирался уничтожить ту шхуну, которую вы называете «Ариэлем», и взять в плен молодого Барнстейбла.

— Из этого у него ничего не вышло! Барнстейбл спасся, «Ариэль» же погиб от десницы более мощной, чем любая другая на свете. «Ариэль» потерпел крушение.

— Значит, фрегат остался единственным средством вашего спасения! Спеши, Джон, оставь свой гордый и беспечный вид, ибо еще настанет час, когда все твое мужество не поможет тебе против махинаций тайных врагов! Этот Диллон дал знать в ближайший порт о появлении ваших судов, чтобы оттуда выслали эскадру для преграждения вам отступления...

По мере того как она продолжала, лоцман утратил свою наигранную беспечность и при тусклом свете звезд пытался по лицу ее угадать смысл еще не досказанных ею слов.

— Откуда тебе это известно, Элис? — быстро спросил он. — И какие суда он назвал?

— Я невольно подслушала разговор, и ... Я не знаю, Джон, могу ли я забыть свой долг по отношению к королю... Но нельзя требовать от слабой женщины, встретившей человека, к которому она когда-то питала склонность, чтобы она молчала, когда одно сказанное вовремя слово может избавить его от опасности!

— «Когда-то питала склонность»! Так ли это, Элис?— спросил лоцман с отсутствующим видом. — Но, может быть, ты что-нибудь слышала о величине этих судов? Может быть, тебе известны их имена? Назови мне их, и первый лорд вашего британского адмиралтейства не даст такого точного отчета об их вооружении, какое могу дать я, заглянув в мой собственный список.

— Я слышала их названия, — с нежной грустью сказала Элис, — но имя человека, который мне до сих пор дорог, звучало в моей душе, и я не могла их запомнить.

— Ты та же славная Элис, которую я когда-то знал! Значит, они говорили обо мне? Что же было сказано о Пирате? Нанесла ли его рука удар, который заставил их дрожать в своем аббатстве? Не называли ли они его трусом, дитя?

— Они говорили о тебе в таких выражениях, что их слова причинили боль моему сердцу. Ибо легко забыть прошедшие годы, но нелегко забыть чувства, волновавшие человека в юности!

— Да, отрадно знать, что, несмотря на все громкие насмешки, подлые рабы трепещут при моем имени в своих тайных убежищах! — воскликнул лоцман, снова принимаясь быстро шагать взад и вперед. — Вот что значит выделяться из толпы и быть первым среди людей твоего призвания! Я еще надеюсь дожить до того дня, когда сам Георг Третий будет трепетать при имени моем в стенах своего дворца!

Элис Данскомб слушала его в глубоком и грустном молчании. Она поняла, что последнее звено в цепи их взаимной привязанности порвалось и что слабость, невольно овладевшая ею, не встретила в нем никаких от-

ветных чувств. На мгновение Элис опустила голову на грудь, но тотчас же встала и с обычной мягкостью обратилась к лоцману, говоря теперь уже более спокойным тоном:

— Я сказала все, что тебе полезно было бы знать. А теперь нам пора расстаться.

— Что? Так скоро? — удивился он, вздрогнув и взяв ее за руку. — Но это слишком короткое свидание, Элис, перед столь долгой разлукой!

— Короткое или долгое, все равно оно должно было окончиться, — ответила она. — Твои товарищи, наверное, уже готовы к отплытию, да и тебе, я думаю, совсем не хочется остаться здесь на берегу. Если ты снова посетишь Англию, надеюсь, ты вернешься сюда с иными чувствами к своему отечеству. Желаю тебе счастья, Джон, и да благословит тебя бог в милосердии своем!

— Я хочу лишь, чтобы ты молилась за меня! Однако ночь темна, и я провожу тебя до аббатства.

— Не нужно, — с женской сдержанностью ответила она. — Невинный бывает так же неустрашим, как самый храбрый воин. А здесь и бояться нечего. Я пойду по тропинке, которая минует дорогу, занятую вашими солдатами, где я не встречу никого, кроме того, кто всегда готов защищать беззащитных. Еще раз говорю тебе, Джон: прощай! — Голос ее дрогнул, когда она продолжала: — Ты разделишь судьбу всех людей, и к тебе придут минуты заботы и слабости. В такие минуты вспомни о тех, кого покинул на этом ненавистном тебе острове, и, возможно, среди них ты вспомнишь женщину, которая искренне желала тебе благополучия.

— Да будет с тобой бог, Элис! — сказал он, тронутый ее волнением и забыв на миг свои честолюбивые мечты.— Но я не решаюсь отпустить тебя одну...

— Здесь мы расстанемся, Джон, — твердо сказала она, — и навсегда! Это будет лучше для нас обоих, ибо, боюсь, у нас слишком мало общего.

Она тихо отняла свою руку, которую он продолжал держать, и, еще раз прошептав: «Прощай», — повернулась и медленными шагами направилась в сторону аббатства.

Первым побуждением лоцмана было последовать за ней, чтобы ее проводить, но в этот миг на скалах раздались воинственные звуки барабана, а на берегу пронзи-

тельно засвистала боцманская дудка, извещая солдат и матросов о том, что отваливает последняя шлюпка.

Услышав сигнал сбора, этот своеобразный человек, который давно научился подавлять в груди свои бурные чувства ради призрачных честолюбивых надежд, отчасти питаемых гневом и презрением, в задумчивости направился к берегу. По дороге он встретил солдат Борроуклифа. Обезоруженные, но свободные, они мирно возвращались к себе в казармы. К счастью для этих людей, лоцман был слишком поглощен своими мыслями, чтобы обратить внимание на этот акт великодушия Гриффита, и очнулся лишь тогда, когда ему заступили дорогу и слегка хлопнули по плечу. Он поднял глаза и увидел перед собой Борроуклифа.

— События нынешней ночи, сэр, свидетельствуют о том, что вы не тот, за кого вас можно принять, — заявил капитан. — По-видимому, вы у мятежников адмирал или генерал. Это мне неясно, так как право командования довольно странным образом оспаривалось среди вас. Но, кому бы ни принадлежало высшее командование, я осмелюсь шепнуть вам на ухо, что вы поступили со мной низко. Да, повторяю, вся ваша компания поступила со мной чрезвычайно низко, а вы — в особенности!

Лоцман изумился, услышав эту странную речь, произнесенную с горечью человека, потерпевшего крушение всех надежд. Но он только махнул капитану рукой, чтобы тот уходил, а сам направился дальше.

— По-видимому, вы не совсем поняли меня, — упрямо продолжал офицер. — Послушайте, сэр, вы поступили со мной низко! Неужели вы думаете, что я стал бы говорить это джентльмену, не имея в виду предоставить ему возможность излить свой гнев?

В руках у Борроуклифа было два пистолета: один он держал за рукоятку, а другой — за дуло. Офицеру даже показалось, что при виде их лоцман ускорил шаги. Глядя ему вслед, капитан бормотал про себя:

— Ну конечно, он всего лишь лоцман! Настоящий джентльмен тотчас понял бы столь прозрачный намек... А! Вот идет отряд моего достойного друга, который умеет отличать южную мадеру от вина, изготовленного на севере. У него и глотка настоящего джентльмена. Посмотрим, как он проглотит тонкое напоминание о его проступках!

Борроуклиф посторонился, чтобы пропустить направляющихся к шлюпкам солдат морской пехоты, и стал с нетерпением дожидаться их командира. Мануэль, зная, что Гриффит возвратил пленникам свободу, остановился, чтобы убедиться, что никто, кроме освобожденных его командиром, не ушел в глубь острова. Это случайное обстоятельство дало Борроуклифу возможность встретить Мануэля на некотором расстоянии от обоих отрядов.

— От всей души приветствую вас, сэр! — сказал Борроуклиф. — У вас была неплохая фуражировка, капитан Мануэль!

Мануэль отнюдь не был расположен ссориться, но в голосе Борроуклифа было нечто такое, что заставило его ответить:

— Она была бы еще лучше, сэр, если бы мне представился случай отплатить капитану Борроуклифу за его любезное обращение.

— Пощадите мою скромность, сэр! Вы, должно быть, забыли, как уже расплатились со мной за мое гостеприимство: два часа я вынужден был жевать эфес собственной шпаги, да, кроме того, меня весьма бесцеремонно толкнули в угол, а одного из моих солдат дружески потрепали по плечу ружейным прикладом. Черт побери, сэр, я считаю, что неблагодарный человек — это всего лишь одна из разновидностей скотины.

— Если бы вместо солдата дружески потрепали по плечу офицера, — с похвальным хладнокровием возразил Мануэль, — это было бы гораздо более справедливо. И шомпол мог бы вполне заменить приклад, чтобы свалить с ног джентльмена, который залил за галстук столько вина, сколько потребовалось бы, чтобы утолить жажду четырех бродячих скрипачей.

— Какая черствая неблагодарность по отношению к превосходному напитку с южных склонов гор, который вы сами так хвалили! И мне вы нанесли такое оскорбление, сэр, что я вижу лишь один способ кончить этот словесный поединок, который может продолжаться до утра.

— Выбирайте любой способ для решения нашего спора, сэр. Надеюсь, однако, что вы не будете опираться при этом на ваше «врожденное чутье», после того как вы уже однажды приняли капитана морской пехоты, находящегося на службе у Конгресса, за влюбленного, спешащего в какое-то укромное местечко.

— С таким же успехом вы могли бы ущипнуть меня за нос, сэр! — сказал Борроуклиф. — Даже такой поступок я счел бы более заслуживающим извинения! Выбирайте пистолет, сэр! Они заряжены для совсем иного дела, но, конечно, не откажутся послужить нам и сейчас.

— У меня самого есть пара пистолетов, заряженных для любого дела, — ответил Мануэль, доставая из-за пояса пистолет и отходя на несколько шагов.

— Вы, я знаю, едете в Америку, — с невозмутимым видом сказал Борроуклиф, — и мне очень приятно, что ради меня вы отложили поездку на несколько минут.

— Стреляйте и защищайтесь! — рассерженно вскричал Мануэль, приближаясь к противнику.

Оба выстрела раздались одновременно, и к месту поединка, заслышав тревогу, бросились солдаты Борроуклифа и солдаты морской пехоты. Будь у первых оружие, непременно при виде зрелища, которое представилось глазам солдат, началась бы кровавая стычка. Мануэль лежал на спине, не подавая признаков жизни, а гордая осанка Борроуклифа сменилась полулежачим положением.

— Неужели бедняга в самом деле убит? — с сожалением спросил английский капитан. — Что ж, он был настоящим солдатом и при этом почти таким же дураком, как и я!

К счастью для англичан, в эту минуту Мануэль пришел в себя. Он был только контужен задевшей его макушку пулей и теперь при помощи солдат поднялся на ноги. Минуту-другую он стоял, потирая голову и словно пробуждаясь от сна, а затем, когда окончательно пришел в себя и вспомнил, что с ним произошло, тоже не преминул поинтересоваться участью противника.

— Я здесь, мой доблестный инкогнито!—с искренним дружелюбием воскликнул Борроуклиф. — Покоюсь на груди матери земли, и мне только полезно, что вы пустили мне кровь из правой ноги. Хотя, думается, это можно было бы сделать и не раздробив кости. Вы, кажется, тоже лежали на груди нашей общей праматери...

— Мне действительно пришлось полежать несколько минут, — ответил Мануэль: — ваша пуля проехалась по моей голове.

— Гм, по голове! — сухо заметил Борроуклиф. — Однако ваша рана, по-видимому, не смертельна. Что ж,

придется мне с первым же встречным беднягой, у кого тоже одна нога, поспорить, кому из нас достанутся обе: оказаться калекой может и нищий и джентльмен! Вашу руку, Мануэль! Мы пили вместе, потом дрались, теперь нам ничто не мешает стать закадычными друзьями на всю жизнь.

— Конечно, — ответил Мануэль, продолжая потирать голову. — Против этого нельзя возражать. Но вам, вероятно, нужен лекарь? Нельзя ли мне чем-нибудь помочь вам?.. Опять сигнал к отправлению! Быстро ведите солдат, сержант! При мне может остаться мой денщик, а пожалуй, я обойдусь и без его помощи.

— Друг мой, вы самый правильный человек, как я говорю! — воскликнул Борроуклиф. — В нашей крепости нет слабых мест. Такой человек достоин быть во главе целого корпуса, а не отряда!.. Тише, Дрилл, тише! Обращайтесь со мной так, будто я сделан из фарфора... Уходите, дорогой Мануэль, я слышу сигнал за сигналом. Там, по-видимому, нужны ваши исключительные умственные способности, чтобы навести порядок при отправке.

Быть может, Мануэль и обиделся бы, услышав столь прозрачный намек на крепость его черепа, но теперь в ушах у него шумело от полученной контузии, и он не вполне ясно все понимал. Он дружески распрощался с Борроуклифом, сердечно пожал ему руку, а затем, обменявшись теплыми словами, еще раз предложил ему свои услуги.

— От всего сердца благодарю! Я и так в некотором долгу перед вами за то, что вы мне пустили кровь и тем предохранили меня от апоплексического удара. Дрилл уже послал нарочного в Б. за лекарем, а тот может привести сюда целый полк. Прощайте еще раз и помните, что, если вы когда-нибудь опять посетите Англию, уже в качестве друга, очень прошу вас повидаться со мной.

— Не премину воспользоваться вашим приглашением, а если вам когда-нибудь придется вновь побывать в Америке, обещайте и вы увидеться со мной.

— Непременно! Мне понадобится ваша отличная голова, если я вздумаю путешествовать среди грубых жителей лесов. Прощайте, сохраните меня навсегда в вашей памяти!

— Я никогда не забуду вас, дорогой друг, — ответил

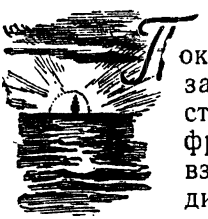
Мануэль, почесывая голову, в которой так шумела кровь, что ему казалось, будто он слышит этот шум.

Еще раз эти достойные люди пожали друг другу руку и, снова пообещав встретиться, расстались, как горестные влюбленные, расстались так, что перед их чувствами меркла дружба Ореста и Пилада [1].

ГЛАВА XXXII

Ну, нет! Постой! Скажи мне, кто ты сам!

Шекспир, «Гамлет»



Пока происходили события, последовавшие за высадкой лоцмана на берег, «Быстрый» под командованием штурмана фрегата мистера Болтропа крейсировал взад и вперед в ожидании исхода экспедиции. К вечеру норд-ост сменился южным ветром, и еще задолго до смены ночной вахты осторожный старый моряк, который, как может вспомнить читатель, на военном совете решительно отказывался доверить свою особу условиям на суше, приказал рулевому направить судно к берегу. Но, как только лот показал, что настало время лечь на другой галс, курс тендера был изменен. Так моряки провели несколько часов, терпеливо ожидая возвращения товарищей из экспедиции. Штурман, который свою молодость провел в торговом флоте, командуя небольшими судами, был склонен, как и многие люди его профессии и происхождения, считать отсутствие утонченных манер лучшим доказательством способностей к судовождению, и поэтому презирал вежливость и пунктуальность, обычно строго соблюдаемые на военных кораблях. Его прочие обязанности, заключавшиеся в наблюдении за расходованием припасов из разных кладовых, в ведéнии судового журнала и в ежедневном осмотре состояния парусов и такелажа, не часто принуждали его сталкиваться с веселыми, насмешливыми и беспечными молодыми лейтенантами, которые состояли на судне в различных командных

[1] Орест и Пилад — в греческом эпосе два неразлучных друга, чьи имена стали нарицательными.

должностях, и поэтому про него можно было сказать, что он принадлежал к особому виду живых существ, хотя и к общему роду со своими более благовоспитанными сослуживцами. Однако если, волей обстоятельств, ему приходилось выходить за пределы тупой повседневной рутины, он старался держаться в обществе тех, чьи привычки и мнения были ближе всего к его собственным.

По странной случайности, капеллан фрегата, если говорить о тех, с кем он общался, был почти в таком же положении, как этот старый моряк.

Искреннее желание быть полезным тем, кто, по воле провидения, мог встретить смерть над бездной морской, заставило этого немолодого и простосердечного священнослужителя принять пост корабельного пастора. Он наивно верил, что небо избрало его орудием спасения многих людей, которые живут, не вспоминая о великой цели их земных странствий. Границы и предмет нашей истории не позволяют нам рассказать о многочисленных случаях, которые послужили не только причиной полного краха всех его иллюзорных надежд, но и привели к тому, что этому доброму человеку стоило большого труда оставаться на высоте своего священного сана, ибо он сам вынужден был бороться с сильными греховными побуждениями. Сознание неполноты своей веры настолько умерило житейскую гордость пастора, что он получал удовольствие от общества грубого штурмана, который по преклонности лет временами любил поговорить о загробной жизни, хотя и рассуждал о ней в выражениях, весьма сообразных его характеру.

Возможно, что оба они считали себя не на месте, и по какой-то тайной симпатии — неважно, из чего она проистекала, — их обоих тянуло друг к другу. В описываемую нами ночь мистер Болтроп пригласил пастора сопровождать его на «Быстром», добавив, что на берегу предстоит сражение и, возможно, какому-нибудь бедняге понадобится духовная помощь. Пастор охотно принял это странное приглашение отчасти из желания внести некоторое разнообразие в свою монотонную жизнь на борту, отчасти же из таившегося в его смятенной душе стремления побыть хоть немного ближе к terra firma. Поэтому, когда лоцман со своим буйным отрядом высадился на берегу, на тендере остались только штурман и пастор да боцман с десятком матросов. Первые несколько часов на-

ши почтенные друзья провели в маленькой каюте судна, мирно беседуя за чашей грога, который стал намного вкуснее оттого, что был приправлен рассуждениями о различных спорных предметах, толкуемых каждым из них на свой манер, и читателю остается лишь пожалеть, что мы не нашли нужным привести эти рассуждения здесь. Но как только ветер подул в сторону вражеского берега, благоразумный штурман отложил беседу до другого, более подходящего раза и тотчас поднялся на шканцы, не забыв захватить с собой и чашу с грогом.

— Вот как надо жить на судне! — с самодовольным видом воскликнул честный моряк, поставив деревянный сосуд подле себя на палубу. — А сколько шуму по пустякам бывает на борту некоего фрегата, который сейчас стоит в трех милях от нас в открытом море под зарифленными грот-марселем, фор-стеньги-стакселем и фоком!.. Ну как, ведь неплохо я готовлю грог?.. Эй, подтяни-ка фал потуже!.. После такого грога у вас глаза замигают, что маяк в темную ночь!.. Не хотите? Ну а нам не пристало отказываться от английского рома. — После этого деликатного заявления он сделал порядочный глоток и добавил: — А вы похожи на нашего первого лейтенанта, пастор: тот тоже впивает только стихии—воздух, разбавленный водой!

— Про мистера Гриффита действительно можно сказать, что он подает спасительный пример экипажу, — подтвердил пастор, которого несколько удручало, что на него самого этот пример не оказывал достаточно сильного действия.

— Спасительный? — вскричал Болтроп. — Позвольте сказать вам, мой достойный друг, что, если вы эту диету называете спасительной, вы очень мало разбираетесь в соленой воде и морских туманах! Но мистер Гриффит — настоящий моряк, и если бы он поменьше увлекался разными пустяками, то мог бы к тому времени, когда достигнет нашего возраста, стать очень разумным товарищем за столом. А сейчас, пастор, он, видите ли, слишком много думает о разных глупостях, вроде военной дисциплины. Разумеется, очень полезно вовремя менять снасти, присматривать за мачтами и даже за якорным канатом, но, будь я проклят, пастор, если я понимаю, зачем... Ложись на другой галс, ложись, болван! Не видишь, что держишь курс на Германию?.. Да, если я понимаю, гово-

рю я, зачем поднимать бучу по поводу того, как часто человеку нужно надевать чистую рубашку? Так ли важно, произойдет такое событие на этой неделе или на следующей, а если погода стоит плохая, то, может, еще неделей позже! Не очень-то я люблю всякие смотры, хотя мне-то нечего бояться упреков за свое поведение, разве что потребуют, чтобы я держал табак за другой щекой!

— Признаюсь, мне и самому это подчас надоедает; особенно такая дисциплина утомляет дух, когда тело страждет от морской болезни.

— Да-да, я помню, как вас корчило в первые месяцы плавания, — подтвердил штурман. — А однажды, торопясь похоронить мертвеца, вы нахлобучили на голову пехотную треуголку. Да и на члена экипажа вы не были похожи, пока не износили свои нелепые черные штаны с пряжками под коленом. Мне-то не случалось видеть, как вы поднимались по трапу на шканцы, но, глядя на вас через люк, и вправду можно было подумать, что по палубе бегает сам дьявол! Однако после того, как портной заметил, что ваши штаны порядком поистрепались и казначей заключил ваши подпорки в новые, я уж не мог отличить ваши ноги от ног грот-марсового матроса.

— Я очень рад, что была сделана такая замена, — смиренно сказал пастор, — если действительно, пока я носил одежду лиц моего звания, существовало такое подобие, как вы говорите.

— При чем тут духовное звание? — возразил Болтроп, переводя дух после нового основательного глотка грога. — Ноги человека всегда останутся его ногами, чему бы ни служило верхнее сооружение. Я еще с детства питал отвращение к коротким штанам — быть может, потому, что представлял себе дьявола именно в них. Вы знаете, пастор, когда говорят о каком-нибудь человеке, всегда представляешь себе его оснастку и снаряжение. Поэтому, раз у меня нет особых причин полагать, что сатана ходит голым... Держи полнее, дурачина, теперь ты идешь прямо на ветер, черт бы тебя побрал! Так вот, я говорю, мне всегда представлялось, что дьявол носит штаны до колен и треуголку. Молодые наши лейтенанты часто являются на смотр по воскресным дням в треуголках, словно пехотные офицеры. Но я скорей вышел бы в ночном колпаке, чем в такой шляпе!

— Я слышу плеск весел! — воскликнул пастор, кото-

рый, заметив, что штурман представляет себе дьявола гораздо яснее, чем он сам, постарался скрыть свое невежество, переменив тему разговора. — Быть может, это возвращается одна из наших шлюпок?

— Похоже, что так. Если бы мне пришлось высадиться на сушу, я бы уж давно страдал от береговой болезни... А ну-ка, ворочай, ребята, да ложись в дрейф!

Тендер, повинуясь рулю, покатился под ветер и, покачавшись с минуту на борозде меж волн, развернулся носом в сторону скал. Затем, приведя паруса в положение, необходимое для того, чтобы лечь в дрейф, он постепенно потерял скорость и наконец остановился. Во время выполнения этого маневра из тьмы со стороны берега показалась шлюпка, и к тому времени, когда «Быстрый» остановился, она поравнялась с тендером, подойдя к нему на расстояние голоса.

— Эй, на шлюпке! — крикнул Болтроп в рупор, который при содействии его легких издавал звуки, похожие на рев быка.

— Да-да! — ответил голос, который звонко разнесся над волнами без помощи каких-либо вспомогательных инструментов.

— А! Это идет кто-то из лейтенантов со своим вечным «да-да»! — заметил Болтроп. — Ну-ка, боцман, свистни! А вот и другая шлюпка гребет к нам! Эй, на шлюпке!

— «Быстрый»! — отозвался голос с другой стороны.

— «Быстрый»! На этой шлюпке идет само начальство, — сказал штурман. — Сейчас оно поднимется на борт и начнет командовать. Это мистер Гриффит, и я должен сказать, что, несмотря на его пристрастие к пустякам, я все же очень рад, что он вырвался из рук англичан. Сейчас они все разом навалятся на нас!.. Вот и еще одна шлюпка с левого борта. Посмотрим, не спят ли на ней. Эй, на шлюпке?

— «Флаг»! — ответил третий голос из маленькой легкой шлюпки, которая, незамеченная, приблизилась к тендеру, идя прямо от скал.

— «Флаг»? — переспросил Болтроп, в изумлении опуская рупор. — Не слишком ли это большое слово для такой маленькой посудины? Сам Джек Мэнли не произнес бы его более гордо. Сейчас я узнаю, кто так лихо подходит к трофею американского военного корабля! Эй, на шлюпке! На шлюпке, говорю я!

Эти слова, сказанные отрывистым, угрожающим тоном, должны были означать, что тот, кто окликал шлюпку, вовсе не расположен шутить. Поэтому сидевшие на веслах гребцы одновременно подняли весла, словно испугавшись, что за окликом немедленно последуют более сильные средства выяснения истины. Человек на корме, как было видно, при втором оклике вздрогнул и, словно что-то внезапно припомнив, спокойно сказал:

— Нет... нет!

— «Нет... нет» и «флаг» — это совершенно разные ответы, — проворчал Болтроп. — Кто это сидит у вас в шлюпке?

Он все еще продолжал что-то бормотать, когда шлюпка медленно подошла к борту и с ее кормовой банки на палубу тендера поднялся лоцман.

— Это вы, мистер лоцман? — удивился штурман, поднося боевой фонарь на расстояние фута к лицу прибывшего и вглядываясь с тупым недоумением в его гордое и вместе с тем гневное лицо. — Это вы! А я-то считал вас более опытным и никак не мог предположить, что вы подойдете в темноте к военному кораблю с таким словом, когда на обоих судах не найдется ни одного юнги, который бы не знал, что мы никогда не носим в чужих водах флага с раздвоенным концом! «Флаг, флаг»! Будь здесь солдаты, вы могли бы попасть под пули.

Лоцман бросил на него еще более разгневанный взгляд и, не удостоив бедного штурмана ответа, отвернулся и направился к шканцам на самую корму судна. Болтроп еще некоторое время с презрением смотрел ему вслед, но прибытие шлюпки, которую он окликнул первой (это был командирский катер), немедленно отвлекло его внимание.

Барнстейбл, блуждая по морю, долго искал тендер, и, вынужденный сдерживаться в присутствии своих пассажирок, он достиг «Быстрого» далеко не в лучшем расположении духа. Полковник Говард и его племянница в течение всего переезда хранили глубокое молчание: первый — из гордости, а вторая — из-за явного неудовольствия своего дядюшки. Также и Кэтрин, ликуя в душе по поводу столь успешного завершения всех ее планов, все же решила подражать им хоть на некоторое время для соблюдения приличий. Барнстейбл несколько раз обращался к ней, но она отвечала очень кратко, стараясь

лишь не обидеть своего возлюбленного. При этом она всем своим поведением ясно давала понять, что предпочитает молчание. Поэтому лейтенант, после того как он помог дамам подняться на борт тендера и предложил такие же услуги полковнику Говарду, который их холодно отверг, отошел с раздражением, свойственным военным морякам ничуть не в меньшей мере, чем всем другим людям, и сорвал свое дурное настроение на тех, с кем мог себе это позволить.

— Что это значит, мистер Болтроп? — закричал он.— Подошла шлюпка с дамами, а вы держите гафель поднятым так, что подветренная шкаторина паруса натянута, как скрипичная струна! Сейчас же потравите деррик-фал, сэр!

— Есть, сэр! — проворчал штурман.—Эй, там, потравите фал! Судно и так не продвинется вперед на десятую часть кабельтова за целый месяц, когда у него все кливера обтянуты! — Сопровождаемый кротким пастором, он с угрюмым видом удалился на бак, добавив: — Я бы скорее мог ожидать, что мистер Барнстейбл привезет с собой живого быка, чем эти юбки! Один бог ведает, что станется теперь с фрегатом! И так мы не знали, куда деваться от всех этих треуголок и прочих пряжек, а теперь эти женщины с их картонками превратят наш фрегат в настоящий Ноев ковчег! Удивительно, как это они не поднялись на борт в карете, запряженной шестеркой лошадей, или, по крайней мере, в одноконном фаэтоне!

Барнстейблу, по-видимому, доставляло большое облегчение изливать свою досаду на других, потому что он еще несколько минут то и дело посылал матросов производить различные манипуляции во всех частях судна, а торопливая смена этих приказаний не столько свидетельствовала об их необходимости, сколько о раздраженном состоянии лейтенанта. Однако вскоре ему пришлось уступить командирские обязанности Гриффиту, прибывшему в тяжело нагруженной шлюпке фрегата, в которой находилось большинство моряков, принимавших участие в экспедиции на берег. Быстро прибывали шлюпка за шлюпкой, и вскоре весь отряд благополучно очутился на тендере под сенью своего национального флага.

Маленькая каюта «Быстрого» была отдана в распоряжение полковника Говарда, его воспитанниц и их служанок.

Шлюпки, каждая под управлением своего рулевого, стали на буксир за кормой катера, и Гриффит отдал приказание вступить под паруса и выходить в открытое море. Больше часа тендер шел этим курсом, грациозно скользя по сверкающим волнам, плавно поднимаясь и опускаясь на их гладких склонах, словно сознавал, какой необыкновенный груз находится у него на борту. Затем его нос снова был приведен к ветру, и он лег в дрейф в ожидании рассвета, когда легче станет обнаружить местонахождение фрегата, для которого он выполнял лишь скромную обязанность посыльного судна. На небольшом тендере собралось более ста пятидесяти человек, и во мгле казалось, что палуба его усеяна человеческими головами.

Экспедиция была завершена, опасность осталась позади, поэтому над безмолвным морем слышались не сдерживаемые начальством шутки и смех бесстрашных моряков. Веселая чарка ходила из рук в руки, и возбужденные матросы посылали грозные проклятия на голову врага. Наконец шум постепенно утих, и бóльшая часть матросов спустилась в трюм, в поисках места для отдыха, как вдруг над волнами полилась любимая песня моряков. Ее затянул красивый мужественный голос, потом подхватили другие. Песня сменялась песней, пока усталость не сморила моряков. Вместо песен кое-где еще слышны были стихи и отрывочные строфы. Но вскоре палубы покрылись спящими людьми, и, пока, убаюканные корабельной качкой, они вкушали покой под открытым небом, сонные грезы, быть может, уносили их в другое полушарие. Сомкнулись и темные глаза Кэтрин, и даже Сесилия, склонив голову на плечо кузины, спала мирным, невинным сном. Болтроп ощупью пробрался среди спящих матросов в трюм, где, сбросив одного из счастливчиков с койки, сам устроился на ней, нисколько не заботясь о том, кого он согнал. Это холодное равнодушие к чужим удобствам выработалось у него с годами, начиная с первых лет службы, когда с ним обращались так же «рыцарственно». Одна голова за другой опускалась на корабельные доски, на оружие, на все, что могло служить подушкой, и только Гриффит с Барнстейблом продолжали бодрствовать, расхаживая в надменном молчании по разным сторонам шканцев.

Никогда еще ночная вахта не казалась столь долгой

этим молодым морякам, лишенным из-за своей ссоры и неумеренной гордости откровенной и дружеской беседы, которая вот уже много лет скрашивала утомительные часы их долгого и часто унылого бдения. И, словно чтобы увеличить их замешательство, как раз в тот час, когда самый глубокий сон овладел усталыми моряками, из душной, переполненной людьми каюты на палубу подышать свежим воздухом вышли Сесилия и Кэтрин. Они стояли, опершись на поручни и переговариваясь тихими, отрывистыми фразами. Но, зная о ссоре между своими возлюбленными, они инстинктивно воздерживались от лишнего взгляда или жеста, который один из молодых людей мог бы счесть за приглашение подойти, что еще более рассердило бы другого. Десятки раз горячего Барнстейбла охватывало искушение забыть о невидимой преграде и приблизиться к своей возлюбленной, но его неизменно останавливало сознание своей ошибки, а также привычное уважение к старшему по должности, которое становится неотъемлемой особенностью характера морского офицера. Что же касается Гриффита, то он не проявлял намерения воспользоваться безмолвной уступкой товарища и продолжал молча ходить по шканцам более быстрыми, чем всегда, шагами, то и дело бросая нетерпеливые взгляды на ту часть неба, где можно было ожидать первых признаков зарождающегося дня. Наконец Кэтрин, со свойственной ей изобретательностью и, возможно, даже скрытым кокетством, прервала это неловкое положение, обратившись к возлюбленному своей кузины:

— Сколько времени нам суждено просидеть в такой тесной каюте, мистер Гриффит?— спросила она.— Право, вашим морским обычаям присуща вольность, которая, чтобы не сказать большего, не пристала нам, женщинам, привыкшим жить немного дальше от мужчин!

— Лишь только рассветет и мы увидим фрегат, мисс Плауден, — ответил он, — вас переведут с судна в сто тонн на судно водоизмещением в тысячу двести тонн. Если же вы найдете условия и там менее удобными, чем в стенах аббатства Святой Руфи, то не забудьте, что те, кто живет в море, считают своей заслугой пренебрежение к комфорту, обычному на берегу.

— По крайней мере, сэр, — заметила Кэтрин с приветливой улыбкой, которой она умела пользоваться, ко-

гда находила это нужным, — то, чем нам предстоит наслаждаться, будет украшено свободой и гостеприимством моряков... Что касается меня, Сесилия, то я нахожу, что морской ветер так свеж и здоров, будто он веет из нашей далекой Америки!

— Если вам не дана мужественная рука патриота, мисс Плауден, — смеясь, заметил Гриффит, — вы, по крайней мере, обладаете самым патриотическим воображением. Этот мягкий бриз дует с голландских болот, а не с широких равнин Америки... Слава богу, наконец показалась заря! Если только течение не отнесло фрегат к северу, мы непременно увидим его на рассвете.

Это приятное известие заставило прекрасных сестер обратить взоры к востоку, и они долго любовались великолепным зрелищем восхода над морем солнца. Незадолго до рассвета окружающий мрак стал еще гуще, и в небе блестящими огненными шарами засверкали звезды. Но вот над горизонтом забрезжила полоса бледного света; она становилась все ярче, ширилась с каждой минутой, и там, где прежде ничего не было видно, кроме смутного основания свода, нависшего над темными водами, протянулись длинные перистые облака. Полоса света, сначала казавшаяся лишь серебристым окном в небе, понемногу окрасилась в нежно-розовый цвет. Она алела, разгоралась, и вскоре широкий пояс густого пламени охватил весь восток, бледнея лишь ближе к зениту, где он сливался с жемчужным небом или переменчивым светом играл в легких причудливых облаках. И, в то время как восхищенные зрители любовались этой игрой красок, над ними, словно с небес, раздался голос:

— Парус! Прямо по носу фрегат, сэр!

— Видим, видим! Ты, наверное, смотрел только одним глазом, а другой у тебя в это время спал, — ответил Гриффит, — не то ты предупредил бы нас раньше!.. Взгляните немного севернее того места, где поднимается солнце, мисс Плауден, и вы увидите наш красавец фрегат!

Невольный крик радости сорвался с губ Кэтрин, когда она, следуя указаниям Гриффита, в переливах утренних красок увидела гордый корабль. Широкий простор ленивого моря, то вздымающегося, то опускающегося на светлой границе неба, не мог отвлечь взора, обращенного на одинокий фрегат. Он медленно шел по волнам,

неся только два паруса. На утреннем небе черными штрихами вырисовывались его высокие мачты и тяжелые реи; и даже самые тонкие тросы в лабиринте его оснастки были выписаны от начала до конца с картинной четкостью. Временами, когда на фоне неба поднимался его огромный корпус, можно было рассмотреть форму и размеры судна. Но оно тотчас опускалось, и снова были видны только его реи, грациозно наклоненные к воде, словно они собирались вслед за корпусом опуститься в пучину моря. По мере того как становилось светлее, иллюзия предрассветных красок исчезала, и к тому времени, когда должны были брызнуть первые лучи солнца, фрегат был уже хорошо виден на расстоянии мили от тендера. Теперь его черный корпус пестрел орудийными портами, а высокие наклонные мачты приняли свои настоящие размеры и оттенки цвета.

Лишь только раздался крик: «Парус!» — резкий свисток боцманской дудки разбудил весь экипаж «Быстрого», и не успели еще молодые девушки налюбоваться тем, как утро гнало с небосвода ночь, тендер уже вновь пришел в движение, направляясь к фрегату. На мгновение девушки испугались: им показалось, что фрегат раздавит маленькое судно, которое действительно подошло очень близко к подветренному борту огромного корабля, чтобы Гриффит мог побеседовать со своим престарелым командиром.

— Очень рад вас видеть, мистер Гриффит! — воскликнул капитан, который стоял на корме корабля и махал шляпой в знак сердечного приветствия. — С возвращением вас, капитан Мануэль!.. С возвращением, ребята! Я ждал вас с таким нетерпением, с каким ждут бриза в тихую погоду! — Но, окинув взглядом палубу «Быстрого», он заметил испуганных девушек, и тень неудовольствия скользнула по его лицу, когда он продолжал: — Что это такое, джентльмены? Фрегат, принадлежащий Конгрессу, не танцевальная зала и не церковь, чтобы на нем толпились женщины.

— Вот-вот,—пробормотал Болтроп, обращаясь к своему приятелю пастору, — теперь старик покажет свою бизань: вы увидите, что он умеет приводиться к ветру. Он разражается бурей не чаще, чем пассаты меняют свое направление, то есть раз в полгода. Но уж когда ему что-либо придется не по нраву, ждите хорошего шторма!

А ну-ка, послушаем, что ответит первый лейтенант в защиту этой знати в юбках.

Даже на окрашенном пламенем небе не было такого багрянца, какой залил красивое лицо Гриффита, но, преодолев возмущение, он ответил с подчеркнутой выразительностью:

— Мистер Грэй пожелал привезти пленников, сэр.

— Мистер Грэй? — повторил капитан, и с лица его немедленно сошли все признаки неудовольствия. — Подойдите, сэр, ближе к фрегату, а я прикажу приготовить трап, чтобы принять на борт наших гостей!

Болгроп с удивлением заметил быструю перемену в тоне капитана и, многозначительно покачав головой, как человек, который проник в тайну глубже, чем его соседи, заметил:

— Вы, наверное, думаете, пастор, что, будь у вас в руках календарь, вы могли бы сказать, куда подует ветер на следующий день? Нет, черт возьми, и лучшие предсказатели, чем вы, тут ошибутся! Потому что стоит этому болвану.... нет, он опытный моряк, это я должен признать... стоит лоцману сказать: «Взять с собой женщин», — и корабль будет так забит бабьем, что человеку придется половину свободного времени заниматься только своими манерами. Помяните мое слово, пастор, эта история обойдется Конгрессу недешево — парусина для ширм будет стоить годового жалованья матроса первой статьи, да прибавьте к этому износ бегучего такелажа из-за частой уборки парусов, чтобы женщины при каждом шквале не закатывали истерику!

Присутствие мистера Болтропа потребовалось на другом конце тендера, и его собеседник был лишен возможности выразить несогласие с мнением своего грубого приятеля, ибо пастор, как и все другие члены экипажа, кроме тех, кого привычка и косность мысли превратили в безнадежных ворчунов, не остался равнодушен к прелести новых спутниц.

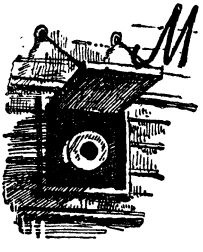
Как только «Быстрый» лег в дрейф носом к фрегату, длинная вереница шлюпок, которые он вел ночью на буксире, подошла к его борту и наполнилась людьми. Ряд сцен необузданного веселья разыгрался, когда матросы переходили с тесного тендера на привычную для них палубу фрегата. Строгая дисциплина была несколько ослаблена. Громкий смех передавался эхом со шлюпки

на шлюпку, по мере того как они одна за другой подходили к кораблю. Грубые шутки, хохот и дружеская брань висели в воздухе. Впрочем, весь этот гам вскоре утих. Переход полковника Говарда и его воспитанниц на борт фрегата происходил, правда, с меньшей стремительностью, зато с полным соблюдением этикета. Капитан Мансон после краткого совещания с Гриффитом и лоцманом принял этих неожиданных гостей с незатейливым радушием моряка и с явным желанием быть с ними учтивым. Он отвел им две удобные каюты и предложил пользоваться, когда им будет угодно, своим салоном.

ГЛАВА XXXIII

Яро бьется он с врагами,
Яро он теснит их рать.
Но от ран рука слабеет.
С тысячью не совладать.

Испанская военная песня



Мы не будем задерживать наше повествование, подробно описывая, с каким восторгом встретили моряки, остававшиеся на судне, рассказы о подвигах их более удачливых товарищей, которые со славой вернулись из экспедиции на берег. Почти час не прекращались шум и хохот во всех отсеках фрегата, и офицеры были снисходительны к этим крикам и веселью. Но после завтрака все пришло в порядок, люди успокоились, была установлена обычная вахта, и бóльшая часть тех, кому, по их обязанностям, не требовалось находиться на палубе, поспешили воспользоваться досугом, чтобы вознаградить себя за недостаток сна в минувшую ночь. На фрегате, однако, не делалось никаких приготовлений для продолжения плавания, хотя младшие офицеры заметили, что капитан, первый лейтенант и загадочный лоцман вели между собой долгую и серьезную беседу, которая, по-видимому, должна была решить, куда направится фрегат. Лоцман не раз кидал тревожные взгляды на восток, внимательно изучая горизонт в подзорную трубу, а затем нетерпеливо переводил глаза на густой туман, который,

как дым, стлался над морем с южной стороны. К северу и вдоль берега воздух был чист, а на море не было видно ни единой точки, но на востоке еще с рассвета появился маленький белый парус, который постепенно рос над водой и принимал очертания судна значительной величины. Все офицеры на шканцах поочередно рассматривали этот далекий парус и высказывали свое мнение относительно назначения и характера судна. Даже Кэтрин, которая вместе с кузиной наслаждалась свежим воздухом и любовалась морскими видами, попробовала разглядеть в трубу этот неизвестный корабль.

— Это угольщик, — сказал Гриффит. — Он, наверное, во время последнего шторма ушел подальше от берега и сейчас снова стал на прежний курс. Если ветер с юга не переменится и туман не скроет его от нас, мы можем подождать его здесь и, раньше чем пробьет восемь склянок, пополнить свои запасы.

— Мне кажется, что он держит курс на север и идет в полный бакштаг, — задумчиво заметил лоцман. — Если нарочный, посланный Диллоном, успел добраться до нужного места, там уже подняли тревогу, и нам следует быть начеку. Балтийский конвой сейчас находится в Северном море, поэтому известие о нашем пребывании здесь легко может быть передано одним из судов береговой охраны. Хорошо бы нам уйти к югу хоть до самого Хелдера...

— Но тогда мы потеряем попутное течение! — нетерпеливо воскликнул Гриффит. — Нам обязательно нужно выслать в дозор тендер. Кроме того, войдя в туман, мы потеряем противника, если это действительно противник. А пристало ли американскому фрегату прятаться от неприятеля?

Презрительное выражение, которое скользнуло во взоре лоцмана подобно лучу солнца, осветившему на мгновение темную лощину и обнажившему ее тайны, тотчас угасло в обычном его спокойствии. Но, прежде чем ответить, он еще поколебался, словно борясь с собой.

— Если того требует благоразумие и польза Соединенных Штатов, даже гордый фрегат должен отступить и укрыться от самого слабого из своих врагов. Мой совет, капитан Мансон, — поставить паруса и выходить на ветер, а тендер, как предложил мистер Гриффит, выслать вперед, с тем чтобы он держался ближе к берегу.

Старый капитан, который до сих пор не отдавал приказаний лишь потому, что дожидался советов лоцмана, немедленно велел своему молодому помощнику распорядиться об исполнении этих маневров. Итак, «Быстрый», отданный под командование самому младшему из офицеров фрегата, поставил паруса, легко двинулся против ветра и, войдя в полосу тумана, скрылся из виду. Тем временем на фрегате тоже начали ставить паруса, но делали это медленно, не желая будить свободных от вахты матросов. Через несколько минут фрегат тяжело двинулся вперед, пользуясь слабым ветром и идя в крутой бейдевинд за своим маленьким спутником.

После суеты, неизбежной при постановке парусов, на корабле наступила обычная тишина. Когда лучи солнца стали падать менее косо на далекий берег, до Гриффита доносились восклицания Кэтрин и Сесилии, которые тщетно пытались узнать округленные холмы, лежавшие вблизи аббатства Святой Руфи. Барнстейбл, снова вступивший в свою прежнюю должность второго лейтенанта фрегата, шагал по противоположной стороне шканцев, держа под мышкой рупор, который должен был означать, что молодой человек находится на вахте, и внутренне проклиная обстоятельства, не позволявшие ему приблизиться к возлюбленной. И в эту минуту всеобщего спокойствия, когда не слышно было ничего, кроме тихих разговоров да плеска волн, лениво ударявших о борт корабля, в тумане грянул выстрел легкой пушки и прокатился по ветру мимо фрегата, эхом отзываясь в волнах.

— Это тендер! — воскликнул Гриффит, как только раздался выстрел.

— Не может быть, — ответил капитан. — Сомерс не настолько безрассуден, чтобы палить из пушек, когда ему приказано идти, соблюдая тишину!

— Это не пальба вхолостую, — заметил лоцман, стараясь пронизать взглядом туманную мглу. Но вскоре он разочарованно отвернулся, ничего не увидев. — Пушка была заряжена ядром, и выстрел означал какой-то сигнал. Вахтенные ничего не видят, мистер Барнстейбл?

Лейтенант окликнул марсового и спросил, не видит ли он чего-нибудь с наветренной стороны, но матрос ответил, что за туманом ровно ничего не видно, а парус на востоке — это судно, идущее в бакштаг или на фордевинд. Услышав это, лоцман с сомнением покачал голо-

вой, но продолжал настаивать на том, чтобы идти дальше к югу. В ту минуту, как он снова отвел в сторону командира фрегата, чтобы еще раз с ним посоветоваться, раздался второй выстрел. Теперь уже не приходилось сомневаться, что стреляет «Быстрый», стараясь привлечь их внимание.

— Быть может, — сказал Гриффит, — он извещает нас о своем местонахождении или желает уяснить себе наше. Он, может быть, думает, что мы, как и он, заблудились в тумане.

— У нас есть компасы! — возразил капитан. — Нет, Сомерс, конечно, пытается что-то сообщить нам.

— Взгляните! — с детской радостью воскликнула Кэтрин. — Взгляните, кузина, взгляните, Барнстейбл! Какими кудрявыми облаками клубятся водяные пары над дымчатой полосой тумана! Они поднимаются высоко к небу, как величественные пирамиды!

— Пирамиды из тумана! Кудрявые облака! — повторил Барнстейбл, легко вскочив на пушку. — Боже мой, — воскликнул он, — да это высокобортное судно под бомбрамселями, трюмселями и лиселями! Оно находится в миле от нас и мчится с попутным ветром, как скаковая лошадь. Теперь мы знаем, почему Сомерс так разговорился в тумане!

— А вот и «Быстрый» выходит из тумана, направляясь к берегу! — закричал Гриффит.

— Под таким облаком парусов должен идти крупный корабль, капитан Мансон, — спокойно сказал лоцман, внимательно глядя вперед. — Пора, джентльмены, увалиться под ветер.

— Что? Прежде чем мы узнаем, от кого бежим? — вскричал Гриффит. — Клянусь жизнью, у короля Георга нет ни одного судна, которое не устало бы раньше, чем окончит партию в кегли с нами, и я...

Суровый взгляд лоцмана укротил пыл молодого человека, и тот замолчал, хотя душа его пылала негодованием.

— Тот же взор, который заметил паруса над туманом, мог бы разглядеть вице-адмиральский флаг, реющий еще выше в небе, — хладнокровно сказал лоцман. — Англичане, хотя они и делают много ошибок, все же не настолько глупы, чтобы дать в военное время офицеру такого чина под команду всего один фрегат или назна-

чить простого капитана командовать целым флотом. Они умеют ценить тех, кто проливает кровь за их страну, поэтому Англии и служат с таким усердием! Поверьте мне, капитан Мансон, этот флаг и многочисленные паруса означают не что иное, как линейный корабль!

— Увидим, сэр, увидим! — ответил старый моряк, поведение которого, по мере того как опасность усиливалась, становилось все более решительным. — Прикажите бить боевую тревогу, мистер Гриффит! У этих берегов мы можем встретить только неприятеля.

Гриффит отдал необходимые распоряжения, а затем, значительно умерив свой пыл, заметил:

— Если мистер Грэй прав, нам остается только благодарить бога за легкость нашего фрегата на ходу.

Известие о том, что поблизости находится неприятельское судно, уже разнеслось по всем отсекам фрегата. Поэтому, как только загремела барабанная дробь, матросы вскочили с коек и, свернув их в длинные плотные свертки, выбежали на палубу, где ловко уложили их в ряд на бортовые сетки, чтобы лучше предохранить верхние части судна. Пока шли эти приготовления, Гриффит что-то тихо сказал Мерри, который тотчас исчез, уводя дрожащих кузин в наиболее безопасное место, то есть в самый глубокий трюм.

Привели в боевую готовность пушки. Сняли лишние переборки, освободили от мебели командирский салон. Палубные орудия расставили в один непрерывный ряд, образовав грозную морскую батарею, которая по первому сигналу готова была открыть огонь. Открыли ящики с оружием, вывалили на палубу пики, тесаки, пистолеты и прочее необходимое для абордажа снаряжение. Одним словом, с готовностью и ловкостью, поистине удивительными, выполнили необходимые приготовления к бою, хотя со стороны все это могло показаться лишь путаницей и суматохой — настоящим вавилонским столпотворением на корабле. Через несколько минут все было окончено, не стало слышно даже голосов матросов, которые умолкли, как только закончились перекличка и размещение по постам. Наступила гробовая тишина, и, когда Гриффит или командир отдавали приказания, они могли говорить даже тише и спокойнее, чем обычно. Курс корабля изменили: он шел теперь под углом к курсу противника, хотя до последней минуты тщательно старались не показать

своего намерения уйти от неприятеля. Поскольку все приготовления были закончены, взоры людей теперь были устремлены на огромные надутые паруса, которые, как облако за облаком, поднимались из тумана, направляясь к северу. Но вот сразу раздвинулась в стороны нависшая над морем пелена густого тумана, и из нее выступил бушприт, а затем и остальной рангоут неизвестного корабля, несущий огромные паруса, против которых мачты казались лишь хрупкими прутьями. Еще с минуту пары тумана цеплялись за реи плавучего гиганта, но быстроходный корабль очень скоро стряхнул их с себя, и тогда перед взорами наших моряков предстал весь его огромный черный корпус.

— Один, два... три ряда зубов! — сказал Болтроп, подсчитывая ряды пушек, ощетинившихся вдоль бортов. — Трехпалубное судно! Сам Джек Мэнли показал бы корму перед таким молодцом, и даже Шотландский пират бежал бы от него!

— Держи по ветру, старшина! — крикнул капитан Мансон.—Когда неприятель в четверти мили от нас, медлить нельзя! Пошлите всех наверх, мистер Гриффит. Распорядитесь поднять все паруса, от клотика до нижних лиселей. Скорее, сэр, скорее!.. Уваливайся больше под ветер, рулевой! Уваливайся, будь ты проклят!

Необычайная суровость старого командира подействовала на команду, как зов из морских глубин, и они, не ожидая привычных сигналов боцмана и барабанщика, сами бросились от орудий на помощь тем, кто поднимал паруса. Снова минута суматохи, которая неопытному глазу показалась бы полным нарушением порядка на корабле, где все руки и языки пришли в движение. Но вот раскрылись глубокие складки легкой парусины, и она взвилась по всей линии мачт фрегата в дополнение к обычным парусам, широко нависая над водой по обеим сторонам судна. Минута бездействия сменила единодушные усилия, и ветер, который подгонял трехпалубный корабль неприятеля, заиграл также в парусах фрегата. Ход последнего ускорился, и он начал заметно выигрывать расстояние у своего опасного противника.

— Поднимается туман! — воскликнул Гриффит. — Если ветер продержится еще час, мы уйдем от англичанина дальше, чем на пушечный выстрел!

— Эти девяностопушечные корабли очень легки на

ходу, — тихо сказал капитан, чьи слова предназначались только для первого лейтенанта и лоцмана. — Нам предстоит борьба!

Пристально следя за всеми движениями неприятельского корабля, лоцман сказал:

— Он заметил, что мы хотим уйти от него, и готовится к бою. Наше счастье, если нас минует его залп!.. Немного отклонитесь от курса, мистер Гриффит. Легонько поверните руль... Если он накроет нас своим огнем, мы погибли!

Капитан с легкостью юноши вскочил на фальшборт и тотчас убедился в справедливости догадки лоцмана.

Еще несколько минут оба судна шли полным ходом, внимательно присматриваясь друг к другу, словно два искусных бойца. Иногда английский корабль чуть отклонялся от курса, а когда замечал, что его маневр разгадан, вновь осторожно менял направление. Наконец он сделал внезапный решительный поворот, и американцам стало ясно, с какой стороны ожидать нападения. Капитан Мансон молча — в эту минуту слова не были нужны, — выразительным жестом указал Гриффиту направление, которым должен был идти фрегат, чтобы избежать грозной опасности. Оба судна сделали поворот оверштаг, обратив носы к берегу, и представший перед фрегатом черный борт огромного трехпалубного линейного корабля с тремя ярусами батарей изрыгнул поток огня и дыма с таким страшным ревом, что за ним уже не был слышен угрюмый рокот спящего океана. Даже самые храбрые на фрегате содрогнулись, когда на них обрушилась эта лавина чугуна, и взоры всех в тупом оцепенении следили за быстрым полетом страшных разрушительных снарядов. Но вот среди грохота послышался голос капитана Мансона, который рукой указывал, куда следовало держать.

— Навстречу ему! Поворачивайте навстречу! Навстречу, мистер Гриффит, навстречу!

Гриффит настолько предвидел это приказание, что уже велел встать на прежний курс, но, пораженный страшным выкриком капитана, он повернул голову и увидел, что почтенный моряк взлетел на воздух, причем рука его все еще махала шляпой, волосы развевались по ветру, а в глазах уже отразилось сознание смерти.

— О боже! — воскликнул молодой человек, бросаясь

Среди грохота послышался голос капитана Мансона, который рукой указывал, куда следовало держать.

к борту, где он успел лишь увидеть, как исчезло в окрашенных кровью волнах безжизненное тело командира. — В него попало ядро! Спустить шлюпку на воду! Спустить катер, «Тигра», что угодно...

— Это бесполезно, — прервал его спокойный низкий голос лоцмана. — Он умер как солдат и будет спать в могиле, достойной моряка! Фрегат снова катится на фордевинд, и противник тоже приспускается под ветер.

После этих слов, оторвав взгляд от кровавого пятна на волнах, которое осталось за кормой, молодой лейтенант усилием воли овладел собой и вернулся к исполнению своих обязанностей, с должным спокойствием приняв на себя командование кораблем.

— У нас сорвало часть бегучего такелажа, — доложил штурман, который не отрывал взгляда от рангоута и снастей судна. — И от грот-стеньги отлетел такой кусок, что из него впору сделать целый шлагтов! Да и сквозь паруса кое-где видно небо, но в целом шквал прошел, причинив не так уж много вреда... Я слышал, что капитана Мансона порядком прищемило ядром?

— Он убит! — ответил Гриффит, голос которого все еще был хриплым от волнения. — Его выбросило за борт, сэр! Поэтому нам должно приложить еще больше усердия в эту тяжкую минуту.

— Убит! — удивленно повторил Болтроп, перестав катать во рту табачную жвачку. — И погребен в море! Что делать, могло быть и хуже. Будь я проклят, если не думал, что на всем фрегате не останется ни одной целой планки!

С этим утешительным замечанием штурман медленно удалился и начал весьма толково распоряжаться починкой повреждений. Этот человек, несмотря на грубый нрав, был незаменим на своем посту.

Не успел еще Гриффит обрести полное душевное равновесие, столь необходимое в новой должности, которая была возложена на него при таких неожиданных и ужасных обстоятельствах, как вдруг кто-то слегка тронул его за локоть. Это был лоцман, незаметно приблизившийся к нему.

— Неприятель, по-видимому, удовлетворен достигнутым, — сказал он. — А так как мы гораздо легче на ходу, ему теперь уж довольно трудно повторить то же самое. Капитан должен это понимать, если он настоящий моряк.

— И все же, если он заметит, что мы так быстро уходим от него, — возразил Гриффит, — он поймет, что единственная его надежда — это сбить у нас снасти. Боюсь, он снова пойдет в бейдевинд, и тогда мы опять окажемся у него под бортовым залпом. Вот если бы он постоял так с четверть часа на месте, мы бы успели скрыться!

— Он ведет с нами более верную игру. Разве вы не заметили, что судно, которое мы оставили восточнее, — фрегат? Они, несомненно, принадлежат к одной эскадре. Нарочный успел пустить их по нашему следу. Английский адмирал сначала растянул боевую линию, мистер Гриффит, а теперь он собирает свои корабли, чтобы обеспечить себе выгодную игру.

До сих пор Гриффит все внимание сосредоточивал на линейном корабле, но после первых же слов лоцмана, сказанных холодным тоном, но с полным сознанием приближающейся опасности, лейтенант взял у него подзорную трубу и сам начал рассматривать видневшиеся вдали корабли. Опытный офицер, флаг которого развевался над парусами трехпалубного линейного корабля, несомненно, заметил критическое положение фрегата и рассуждал точно так, как рассуждал лоцман, иначе он применил бы то страшное средство, которого так боялся Гриффит. Благоразумие, однако, подсказало ему, что он должен отрезать американскому фрегату всякий путь отступления, наседая на него сзади и не давая ему сделать поворот, чтобы проскользнуть между линейным кораблем и фрегатом эскадры и уйти в открытое море. Несведущий в морском деле читатель лучше поймет всю опасность положения американцев, если проследит за опытным взором Гриффита, осматривающего горизонт. На западе находился берег Англии, вдоль которого поспешно пробирался «Быстрый», не выпуская из виду своего союзника и в то же время избегая опасного соседства с могучим неприятелем. К востоку по правому борту американского фрегата находилось судно, которое они заметили первым. Теперь уже было ясно видно, что это военный корабль; он быстро шел на сближение с американцами. А на северо-востоке виднелось еще одно судно, пока еле различимое, но человек, осведомленный в приемах морского боя, не мог ошибиться относительно его намерений.

— Мы окружены со всех сторон, — сказал Гриффит,

опуская подзорную трубу. — Не лучше ли всего нам направиться в сторону берега и, доверившись ветру, попытаться пройти под бортом флагмана?

— Но что, если у нас после этого вместо парусов останутся одни тряпки? — возразил лоцман. — Нет, сэр, на это рассчитывать нельзя! В десять минут наш фрегат был бы гол до палубы. Если бы не благоприятная нам волна, от которой многие ядра отразились вверх, неизвестно, что бы сталось с нами и после первого залпа. Мы должны держаться прежнего курса и оставить флагман как можно дальше за собой.

— А фрегаты? — спросил Гриффит. — Что нам делать с фрегатами?

— Сражаться! — тихо, но решительно ответил лоцман. — Вести с ними бой! Молодой человек, мне приходилось биться под звездно-полосатым флагом и в более трудных обстоятельствах — и всегда с честью! Думаю, и сейчас удача не покинет меня.

— Нам предстоит целый час отчаянного боя!

— Вероятно, так. Но мне случалось проводить целые дни в кровавых боях. И вы тоже, мне кажется, не спасуете перед лицом врага.

— Позвольте мне назвать ваше имя перед экипажем! — воскликнул Гриффит. — Оно одно стоит многих в такую минуту и поднимет дух матросов.

— Не нужно, — решительным жестом остановил его лоцман. — Я хочу, чтобы обо мне узнали в более достойной обстановке. Я разделю с вами опасность, но не хочу лишать вас и крупицы славы. Впрочем, если дело дойдет до абордажа, — добавил он с гордой улыбкой, — я сам объявлю свое имя! Оно послужит боевым кличем, и, поверьте мне, англичане дрогнут, услышав его!

Гриффит подчинился воле лоцмана и, после того как они обсудили дальнейшие действия, снова сосредоточил все внимание на управлении судном. Отойдя от лоцмана, он увидел полковника Говарда. С решительным и надменным видом он шагал по шканцам, предвкушая торжество англичан, которое казалось ему теперь несомненным.

— Боюсь, сэр, — сказал молодой человек, почтительно приближаясь к нему, — что вскоре палуба покажется вам неприятным и опасным для прогулок местом. Ваши воспитанницы...

— Не произносите таких слов, как опасность! — перебил его полковник. — Что может быть отраднее духа преданности, который доносится сюда от той плавучей крепости короля? Опасность! Вы плохо знаете старого Джорджа Говарда, молодой человек, если думаете, что он за какие угодно блага откажется посмотреть, как символ мятежа падет перед флагом его величества!

— Если таково ваше желание, полковник Говард, вы ждете напрасно, — ответил Гриффит, кусая губы и поглядывая на стоявших кругом удивленных матросов, слышавших этот разговор.— Но даю вам слово: когда придет время, вам сообщат об этом, и тогда вы своими руками совершите это низкое дело.

— А почему не сделать этого сейчас, Эдуард Гриффит? Настала минута вашего испытания — предоставьте себя великодушию английского престола и велите команде сдаться на милость короля! В этом случае я не забуду сына моего друга, а, поверьте мне, имя мое известно министрам его величества!.. И вы, заблудшие и невежественные поборники мятежа, сложите свое бесполезное оружие, не то вы встретите мщение сильных и победоносных слуг вашего короля!

— Назад! Назад, ребята! — яростно закричал Гриффит матросам, бросившимся с угрюмым и мстительным видом на полковника. — Если кто-нибудь из вас осмелится тронуть его, я сброшу виновного в море!

По приказу командира матросы отступили, но старик, довольный и радостный, еще долго ходил по палубе, не обращая внимания на гневные взгляды окружающих. Впрочем, скоро матросы забыли о нем.

Линейный корабль начал медленно скрываться за горизонтом, и меньше чем через час после его бортового залпа уже лишь один из его трех ярусов орудий оставался виден с палубы фрегата, но тем не менее он представлял непреодолимое препятствие для отступления к югу. Между тем корабль, замеченный первым, подошел так близко, что теперь за его маневрами можно было следить и без помощи подзорной трубы. Это был фрегат, но значительно легче американского. С ним было бы нетрудно справиться, если бы не два его спутника, быстро шедшие к месту будущего боя. Когда началась погоня, американский фрегат находился напротив аббатства Святой Руфи, теперь же он приблизился к тем самым мелям, где начал-

ся наш рассказ. Тем временем меньшее из английских судов подошло так близко, что избежать боя стало невозможно. Но Гриффит и его экипаж тоже не оставались в бездействии: они сделали все нужные приготовления против случайностей морского сражения. Затем барабан еще раз призвал людей на места, и корабль, как призовой боец, который перед выходом на арену сбрасывает с себя верхнюю одежду, убрал лишние паруса. Заметив, что американцы отказались от мысли о бегстве и намерены сражаться, английский корабль в знак того, что принимает вызов, тоже убрал часть парусов.

— Какой малыш! — сказал Гриффит лоцману, который стоял возле него и внимательно следил за тем, как лейтенант готовится к бою. — Но смелости он не лишен.

— Мы должны уничтожить его одним ударом, — ответил лоцман. — Не велите палить, пока мы не подойдем к нему совсем близко.

— Я вижу, он уже наводит на нас свои двенадцатифунтовые пушки. Наверное, скоро мы услышим залп...

— После того как мы выдержали залп девяностопушечного корабля, — хладнокровно заметил лоцман, — мы не дрогнем перед залпом тридцатидвухпушечного.

— К орудиям! — крикнул Гриффит в рупор. — Без приказа не стрелять!

Это своевременное предупреждение было необходимо, чтобы охладить пыл артиллеристов. Едва успел Гриффит договорить свои слова, как вражеский корабль окутался огнем и клубами дыма: жерла английских пушек начали поочередно обрушивать на фрегат град ядер. Прошло минут десять... Оба фрегата продолжали сближаться, англичане не прекращали стрельбы, но американцы по приказу Гриффита все еще не отвечали ни одним выстрелом. Этот короткий промежуток времени показался морякам целой вечностью, тем не менее в их рядах царило полное безмолвие. Даже раненые и умирающие, которые лежали в каждом отсеке, старались удержаться от стонов — так суров был дух дисциплины на этом корабле; он сказывался на каждом члене экипажа и каждом маневре судна. Офицеры отдавали приказания решительным и твердым голосом, но по возможности тихо. Наконец корабль медленно вошел в клубы дыма, окутывавшие противника, и Гриффит услышал, как человек, стоявший рядом с ним, прошептал: «Пора!»

— Залп! — скомандовал Гриффит голосом, который проник во все отделения корабля.

Крик, вырвавшийся из груди моряков, казалось, подбросил палубу судна, и фрегат задрожал как осиновый лист, когда его же крупные орудия, грянув разом, — а не по порядку, как обычно, ибо канониры не могли сдержать своего нетерпения, — откатились назад. Этот залп, должно быть, произвел на неприятельском судне ужасное опустошение, ибо вслед за ревом пушек воцарилась мертвая тишина, среди которой доносились лишь вопли и проклятия, как стоны осужденных душ. Пока американцы снова заряжали орудия, а англичане старались оправиться от замешательства, фрегат Конгресса медленно прошел мимо противника и уже огибал его нос, когда английский фрегат, оценив неравенство сил, в отчаянии направился прямо на врага. Оба корабля сошлись. Внезапный и яростный наскок англичан, выбросивших множество матросов на бушприт и в проходы вдоль борта, чуть не застиг Гриффита врасплох, но Мануэль, который одновременно с бортовым пушечным залпом начал стрелять по неприятелю из мушкетов, теперь сослужил добрую службу, приказав своим солдатам отогнать нападающих длительным огнем. Даже осторожный лоцман, разделяя общий порыв, на миг отвернулся от вражеских кораблей и обменялся с Гриффитом суровой улыбкой по поводу достигнутого успеха.

— Крепить их бушприт к нашей бизань-мачте, — скомандовал лейтенант, — и мы очистим их палубы!

Человек двадцать с радостью бросились выполнять это приказание, и одними из первых были Болтроп и лоцман.

— Теперь он в нашей власти! — крикнул штурман. — Мы теперь хозяева и можем разрубить их лохань на дрова! Ибо, клянусь богом...

— Замолчи, грубый человек! — тоном строгого порицания произнес лоцман. — Не поминай имени господа всуе, ибо через минуту ты можешь предстать перед ликом его!

Штурман, прежде чем соскочить с бушприта неприятельского судна на палубу фрегата, изумленно взглянул на лоцмана, который спокойно следил за разгоравшейся вокруг него битвой, как будто уже заранее обеспечил результат, и только глаза его горели воинским пылом.

Грозный вид англичан и их воинственные крики воспламенили дух полковника Говарда. Протолкавшись к борту корабля, он ободрял своих друзей и звал их вперед.

— Замолчи, старый ворон! — крикнул штурман, хватая его за шиворот. — Убирайся в трюм, не то я прикажу выстрелить тобой из пушки!

— Сдавайся, мятежник! — закричал в ответ полковник, разгоряченный пылом сражения. — На колени! Проси пощады у оскорбленного тобой государя!

Воодушевленный минутной надеждой, старик схватился со своим жилистым противником, но исход этой короткой схватки еще не был решен, когда англичане, отброшенные огнем морской пехоты и грозным фронтом абордажников во главе с Гриффитом, отступили на бак своего корабля и попытались снова открыть огонь по противнику в ответ на смертоносные удары по корпусу их корабля из управляемой Барнстейблом пушки. Однако им удалось навести на американцев только одно орудие, заряженное картечью. Выстрел последовал с такого ничтожного расстояния, что даже пламя коснулось лиц американцев. Полковник начал уже изнемогать в объятиях своего врага, но в миг этой вспышки руки, державшие его за горло, ослабли, и оба борющихся беспомощно упали на колени, глядя друг на друга.

— Что, брат, — с угрюмой улыбкой воскликнул Болтроп, — досталось и тебе, ха!

Но полковник уже ничего не ответил, и оба они упали на палубу, где и остались беспомощные среди грохота и дикой суматохи сражения.

Пока кипела яростная битва, стихии не прекращали своей работы. Американский фрегат, увлеченный поднявшимся ветром и большой волной, был отнесен на некоторое расстояние вперед и развернут перпендикулярно к носу противника. Слабые железные и пеньковые крепления, соединявшие оба корабля, лопнули, как буксирные тросы, и Гриффит увидел, как бушприт англичанина был вырван из корпуса и упал в море. За ним постепенно начали рушиться другие части рангоута, и вскоре лишь несколько бесполезных снастей из всего величавого такелажа висело у основания мачт. Когда американский фрегат вышел из дымового облака, в котором остался его побежденный противник, молодой человек вспомнил

о других неприятельских кораблях, с которыми ему теперь предстояло сражаться, и с тревогой взглянул на горизонт.

— Мы счастливо отделались от тридцатидвухпушечного, — заметил он лоцману, который с необыкновенным интересом следил за его действиями, — но вот еще один направляется в нашу сторону. У него столько же пушек, сколько у нас, и он, по-видимому, намерен побеседовать с нами. Кроме того, девяностопушечный корабль тоже не стоит на месте. Боюсь, он скоро явится сюда!

— Мы должны воспользоваться нашими брасами и парусами, — ответил лоцман, — и ни в коем случае не сближаться со вторым фрегатом. Придется вести двойную игру, сэр: пустим в ход наши пушки, но одновременно попытаемся уйти от второго противника.

— Тогда нам нужно спешить, ибо он уже убавляет парусов и так быстро приближается к нам, что мы скоро услышим его. Что вы предлагаете, сэр?

— Пусть он забавляется со своими парусами, — ответил лоцман. — Когда он решит, что все в порядке, мы пошлем на реи сразу сотню матросов и поставим все паруса снизу доверху. Мы обгоним его в ту минуту, когда он меньше всего этого ожидает. Если только нам удастся поставить его в кильватер к нам, мы уйдем ото всех.

— Погоня в кильватер — дело долгое, — согласился Гриффит. — Может быть, такой план и приведет к успеху... Очистить палубу и унести раненых вниз! А так как у нас и без того полно хлопот, все те бедняги, кто расстался с жизнью, немедленно должны отправиться за борт.

Эта печальная обязанность тотчас же была выполнена, а молодой командир фрегата между тем возвратился к своим обязанностям с сосредоточенным видом человека, сознающего всю лежащую на нем ответственность. Его занятия не помешали ему, однако, услышать, как Барнстейбл нетерпеливо подзывал к себе молодого Мерри. Обернувшись на голос, Гриффит увидел Барнстейбла, с тревожным видом высунувшегося из люка. Лицо его почернело от дыма, он был без мундира, а на рубахе виднелись пятна крови.

— Мерри, — крикнул Барнстейбл, — не ранен ли мистер Гриффит? Говорят, что на шканцах одним снарядом унесло на тот свет несколько человек.

Прежде чем Мерри успел ответить, глаза Барнстейбла, проверяя состояние оснастки судна, встретились с приветливым взором Гриффита, и с этой минуты между друзьями восстановилось доброе согласие.

— А, вы здесь, Гриф, и шкура у вас, я вижу, цела!— воскликнул, радостно улыбаясь, Барнстейбл. — Бедного Болтропа положили в одну из его кладовых... Продержись их бушприт еще десять минут, я бы показал этим англичанам!

— Все, быть может, к лучшему,—заметил Гриффит.— Но что вы сделали с теми, кого мы особенно обязаны защищать?

Барнстейбл выразительным жестом указал на трюм и ответил:

— Сидят на тросах, где так безопасно, как только может быть среди дерева, железа и воды. Однако Кэтрин трижды поднималась...

В эту минуту Гриффита позвал лоцман, и молодым офицерам пришлось забыть о своих личных чувствах ради неотложных дел.

Корабль, с которым теперь предстояло сражаться американскому фрегату, был одинаковой с ним величины и с экипажем такой же численности. Внимательно оглядев его снова, Гриффит убедился, что неприятель приготовился к мужественной схватке.

Англичанин постепенно убавил парусов до нужного во время боя количества, а по некоторым движениям на его палубе лейтенант и его неотлучный помощник — лоцман поняли, что он намерен сначала уменьшить расстояние между собой и противником на несколько сот ярдов, а затем уже начать атаку.

— Теперь поставьте все паруса, какие только у вас есть, — прошептал лоцман.

Гриффит поднял рупор и голосом, который донесся даже до неприятеля, крикнул:

— Все по реям, паруса ставить! Поставить все, что можно!

Всеобщий порыв был ответом на эту команду. По меньшей мере пятьдесят человек взлетели на головокружительную высоту рей, и широкие полотнища парусов расправились вдоль мачт с такой внезапностью, что казалось, будто могучая птица распустила крылья. Англичанин тотчас заметил свою ошибку и ревом артиллерии

ответил на маневр противника. Гриффит с тревогой следил за действием ядер, свистевших у него над головой. Он вскрикнул от радости, убедившись, что лишь кое-где были срезаны незначительные детали оснастки, а мачты не пострадали. Однако он увидел, как несколько матросов, с судорожным отчаянием цепляясь за снасти, как раненые птицы — за ветви дерева, и падая от выбленки к выбленке, с тяжелым плеском рухнули в воду. Угрюмый фрегат с холодным равнодушием прошел мимо. В следующую минуту на мачтах и реях неприятельского корабля тоже появились матросы, отдававшие паруса, и Гриффит, снова приложив рупор к губам, громко крикнул:

— Стрелять в них! Снять их с рей! Пали в них картечью, ребята! Круши их снасти!

Услыхав приказ, артиллеристы принялись за дело с такой быстротой и усердием, что последние слова свои лейтенант произнес уже под оглушительный рев пушек. Все же лоцман недооценил ловкость и сноровку противника, ибо, несмотря на невыгодные обстоятельства, при которых англичанам приходилось ставить паруса, они быстро и точно выполнили этот маневр.

Оба корабля теперь шли параллельными курсами и с ожесточением палили из всех орудий, причиняя друг другу весьма серьезные повреждения, хотя ни той, ни другой стороне не удавалось взять верх. Гриффит и лоцман с тревогой следили за этим неожиданным крушением их надежд, ибо не могли не видеть, что скорость фрегата с каждой минутой уменьшается, так как неприятельские залпы перебили некоторые снасти и сорвали часть парусов.

— В нем мы нашли достойного противника! — сказал Гриффит лоцману. — А вот и девяностопушечный! Снова он, как гора, возвышается над волнами. Если мы и дальше будем так терять паруса, он нас догонит.

— Совершенно справедливо, сэр, — заметил лоцман. — Их командиры рассудительны и смелы, он...

Его прервал прибежавший с бака Мерри. По лицу его, горевшему от возбуждения, видно было, что молодой человек намерен сообщить что-то важное.

— Буруны! — закричал он, приблизившись настолько, чтобы его можно было услышать среди шума. — Мы идем на рябь, прямо по носу. Ближе чем в двухстах ярдах море все белое от пены.

Лоцман вскочил на пушку и, нагнувшись, чтобы проникнуть взором сквозь завесу дыма, крикнул так громко, что его было слышно среди рева канонады:

— Лево руля! Мы у Чертовых Клещей! Передайте мне рупор, сэр!.. Лево руля! Палите, ребята! Проучим гордых британцев!

Гриффит, ни секунды не колеблясь, передал ему этот символ власти, а взглянув на спокойное, хотя и напряженное лицо лоцмана, и сам обрел уверенность. Моряки были слишком заняты своими пушками и снастями, чтобы заметить новую опасность, и в самый разгар сурового боя фрегат вошел в опасный проход среди мелей. Несколько пожилых матросов обратили удивленные взоры на проплывавшие мимо полосы пены, не понимая, как море вспенилось подобным образом от неприятельских ядер. И вдруг грохот канонады сменился угрюмым ревом прибоя, и корабль, выскользнув из плотной пелены дыма, смело двинулся вперед по узкому фарватеру. Еще десять волнующих минут лоцман беспрерывно распоряжался, направляя судно через рябь и буруны, мимо полос пены и подводных рифов. Наконец он опустил рупор и воскликнул:

— То, что грозило нам гибелью, оказалось нашим спасением! Держите курс на лесистый холм, у подножия которого стоит церковь. Курс ост-норд-ост. Этим курсом мы через час минуем мели, неприятелю же придется обогнуть их, и мы тем самым выиграем у него пять миль!

Спрыгнув с пушки, лоцман в ту же минуту не только оставил властный тон, гармонировавший с его возбужденным лицом, но даже не выказывал более участия к событиям дня. Он снова был холоден и сдержан, как при прежнем общении с его нынешними товарищами. Когда миновали минуты страшной неизвестности, все офицеры фрегата бросились к тем местам, откуда удобнее было наблюдать за неприятелем. Девяностопушечный корабль продолжал отважно подвигаться вперед и уже приблизился к тридцатидвухпушечному фрегату, который был совершенно выведен из строя и превратился в игрушку волн. Фрегат, последним участвовавший в схватке, с разорванными и трепыхавшимися по ветру парусами, шел вдоль края мелей. Надломанные реи дрожали на ветру, и по всем его движениям было видно, что ему пришлось вдруг изменить курс перед непредвиденной преградой.

Глядя на английские корабли, американцы ликовали и горячо поздравляли друг друга. Однако и у них было много забот. Барабан пробил отбой, орудия были вновь принайтовлены, раненые унесены с палубы, а всем, кто был в состоянии двигаться, было приказано заняться починкой повреждений и подкреплением мачт.

Через час корабль, как и предсказывал лоцман, благополучно миновал все опасности, которые при дневном свете были не так страшны, и к тому времени, когда начало заходить солнце, Гриффит, за весь день ни на минуту не покидавший палубы, убедился, что на судне устранены все повреждения, причиненные погоней и боем. Оно было приведено в полный порядок и готово встретить нового противника. В эту минуту ему передали просьбу пастора спуститься в командирский салон. Поручив командование фрегатом Барнстейблу, который был его деятельным помощником как в бою, так и в работах после сражения, он быстро переменил верхнее платье, забрызганное кровью, и пошел в салон, куда его весьма настойчиво приглашал корабельный пастор.

ГЛАВА XXXIV

Алеют небеса.
Куда сквозь сумрак меркнущих долин
В тот час, когда заискрилась роса,
Несешься ты один?

Брайант

Когда молодой моряк, который теперь командовал фрегатом, спустился со шканцев, он с удовольствием убедился, что на фрегате все приведено в полный порядок, будто ничего и не случилось. Орудийная палуба была чисто вымыта, на ней уже не оставалось страшных кровавых пятен, а пороховой дым давно перестал выходить из люков и смешиваться с облаками, плывущими над кораблем. Проходя мимо безмолвных батарей, он, хотя и спешил, не мог не заметить ужасных пробоин в бортах фрегата, оставленных неприятельскими ядрами, и к тому времени, как он легонько постучал в дверь каюты, им

уже были замечены все основные повреждения, нанесенные кораблю в главных местах обороны.

Дверь отворил корабельный лекарь. Отступив в сторону, чтобы пропустить Гриффита, он покачал головой с видом специалиста, потерявшего всякую надежду, и тотчас ушел к тем раненым, кому еще мог быть полезен.

Читатель не должен думать, что Гриффит в течение этого полного событиями дня совсем не вспоминал о Сесилии и ее кузине. Напротив, даже в самые жаркие минуты битвы его тревожное воображение живо рисовало ему ужас, который они должны были испытывать, и, как только матросов отозвали от пушек, он отдал распоряжение восстановить в салоне переборки и расставить по местам всю мебель. Только более ответственные и настоятельные обязанности не позволили ему лично позаботиться об удобствах пассажиров. Поэтому он знал, что в салоне восстановлен должный порядок, но никоим образом не ожидал увидеть сцену, свидетелем которой ему теперь пришлось стать.

Между двумя угрюмыми пушками, придававшими убранству помещения весьма странный вид, на широком диване лежал полковник Говард, часы которого были, по-видимому, сочтены. На коленях возле него стояла заплаканная Сесилия; черные локоны в беспорядке падали на ее бледное лицо. Кэтрин нежно склонилась над умирающим стариком, а в ее темных, полных слез глазах вместе с глубокой печалью можно было прочесть тайные угрызения совести. Несколько слуг обоего пола обступили эту бозмолвную группу, и по их лицам было видно, что они находятся под впечатлением только что сделанного лекарем сообщения. Вся мебель была уже расставлена по местам, словно никакого сражения, еще так недавно совершенно преобразившего это помещение, и не происходило. Напротив полковника, на другом диване, виднелась массивная, широкоплечая фигура Болтропа. Голова его покоилась на коленях командирского вестового, а в руках он держал руку своего друга — пастора. О том, что штурман был ранен, Гриффит уже слышал, но о положении полковника Говарда узнал впервые. Когда изумленный этой внезапной новостью молодой человек несколько пришел в себя, он приблизился к ложу полковника и самым искренним голосом попытался выразить свое огорчение и сочувствие.

— Не говорите ничего, Эдуард Гриффит! — прервал его полковник, движением руки призывая к молчанию. — По-видимому, воля божья на то, чтобы увенчать торжеством этот мятеж, и не гордыне людской осуждать дела всемогущего! Мой ослабевший разум не может проникнуть в эту глубокую тайну, но нет сомнения в том, что все свершается по воле непостижимого провидения. Я послал за вами, Эдуард, для дела, которое хотел бы видеть завершенным, прежде чем умру. Пусть никто не будет вправе сказать, что старый Джордж Говард забыл о своем долге хотя бы в последние минуты жизни. Вы видите это плачущее дитя у моего ложа? Скажите мне, молодой человек, любите ли вы эту девушку?

— Нужно ли задавать мне такой вопрос! — воскликнул Гриффит.

— И будете ли вы лелеять ее, замените ли вы ей отца и мать, будете ли вы заботливым охранителем ее чистоты и слабости?

Гриффит, ничего не ответив, схватил руку полковника и лихорадочно сжал ее.

— Я верю вам, — продолжал умирающий. — Хотя уважаемый мною Хью Гриффит и не сумел привить сыну свои верноподданнические чувства, он не мог не сделать из своего сына человека чести. Я имел слабость и, быть может, поступил дурно, проча племянницу за моего несчастного покойного родственника мистера Кристофера Диллона, но мне рассказали, что он вероломно нарушил данное им слово. Зная, что это правда, я отказал бы ему в руке девушки, несмотря на его верность английскому королю. Но он умер, и я тоже собираюсь последовать за ним в мир, где мы будем служить только господу богу. Возможно, для нас обоих было бы лучше, если бы мы больше помнили о своих обязанностях перед ним, служа земным владыкам. Еще одно: хорошо ли вы знаете этого офицера на службе у Конгресса, мистера Барнстейбла?

— Я плавал с ним много лет, — ответил Гриффит, — и отвечаю за него, как за самого себя.

Старик попытался приподняться, что ему в некоторой мере удалось, и устремил на молодого человека пронизывающий взор, который придал его бледному лицу строгое и торжественное выражение. Он продолжал:

— Не рассказывайте мне о нем, сэр, как о товарище ваших беспечных удовольствий, и не рекомендуйте его,

как легкомысленный друг! Помните, что вы высказываете свое мнение умирающему, который спрашивает у вас совета. Дочь Джона Плаудена была вверена моему попечению, и смерть моя будет нелегка, если останется хоть сомнение в том, что тот, кому она дарована, человек достойный.

— Он настоящий джентльмен, — ответил Гриффит, — и человек с сердцем, столь же добрым, сколь и отважным. Он любит вашу воспитанницу, и, как бы высоки ни были качества мисс Плауден, он ее достоин. Как и я, он тоже любит свою родину больше, чем родину своих предков, но...

— Об этом я больше не думаю, — перебил его полковник. — После того, что мне пришлось увидеть сегодня, я верю, что небу угодно даровать вам победу в этой борьбе! Но, сэр, непокорный младший офицер может стать со временем безрассудным командиром. Этот недавний спор между вами...

— Забудьте о нем, дорогой сэр! — воскликнул Гриффит в великодушном порыве. — Он был начат в недобрый час, а теперь все уже прощено и забыто. Барнстейбл сегодня доблестно помогал мне, и, клянусь жизнью, он знает, как честный человек должен обращаться с женщиной!

— Тогда я удовлетворен! — сказал старик, снова опускаясь на подушки. — Позовите его сюда!

Гриффит шепотом распорядился пригласить в каюту мистера Барнстейбла. Это приказание было тотчас передано, и Барнстейбл появился в салоне раньше, чем его друг счел уместным прервать размышления полковника. Все же при входе Барнстейбла полковник Говард снова приподнялся и, к удивлению молодого человека, заговорил с ним — правда, далеко не тем доверчивым и дружеским тоном, которым он обращался к Гриффиту.

— Заявление, которое вы сделали прошлой ночью в отношении моей воспитанницы, дочери покойного капитана Джона Плаудена, сэр, не оставило во мне сомнений о предмете ваших желаний. Итак, джентльмены, вы оба достигли своей цели! Пусть этот почтенный пастор примет от вас брачные обеты, пока у меня есть силы слушать, дабы я мог быть свидетелем против вас на небесах, если вы забудете о своих обязательствах.

— Не сейчас, не сейчас! — прошептала Сесилия. — О, не просите об этом сейчас, дядя!

Кэтрин ничего не сказала, но, глубоко тронутая заботливостью опекуна о ее судьбе, склонила голову на грудь, и слезы покатились из ее глаз.

— Именно сейчас, дитя мое, — продолжал полковник, — иначе я не успею выполнить свой долг. Вскоре я предстану перед лицом ваших родителей, дети мои; если бы я, умирая, не ожидал встретить на небесах достойного Хью Гриффита и честного Джона Плаудена, это значило бы, что у меня нет ясного представления о наградах, ожидающих верных слуг отечества и отважных верноподданных своего короля! Думаю, никто не может обвинить меня в том, что я когда-либо забывал о своих обязанностях перед слабым полом, но сейчас, когда часы для меня уже превращаются в минуты, а я еще не выполнил полностью моего долга, не время для бесполезных разговоров. Я не умру спокойно, дети мои, если мне придется оставить вас здесь, в безбрежном океане, без защиты, которой требуют ваши юные годы и нежные души. Если богу угодно лишить вас опекуна, пусть мое место займут те, кого он сам вам избрал.

Сесилия более не колебалась. Она медленно поднялась и с покорным видом подала руку Гриффиту. Кэтрин позволила Барнстейблу подвести ее к кузине, и пастор, с умилением следивший за всей этой сценой, по знаку Гриффита тотчас открыл молитвенник, из которого он до тех пор выбирал слова утешения для умирающего штурмана, и дрожащим голосом начал читать брачную службу. Обе невесты со слезами на глазах произнесли торжественные обеты голосами, более явственными, чем если бы они прозвучали среди веселой толпы, которая обычно собирается на подобную церемонию. Хотя они безвозвратной клятвой признавали перед всем светом власть над своими чувствами тех, кому вверяли свою судьбу, чувство девичьей робости было подавлено в них горестью перед близкой кончиной дорогого для них человека. Когда обряд был совершен, Сесилия склонила голову на плечо Гриффита, поплакала немного и, подойдя к дивану, снова стала на колени перед умирающим. Кэтрин безвольно ответила на поцелуй Барнстейбла и возвратилась на прежнее место.

Полковник, приподнявшись, внимательно следил за происходящим обрядом и с усердием произносил «аминь» в конце каждой молитвы. С последними словами он упал

на подушки, и на его бледном старческом лице отразилось глубокое удовлетворение.

— Благодарю вас, дети мои, — наконец произнес он. — Благодарю вас, ибо теперь знаю, какие жертвы вы приносили, подчиняясь моим желаниям. Джентльмены, у моего банкира в Лондоне вы найдете бумаги, касающиеся состояния моих воспитанниц, а также мое завещание, Эдуард, из которого вы узнаете, что женились не на бесприданнице. Каким я был воспитателем этих девушек, вы видите своими глазами, а документы из Лондона подтвердят, что и состоянием их я управлял честно.

— Не говорите об этом... Молчите, или сердце мое разорвется от горя! — воскликнула Кэтрин, громко рыдая и раскаиваясь в своих прежних ссорах с добрым опекуном. — Говорите о себе, думайте о себе! Мы недостойны... я, по крайней мере, недостойна ваших забот!

Умирающий ласково протянул к ней руку и продолжал говорить, но голос его с каждой минутой все больше слабел:

— Хорошо, я скажу о себе. Мне хотелось бы, чтобы меня, как и моих предков, похоронили в недрах земли, на освященном кладбище.

— Воля ваша будет исполнена, — прошептал Гриффит. — Я позабочусь об этом.

— Благодарю тебя, сын мой, — сказал старик, — ибо, получив руку Сесилии, ты стал моим сыном. В моем завещании вы увидите, что я освободил и обеспечил всех моих рабов, кроме тех презренных негодяев, которые сами убежали от меня. Они сами себя освободили, поэтому я не обязан это делать. Я отказал кое-что, Эдуард, и своему королю. Надеюсь, его величество соблаговолит принять дар от старого и верного слуги, а вы не будете жалеть о такой безделице...

Последовала долгая пауза, словно умирающий припоминал, все ли свои земные обязательства он успел выполнить, затем он добавил:

— Поцелуй меня, Сесилия, и ты, Кэтрин. Я вижу, у тебя такие же чистые чувства, как и у твоего отца. Мой взгляд слабеет... Где рука Гриффита? Молодой человек, я отдал вам все, что может отдать старый человек... Любите нежно мое дорогое дитя... Мы плохо понимали друг друга... Я ошибался в вас так же, как, по-видимому, и в мистере Кристофере Диллоне. Возможно, я неправильно

понимал и свой долг перед Америкой... Но я был слишком стар, чтобы менять убеждения и взгляды. Я... я любил короля. Да благословит его бог!..

Слова его становились все менее и менее внятными, и он испустил последний вздох, произнося благословение, которое, исходя из столь честного сердца, могло бы заслужить признательность самого гордого из земных властителей.

Тело его перенесли в одну из кают, а Гриффит и Барнстейбл увели своих невест в кормовой салон, где оставили их одних. Сестры сели на диван, стоявший вдоль борта фрегата, и, обнявшись, горько заплакали.

Болтроп был свидетелем всей предшествующей сцены, и, когда молодые люди возвратились в командирский салон, они заметили, что его маленькие жесткие глаза устремлены на них. Они тотчас подошли к своему раненому товарищу, спеша извиниться перед ним за то, что так долго не обращали на него должного внимания.

— Я слышал, вы ранены, Болтроп, — сказал Гриффит, ласково беря его за руку, — но, так как эта рана у вас не первая, думаю, мы вскоре увидим вас на палубе.

— Да-да, — ответил штурман, — вам не понадобится подзорная труба, чтобы разглядеть старый корпус, когда вы спустите его в море. Как вы изволили заметить, я бывал ранен и прежде, и не раз картечь пробивала мои снасти, а то и вырывала кусок-другой из шпангоутов, но на сей раз осколок попал в главную кладовую, и крейсерство мое на этом свете кончено!

— Уж наверное, положение не такое скверное, честный Дэвид, — сказал Барнстейбл. — Насколько мне известно, вы держались на плаву и с большей пробоиной, чем от этого злосчастного выстрела!

— Да-да, — ответил штурман, — но то были пробоины в надстройке, куда мог добраться лекарь, а на этот раз сбиты все переборки, и я чувствую, как в трюме рушится груз. Тарникет уже считает меня мертвецом, потому что, только взглянув на пробоину, сделанную во мне ядром, он тотчас передал меня пастору, словно старый хлам, который годится только в переработку на что-нибудь новое. Капитану Мансону повезло! Кажется, вы сказали, мистер Гриффит, что старика ядром сшибло в море и что смерть лишь один раз успела постучать в двери его каюты, как он уже отправился в путь?

— Его конец был действительно неожиданным, — сказал Гриффит. — Но такой смерти всегда должны ожидать мы, моряки.

— И вот почему тем более надо быть готовым к ней, — решился принять участие в беседе пастор, который говорил тихим, смиренным и даже робким голосом.

Штурман поочередно внимательно оглядел всех находившихся перед ним, а затем после короткого молчания продолжал с покорным видом:

— Ему повезло, но, я думаю, грешно завидовать чужому счастью. Что же касается подготовки, это дело ваше, пастор, а не мое. А так как времени осталось мало, чем скорее вы займетесь этим, тем лучше, и, чтобы избавить вас от лишних хлопот, я скажу вам сразу: не слишком мудрите со мной, ибо, к стыду моему, должен признаться, я никогда не одобрял ученость. Если вы можете обеспечить мне на том свете койку не хуже, чем у меня была на корабле, я буду очень доволен...

Если на лице священнослужителя при этом неожиданном умалении его обязанностей и промелькнула некоторая тень недовольства, она немедленно исчезла, как только он присмотрелся к простодушному выражению лица умирающего штурмана. После долгой и печальной паузы, которую ни Гриффит, ни его приятель не хотели прерывать, пастор сказал:

— Не дано человеку определять милость божью, мистер Болтроп. Что бы я ни сделал, это не изменит воли господней. То, что я сказал вам вчера во время нашей беседы на эту же тему, должно быть еще свежо в вашей памяти, и нет причины, чтобы сегодня я начал говорить с вами по-другому.

— Сказать по правде, я не записываю в свой вахтенный журнал все, что мне говорят, — ответил штурман. — А если я кое-что и запомнил, так это свои собственные замечания: известно, своя рубашка ближе к телу. Это напоминает мне, мистер Гриффит, что одно из сорокадвухфунтовых ядер с трехпалубного корабля перелетело через бак и срезало канат лучшего станового якоря на расстоянии сажени от скобы, да так ловко, как старуха отрезает гнилую нитку пряжи портновскими ножницами! Если вы будете столь добры, что прикажете одному из моих помощников повернуть канат другим концом и заделать в него новый коуш, я тоже когда-нибудь услужу вам.

— Не заботьтесь об этом, — сказал Гриффит. — Будьте уверены, что по вашей части на корабле все будет приведено в порядок. Я сам за этим присмотрю, а сейчас мне бы хотелось, чтобы вы ни о чем не беспокоились и думали о вашей судьбе в мире ином.

— Почему? — упрямо возразил Болтроп. — Я всегда держался того мнения, что чем свободнее у человека будут руки, когда он явится на тот свет, от обязанностей, возложенных на него в мире сем, тем легче ему будет взяться за новое дело. Вот пастор вчера толковал мне, что неважно, хорошо или плохо вел себя человек, лишь бы он укреплял свою совесть подпорками веры. Но я-то полагаю, что такое мнение не должно проповедоваться на судне, ибо оно собьет с толку самую лучшую на свете корабельную команду.

— О, нет... нет... дорогой мистер Болтроп, вы неправильно поняли меня и мою теорию! — воскликнул пастор. — По крайней мере, вы не поняли...

— Может быть, сэр, — мягко перебил его Гриффит, — наш достойный друг и теперь не сумеет понять вас... Нет ли у вас какой-нибудь личной заботы, Болтроп? Быть может, вы выскажете какое-нибудь пожелание насчет своего имущества?

— У него, я знаю, есть мать, — сказал Барнстейбл. — Он рассказывал мне о ней во время ночных вахт. Она, должно быть, еще жива.

Штурман, несомненно, слышал разговор своих молодых товарищей. С минуту он молчал, быстро пережевывая во рту табак, что свидетельствовало об охватившем его волнении. Затем, с трудом приподнявшись на локте, он ответил:

— Да, старуха действительно еще держится за жизнь, чего нельзя сказать о сыне ее Дэвиде. Отец мой погиб во время гибели корабля «Сьюзан и Дороти» за мысом Код... Вы помните это, мистер Барнстейбл? Вы тогда еще были совсем молоды и участвовали в китобойных экспедициях. После того шторма я сам старался обеспечить старухе гладкий фарватер, но житейское плавание все равно далось ей нелегко. Она-то хорошо знала, что такое суровые ветры да неполные рационы.

— И вам хотелось бы, чтобы мы ей передали весточку от вас? — ласково спросил Гриффит.

— Весточку? Как вам сказать... — ответил штурман,

голос которого с каждой минутой звучал все более хрипло и отрывисто. — Между нами никогда не было особых любезностей: она не привыкла их выслушивать, а я — высказывать. Но, если кто-нибудь из вас просмотрит... казначейские книги да разберет, что там написано... на моей странице... пусть постарается передать это старухе... Вы найдете ее на причале с подветренной стороны дома... да, дома номер десять, Корнхилл, Бостон... Я устроил ей хорошую теплую койку — ведь женщине восьмидесяти лет больше чем кому-либо нужна защищенная от непогоды стоянка...

— Я сам позабочусь об этом, Дэвид! — воскликнул Барнстейбл, стараясь скрыть волнение. — Я зайду к ней, лишь только мы отдадим якорь в Бостонской гавани. А так как сумма, оставленная вами, не может быть велика, я поделюсь с ней моими собственными сбережениями.

Штурмана очень тронуло это великодушное предложение. Мускулы его обветренного лица судорожно задергались, и прошла минута, прежде чем он был в состоянии ответить.

— Я знаю, что вы это сделаете, Дик, я знаю, — наконец произнес он, сжимая руку Барнстейбла почти с прежней силой. — Я знаю, что вы бы отдали руку или ногу ради старухи, если бы только это могло помочь ей... матери вашего товарища... которой это не нужно, — ведь я же не сын людоеда... Но только ведь ваш отец не очень вас балует, и в карманах у вас часто бывает мелководье. Где уж вам кому-нибудь помогать... Особенно теперь, когда вас связали с красивой молодой девицей... Теперь вам понадобятся лишние денежки.

— Но я богат, — сказал Гриффит, — у меня собственное состояние.

— Да-да, я слыхал, будто вы можете построить целый фрегат, спустить его в море и вооружить на свои средства, не запуская руку ни в чей карман.

— Даю вам честное слово морского офицера, — продолжал Гриффит, — что мать ваша ни в чем не будет нуждаться, и я буду заботиться о ней, как нежный и преданный сын.

Болтропу, по-видимому, не хватало воздуха. Он приподнялся было на диване, но упал в изнеможении, умирая, возможно, несколько раньше времени из-за тех усилий, которые он употреблял, пытаясь говорить.

— Да простит мне бог мои прегрешения, — наконец произнес он, — и особенно, что я частенько ругал вашу дисциплину. Помните про якорный канат... и присмотрите за нижними реями... и... и... он это сделает, он это сделает! Я отдаю... концы... Да благословит вас всех бог... и да пошлет он вам хорошую погоду и попутный ветер...

Язык его отнялся, но искреннее удовлетворение отразилось на его грубом лице, мускулы которого вдруг сократились, когда на увядшие черты начал медленно ложиться холод смерти.

Гриффит велел перенести тело штурмана в его же каюту и с тяжелым сердцем поднялся на палубу. Во время погони «Быстрый» не был замечен неприятелем. Пользуясь дневным светом и своей малой осадкой, он легко ушел от врага через лабиринт бурунов и подводных рифов. Сигналом ему приказали подойти к фрегату и дали необходимые указания о том, куда держать курс, когда наступит ночь. Теперь английские корабли казались лишь белыми точками в темном море, и, зная, что между ними и фрегатом лежит широкая полоса мелей, американцы больше не считали их присутствие опасным для себя.

Когда все было готово и отданы последние приказания, корабли развернулись и направились к берегам Голландии. Ветер, посвежев к концу дня, изменил с заходом солнца свое направление, и к тому времени, когда небесное светило скрылось из глаз, оба судна шли с такой быстротой, что казалось, будто они погрузились в бездну морскую — так давно скрылся из виду берег. Всю ночь фрегат летел по волнам среди угрюмой тишины, приятной для печальных сестер, до утра не смыкавших глаз. Они горевали не только из-за смерти опекуна, но и потому, что в связи с неотложными делами Гриффита и новыми, принятыми им на себя обязанностями утром они должны были расстаться на неизвестный срок, если не навсегда.

На рассвете зазвучала боцманская дудка, и весь экипаж в безмолвии выстроился на палубе для торжественных похорон погибших. Тела Болтропа, двух-трех младших офицеров и нескольких рядовых матросов, которые умерли от ран в ту же ночь, были по выполнении обычного в таких случаях обряда спущены в море. Затем снова поставили паруса, и корабль заскользил по пустын-

ным просторам, не оставив усопшим никакого памятника среди вечно подвижных морских вод.

Когда солнце поднялось к меридиану, оба корабля вновь легли в дрейф и приготовились расстаться. Тело полковника Говарда было переправлено на «Быстрый», куда перешел Гриффит со своей безутешной женой, в то время как Кэтрин с борта фрегата роняла жгучие слезы в соленую морскую воду. Когда все было готово, Гриффит жестом простился с Барнстейблом, который теперь принял командование фрегатом, и корабль, снова вступив под паруса, пустился в опасное плавание к берегам Америки через узкий Дуврский пролив, мимо бесчисленных английских кораблей, стаями бродивших по Ла-Маншу. Задача эта была трудная, но несколькими месяцами раньше ее успешно разрешил фрегат «Союз», который под тем же звездным флагом преодолел этот путь.

Тем временем «Быстрый» держал курс к берегам Голландии и примерно за час до захода солнца подошел к ним так близко, что Гриффит приказал снова лечь в дрейф. В море спустили легкую шлюпку, и молодой моряк вместе с лоцманом, который перешел на тендер незамеченным и почти невидимым, вышли из каюты на палубу. Лоцман взглянул в сторону берега, словно хотел удостовериться в точном положении судна, а затем обратил взор в сторону моря, к западной части горизонта, желая определить погоду. Не приметив ничего такого, что заставило бы его переменить свое решение, он дружески протянул Гриффиту руку и сказал:

— Здесь мы расстанемся. И, так как наше знакомство не привело к тем результатам, которых мы ждали, забудем, сэр, что мы когда-либо встречались.

Гриффит почтительно поклонился и ничего не сказал.

Презрительно кивнув головой в сторону берега, лоцман продолжал:

— Будь у меня хоть половина флота этой вырождающейся республики, самый гордый из надменных островитян дрожал бы в своем замке и вынужден был бы почувствовать, что нет защиты от противника, который верит в свою силу и знает слабость врага! Но, — быстрым шепотом продолжал он, — это было как Ливерпуль... Уайтхевн... Эдинбург и пятьдесят других. Все прошло, сэр, так пусть оно будет забыто.

Не обращая внимания на устремленные на него лю-

бопытные взгляды матросов, собравшихся посмотреть на его отъезд, лоцман быстро поклонился Гриффиту и, спрыгнув в шлюпку, поставил на ней маленький парус с ловкостью человека, познавшего свою опасную профессию до мелочей. Еще раз, когда шлюпка быстро начала удаляться от тендера, он махнул рукой в знак прощания, и Гриффиту показалось, что даже на расстоянии он различил горькую улыбку, минутным блеском осветившую спокойные черты лоцмана. Долго стоял молодой человек, не спуская глаз с маленькой шлюпки, уходившей в сторону открытого моря. И лишь тогда, когда черная точка исчезла в ярком блеске игравших в волнах косых лучей заходящего солнца, он приказал задраить носовой люк «Быстрого» и привести судно в движение.

Среди экипажа тендера, пока он медленно шел в дружественный порт, много было разговоров о странном появлении таинственного лоцмана во время их последнего набега на берега Британии и о его еще более странном исчезновении среди штормовых просторов Северного моря. Гриффит не улыбался и не подавал виду, что слушает догадки невежественных матросов, пока дозорный не крикнул, что маленькая шлюпка под парусом входит в гавань одновременно с «Быстрым». И лишь тогда, по внезапному и веселому блеску его глаз, можно было понять, какую тяжесть сняла с его души эта приятная новость.

ГЛАВА XXXV

Вожди морей, сходитесь в грозный круг
Пред ложем, где покоится ваш брат.
Храните сон того, кто был вам друг,
И лавр его для вас пусть будет свят.

Строки о Триппе [1]

Может быть, на этом следовало бы опустить занавес над нашей далеко не совершенной драмой и предоставить читателям самим, по мере своих сил и способностей, наделить оставшихся героев соответствующими дарами здоровья, богатства и счастья, как того требуют неуклонные прави-

[1] Трипп Джон (1785—1810) — американский моряк, прославившийся своей отвагой.

ла поэтического правосудия. Но мы не намерены столь холодно расстаться с теми, с кем так долго находились в дружеском общении, и, поскольку все, что осталось рассказать, так же правдиво, как и то, что уже нами изложено, мы не видим уважительной причины, чтобы столь невежливо разделаться с нашими действующими лицами. Поэтому мы предпочитаем, хотя бы в нескольких словах, описать их дальнейшую судьбу, в то же время искренне сожалея, что законные пределы современного романа препятствуют нам поведать о разных веселых и любопытных сценах, которые позволили бы надеяться, что еще какие-нибудь наши грубые наброски оживут под мастерским карандашом Данлапа[1].

Последуем сначала за фрегатом к берегам, от которых нашему ленивому перу, может быть, никогда не следовало бы удаляться, и расскажем в первую очередь о Барнстейбле и его черноглазой Кэтрин, которая то смеется, то плачет, то веселится, но всегда остается любящей женой. Фрегат, пробившись сквозь скопища неприятельских крейсеров, счастливо добрался до Бостонского порта, где Барнстейбл был награжден за свою службу повышением в чине и постоянной должностью командира фрегата.

Всю войну он оставался в этой должности, проявляя большие способности и усердие, и только после заключения мира, укрепившего не только независимость его родины, но и его личную репутацию отважного и талантливого морского офицера, удалился в свое родовое поместье, унаследованное им после смерти отца. Когда федеральное правительство закладывало основание своего нынешнего морского флота, оно обратилось за помощью к капитану Барнстейблу. И еще много лет он провел среди смелых моряков, которые верно служили своей отчизне в годы больших и тяжких испытаний. К счастью, однако, бóльшая часть его службы протекала в мирных условиях, и подле него всегда была Кэтрин, которая, не имея детей, часто пользовалась его согласием делить с ним лишения и трудности морской жизни. Дружно и счастливо прошли они по жизненному пути. Вопреки ироническому предсказанию своего бывшего опекуна, Кэтрин оказалась покорной, верной и нежной женой.

[1] Данлап Уильям (1766—1839) — американский художник, драматург и историк театра, друг Купера.

Юноша Мерри, пока необходимо было за ним присматривать, жил вместе с Барнстейблом и Кэтрин, дослужился до первого чина и первое плавание провел под командованием своего родственника. В зрелые годы из него вышел, как и можно было ожидать по его юности, предприимчивый и отважный моряк, и, возможно, он был бы жив и по сей день, если бы безвременно не погиб на дуэли с иностранным офицером.

Первым шагом капитана Мануэля по возвращении на родину было выхлопотать себе перевод в сухопутные войска. Это ему удалось почти без труда, и вскоре он полностью наслаждался тем, чего так жаждала его душа, а именно — строевыми учениями. Он успел принять участие во всех победоносных сражениях, которыми закончилась война, но испытал и свою долю тягот, перенесенных армией. При реорганизации вооруженных сил его заслуги не были забыты, и он не раз отправлялся на запад с экспедициями Сен-Клера [1] и его более удачливого преемника Уэйна [2]. В конце века капитану Мануэлю с его ротой было приказано охранять небольшой частокол на берегу одной из тех могучих рек, которые образовали границы республики на севере. Британский флаг развевался над валами более основательной крепости, незадолго до этого воздвигнутой напротив, на канадском берегу. Мануэль, человек, строго соблюдавший правила воинского этикета, узнав, что соседним фортом командует пехотный офицер, не замедлил нанести визит этому джентльмену, намереваясь завести с ним знакомство, которое, принимая во внимание их должности, могло оказаться полезным и вполне удобным. Американский служака, спросив о чине своего соседа, не позаботился выяснить его имя, но, когда навстречу ему вышел краснолицый, веселый майор на деревянной ноге, Мануэль тотчас признал в нем старого знакомого по аббатству Святой Руфи — капитана Борроуклифа. Эти достойные офицеры с большим удовольствием возобновили старинную дружбу и вскоре так привязались друг к другу, что стали видеться почти ежедневно. Они построили на одном из островков посредине реки, как на нейтральной территории, бревенчатую

[1] Сен-Клер Артур (1734—1818) — американский полководец, участник войны за независимость США.

[2] Уэйн Антони (1745—1796) — американский генерал, участник войны за независимость США.

хижину, где устраивали попойки и кутежи, подрывая дисциплину своих гарнизонов. Здесь обсуждали высокое качество оленины или курятины, не пренебрегали и мясом различных диких животных, в избытке населявших эти дремучие леса, а в то же время не забывали об обитателях широкой реки, дабы ни в чем не было отказа на частых пиршествах. Расходы для поддержания этой солдатской дружбы стороны несли пополам, и заботы по доставке предметов наслаждения, которые можно было добыть только в тех частях света, где природа была более щедра к человеку, чем в окрестностях их цитаделей, тоже делили поровну. Темный портвейн и все напитки доставлялись в залив Святого Лаврентия, а затем к месту назначения под присмотром Борроуклифа, в то время как Мануэлю целиком была доверена ответственная обязанность по доставке благородного напитка с острова Мадейра. И если Борроуклиф когда-либо позволял себе вмешиваться в дела приятеля, то лишь для того, чтобы напомнить ему о необходимости покупки вина только с южного берега острова.

Младшие офицеры обоих гарнизонов часто толковали между собой о том, в какой битве майор Борроуклиф лишился ноги. Англичане всегда объясняли американцам, что это случилось во время одного из последних сражений на северо-восточном побережье Англии, в отчаянной битве, где Борроуклиф весьма отличился вместе со своей ротой, сражаясь за честь родины. Именно за эту победу он и получил чин майора, не уплатив ни копейки за патент! В этих разговорах оба ветерана — к тому времени они уже заслужили это почтенное звание — обычно из чувства деликатности участия не принимали, но, если подобный разговор заходил под конец обеда, Борроуклиф бросал на своего приятеля-американца весьма выразительный взгляд, давая понять, что он прекрасно помнит их дуэль на утесах, а Мануэль при этом почесывал затылок — у актеров и художников этот жест означает смутное воспоминание. Так проходил год за годом, и мирно жили два пограничных форта, как вдруг идиллия была нарушена скоропостижной смертью Мануэля. Этот строгий ревнитель дисциплины никогда не отправлялся на нейтральный остров, не захватив с собой целого отряда солдат, которых он расставлял там в виде пикета, поддерживавшего линию часовых. Он и приятелю своему со-

ветовал делать то же самое как для поддержания дисциплины, так и для предупреждения всяких неожиданностей со стороны того или иного гарнизона. Но майор пренебрегал подобной предосторожностью и был достаточно добродушен, чтобы не обижаться на недостаток доверия в своем собутыльнике. К несчастью, однажды по поводу очередного поступления напитков разговор друзей затянулся до утра, и Мануэль покинул хижину, направляясь к пикету, в таком невменяемом состоянии, что, когда часовой окликнул его, он забыл пароль и был убит выстрелом солдата, который строевыми учениями был доведен до такого состояния бесчувственности, что ему было совершенно все равно, убивает ли он друга или врага, лишь бы только это не нарушало строгих правил, утвержденных воинским уставом. Капитан, однако, успел перед смертью похвалить часового за его поступок и умер, гордясь перед Борроуклифом строгой дисциплиной, заведенной им у себя в роте.

Примерно за год до этого печального события друзья закупили на южном берегу острова Мадейра бочонок вина, который ко времени смерти Мануэля завершал свой долгий путь вверх по стремнинам Миссисипи и Огайо, так как был отправлен через Нью-Орлеанский порт, чтобы подольше выдержать его под благотворными лучами солнца. Безвременная кончина друга заставила Борроуклифа взять на себя попечение об этой драгоценной реликвии, напоминавшей об одинаковости их вкусов. Испросив у начальства отпуск, он сам направился по рекам навстречу бочонку, чтобы лично проследить за его доставкой. В результате своего усердия он схватил сильную лихорадку, которая обнаружилась в нем в тот день, когда он нашел свое сокровище. Лекарь и майор придерживались разных взглядов насчет лечения этой опасной болезни: один предписывал полное воздержание, а другой — неоднократные возлияния того самого напитка, ради которого он так далеко уехал из дому. Поэтому болезнь была предоставлена самой себе, и через три дня Борроуклиф скончался. Его тело перевезли в форт и похоронили рядом с телом его приятеля в той самой хижине, где они так часто пировали и веселились.

Мы подробно рассказали читателю о жизни этих вождей-соперников, и нам осталось только добавить, что ни у того, ни у другого никогда не было близкой женской

души, и они не оставили после себя ни вдов, ни сирот, которые могли бы оплакивать их смерть. Они были всего лишь простыми смертными и все равно должны были рано или поздно умереть, и, раз свою жизненную карьеру они окончили, когда им исполнилось уже добрых шестьдесят лет, читатель не должен особенно сетовать на нас за несколько трагический конец.

Желая восстановить свою непоколебимую веру, пастор вскоре покинул морскую службу, к большому удовольствию Кэтрин, которая время от времени не забывала напоминать своему почтенному супругу о несоблюдении всех формальностей при их бракосочетании.

Гриффит и его все еще грустившая супруга перевезли тело полковника Говарда в один из главных городов Голландии, где оно и было погребено самым достойным образом. Затем молодой человек отправился в Париж, где, он надеялся, его прекрасная подруга сумеет забыть печальные события последних дней. Там она вступила в переписку со своей приятельницей Элис Данскомб, и дела полковника Говарда были, насколько позволяли обстоятельства, приведены в порядок. Затем, когда Гриффит получил пост, который ему предлагали еще до выхода в плавание по Северному морю, они вместе вернулись в Америку. До конца войны молодой человек продолжал служить на флоте, а затем навсегда оставил военную службу и посвятил остаток жизни обязанностям мужа и доброго гражданина.

Совсем нетрудным оказалось войти во владение поместьями полковника Говарда, который уехал из Америки скорее из гордости, чем по иным соображениям, вследствие чего эти поместья никогда не были конфискованы, и молодые супруги оказались обладателями очень крупного состояния. Здесь мы пользуемся случаем упомянуть, что Гриффит не забыл о своем обещании умирающему штурману и обеспечил его мать до конца ее дней.

Прошло, должно быть, лет двадцать после того короткого плавания, о котором мы постарались рассказать в этой книге. Однажды, когда Гриффит, по обыкновению, рассеянно просматривал лежавшие перед ним газеты, его жена заметила, что он вдруг уронил лист на колени и медленно провел рукой по лбу, как человек, который вспомнил или пытался вспомнить какие-то события и образы, давно стершиеся в его памяти.

— Что в газете так взволновало тебя, Нед? — спросила его все еще прекрасная Сесилия.—Вероятно, теперь, когда наше федеральное правительство уже оправляется от своих потерь, ты увидел какой-нибудь проект основания нового флота?.. Ах, негодник! Ты снова мечтаешь стать морским бродягой и уйти в свой любимый океан!

— Я перестал мечтать о море с тех пор, как ты начала улыбаться, — рассеянно возразил он, не отнимая руки от лица.

— Быть может, нарушается новый порядок? Или Конгресс поссорился с президентом?

— Мудрость и слава Вашингтона помогут нам, пока само время не укрепит новый порядок... Сесилия, помнишь ли ты человека, который сопровождал меня и Мануэля в аббатство Святой Руфи в ту ночь, когда мы стали пленниками твоего дядюшки? Этот человек потом привел большой отряд, освободил нас и спас Барнстейбла.

— Конечно, помню. Говорили, что это лоцман вашего корабля. И я даже помню, как хитрый офицер, в то время гостивший у нас, подозревал, что это человек, гораздо более высокого положения, чем он хотел казаться.

— Подозрения этого офицера были справедливы. Но ты не видела его в ту страшную ночь, когда он вел наш корабль среди мелей! И не могла быть очевидицей того, как хладнокровно и смело он вывел наш корабль через те же самые мели из пекла битвы!

— Я слышала страшный шум и грохот и легко могу себе представить, что происходило на палубе, — ответила его жена. Воспоминания, несмотря на немалое время, все еще были так живы в ней, что бледность покрыла ее щеки. — Но что случилось с ним? Ты прочел его имя в газетах?.. Да ведь это английские газеты! Насколько я помню, ты называл его Грэем?

— Этим именем он назывался среди нас. Это был человек, которым владело романтическое представление о славе и который всегда стремился скрыть свое участие в тех действиях, которые, ему казалось, не могли возвысить его. Когда-то я дал ему торжественное обещание никому не называть его настоящего имени. Этот человек умер!

— Могла ли существовать какая-нибудь связь между

ним и Элис Данскомб? — спросила Сесилия, задумчиво роняя рукоделие на колени. — В ту ночь, когда мы с Кэтрин посетили тебя в твоем заключении, она сама пожелала пойти к нему, и кузина шепнула мне, что они, должно быть, знакомы. Письмо, которое я получила вчера от Элис, было запечатано черным сургучом, и мне было больно читать, с какой грустью, хотя и очень нежно, она пишет о переходе из этого мира в иной.

Гриффит бросил на жену взгляд человека, который внезапно прозрел, и ответил голосом, в котором не было и тени сомнения:

— Сесилия, твои догадки, несомненно, справедливы! Теперь я припоминаю множество подробностей, подтверждающих твои слова. Он прекрасно разбирался в окружающей местности, там прошла его юность, он был хорошо знаком и с аббатством, он предложил ту экспедицию! Да, это был человек необыкновенный!

— Почему он не приехал сюда к нам? — спросила Сесилия. — Он, кажется, был предан нашему делу.

— Его преданность Америке происходила из желания отличиться — его главной страсти — и, быть может, немного из желания отомстить за какую-то несправедливость, причиненную ему, как он говорил, его соотечественниками. Он был человек и, естественно, не лишен слабостей, одной из которых была непомерно высокая оценка собственных подвигов. Но, по правде говоря, они действительно отличались смелостью и были достойны похвалы! Он не заслужил тех обвинений и упреков, которыми осыпáли его враги. Более сомнительна его любовь к свободе, потому что хотя он и сражался за дело свободы наших Штатов, но кончил службой у деспота! И вот он умер. Если бы он жил в другие времена и при других обстоятельствах, когда его совершенное знание морского дела, хладнокровие, спокойствие и даже отчаянная отвага могли быть использованы на службе регулярного и сильного флота, и если бы привычки, привитые ему в юности, научили его более скромно принимать почести, имя его прославилось бы в веках среди того народа, который его усыновил!

— Нед, — немного удивленно воскликнула Сесилия,— ты с таким жаром говоришь о нем! Кто же он?

— Человек, которому я при жизни его обещал хранить его имя, и смерть не освобождает меня от обязанно-

сти держать слово. Достаточно тебе знать, что он помог нам обрести друг друга и что счастье наше рисковало потерпеть полное крушение, если бы мы не встретили на своем жизненном пути таинственного лоцмана Северного моря!

Заметив, что муж ее встал и, аккуратно собрав все газеты, выходит из комнаты, Сесилия больше ничего не сказала, и никогда потом она не говорила на эту тему.

„ЛОЦМАН“ ФЕНИМОРА КУПЕРА

Веселый обед подходил к концу. Было провозглашено немало тостов. Когда гости, собравшиеся осенью 1822 года в гостеприимном доме богатого и образованного нью-йоркского негоцианта и книголюба Чарльза Уилкса, обсудили все литературные новинки, оживленная беседа коснулась едва ли не самой интересной для читателей того времени литературной загадки: кому принадлежат гремевшие на весь мир и выходившие без имени автора романы «Уэверли», «Роб Рой», «Айвенго», «Кенильворт», «Пират» и другие? Ведь тайна авторства Вальтера Скотта будет раскрыта только в 1827 году, а пока читатели двух континентов ломали себе голову в догадках о личности «Великого Неизвестного» и спорили, Вальтер Скотт или кто-нибудь другой создал эти многочисленные шедевры.

Среди гостей Уилкса были представители противоположных точек зрения. Противники теории авторства Вальтера Скотта доказывали, что для него, занятого ежедневно на службе в качестве секретаря Эдинбургского суда, вращающегося постоянно в обществе, выпустившего за короткий срок под своей редакцией многотомные издания Свифта и Драйдена, физически невозможно писать еще и романы. (За один 1822 год их вышло три: «Пивериль Пик», «Похождения Нигеля» и «Пират».) Кроме того, немыслимо, — говорили они, — для человека, проведшего всю жизнь в кабинете, светской гостиной и здании суда, проявить такое исключительное знание моря и всего связанного с ним, которым, на их взгляд, обладает автор «Пирата». Это было последним и для многих решающим доводом.

Скептически относился к этим аргументам один из гостей — друг Уилкса, тридцатитрехлетний мистер Фенимор Купер, последний роман которого (а он и всего-то написал пока только два романа) — «Шпион», опубликованный год назад, имел большой успех в Америке и Европе. Он был убежден, что «Великим Неизвестным» был Вальтер Скотт.

Что касается довода о морской эрудиции автора «Пирата», то, к удивлению присутствующих, Купер заявил, что автор этого романа вовсе не обладает глубоким знанием моря, его познания в морских вопросах могут поразить только сухопутных людей, совершенно чуждых морю и кораблям. Кроме того, собственно морские сцены занимают в «Пирате» сравнительно мало места.

В ответ посыпался новый град аргументов. Не поднимая больше вопроса о морских познаниях автора «Пирата», противники Купера стали утверждать, что именно в том, что в романе «Пират» морских сцен немного, сказался тонкий художественный вкус автора. Разве не ясно, что роман, всецело посвященный морю, был бы интересен только для морских волков, а подавляющая часть обыкновенных читателей заснула бы над этими страницами.

Напрасно оставшийся в одиночестве Купер пытался уверить собравшихся, что морской роман, действие которого будет происходить главным образом в море, герои которого будут моряки, роман, насыщенный морской терминологией, может быть не менее увлекателен, чем роман

на любую другую тему. Присутствующие остались при своем мнении.

Оставался только один способ доказать свою правоту — написать интересный морской роман самому. Вернувшись домой, Купер сказал своей жене: «Я должен написать морской роман. Я покажу, чего может добиться в этом жанре моряк».

Так, по словам дочери Фенимора Купера, возник замысел «Лоцмана». Спор в застольной беседе привел к созданию первого морского романа в мировой литературе.

Как Купер стал писателем? Детство и воспитание вели к тому, чтобы из него получился помещик, юрист или моряк, но отнюдь не деятель литературы.

В огромном поместье на берегу озера Отсе́го стоял выстроенный в готическом стиле дом судьи Вильяма Купера. Пятнадцатого сентября 1789 года у него родился сын — будущий великий писатель.

Судья Купер говорил, что сорок тысяч человек живут на его земле. Со своими арендаторами судья обращался жестоко, угрожал им разорением, лишением участков, если те не будут на выборах голосовать за федералистов — партию крупных землевладельцев, торговой и промышленной буржуазии. Он считал, что управлять страной должны джентльмены, а простой народ должен выполнять их приказания. Демократию, по свидетельству его сына, он ненавидел так же страстно, как дьявола. Он энергично стремился участвовать в политической жизни страны и неоднократно выбирался в законодательные органы.

Но заниматься активно политикой в США в те годы было небезопасным занятием. В 1809 году на одном предвыборном митинге судья Купер получил сокрушительный удар кулаком от своего политического противника и через несколько дней скончался.

Пробыв некоторое время в университете, а затем во флоте и получив после смерти отца свою долю наследства, делавшую его состоятельным человеком, Купер женился и жил с женой спокойной жизнью в своем поместье. Он занимался сельским хозяйством, разводил породистых овец-мериносов, был секретарем местного общества сельского хозяйства, совладельцем китобойного судна, по вечерам играл в шахматы с женой и читал вслух.

Однажды (ему было тогда тридцать лет) Купер читал своей жене только что полученный английский роман. Это было изделие очень модной тогда писательницы, с обязательным нравоучением и счастливым браком в конце. Купер не был противником подобного рода литературы, но на этот раз книга показалась ему невыносимой, и в конце концов он с раздражением швырнул ее на пол, заявив, что может сам написать гораздо лучше. Жена Купера выразила недоверие его беллетристическим способностям, но он рьяно принялся за работу, и приблизительно через год — 10 ноября 1820 года — был опубликован роман «Предосторожность», в стиле английского дамского творчества, с действием, происходившим в Англии.

Так, благодаря столь незначительному случаю началась литературная деятельность писателя, оставившего после себя более тридцати книг, многие из которых принадлежат к лучшим достижениям американской литературы.

Но если случай вложил перо в руки тридцатилетнего помещика и совладельца китобойного судна, то выдающимся писателем Купера сделали современная ему американская действительность, с ее бурными социальными конфликтами, и прошлое Америки, с его борьбой против Англии за независимость и против коренных жителей Американского континента — индейцев, вытесняемых и гибнущих в результате жестокого наступления белых пришельцев.

Лучшее создание Купера — бессмертная эпопея о Кожаном Чулке, состоящая из пяти романов: «Пионеры» (1823), «Последний из могикан» (1826), «Прерия» (1827), «Следопыт» (1840) и «Зверобой» (1841).

Купер был первым североамериканским писателем, достигшим всемирной славы. Уже в 20-х годах прошлого века каждый его новый роман был событием в мировой литературе. Во Франции, где он прожил семь лет (1826—1833), его встречали как мировую знаменитость. Бальзак «рычал от восторга», читая романы Купера. Друг Купера, американский художник и изобретатель, создатель электромагнитного телеграфа, Самюэл Морзе писал в 1833 году: «В каждом европейском городе, который я посетил, произведения Купера были расставлены в витринах каждой книжной лавки на видных местах. Они появ-

ляются в 34 различных местах Европы, как только автор их напишет».

В России творчество Купера было очень хорошо известно и любимо. Белинский причислял его «к немногому числу перворазрядных, великих художников» и с упоением восклицал: «Дивный, могучий, великий художник!» Лермонтов во время своей беседы с Белинским привел того в восторг своими словами, что в романах Купера «несравненно более поэзии, больше глубины и больше художественной ценности», чем в романах Вальтера Скотта.

Меж тем на родине Купера, завоевавшего своим творчеством молодой североамериканской литературе мировое признание, писателя окружала вражда и грубая, переходившая все границы, ругань. Причина была в том, что романист, бывший зорким и глубоким наблюдателем современной ему общественной жизни страны, еще в 30-х годах уловил в ее социальной эволюции грозные признаки. Все возраставшая власть денежных монополий, притеснявших народ и грозивших уничтожить демократические свободы в стране, разгул своекорыстия и стяжательства, обогащение немногих, обнищание масс, печать, на словах провозглашающая себя защитницей демократии, а на деле яростно охраняющая интересы богатеев — такой видел Купер реальность и перспективы американской действительности, и горечь все более и более проникала в его сердце. Уже в 1832 году он писал одному своему другу: «Одно очевидно. Я разошелся с моей страной. Пропасть между нами огромна. Кто кого опередил, покажет время».

Творчество Купера 30-х и 40-х годов содержит резкую критику социальных уродств США и грозное предостережение своим соотечественникам.

Удивительно ли, что позднее творчество Купера встречало непризнание и поношение! «Ни один из когда-либо рождавшихся в Америке писателей, — пишет один из биографов Купера, — не был так непопулярен, как Купер. В течение долгих лет над его головой бушевал шторм ругательств и оскорблений, который по неистовству и злобе не может сравниться ни с чем подобным в истории американской, а может быть, и мировой литературы».

Разнузданность американской буржуазной прессы в ту эпоху не знала предела. Новые произведения Купера

или совсем замалчивались, или встречали в печати такие оценки: «куча литературного мусора», «идиотская книга», «литературный вздор». Самого писателя на протяжении многих лет оскорбляли в газетах на все лады: «самодовольный глупец», «болван», «гадюка, которую мы согревали на своей груди, оскверняющая своим присутствием берега Америки», «абсолютная бездарность», «субъект, который должен быть пойман и посажен в клетку, ибо совершенно очевидно, что он взбесился», — вот далеко не полный перечень того, что пришлось прочесть о себе великому американскому писателю в прессе родной страны.

Издатели с трудом соглашались печатать Купера. Его книги, встречавшиеся или молчанием, или руганью, плохо раскупались. А его сограждане — жители Куперстауна — приняли даже постановление об изъятии книги «Дóма» из местной библиотеки и оскорбляли писателя на улице.

Купер не поддавался травле, которая велась против него, но она окрасила в мрачные тона последние годы его жизни. Наделенный от природы крепким здоровьем, он стал много хворать и умер в Куперстауне 14 сентября 1851 года. Отношение к его творчеству в США и сейчас нередко поражает своим высокомерным пренебрежением и слепотой. «Интеллигентные читатели считают, что они больше не могут читать Купера», — было написано в одной недавно выпущенной в США истории американской литературы.

* * *

Есть ли возможность установить, когда происходит действие романа «Лоцман»? На этот вопрос можно дать ответ на основании некоторых косвенных указаний в тексте.

Упоминание полковника Говарда о графе Корнваллийском, сражающемся с мятежниками, позволяет судить, что речь идет о 1780 или 1781 годах, в течение которых этот английский вельможа командовал английскими силами на юге Соединенных Штатов. Сначала его действия проходили успешно и могли радовать верноподданническое сердце полковника (вспомним его восклицание: «Дела наши поправились!»), но впоследствии соединенные силы американских и сражавшихся с ними вместе

французских войск заставили его вместе с семитысячной армией капитулировать в Йорктауне (19 октября 1781 года). Капитуляция графа Корнваллийского, по существу означавшая конец военных действий, привела к падению английского правительства.

Английский король Георг III, — сообщают историки,— написал было текст отречения от престола, но потом раздумал, пригласил к себе друга американцев, ненавистного ему лорда Рокингема и поручил ему возглавить новый кабинет и заключить мир. Переговоры о мире закончились мирным договором, подписанным в Париже 3 сентября 1783 года.

Кристофер Диллон упоминает о волнениях в Лондоне, в ходе которых было выдвинуто требование, «чтобы министры его величества приняли необходимые меры предосторожности». Это антикатолические волнения, известные под названием «бунт лорда Гордона» и ярко описанные в романе Ч. Диккенса «Барнеби Радж». Они происходили в июне 1780 года. Таким образом, можно установить, что события, описанные в романе, относятся к завершающей стадии борьбы за независимость США.

Стремясь приурочить действие романа к определенному хронологическому отрезку, следует, однако, не забывать об особенности творческого метода Купера, не считавшего большим преступлением анахронизмы, нарушающие точную историческую достоверность, но обладающие, как писал Купер в предисловии к другому своему роману — «Лионель Линкольн», «гармонией поэтического колорита». В частности, к таким анахронизмам следует причислить употребление полковником Говардом по отношению к восставшим американцам слова «якобинец», так как это слово, примененное к лицам, сочувствовавшим французской революции, засвидетельствовано в английском языке впервые в 1793 году, когда «якобинец» стало для английских реакционеров бранной кличкой.

Действие романа с момента первого появления «Ариэля» и фрегата у английских берегов до того, когда маленькая шлюпка, уносившая с собой загадочного лоцмана, исчезает в волнах Северного моря, продолжается пять суток, но сколько бурных и стремительных событий происходит за этот короткий срок!

Было бы ошибкой считать «Лоцман» чисто приклю-

ченческим романом. Личное и общественное, семейное и государственное, приключенческое и историческое сливаются в романе в единое целое. В нем все время ощущается близость великих исторических событий.

Война за независимость, которую Ленин назвал «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн» [1], эта «война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку» [2], хотя и не составляет в «Лоцмане» центра событий, как это мы видим в другом замечательном романе Купера — «Шпион», но именно она является той главной причиной, которая определяет собой все основные поступки и судьбы героев.

Война за независимость заставила полковника Говарда покинуть его заокеанские поместья и привела его вместе с Кэтрин и Сесилией под кровлю аббатства Святой Руфи; эта война направила «Ариэль» и фрегат к английским берегам; из-за нее появился загадочный лоцман на борту корабля, произошли морские сражения, погибли одни действующие лица и нашли свое счастье другие.

Итак, «Лоцман» — приключенческий и историко-патриотический роман. Но, кроме этого, он роман стихии — моря, как романы о Кожаном Чулке — романы леса.

Наряду с разнообразной вереницей героических и комических персонажей «Лоцмана» еще и другие персонажи — совсем другой природы — участвуют в романе. Они не совсем обычны в литературе, и, тем не менее, они бесспорно являются полноправными героями романа, и их участие намного увеличивает его своеобразие и оригинальность.

Эти герои, ранее почти неизвестные литературе,—бурное и полное опасностей море и несущийся по нему гордый красавец корабль. До появления «Лоцмана» казалось, что морской роман не может быть интересен. Мы уже приводили суждения об этом гостей Чарльза Уилкса. Сам Купер рассказывает, что во время работы над «Лоцманом» многие его знакомые предсказывали пол-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 28, стр. 44.
[2] Там же.

ный провал романа; дамы говорили, что книга о море будет пахнуть затхлой водой и вызывать у читателей морскую болезнь. Эти зловещие предсказания едва не заставили автора бросить работу, но воля и упорство пересилили, и 7 января 1824 года роман (помеченный 1823 годом) появился в свет.

Море, некогда только разобщавшее людей, бывшее главным препятствием их связям, покоряясь прогрессу техники, мало-помалу превратилось в один из главных путей сообщений. Великие океанские пути один за другим становились новыми маршрутами человеческой цивилизации. Уже приближалась эра парового флота — в 1807 году совершил свой первый рейс колесный пароход, но все еще основным средством морских сообщений и морских войн оставались гордые парусники, бороздившие моря. Власть человека над морем росла, но как часто во время бурь происходили кораблекрушения и шли ко дну корабли, наполненные людьми и ценным грузом!

Все возраставшее значение моря в человеческой жизни и культуре не могло не привлекать внимания художников, композиторов и писателей. Издавна поражавшее человека величие морской стихии властно требовало отражения в искусстве, но только с начала XIX века — с эпохи романтизма — морская тема стала полноправно входить в искусство и литературу. У Купера были предшественники, но именно он впервые сделал в «Лоцмане» море и корабль настоящими участниками большого прозаического произведения.

Море в «Лоцмане» не пассивный фон происходящих событий, а могущественная стихия, равноправно действующая в романе со всей красотой, мощью, величием и грозной, разрушительной силой. В многочисленных прекрасных пейзажах Купер рисует море то полным зловещих признаков приближающейся бури, то беснующимся во мраке ночи, под свист и рев ветра в корабельных снастях и стремящим навстречу скалам и бурунам героически борющийся корабль, то лениво дремлющим на восходе солнца, льющего свой серебристый свет на безбрежную морскую гладь и четко вырисовывающийся на горизонте красавец фрегат.

Тесно связана с морем в «Лоцмане» и тема корабля. Корабли в романе играют не только служебную роль, а

являются, в особенности «Ариэль», подлинными героями повествования. Читатель не забудет ярких и красноречивых описаний, посвященных красоте этих пенителей моря и проявляемому ими (а не только людьми, составляющими их экипаж!) героизму. Корабли в «Лоцмане» — нечто бóльшее, чем сооружение, предназначенное для плавания на воде и перевозки людей и груза. Они наделяются Купером признаками, свойственными только живому существу. «Ариэль» скользит по волнам, как водяная птица в поисках места для ночлега; покачивается легко и спокойно, как спящая чайка; а фрегат в опасный момент величаво выпрямляется, как бы приветствуя поклоном могучего противника, с которым ему предстоит вступить в схватку. Неудивительно, что во время боя корабль дрожит как осиновый лист, а английский фрегат, оценив неравенство сил, в отчаянии направляется прямо на врага. В момент гибели «Ариэля» трепет, охвативший судно, напоминает агонию живого существа, и вполне естественно, что Том Коффин считает необходимым облегчить «Ариэлю» его смерть. Сам Том любит корабль, на котором он плавает, как самого себя, и погибает вместе с «самым прекрасным судном, которое когда-либо рассекало волны», как с любимым существом. Если юноша Мерри считает, что моряк любит свое судно так же, как отец любит своего ребенка, то Барнстейбл, соглашаясь с ним, в то же время поправляет его: «Да-да, и даже более».

Купер-моряк сказался в подробных и увлекательных описаниях маневров, эволюций кораблей, а также в драматических и ярких рассказах о сражениях, ведущихся между этими (иначе не скажешь) одушевленными существами. В описаниях, насыщенных деталями и морской терминологией и все же читающихся с живейшим интересом, проявился личный опыт Купера, отразилось то, что он в семнадцатилетнем возрасте плавал в течение года матросом на торговом судне, а потом был мичманом на галиоте «Везувий». Недаром Белинский писал о Купере: «Ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля, как искусный капитан — он умеет управлять им и нападая на неприятельское судно и убегая от него. На тесном пространстве палубы он умеет завязать самую многосложную и, в то же время, самую простую

драму, и эта драма изумляет вас своею силою, глубиною, энергиею, величием».

Желая проверить точность своих описаний, Купер прочел большую часть рукописи одному старому, опытному моряку. Проба оказалась удачной. Суровый и требовательный слушатель с величайшим вниманием выслушал чтение и выражал свое одобрение кивками головы. Только один раз он не усидел на месте, поднялся и начал ходить по комнате с каким-то лихорадочным волнением. Наконец он прервал чтение Купера и с беспокойством сказал ему: «Все это хорошо, но поспешите же отдать паруса на фоке!»

Купер, довольный результатом опыта, согласился с замечанием своего критика и поспешил отдать лик-трос на большом фоке.

Поэт-декабрист В. Кюхельбекер, читавший «Лоцмана» в свеаборгской крепости, восхищался увлекательностью и драматизмом борьбы фрегата с бурей: «Глава 5-я первого тома, в которой изображен трудный, опасный проход фрегата между утесами ночью в бурю, должна быть удивительна, потому что даже меня, вовсе не знающего морского дела, заставила принять живейшее участие в описанных тут маневрах и движениях».

Но, разумеется, всей этой красотой, жизненностью и героизмом корабль обязан своему мужественному и самоотверженному экипажу. Тяжел был труд людей, служивших в парусном флоте, и много усилий и жертв требовали его своеобразная красота и военная доблесть. Роман Купера дает яркие, незабываемые образы моряков: от капитана до простого «труженика моря» — матроса, ведущего нелегкую жизнь, умеющего остро и крепко пошутить и нередко отдающего свою жизнь при кораблекрушении или в кровавом бою.

Но наиболее ярким — быть может, даже самым ярким — образом романа следует признать рулевого Тома Коффина — вообще одно из самых блестящих достижений в обширной портретной галерее, созданной Купером.

Неотделимый от морской стихии и кораблей, на одном из которых он родился, он встречает гибель вместе с «Ариэлем», так как без любимого судна не желает жить. Невозмутимо хладнокровный и героический, простодушный и доверчивый, он, чья прямая и честная душа

неспособна на вероломство и предательство, не может допустить их даже у таких негодяев, как Диллон. Полный характерных для моряка тех времен суеверий, он живет жизнью моря и корабля и не питает симпатии к суше — этой, по его мнению, едва ли необходимой части нашей планеты. Если бы Тому довелось выступать в роли создателя Земли, он устроил бы ее совсем иначе.

Характеристика незабываемого образа Тома Коффина была бы не полна, если не сказать о важнейшей его черте — демократичности, народности образа старого рулевого. Он беден: все многочисленные плавания и исключительное морское мастерство Тома не принесли ему хотя бы скромной обеспеченности. «Денег у бедного Тома Коффина, — говорит он, — тогда было не больше, чем сейчас, и не больше, чем будет». Приводя эту фразу, Купер дает представление о социальной пропасти, разделяющей Тома, уходящего в морскую могилу таким же бедняком, каким он родился, и наследника большого состояния — Гриффита, который может построить целый фрегат и вооружить его на свои собственные средства, не прибегая ни к чьей помощи, а также Барнстейбла, получающего поместье после смерти отца. Романист не подчеркивает это имущественное неравенство и не морализирует по поводу него. Да и сам он — сын богатого помещика, получивший по наследству крупное состояние, — считал нормальным и естественным, что Гриффиту достается вместе с рукой Сесилии крупное состояние в виде не конфискованных американской революцией обширных поместий полковника Говарда. Но как настоящий честный и зоркий художник он не забывает отметить эту важную черту.

По сравнению с исключительной убеждающей силой образов Тома Коффина, полковника Говарда, а также Болтропа и некоторых других персонажей, быть может, несколько меркнет по своей художественной выразительности центральный герой романа — таинственный лоцман.

Образ лоцмана недаром сопоставляли с некоторыми байроновскими героями — например, с Конрадом из «Корсара». Мощное воздействие английского поэта, пользовавшегося в годы появления «Лоцмана» все-

мирной славой, действительно ощущается в образе героя куперовского романа. Как и байроновские герои, он внезапно и несколько театрально появляется из мрака и исчезает в неопределенной, загадочной дали, среди штормовых просторов Северного моря. Его прошлое неизвестно и освещается лишь немногочисленными неясными намеками, его будущее скрыто, и только известие о его смерти, не освобождающее от обязанности хранить его имя в тайне, дает представление о его судьбе. Его подлинное имя скрыто от читателя, и только нарочито скромная кличка «мистер Грэй» («серый»), так не вяжущаяся с его незаурядностью и исключительностью, дана ему на страницах романа.

Конечно, он по-своему ярок. Недаром Белинский причислял его к куперовским образам, «исполненным оригинальности и интереса». Невозмутимый и непостижимый, хладнокровный и отважный, всемогущий и неуязвимый, выступающий всегда в решающие моменты, а до того держащийся в тени, изумительный мастер вождения корабля, не снимающий с себя маски холодной сдержанности, неизменно хранящий мрачное и безнадежное спокойствие, он парадоксально соединяет в себе любовь к свободе и ненависть к деспотизму с разочарованностью в людях, неутоленным честолюбием и тщеславием, стремлением к почестям и гордостью знаками внимания, которыми его осыпали французский король и королева.

В какой мере оправдано это странное на первый взгляд соединение столь противоречивых черт? Но здесь следует сказать о человеке, послужившем прототипом образа лоцмана.

Во время войны за американскую независимость всеобщее внимание привлекали к себе отважные подвиги находившегося на американской службе капитана Поля Джонса.

Сын садовника, он родился в Шотландии в 1747 году и носил имя Джон-Поль. Джоном-Полем Джонсом он стал называть себя с двадцатишестилетнего возраста. Двенадцатилетним мальчиком он переселился в Америку, где был матросом, затем старшим помощником капитана, а впоследствии капитаном на невольничьем судне «Два друга».

После начала освободительной войны за американ-

скую независимость он предложил свои услуги восставшим и в 1775 году был назначен лейтенантом на корабль «Альфред».

После этого его имя быстро приобрело известность. Им был захвачен ряд «призов» — купеческих кораблей под флагом противника. В 1778 году, командуя восемнадцатипушечным корветом «Ренджер», на котором впервые развевался незадолго до того учрежденный решением североамериканского Конгресса современный флаг Соединенных Штатов — «Stars and Stripes» («Звезды и Полосы») [1], он высадился на английском берегу и предпринял попытку захватить в виде заложника лорда Селкирка.

Попытка эта не увенчалась успехом, так как Селкирка не оказалось в замке, куда нагрянул Поль Джонс со своим отрядом. Ввиду отсутствия лорда добыча отряда выразилась в большой коллекции фамильных серебряных блюд, стоимость которых потом пришлось вернуть супруге лорда Селкирка вместе с красноречиво написанным письмом. Именно этот исторический эпизод с попыткой захвата заложников, но совершенно измененный, послужил основой для завязки «Лоцмана».

В 1779 году Поль Джонс на корабле «Простак Ричард», во главе небольшой эскадры, крейсировал вдоль английских и шотландских берегов и захватил немало ценных «призов». Его имя наводило ужас на прибрежное население.

Вальтер Скотт, бывший тогда ребенком, впоследствии вспоминал, как его мать вооружалась барабаном, чтобы бить тревогу в случае высадки Поля Джонса.

Двадцать третьего сентября 1779 года под Флэмборо-Хед отряд Поля Джонса встретил караван англий-

---

[1] Так как количество звезд на флаге США должно соответствовать количеству штатов, а штатов тогда было не 50, как сейчас, а только 13, то и звезд на флаге «Ренджера» было 13. Постановление Конгресса о новом государственном флаге и назначение Джонса капитаном «Ренджера» были приняты в один день — 14 июня 1777 года и находились на одной и той же странице. Это дало повод Джонсу называть себя и американский флаг близнецами, родившимися в один и тот же час и день, и заявлять, что только смерть может разлучить их. Но впоследствии Джонс служил флагу Российской империи.

ских купеческих судов, шедших из Балтийского моря под конвоем сорокачетырехпушечного фрегата «Серапис». Произошедший ожесточенный морской бой принадлежит к самым знаменитым в истории парусного флота. Поль Джонс атаковал англичан и заставил их сдаться, в полной мере проявив свою смелость, присутствие духа и исключительное искусство. О сражении при Флэмборо-Хед упоминает капитан Борроуклиф в разговоре с Диллоном.

После этой победы имя Поля Джонса, ставшее полулегендарным, гремело по обе стороны Атлантики. Русские газеты давали подробные описания боев «Павла Ионеса» (то есть Поля Джонса). Французский король Людовик XVI (Франция, враждовавшая в то время с Англией, была союзником США в их борьбе за независимость) наградил Джонса золотой шпагой и орденом за военные заслуги. Читатели «Лоцмана» обнаружат упоминание о королевских подарках Джонсу в главе XIV, в которой Элис Данскомб проявляет, по воле автора, большую историческую прозорливость и предугадывает судьбу французской королевы Марии-Антуанетты.

В том же 1779 году, командуя кораблем, носившим уже знакомое читателям «Лоцмана» название «Ариэль», Джонс заставил сдаться английский двадцатипушечный корабль «Триумф». Заключение в 1783 году мира между Англией и США лишило Поля Джонса возможности продолжать свои подвиги. Он был недоволен недостаточностью в оценке его заслуг Соединенными Штатами и, предложив свои услуги русскому правительству, был назначен в 1788 году контр-адмиралом русского флота. Флаг его был поднят на фрегате «Владимир», но в русско-турецкой войне Полю Джонсу не удалось повторить свои прежние блестящие победы. Интриги врагов заставили его уже в 1789 году покинуть Россию, и, получив двухгодичный отпуск, после которого он уже не вернулся на русскую службу, Поль Джонс уехал во Францию.

Восемнадцатого июля 1792 года он умер в Париже от водянки. По некоторым источникам, за неделю до смерти ему было предложено стать адмиралом французского флота.

Этот замечательный моряк неоднократно заявлял о своей ненависти к тирании, любви к свободе, готовно-

сти бескорыстно обнажить свою шпагу в славной борьбе за права человека и отдать свою жизнь, если бы такая жертва привела к восстановлению мира между народами.

С другой стороны, все писавшие о Поле Джонсе единодушно отмечают его высокомерие, тщеславие, обидчивость, стремление к знакам отличия от коронованных особ. Герой американской революции уживался в нем с авантюристом.

Таков был человек, послуживший прототипом куперовского лоцмана. Купер не ставил своей целью точно воспроизводить факты из биографии Поля Джонса, но характер его в романе изображен правильно, и в заключающих книгу словах Гриффита о таинственном лоцмане Северного моря заключена верная оценка противоречивых качеств этого незаурядного и сложного человека.

Можно добавить, что после выхода «Лоцмана» романтическая фигура Поля Джонса пленила воображение ряда крупных писателей: А. Дюма-отца, Германа Мелвилла и некоторых других, сделавших его героем своих произведений.

Сам Купер касался знаменитого моряка не только как романист в «Лоцмане», но и как морской историк в «Истории флота Соединенных Штатов» и в «Жизнеописаниях выдающихся американских морских офицеров», где он отмечал и незаурядные достоинства Поля Джонса, и его непомерное честолюбие, и стремление к почестям.

* * *

Атмосферу романа, его душевный строй характеризует соединение комического и трагического, что можно сказать почти о всем творчестве Купера. Комическое мастерство Купера часто несправедливо недооценивали даже дружески расположенные к нему критики и писатели. Например, Бальзак, считавший Купера великим художником, в то же время отказывал ему в даре комизма. Но едва ли эта точка зрения правильна.

Для Купера мир — в сочетании комического и трагического, веселого и мрачного, патетического и вызывающего улыбку и смех. Действительность куперовских

романов не одноцветна, она переливает если и не всеми цветами радуги (за пределами творчества Купера все-таки остаются важные стороны и грани действительности), то радует читателя многообразием своих оттенков и переходов.

Комическое в «Лоцмане» представлено в первую очередь «морским» восприятием мира Томом Коффином и образами капитана Борроуклифа и его противника и друга капитана Мануэля. Постоянные поединки с мадерой капитана Борроуклифа привели даже в конце концов к преждевременной смерти этого достойного представителя сухопутных войск. Но в то же время капитан Борроуклиф не предмет для осмеяния, подобно специально комическим персонажам старой комедии. Он храбр, умен, зорок и проницателен. Именно он разоблачил маскарад Мерри и проник в тайные планы Кэтрин и Барнстейбла.

Но комическое в «Лоцмане» неразрывно слито с трагическим. Гибнут Том Коффин, штурман Болтроп, капитан Мансон, полковник Говард, погибает и негодяй Диллон. Смерть подводит неумолимый итог их существованию, ставит последнюю и окончательную оценку всему, что составляет основное в человеке, — его мыслям, чувствам, убеждениям и поступкам.

Вот полковник Говард. Он прожил жизнь благородным джентльменом, честным, доверчивым человеком и в то же время убежденным монархистом, противником «предательских мятежей», врагом республиканцев. Мы видим, как ожесточенный фанатизм реакционера приводит этого по существу доброго и гуманного человека к изуверским высказываниям: «...если правительству будет угодно учредить в колониях судебную комиссию и ввести в ее состав старого Джорджа Говарда, то будь я проклят, если через год в живых останется хоть один мятежник!» Он даже сам готов превратиться в палача, когда будет приводиться в исполнение смертный приговор, который ждет всех изменников, — так велика его ненависть к мятежам.

Но вот наступает его конец. Перед смертью ему приходится испытать самое тяжелое из разочарований, какие могут выпасть на долю человека: понять в последнюю минуту тщетность и недостижимость всего самого дорогого и задушевного для него — своих политических

идеалов. «После того, что мне пришлось увидеть сегодня, — говорит умирающий полковник, — я верю, что небу угодно даровать вам победу в этой борьбе!.. Возможно, я неправильно понимал и свой долг перед Америкой...» И старый роялист уходит из жизни с горьким сознанием краха своих убеждений, которые он уже не может изменить.

Если в «Лоцмане» и ощущается порой некоторая архаичность и условность хотя бы в размеренных периодах Элис Данскомб, не свободных от налета книжной риторики, и в длинных, красноречивых диалогах, которыми обмениваются действующие лица в моменты самой острой опасности, то в целом все-таки преобладает впечатление свежести, ясности, чистоты, благородства и уважения к мужеству и героизму простого трудового человека.

Действительность «Лоцмана» серьезна, героям угрожают опасности, от которых может спасти только крайнее напряжение сил. Но, несмотря на патетические и трогательные картины гибели хороших и достойных людей, атмосфера романа до конца остается светлой. Виден оптимизм автора, знающего, что достижение великих целей требует больших жертв. Взор писателя еще не омрачен разладом с родиной, тяжелыми картинами настоящего и будущего родной страны. Он верит, что жертвы не напрасны. Он еще считает, что американская революция — день рождения американской нации — была эрой, когда «разум и здравый смысл начали вытеснять обычаи и пережитки феодализма в управлении судьбами народов».

Роман «Лоцман» подводит нас к преддверию морского романа. С него начался весь многообразный расцвет этого распространенного и популярного особенно в английской и американской литературах жанра.

Марриэт и Э. Сю, Майн Рид и Р. Л. Стивенсон, Г. Мелвил, Дж. Конрад, Дж. Лондон и другие творцы многочисленных произведений о морских приключениях и романтике моря — все они в той или иной степени следуют за Фенимором Купером. Тайна увлекательности морской стихии, людей моря и жизни корабля открыта Купером — в этом крупнейшая историческая заслуга «Лоцмана». «Лоцман» начал собой и серию морских романов самого Купера.

Этот роман о парусном флоте живет полноценной жизнью в наше время, потому что в нем дышит поэзия стихии, впервые получившей голос в литературе, и живет неумирающая сила героизма, любви к родине и трудового мастерства простых людей далекого прошлого.

А. Наркевич

Приложение

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

А

Абордаж — морской бой, при котором суда противника сходятся вплотную и сцепляются для рукопашной схватки. **Взять на абордаж** — захватить судно противника в абордажном бою.

Абордажные пики и сабли — холодное оружие, употребляемое в абордажных боях (см. «Абордаж»).

Адмиралтейство (британское) — административный и командный орган, которому подчинены все морские силы Англии; по существу — морское министерство.

Б

Багор — входящий в снаряжение шлюпки деревянный шест с наконечником, имеющим два острия: одно прямое — для отталкивания, другое крючком — для подтягивания.

Бак — часть верхней палубы судна от носа до передней мачты (фок-мачты). В прежние времена бак обычно служил местом, где собирались для отдыха и разговоров матросы, так как на нем разрешалось курить. В настоящее время баком (или полубаком) называют возвышенный уступ в носовой части судна, идущий от форштевня (см. «Форштевень»).

Бакборт — левая сторона, левый борт судна (если смотреть с кормы на нос).

Бакштаг — здесь: курс судна, при котором ветер дует ему сзади, но не прямо в корму, а несколько сбоку. Различают **полный бак-**

штаг — когда направление ветра близко к направлению движения судна, и **крутой бакштаг** — когда ветер имеет направление ближе к боковому. **Бакштагами** называют также снасти, удерживающие с боков и сзади верхние продолжения мачт — стеньги (см. «Стеньги»).

Балласт — груз, укладываемый в нижней части судна для придания ему на воде устойчивости, или, как говорят моряки, остойчивости, то есть способности, будучи накрененным ветром или волной, возвращаться в прямое положение.

Балтийский конвой — здесь: конвой, охранявший английские торговые суда, совершавшие рейсы в Балтийское море (см. «Конвой»).

Банка — здесь: сиденье в шлюпке. В описываемые времена заднее сиденье в шлюпке, предназначавшееся для офицера, часто делалось мягким. Слово «банка» означает также возвышенный участок морского дна среди более глубокого места.

Баркас — большая многовесельная шлюпка.

Батарейная палуба — во времена парусного флота вторая сверху закрытая палуба, на которой размещалась главная орудийная батарея судна.

Бачок — металлическая посуда, в которой на кораблях раздается пища матросам. К одному бачку прикрепляются несколько человек, причем тот из них, который получает на всех пищу, называется **бачковым. Товарищи по бачку** — матросы, прикрепленные к одному бачку.

Бегучий такелаж (см. «Такелаж»).

Бейдевинд — курс судна, при котором ветер дует ему не сзади и не сбоку, а несколько спереди. Различают **полный бейдевинд** — когда ветер почти боковой, и **крутой бейдевинд** — когда судно идет почти против ветра под весьма острым углом к нему. Наиболее крутой бейдевинд, которым могут ходить парусные суда, составляет около 45 градусов.

Бизань-мачта — самая задняя мачта на трех- и более мачтовом судне. **Показать свою бизань** — то есть повернуться к кому-либо кормой; здесь: как насмешка, в смысле повернуться спиной.

Битенг — одиночная деревянная или металлическая тумба для крепления за нее троса.

Бомбарды — старинные пушки, метавшие каменные ядра. Здесь: иронически об орудиях фрегата.

Бом-брамсели — четвертые снизу прямые паруса на судах с прямым вооружением (см. «Вооружение»).

Бороться за ветер — маневрировать таким образом, чтобы оказаться в более выгодном положении по отношению к ветру, чем неприятель, и выиграть у него в скорости.

Бортовые сетки — специальные ящики с внутренней стороны фальшборта, в которые на парусных судах для лучшей защиты от неприятельских пуль и ядер укладывались матросские койки, увязанные в плотные тугие свертки.

Боцман — старшина команды, непосредственный начальник матросов, отвечающий за производство судовых работ и содержание судна в чистоте и порядке.

Боцманская дудка — свисток особого устройства для дачи сигналов и команд по кораблю. Этим свистком обычно снабжается младший командный состав, находящийся на вахте.

Брасы — снасти, с помощью которых разворачиваются в горизонтальном направлении реи (см. «Реи»). **На брасах стоять** — команда приготовиться поворачивать реи. **Брасопить реи** — ворочать реи с помощью брасов, выводя их из прямого положения. **Отбрасопить реи** — возвращать реи в прямое (или близкое к нему) положение.

Брейд-вымпел — вымпел командира небольшого соединения кораблей (если он не состоит в адмиральском звании).

Бригантина — двухмачтовое судно с прямыми парусами на передней, то есть фок-мачте, и косыми парусами на задней, то есть грот-мачте. Название это происходит от английского слова brigand, то есть разбойник, поскольку бригантины, отличавшиеся скоростью хода и маневренностью, были излюбленными судами морских разбойников — пиратов.

Бриз — прибрежный ветер, меняющий направление два раза в сутки. Дневной бриз дует с суши, ночной — с моря.

Брифок — прямой парус на судах с косым вооружением, поднимаемый на передней, то есть фок-мачте при попутном ветре (так как косые паруса из-за наличия вант нельзя поставить строго поперек судна).

Буксир — трос, на котором одно судно тянет за собой (буксирует) другое. Слово **«буксир»** означает также судно, специально предназначенное для буксировки других судов. **Взять на буксир** — подать буксирный трос на другое судно и тащить его за собой.

Бульверк — утолщенное ограждение борта, возвышающееся по краям верхней палубы, с отверстиями (портами) для орудий. Служит для защиты экипажа от вражеских ядер и волн.

Бушприт — наклонная или горизонтальная мачта, торчащая вперед с носа корабля. Обычно бушприт делается составным, причем

его продолжение называется утлегарем. На малых судах бушприт иногда бывает выдвижной. Бушприт служит для крепления тросов (штагов), удерживающих спереди фок-мачту с ее стеньгами, и вынесения вперед части косых парусов — кливеров и стакселей.

В

Ванты — снасти, удерживающие мачты и их верхние продолжения — стеньги — с боков. Стоящие рядом вантины, то есть тросы, образующие ванты, соединяются поперечными ступеньками — выбленками, по которым матросы поднимаются на мачты и реи.

Вахта — дежурство на судне, обычно трехсменное. **Выставить обычную вахту** — то есть приступить к нормальному дежурству, оставив для несения вахты часть экипажа, а остальных отпустить отдыхать. (По боевой тревоге несение обычной вахты нарушается.)

Вахтенный журнал, или, как его еще называют, **судовой журнал**, — книга, в которую в хронологическом порядке из вахты в вахту записываются все обстоятельства плавания судна.

Верп — якорь меньшего размера и веса, чем главные, то есть становые якоря судна. Когда судно не могло двигаться под парусами, верп с привязанным к нему канатом завозили вперед на шлюпке и отдавали на грунт, а затем с помощью каната подтягивали к нему судно. **Верповать судно** — подтягивать судно вперед путем последовательных завозов верпа и выбирания затем якорного каната.

Весла в воду — команда гребцам, по которой они опускают лопасти весел ребром в воду, тормозя тем самым движение шлюпки.

Вестовой — матрос, выделенный для обслуживания офицеров на судне.

Вице-адмиральский флаг — флаг, присвоенный званию вице-адмирала и поднимаемый на фок-мачте того корабля, где он находится.

Водоизмещение судна — вес воды, вытесняемой судном, равный, по закону Архимеда, весу самого судна. Измеряется в тоннах. По водоизмещению можно судить о размерах судна.

Вооружение (парусное) — парусная оснастка судна, состоящая из рангоута, такелажа и парусов. В зависимости от того, какие паруса являются основными на судне, прямые или косые (см. «Паруса»), различают суда с прямым вооружением и суда с косым вооружением. Бывают также суда со смешанным, то есть одновременно и прямым и косым вооружением (напр., бригантины). Парусное вооружение не следует смешивать с артиллерийским вооружением судов.

Ворочать — поворачивать судно.

Вступить под паруса — начать движение под парусами.

Втянуть бушприт и убрать мачты — здесь: в насмешку над своим командиром, так как на фрегате ни мачты, ни бушприт убираться не могут.

Выбирать — вытягивать, подтягивать к себе снасть.

Выбленки — веревочные (реже деревянные или металлические) ступеньки на вантах. **Выбленка** — сокращенное название выбленочного троса, из которого делались эти ступеньки.

Вымпел — длинный и узкий флаг с косицами, поднимаемый на грот-мачте и не спускаемый ни днем, ни ночью — все время, пока военный корабль находится в кампании, то есть в действии, в строю.

Вязать койки (см. «Койка») — то есть свертывать их на день в тугой рулон и увязывать (зашнуровывать) в верхний парусиновый чехол.

Г

Гакаборт — верхняя часть кормы судна, ее закругление.

Галиот — небольшое парусное судно с тупым носом, круглой кормой и косым вооружением. Использовались главным образом в прибрежном плавании. Отличались медлительностью и неповоротливостью, но зато были вместительны и просты в управлении.

Галс — снасть, которой растягиваются углы парусов, расположенные с наветренной стороны. Поэтому говорят, что если ветер дует в паруса справа, то судно идет **правым галсом**, а если слева, то **левым галсом. Лечь на другой галс** — повернуть так, чтобы иметь ветер с другой стороны. **Идти переменными галсами** — лавировать против ветра зигзагами. **Делать короткие или длинные галсы** означает соответственно делать короткие или длинные зигзаги при лавировке.

Галфвинд — курс судна, при котором ветер дует ему прямо в борт, то есть под прямым углом к курсу.

Гардемарин — переходное звание, которое получали лица, оканчивающие военно-морские учебные заведения на период приобретения ими практического опыта, необходимого для производства в офицеры.

Гарпун — оружие для охоты на крупного морского зверя; представляет собой тяжелую острогу, имеющую острый наконечник с отогнутыми назад зубьями, которые, попадая в тело животного, увязают в нем и не выходят обратно.

Гарпунный линь — тонкий, но прочный трос, привязываемый к гарпуну. Другой конец этого линя, чтобы он не запутывался, раньше обычно помещали в бочонок, где его сворачивали аккуратными кругами в так называемую бухту.

Гафель — наклонное круглое бревно, прикрепленное нижним концом к мачте и служащее для растягивания верхнего края (шкаторины) косого четырехугольного паруса. На свободном конце (ноке) гафеля самой задней, то есть бизань-мачты на ходу судна поднимается кормовой флаг.

Гик — горизонтальное круглое бревно, прикрепленное одним концом к нижней части мачты и служащее для крепления нижнего края (шкаторины) косого паруса.

Гитовы — снасти, служащие для подтягивания кверху нижних углов парусов. **Взять паруса на гитовы** — подтянуть их с помощью гитовых для уборки или при необходимости быстро уменьшить площадь парусов во время различных срочных маневров.

Грот — главный парус на грот-мачте (на грот-мачтах с прямыми парусами — самый нижний парус).

Грот-марсели — вторые снизу прямые паруса на грот-мачтах.

Грот-мачта — вторая от носа мачта на двух- и трехмачтовых судах. На четырехмачтовых судах грот-мачт две: одна — передняя (или первая), другая — задняя (или вторая). Если на судне всего одна мачта, то она также именуется грот-мачтой.

Гюйс — флаг, поднимаемый на носу военных кораблей определенного размера при стоянке их на якоре или у причала. Символизирует, что стоящий корабль является плавучей крепостью, в связи с чем гюйс иногда называют также крепостным флагом. В описываемые времена подъем своего гюйса над флагом противника означал, что его судно захвачено в плен и находится под охраной победителя.

Д

Девятифунтовая пушка — пушка, стреляющая ядрами весом в девять фунтов.

Держать (курс) — править по определенному курсу (см. «Курс»).

Деррик-фал — снасть для подъема гафеля и удержания его в нужном положении.

Дневальный — дежурный матрос, назначенный для наблюдения за порядком и сохранностью имущества в районе своего дежурства.

Дрейф — снос судна ветром. **Дрейфовать по ветру** — перемещаться под действием ветра, не имея собственного хода вперед. **Лечь в дрейф** — так расположить паруса, чтобы судно не двигалось ни вперед, ни назад.

З

Залп — одновременный выстрел нескольких орудий. **Залп всем бортом** —одновременный выстрел из всех орудий, расположенных на одном борту судна.

Заполоскали (паруса) — затрепетали по ветру. Паруса полощут, когда они располагаются в плоскости ветра, который в этом случае не надувает их, а колеблет из стороны в сторону.

Зарифленные паруса — паруса, площадь которых уменьшена с помощью рифов (см. «Рифы»).

Зыбь — пологое волнение моря без ветра, достигающее иногда огромных размеров. Наблюдается либо после шторма, когда ветер уже стих, а море еще не успокоилось, либо перед ветром, который гонит впереди себя волну.

К

Кабельтов — одна десятая морской мили, равная по длине 185,2 метра. В артиллерийском деле считают кабельтов равным 182,3 метра.

Каботажные суда — здесь: суда прибрежного плавания, совершающие рейсы между портами одной и той же страны.

Казначейский реестр — список, ведущийся военным казначейством на лиц, находящихся на денежном и других видах довольствия.

Калибр — диаметр канала ствола огнестрельного оружия. В прежнее время калибр орудий определялся весом ядер, которые оно могло бросать. Например, говорили: «трехфунтовая пушка». Это означало, что ядра к ней весят 3 фунта (около 1,5 килограмма). В настоящее время слово «калибр» употребляется и для характеристики относительной длины ствола пушек. Например, «орудие длиной в 40 калибров» означает, что длина ствола пушки равна 40 диаметрам канала ствола.

Канат — толстый трос особой выделки.

Канонир — рядовой корабельный артиллерист во времена парусного флота.

Капитан — здесь: должность, так как в описываемые времена командиры военных судов назывались также капитанами, вне зависимости от имеющегося у них воинского звания. В настоящее время

слово «капитан» по отношению к должности сохранилось только в торговом флоте (и еще в спорте — например, капитан команды). Следует отличать должность капитана от общевойскового звания «капитан». Например, в этой книге у капитана Мануэля это звание, а не должность. И, наоборот, капитаны Мансон и Барнстейбл — капитаны по должности, но не по званию.

Карронада — короткая чугунная пушка небольшого веса, благодаря чему ее можно было устанавливать на верхней палубе на носу и корме корабля. Стреляла небольшими зарядами с коротких дистанций и вследствие уменьшенной скорости ядер производила гораздо бóльшие разрушения на неприятельских судах, чем ядра обычных орудий, которые, пробивая обшивку на гораздо большей скорости, оставляли в ней лишь небольшие отверстия.

Катер — здесь: гребная шлюпка средних размеров, имеющая острые очертания (обводы) и хороший ход. Катера употреблялись главным образом для разъездов. Во времена парусного флота катерами назывались также небольшие одномачтовые парусные суда определенного типа, служившие в качестве посыльных и дозорных кораблей. Позднее название «катер» распространилось на все паровые и моторные разъездные суда, а также на небольшие военные корабли (например, сторожевые и торпедные катера).

Кают-компания — помещение для приема пищи и отдыха начальствующего состава судна.

Каютный трап — трап, ведущий из каюты в другое закрытое помещение или на палубу.

Киль — продольная балка в нижней части судна, простирающаяся от носа до кормы и служащая основанием, к которому крепятся остальные детали набора судна — корабельного скелета. На современных судах киль представляет собой металлический лист. Выражение: **«Сколько воды под килем?»** — означает: «В каком расстоянии от дна моря находится киль судна?» — то есть какой под ним запас глубины.

Кильватер — струя, остающаяся заметной некоторое время за кормой идущего судна. **Идти в кильватер** — следовать в кильватерной струе идущего впереди корабля. **Поставить другое судно себе в кильватер** — значит, вынудить его идти сзади вдогонку и лишить возможности стрелять из бортовых орудий.

Кливер — косой треугольный парус, поднимаемый между передним концом бушприта и стеньгами фок-мачты.

Клипер — судно, принадлежащее к самому быстроходному классу парусных судов. Клиперы имели острые очертания корпуса и

огромное количество парусов, которые редко убирались даже при штормовых ветрах. Так называемые «чайные клиперы» для перевозки срочного и дорогого товара — чая из Китая и Цейлона в Европу — в погоне за премиями, выплачиваемыми торговыми фирмами за быстрейшую доставку груза, достигали на этих переходах скорости в 18,4 узла, а в 1856 году клипер «Джем Бейнс» показал рекордную для парусных судов скорость в 21 узел (около 39 километров в час). Такие скорости и в наше время доступны еще далеко не всем судам с механическими двигателями, так как для их достижения необходимо затрачивать очень много топлива. Слово «клипер» происходит от английского слова clipper, что означает «режущий», «стригущий», то есть «режущий воду», «стригущий волны».

Клотик — точеный деревянный кружок, надеваемый на верхушку мачты для защиты ее от проникновения влаги вдоль слоев дерева.

Койлать (концы) — сворачивать снасти в аккуратные связки (бухты).

Командирский салон — приемная командира корабля. На парусных судах того времени обычно располагался в корме и простирался от борта до борта. Во время боя салон превращался в продолжение батарейной палубы, поэтому в нем устанавливали орудия, в том числе для стрельбы назад.

Конвой — военные корабли, сопровождающие и охраняющие в пути торговые суда. В ряде случаев так называют и караван торговых судов под охраной военных кораблей.

Конец — всякая снасть, веревка на судне. Это слово обычно применяется к сравнительно коротким снастям или снастям, прикрепленным одним концом к чему-либо.

Корабль — в парусном флоте трех- и более мачтовое судно с прямыми парусами на все мачтах. У англичан кораблем называлось всякое трехмачтовое судно. В наше время этот термин применяется преимущественно к военным судам, независимо от их назначения, размера и вооружения.

Корма — задняя оконечность (часть) судна.

Кортик — холодное оружие морских офицеров в виде короткого граненого клинка с рукояткой, употреблявшееся в абордажных боях внутри низких корабельных помещений, где с длинным оружием было трудно развернуться. В настоящее время кортик не имеет боевого значения и сохранился как принадлежность парадной формы офицеров, представляя собой небольшой кинжал в красивых ножнах с белой костяной рукояткой.

Коуш — металлическое кольцо с желобком для предохранения троса от перетирания.

Крейсер — военный корабль, предназначенный для действий на морских путях сообщения противника, несения разведывательной и дозорной службы в определенном районе, откуда и пошло слово «крейсировать». **Малый крейсер** — крейсер небольших размеров, иногда переоборудованный из быстроходного торгового судна.

Круче (к ветру) — то есть ближе к направлению, откуда дует ветер. Например, **держать круче** — править под меньшим углом к линии ветра. **Держаться круче к ветру** — править таким образом, чтобы нос судна был направлен как можно ближе к линии ветра.

Крюйт-камера — помещение на корабле для хранения взрывчатых веществ.

Кубрик — многоместное жилое помещение для команды на корабле.

Курс — направление, по которому идет судно. Различают курс судна по компасу, то есть в какую сторону направлен его нос относительно частей света (север, юг, запад, восток), и курс судна относительно ветра, то есть какой угол составляет продольная плоскость судна с линией ветра. Если этот угол острый (то есть ветер дует под углом спереди), то говорят, что судно идет **бейдевинд** (см. «Бейдевинд»); если прямой — то в **галфвинд** или в полветра (см. «Галфвинд»); если тупой — то в **бакштаг** (см. «Бакштаг»). В тех случаях, когда ветер попутный и дует прямо в корму судна, то говорят, что оно идет на **фордевинд** (см. «Фордевинд»). И наоборот: если ветер дует прямо навстречу, то говорят, что он дует в лоб.

Л

Лавировка — движение парусного судна против ветра зигзагами.

Лайба — тип каботажного парусного судна. Здесь: презрительно о тихоходном торговом судне, перевозящем уголь.

Лейтенант — первоначально означало «заместитель» (буквально в переводе с французского «местодержатель», «местопреемник» командира), то есть не воинское звание, а должность, и притом весьма высокую. **Первый лейтенант** — старший помощник капитана (старший офицер), **второй лейтенант** — второй помощник и т. д. Впоследствии слово «лейтенант» превратилось в военно-морское, а затем и в общевойсковое офицерское звание.

Лига — старинная мера расстояния. Одна морская лига равна 3 морским милям, или 5,56 километра.

Ликтрос — мягкий трос, которым обшиваются кромки парусов.

Линейный корабль — во времена парусного флота самые большие двух- и трехпалубные военные корабли, имевшие мощное артиллерийское вооружение. Во время боя с противником они обычно выстраивались друг за другом в одну линию, откуда и получили свое название. Впоследствии от этого произошло современное слово «линкор», обозначающее наиболее крупный корабль, предназначенный для нанесения противнику мощных артиллерийских ударов.

Линь — тонкий (17 миллиметров в окружности) и прочный трос из растительного волокна.

Лисели — дополнительные паруса, которые ставились по бокам от основных прямых парусов.

Лисель-спирты — выдвижные продолжения реев, на которых поднимались лисели.

Лишить ветра — вынудить противника занять такую позицию, чтобы он попал в полосу безветрия.

Лопасть весла — плоская часть весла, опускаемая при гребле в воду.

Лорд-адмирал — лорд, возглавляющий британское адмиралтейство. Самая высшая должность в английском флоте; по существу — морской министр.

Лот (ручной) — приспособление для измерения глубины, состоящее из свинцовой или чугунной гири и тонкого, но прочного троса — лотлиня с вплетенными в него метками из кожи и кусочков цветной шерстяной ткани. **Накинуть лот** — бросить гирю лота в воду, чтобы измерить глубину. **Лотовый** — человек, бросающий лот.

Лоцман — человек, хорошо знакомый с условиями плавания в определенном, чаще всего прибрежном, районе. Обязанность лоцмана давать советы капитану по проводке судна в опасных и трудных местах; однако присутствие лоцмана не освобождает капитана от ответственности за безопасность плавания судна.

М

Марсели — вторые снизу прямые паруса на мачте.

Марсовая площадка — на парусных судах площадка, устраиваемая в месте соединения мачты с ее верхним продолжением — стень-

гой и служащая для разноса в стороны вант, удерживающих стеньгу (стень-вант), а также для разных других работ по управлению парусами.

Марсовые — матросы, работающие на марсовой площадке.

Мачта — вертикально или слегка наклонно установленное рангоутное дерево, служащее на парусных судах для несения парусов. Мачты на больших судах, как правило, делались составными. Собственно мачтой (или колонной мачты) называется только ее нижнее колено. Второе, выше расположенное, колено называется **стеньгой**, еще выше идет **брам-стеньга**, затем **бом-брам-стеньга** и наконец верхушка мачты, на которой поднимается флаг, — **флагшток**.

Мидель — середина длины судна.

Миля морская — единица расстояния на море, равная одной минуте (1′) дуги земного меридиана, или 1852 метрам. В США длина мили принимается равной 1853,2 метра.

Мористее — то есть дальше от берега.

Морская пехота — особый род войск, предназначенный для нужд морской войны и, в частности, высадки десантов на побережье противника. Во времена парусного флота морская пехота часто придавалась военным кораблям также для помощи в ведении абордажных боев. **Командир морской пехоты** подчинялся командиру корабля, которому придавалось его подразделение.

Н

Наветренная сторона — сторона судна, подверженная действию ветра. Например, если ветер дует судну в правый борт, то этот борт считается наветренным. Если одно судно подходит к наветренному борту другого судна, то говорят, что оно подходит к нему **с наветра**. Все предметы, расположенные с наветренной стороны судна, считаются наветренными — например, **наветренные руслени**. **Идти прямо на ветер** — то есть развернуться носом в наветренную сторону и стать против ветра.

Нагели — гладкие, без резьбы, длинные болты, с фасонной удлиненной головкой, вставляемые в отверстия специальных планок с внутренней стороны фальшборта или в обойму у основания мачты. Употребляются для крепления за них различных снастей.

Надстройка — закрытое помещение корабля, расположенное выше верхней палубы и простирающееся от борта до борта. Здесь — иронически о прежних ранениях Болтропа в части тела, где это не угрожало жизни.

Накат — сильная придонная волна во время прибоя или прилива.

Норд-ост — северо-восток; может означать и северо-восточный ветер, дующий от северо-востока.

Нос — передняя оконечность (часть) судна.

О

Обстенены (паруса) — поставлены в положение, при котором ветер дует в их переднюю сторону, прижимая к стеньгам и мачтам. При обстененных парусах судно получает задний ход.

Оверштаг (см. «Поворот оверштаг»).

Орудийный (пушечный) порт — отверстие в борту судна или в фальшборте для стрельбы из артиллерийских орудий.

Острога — рыболовное орудие, состоящее из деревянного или металлического шеста с острым зазубренным наконечником, обычно в виде трезубца.

Ост-тень-норд — направление по компасу. **Держать на ост-тень-норд** — значит править на один румб севернее восточного направления (см. «Румб»).

Отбой (тревоги) — сигнал, по которому личному составу корабля разрешается покинуть свои места по боевому расписанию. (Это расписание указывает, кто где должен находиться во время боя.)

Отбрасопить реи (см. «Брасы»).

Отдать — отвязать, отпустить ранее закрепленную снасть или конец.

Отдать концы — освободиться от тросов, удерживающих судно у причала. В романе это выражение встречается в переносном смысле: «отдать концы с этого света», то есть умереть.

Отдать якорь — освободить крепления, удерживающие якорь на судне, чтобы он ушел в воду. **Выбрать якорь** — вытащить якорь за якорный канат обратно на судно.

Отдать якоря «гуськом» — то есть в линию один за другим на одном удлиненном якорном канате. При такой отдаче якоря лучше держат в грунте.

Открыть огонь — здесь: обнаружить с судна огонь маяка на берегу. «Открыть огонь» может также означать команду «начать стрельбу».

Отсеки — отделения, на которые разделен корпус судна внутренними перегородками — переборками.

П

Пал (у шпиля) — металлический брусок, не позволяющий шпилю раскручиваться в обратную сторону под натяжением каната. **Взять шпиль на пал** — то есть ввести в действие пал.

Палуба — сплошное горизонтальное перекрытие, настил на судне. Ряд палуб, расположенных одна над другой, как бы разделяет судно на этажи (ярусы). Верхняя палуба защищает судно от проникновения в него воды сверху. Палубой называется также пол в каютах и других судовых помещениях.

Паруса сшиваются из отдельных полос парусины. В зависимости от формы и способа крепления паруса подразделяются на: а) **прямые паруса,** имеющие форму симметричных трапеций и привязываемые к реям — круглым горизонтальным бревнам, подвешенным к мачтам и стеньгам за середину. Эти паруса располагаются один над другим в несколько ярусов. Нижний парус носит название той мачты, на которой он поднят, то есть **фок, грот** и **бизань.** Вторые снизу паруса носят название **марсели,** третьи — **брамсели,** четвертые — **бом-брамсели.** При очень высоких мачтах марселей и брамселей может быть по два; в этом случае они делятся на верхние и нижние — например, нижний марсель и верхний марсель. Иногда выше бом-брамселей поднимаются еще **трюмсель** и **мунсель.** К названиям всех парусов, начиная со второго снизу, добавляется приставка: на фок-мачте — **фор** — например, «фор-марсель»; на грот-мачте — **грот** — например, «грот-брамсель»; на бизань-мачте — **крюйс** — например, «крюйс-бом-брамсель»; б) **косые паруса,** имеющие форму неправильных трапеций или треугольников. В отличие от прямых парусов, косые паруса крепятся непосредственно к мачтам, причем не верхней, а передней своей стороной. Нижняя кромка косого паруса растягивается вдоль горизонтального круглого бревна — **гика** (см. «Гик»), а верхняя, если парус четырехугольный, — вдоль наклонного круглого бревна — **гафеля** (см. «Гафель»). И тот и другой прикреплены своими передними концами к мачте и могут поворачиваться вправо и влево. Кроме основных парусов, поднимаемых на мачтах, на каждом парусном судне, как с прямым, так и с косым вооружением (см. «Вооружение»), обычно имеются также косые паруса треугольной формы, поднимаемые между мачтами и над бушпритом (см. «Бушприт») на тросах (штагах), удерживающих мачты и стеньги спереди. Эти паруса крепятся своей передней кромкой (шкаториной) и называются **стакселями.** Треугольные косые паруса, поднимаемые между передним концом бушприта и верхними стеньгами фок-мачты, называются **кливерами** (см. «Кливер»). На-

звания основных косых парусов такие же, как и у мачт, на которых они поднимаются. К названиям стакселей спереди добавляется такая же приставка, как и у прямых парусов, и, кроме того, название стеньги, на штаге которой поднят данный стаксель, — например, «фор-стеньги-стаксель», «грот-брам-стаксель», «крюйс-бом-брам-стаксель» и т. п.

Пеленг — направление с судна на какой-либо предмет — например, на маяк — по компасу. **Взять пеленг** — то есть определить направление на какой-либо предмет.

Переборки — вертикальные перегородки, разделяющие внутренность судна на отсеки. Во времена парусного флота лишние переборки перед боем убирались.

Плавучая батарея — во времена парусного флота несамоходное или гребное судно, вооруженное артиллерией. Использовалось главным образом в прибрежной войне.

Плетеный линь — тонкий трос, не свитый, а сплетенный из прочных тонких нитей. Употребляется там, где нежелательно скручивание.

Поворот оверштаг — поворот парусного судна с одного галса на другой, когда оно пересекает линию ветра носом, то есть начинает поворачивать в ту сторону, **откуда** дует ветер. Применяется также **поворот через фордевинд**, при котором судно пересекает линию ветра кормой, начиная поворачивать в ту сторону, **куда** дует ветер.

Подветренная сторона — сторона судна, противоположная той, которая подвержена действию ветра (см. «Наветренная сторона»). Например, если ветер дует судну в правый борт, то подветренным считается левый борт. **Покатиться под ветер** — начать разворачиваться носом в подветренную сторону. **Сносит под ветер** — сносит в подветренную сторону. **Заставить противника оказаться у нас с подветра** — то есть с подветренной стороны. Во времена парусного флота судно, участвовавшее в бою с подветренной стороны от своего противника, имело меньше возможностей для свободного маневра.

Подобрать — подтянуть. **Подобрать паруса** — подтянуть их к реям с помощью гитовых. **Подобрать канат (якорный)** — подтянуть канат.

Поднять сигнал (флажный) — поднять сигнальные флаги, сочетание которых имеет определенное значение (см. «Свод сигналов»).

Подшкиперская — боцманская кладовая, служащая для хранения различного корабельного имущества и материалов (тросов, парусины, красок и т. п.).

Показать корму — здесь: повернуться кормой к неприятелю, то есть попросту удирать от него.

Полнее (держать) — править под большим углом к линии ветра.

Положить руля — повернуть руль.

Полуштык — морской узел. Из двух полуштыков состоит более сложный узел — штык.

Посыльное судно — небольшое судно для связи между кораблями эскадры либо между эскадрой и берегом.

Приводиться (к ветру) — править круче, то есть ближе к линии ветра. Изменить курс таким образом, чтобы нос судна был направлен под более острым углом к линии ветра. **Судно приводится к ветру** — разворачивается носом к ветру.

Принайтовить — укрепить неподвижно с помощью тросов.

Приспускаться (под ветер) — править менее круто к ветру, увеличивая угол между носом корабля и направлением ветра.

Пробковый пояс — спасательный пояс из пробки, обшитой парусиной.

Просмоленная пенька — материал, из которого во времена парусного флота обычно изготовлялись якорные канаты и другие тросы.

Прямо по носу — то есть впереди точно по направлению движения судна.

Р

Раздернуть — совершенно ослабить, распустить. **Раздернуть паруc** — совершенно ослабить, распустить парус, предоставив ему свободно полоскаться по ветру.

Рангоут — буквально «круглое дерево». На парусном судне совокупность всех деревянных частей, служащих для несения парусов, как-то: мачты, стеньги, бушприт, реи, гики, гафели и т. п. В описываемые времена рангоут изготовлялся из дерева, откуда и получил свое название; позднее — из полых металлических труб.

Реи — круглые бревна, подвешиваемые к мачтам и стеньгам за середину в несколько ярусов и служащие для привязывания к ним прямых парусов. Реи можно поворачивать в горизонтальной плоскости с помощью снастей, именуемых брасами, и таким образом ставить паруса в нужное положение относительно ветра. Для работы на реях под ними устраивались подвески для ног — перты.

Рифы — а) гряда подводных камней или коралловых образований, скрытых под водой или едва выступающих над ее поверхностью; б) завязки на парусах, расположенные в несколько рядов, с помощью которых при необходимости уменьшают площадь парусов. **Взять рифы** — уменьшить площадь парусов с помощью рифов. **Взять по два рифа** — взять два ряда рифов. Судно **под зарифленными парусами** — судно под парусами, на которых взяты рифы. **Отдать рифы** — распустить рифы, увеличив тем самым площадь парусов.

Риф-штерты — снасти, с помощью которых берутся рифы на косых парусах путем подтягивания их к гикам.

Румб — деление окружности горизонта, принятое в старинных морских компасах. Один румб равен $^1/_{32}$ части окружности или углу в $11^1/_4$ градуса (одиннадцать с четвертью градуса). Это деление сохранилось и в современных морских компасах, наряду с делением окружности на 360 градусов, так как удобно для приближенной оценки направления. Основные румбы: норд (север), зюйд (юг), ост (восток) и вест (запад). Норд-ост (северо-восток) обозначает направление, среднее между севером и востоком; ост-норд-ост (восток-северо-восток) обозначает направление, среднее между востоком и северо-востоком; «норд-ост-тень-ост» означает «норд-ост и один румб к осту».

Рубить канат — сняться с якоря, не выбирая его, а перерубив для быстроты якорный канат.

Румпель — рычаг, насаженный на верхнюю часть (голову) руля, с помощью которого его поворачивают. На малых судах руль поворачивают непосредственно румпелем; на более крупных судах румпель поворачивается специальным приводом от штурвального колеса. На современных судах для поворота руля используются специальные рулевые машины, приводимые в движение от механических двигателей.

Рундук — сундук, ящик с крышкой, устанавливаемый во внутренних помещениях корабля для хранения личных вещей. В ночное время на рундуках можно спать.

Русленi — площадки по бортам парусного судна, служащие для крепления нижних концов вант. С русленей обычно бросали ручной лот. **Грот-русленi** — русленi, к которым крепятся ванты грот-мачты. **Наветренные грот-русленi** — грот-русленi, расположенные на наветренном борту судна.

С

Сажень — морская, или английская, сажень равна 6 футам, или 1,83 метра.

Сбор — сигнал, по которому весь экипаж корабля вызывается на верхнюю палубу или на установленные места. **Играть сбор** — подавать сигнал сбора. Во времена парусного флота сигналом сбора служил барабанный бой.

Свистать всех наверх — специальный сигнал дудкой, по которому весь личный состав корабля выбегает на верхнюю палубу.

Свод сигналов — комплект сигнальных книг для составления передаваемых и разбора принятых сигналов.

Сезни — куски троса, которыми прямой парус при его уборке крепится в свернутом виде поверх своего рея. **Обносить сезни** — значит, обводить их вокруг рея и заваленного на него паруса.

Сигнальные книги — собрание условных сигналов, подаваемых флагами. Одна книга обычно служит для набора сигналов, то есть для их составления, а другая — для разбора, то есть для расшифровки принятых сигналов.

Сигнальщик — матрос, обученный сигнальному делу и несущий на корабле службу наблюдения и связи.

Склянки — стеклянные песочные часы в деревянной оправе, в которых песок пересыпается из верхней части в нижнюю в течение определенного времени — обычно за полчаса. После того как весь песок пересыпался, склянки переворачивали. Во времена парусного флота до изобретения пружинных часов, не зависящих от качки судна, у песочных часов безотлучно стоял вахтенный и каждые полчаса бил в колокол. Отсюда пошло выражение «бить склянки». Счет склянок начинается с полудня и повторяется каждые четыре часа, причем целому часу соответствует двойной удар в колокол, а получасу — одинарный.

Снасть — всякая веревка на судне, для чего-либо предназначенная.

Собачья вахта — обиходное название самой трудной вахты с полуночи до четырех часов утра, когда больше всего хочется спать. Здесь — в переносном смысле, так как лоцмана встречали на берегу вечером, а не ночью.

Совет военный — совещательный орган при старшем командире. На корабле на военный совет приглашаются все офицеры, причем опрос мнений начинается с самого младшего по званию и должности.

Сплеснить — срастить, соединить наглухо два троса, вплетя их один в другой. Здесь — в переносном смысле: «соединить с девицей на всю жизнь».

Спускаться (под ветер) — то же самое, что приспускаться, но только в большей мере (см. «Приспускаться»).

Становые якоря — основные якоря, на которых судно обычно становится. Один из двух становых якорей делался немного больше и назывался **лучшим.**

Станок — основание, на котором крепится пушка на судне. Во времена парусного флота эти станки были деревянными и снабжались колесиками, на которых откатывалось орудие при выстреле.

Стапель — наклонный помост, на котором строится корабль и по которому он спускается на воду.

Створ — совмещение двух предметов на одной линии, наблюдаемое с судна. Если наблюдатель на судне видит береговые предметы, которые совмещаются — створятся, то, следовательно, судно находится на прямой линии, проходящей через эти предметы.

Стеньги — верхние продолжения мачт. Во времена парусного флота на военных кораблях стеньги в ряде случаев делали убирающимися, и их можно было поднимать и спускать в зависимости от обстоятельств.

Стоп-анкер — якорь меньшего размера и веса, чем основные — становые якоря судна. Во времена парусного флота стоп-анкеры отдавались с кормы, когда нужно было быстро остановить движение судна, откуда они и получили свое название («стоп» — по-английски остановка, «анкер» — якорь).

Судовой журнал — то же, что и вахтенный журнал (см. «Вахтенный журнал»).

Счисление (пути) — расчет местонахождения судна по направлению его движения (курсу) и пройденному расстоянию.

Стюард — слуга, буфетчик.

Т

Табань — команда на шлюпке, по которой гребцы начинают табанить, то есть грести в обратную сторону, с тем чтобы придать шлюпке задний ход или развернуть ее на месте (в последнем случае табанят гребцы только одного борта).

Такелаж — совокупность всех снастей на судне. **Бегучий такелаж** — такелаж, служащий для маневров с парусами и проходящий через блоки. Во время работы с парусами снасти бегучего такелажа приходится то травить, то выбирать. **Стоячий такелаж** — совокуп-

ность всех неподвижных снастей, служащих главным образом для крепления мачт, стеньг и т. п.

Тендер — определенный тип одномачтового парусного судна с горизонтальным выдвижным бушпритом и небольшого (50—100 тонн) водоизмещения. В военном флоте тендеры использовались как дозорные и посыльные суда, а также в качестве судов прибрежной охраны. Артиллерийское вооружение тендеров состояло из 8—12 пушек небольшого калибра. Иногда тендеры назывались также катерами, или коттерами.

Топ мачты — верхний конец мачты, ее верхушка.

Торнадо — а) североамериканское название особенно сильных шквалов; б) западноафриканское название сильного шквала с дождем.

Травить — ослаблять, отпускать, выпускать снасть. **Травить (якорный) канат** — выпускать якорный канат за борт. Здесь: чтобы удлинить якорный канат, войти в полосу прибоя.

Трап — всякая лестница на судне. **Забортный трап** — трап для доступа на судно с наружной стороны — из-за борта. Он делается убирающимся.

Трос — общее название всякой веревки, применяемой на судне. Вообще же тросы бывают из растительного волокна и из стальной проволоки.

Трюмсель — название одного из самых верхних прямых парусов (см. «Паруса»).

У

Увалиться (под ветер) — изменить курс судна, отвернув носом от линии ветра, уйти с курса другого судна в подветренную сторону.

Угольщик — судно, занимающееся перевозкой угля.

Узел — в морском деле не только узел, который можно завязывать и развязывать, но также и мера скорости, равная одной миле в час или 0,514 метра в секунду.

Узкость — район, где свобода маневров судна ограничена вследствие близости берегов, мелей, рифов, скал и других препятствий.

Уключины — развилки, в которые вставляются весла.

Унтер-офицер — младший офицер, старшина.

Ф

Фалинь — трос для привязывания шлюпки. Обычно каждая шлюпка имеет два фалиня — носовой и кормовой. **Приспустить шлюп-**

ку на фалине — потравить (отпустить) фалинь таким образом, чтобы шлюпка отошла от борта судна на некоторое расстояние.

Фалрепные — матросы, выделенные для встречи и проводов лиц командного состава.

Фалы — снасти для подъема и удержания в требуемом положении парусов вместе с реями и гафелями, к которым крепятся их верхние кромки (шкаторины). **Отдать фалы** — отпустить фалы, чтобы спустить паруса.

Фальшборт — продолжение борта, возвышающееся по краям открытых палуб для защиты от воды, неприятельских ядер и предохранения людей от падения за борт.

Фарватер — проход между подводными опасностями (мелями, рифами, скалами и т. п.), имеющий глубину, достаточную для безопасного плавания судна.

Флагман — командир соединения кораблей. Корабль, на котором находится флагман, называют флагманским кораблем или просто «флагманом».

Фрегат — во времена парусного флота трехмачтовый корабль, второй по величине после линейного корабля. **Фрегаты** имели до 60 пушек, расположенных на двух палубах — верхней открытой и нижней закрытой.

Флюгер — прибор, указывающий направление ветра.

Флюгарка (здесь: уменьшительно от слова «флюгер») — небольшой флажок или конус из ткани яркой расцветки. На парусных судах флюгарки обычно устанавливали с обоих бортов для контроля за направлением ветра, чтобы правильно нести паруса.

Фок — главный (на судах с прямым вооружением — самый нижний) парус на фок-мачте.

Фока-рей — самый нижний рей на фок-мачте.

Фор-бом-брамсель — один из верхних прямых парусов на фок-мачте (см. «Паруса»).

Фордевинд — курс, при котором ветер попутный, то есть дует прямо в корму судна. **Ложиться на фордевинд** — изменить курс таким образом, чтобы ветер дул прямо в корму. **Идти на фордевинд** — идти курсом фордевинд.

Фор-стеньги-стаксель — косой треугольный парус, поднимаемый над носом судна на тросе (штаге), соединяющем стеньгу фок-мачты (фор-стеньгу) с бушпритом и удерживающем ее спереди.

Форштевень — вертикальный брус, образующий острие носа судна и соединенный внизу с килем. На деревянных судах парусного фло-

та оковывался металлической полосой. На современных судах со стальными корпусами форштевни делают коваными или литыми.

Фут — старинная мера длины, принятая и в настоящее время в английском и американском флотах. Один фут равен 12 дюймам, или 30,48 сантиметра.

Ш

Шканцы — на парусных судах самая верхняя палуба или помост на корме судна (обычно палуба юта), где находились командир и вахтенные офицеры судна. Шканцы считались самым почетным местом на корабле.

Шкаторина — кромка паруса, обшитая ликтросом. **Подветренная шкаторина** — задняя шкаторина косого паруса.

Шквал — внезапно налетающий ветер, продолжающийся короткое время.

Шкимушка — тонкая веревочка, свитая вручную из волокон смоленого троса.

Шкоты — снасти для управления нижними углами парусов.

Шлагтов — брус, которым стеньга удерживается в поднятом положении.

Шлюпки — собирательное название всех мелких морских судов.

Шлюпочный якорь — небольшой якорь, иногда складной, употребляемый на шлюпках.

Шпангоуты — поперечные ребра корабельного скелета (набора). Здесь: горькая ирония раненого Болтропа над своими поврежденными ребрами.

Шпигат — отверстие в фальшборте или палубном настиле для стока за борт воды, попавшей на палубу. Выражение **«Вода пузырится в подветренных шпигатах»** означает, что судно имеет такой крен на подветренный борт, что вода поступает в шпигаты из-за борта.

Шпиль — особый ворот, устанавливаемый на судах на носу и корме для выбирания якорных и других канатов. На судах парусного флота приводился в действие вручную матросами, которые ходили вокруг шпиля, вращая его с помощью **вымбовок** — брусьев, вставляемых в верхнюю часть (голову) шпиля радиально в специальные гнезда. Отсюда пошло выражение **«выхаживать якорь»** и команда **«пошел шпиль»**.

Штиль — затишье, полное безветрие.

Штирборт — правый борт судна, если смотреть с кормы на нос.

Штормтрап — веревочная лестница с деревянными ступеньками, спускаемая за борт судна при волнении моря, когда нельзя спустить обычный забортный трап.

Штурвал — рулевое колесо с ручками, с помощью которого поворачивается через специальную передачу руль судна.

Штурман — лицо командного состава судна, ведающее вопросами судовождения (кораблевождения). Во времена парусного флота штурманы обычно были выходцами из простонародья и хотя считались офицерами, но носили не флотские, а общевойсковые звания и были самыми низшими по должности. На штурманов, помимо их основных обязанностей, возлагались также различные хозяйственные дела, считавшиеся недостойными остальных офицеров.

Шхуна — двух- и более мачтовое парусное судно с косым вооружением.

Ю

Юнга — подросток, обучающийся на судне морскому делу, будущий матрос.

Ют — кормовая часть палубы от бизань-мачты до гакаборта. В настоящее время ютом называют также возвышенный уступ в кормовой части судна, то есть уже не палубу, а надстройку.

Я

Якорь — приспособление для удержания судна на месте при стоянках на свободной воде. При стоянках на якоре судно соединяется с якорем якорным канатом. **Якорные** канаты раньше делались из смоленого пенькового троса, а позднее из толстой, прочной цепи. Несмотря на то что пеньковые канаты давно вышли из употребления, термин «якорный канат» и до сих пор прочно бытует на судах, хотя обозначает он якорную цепь.

Якорная скоба — скоба, которой якорь крепится к якорному канату.

Ялик — маленькая двух- или четырехвесельная шлюпка.

Составил Ю. Медведев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I 5
Глава II 13
Глава III 22
Глава IV 29
Глава V 39
Глава VI 52
Глава VII 64
Глава VIII 74
Глава IX 84
Глава X 96
Глава XI 107
Глава XII 115
Глава XIII 125
Глава XIV 135
Глава XV 146
Глава XVI 158
Глава XVII 172
Глава XVIII 182
Глава XIX 195
Глава XX 211
Глава XXI 222
Глава XXII 230
Глава XXIII 243
Глава XXIV 255
Глава XXV 272
Глава XXVI 281
Глава XXVII 293
Глава XXVIII 305
Глава XXIX 316
Глава XXX 329
Глава XXXI 337
Глава XXXII 350
Глава XXXIII 362
Глава XXXIV 381
Глава XXXV 393
А. Наркевич. «Лоцман» Фенимора Купера . . 402
Ю. Медведев. Краткий словарь морских терминов 421

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Фенимор Купер

ЛОЦМАН

Роман

Ответственный редактор **Н. В. Шерешевская.**
Художественный редактор **С. Н. Нижняя.**
Технический редактор **Г. М. Фивег.**
Корректора
В. Л. Данилова и Е. Н. Трушковская.

Сдано в набор 9/VII 1959 г. Подписано к печати 17/IX 1959 г. Формат 84 × 108¹/₃₂ — 14 печ. л. = 23 усл. печ. л. (23,58 уч.-изд. л.).
Тираж 150 000 экз. Цена 9 р. 60 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 2296

* * * * *

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Для детей среднего и старшего школьного возраста в 1959 году выйдут следующие произведения зарубежной литературы.

Лу Синь

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ А-КЬЮ.
Избранные рассказы.
Перевод с китайского.

Ф. Шиллер

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ.
Драма в пяти действиях.
Перевод с немецкого.

СКАНДИНАВСКИЕ СКАЗАНИЯ О БОГАХ И ГЕРОЯХ.
Прозаический пересказ для детей.

Маршак С.

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ.
Сборник переводов из Шекспира, Бёрнса, Гейне, Петефи и др.

Садовяну М.

ЗЕЛЕНЫЙ ФАРТУК.
Рассказы.
Перевод с румынского.

Додж М.

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ.
Повесть.
Перевод с английского.

Обращайтесь за этими книгами в ваши школьные библиотеки и книжные магазины.

9р. 60к.